

Казанский
Инновационный
Университет
имени В. Г. Тимирязева

Минцифра
Республики
Татарстан

KAZAN
DIGITAL
WEEK
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ

22 десятилетие
науки
и технологий 31

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

В шести томах

Том 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЗНАНИЕ»

Как цитировать: Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – 356 с. EDN: MBUFZG. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0814-7_1_356

For citation: Digital Technologies and Law: collection of scientific articles of the II International Scientific and Practical Conference (Kazan, 2023, September 22) / I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova (Eds.). In 6 vol. Vol. 1. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2023. – 356 p. EDN: MBUFZG. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0814-7_1_356

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
II Международной научно-практической конференции

22 сентября 2023 г.

г. Казань

В шести томах

Том 1

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

Collection of scientific articles
of the II International Scientific and Practical Conference

2023, September 22

Kazan

In 6 volumes

Volume 1

УДК 004:34(063)

ББК 67с51я43

Ц75

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Редакторы:

И. Р. Бегишев, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;

Е. А. Громова, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета;

М. В. Залоило, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

И. А. Филипова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

А. А. Шутова, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Рецензенты:

А. К. Жарова, доктор юридических наук, доцент, директор Центра исследований киберпространства, ассоциированный член Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Е. А. Русскевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Э. В. Талапина, доктор юридических наук, доктор права (Франция), ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

К. Л. Томашевский, доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;

Ю. С. Харитонов, доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ц75 **Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции** (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громоу, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – 356 с. EDN: MBUFZG. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0814-7_1_356

ISBN 978-5-8399-0820-8

ISBN 978-5-8399-0814-7 (Том 1)

Вошедшие в сборник научные труды приурочены к II Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право», состоявшейся 22 сентября в Казани в рамках Международного форума Kazan Digital Week 2023, организуемого Правительством Российской Федерации совместно с Кабинетом Министров Республики Татарстан.

Широкий круг рассмотренных на конференции теоретико-методологических и практико-ориентированных, междисциплинарных и отраслевых вопросов связан с приоритетами правового развития цифровых технологий, нормативным регулированием цифровой среды, перспективами правового воздействия на формирующиеся и новые общественные отношения, когнитивно-поведенческие паттерны в условиях цифровизации и алгоритмизации социального программирования, автоматизированного принятия правовых решений операционно-интеллектуальными системами, доминирования цифровых платформ на цифровом рынке, технологических инноваций и многим другим.

Научные труды представленного тома систематизированы по современным трендам развития цифровых технологий в системе теоретико-исторических правовых наук и публично-правовых (государственно-правовых) отношений.

Нашедшие отражение в многотомном издании идеи и предложения в своей совокупности являются ключом к пониманию интеллектуальной карты смыслов, которые будут интересны ученым-правоведам и экспертам в области цифровых технологий, практикующим юристам, представителям правотворческих и правоприменительных органов, государственным служащим и участникам реального сектора экономики, включая разработчиков и производителей продуктов достижений цифровых технологий, молодым исследователям-студентам, магистрантам и аспирантам, всем интересующимся вопросами взаимовлияния цифровых технологий и права.

УДК 004:34(063)

ББК 67с51я43

© Авторы статей, 2023

© Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова, 2023

ISBN 978-5-8399-0820-8

ISBN 978-5-8399-0814-7 (Том 1)

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

*Published by the decision of the Editorial-Publishing Board
of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov*

Editors:

I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of the Research Institute of Digital Technologies and Law, Professor of the Department of Criminal Law and Process of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov;

E. A. Gromova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Director of the Law Institute for International Activities, Associate Professor of the Department of Business, Competition and Environmental Law at South Ural State University;

M. V. Zaloilo, Cand. Sci. (Law), leading researcher at the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

I. A. Filipova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor and Environmental Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky;

A. A. Shutova, Cand. Sci. (Law), senior researcher at the Research Institute of Digital Technologies and Law, associate professor of the department of criminal law and process of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov

Reviewers:

A. K. Zharova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Center for Cyberspace Research, Associate Member of the International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair in Copyright, Related, Cultural and Information Rights” of the National Research University Higher School of Economics;

E. A. Russkevich, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin;

E. V. Talapina, Dr. Sci. (Law), Doctor of Law (France), leading researcher at the Center for Public Administration Technologies of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

K. L. Tomashevsky, Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov;

Yu. S. Kharitonova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy, Professor of the Department of Business Law at Lomonosov Moscow State University

Digital Technologies and Law: collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference (Kazan, 2023, September 22) / I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova (Eds.). In 6 vol. Vol. 1. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2023. – 356 p. EDN: MBUFZG. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0814-7_1_356

ISBN 978-5-8399-0820-8

ISBN 978-5-8399-0814-7 (Vol. 1)

The scientific works included in the collection are timed to coincide with the II International Scientific and Practical Conference “Digital Technologies and Law”, held on September 22 in Kazan as part of the International Forum “Kazan Digital Week 2023”, organized by the Government of the Russian Federation jointly with the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan.

A wide range of theoretical, methodological and practice-oriented, interdisciplinary and sectoral issues discussed at the conference are related to the priorities of the legal development of digital technologies, regulatory regulation of the digital environment, prospects for legal influence on emerging and new social relations, cognitive-behavioral patterns in the context of digitalization and algorithmization of social programming, automated legal decision-making by operational-intelligent systems, the dominance of digital platforms in the digital market, technological innovation and much more.

The scientific works of the presented volume are systematized according to modern trends in the development of digital technologies in the system of theoretical-historical legal sciences and public-legal (state-legal) relations.

The ideas and proposals reflected in the multi-volume publication in their entirety are the key to understanding the intellectual map of meanings that will be of interest to legal scholars and experts in the field of digital technologies, practicing lawyers, representatives of law-making and law enforcement bodies, government officials and participants in the real sector of the economy, including developers and manufacturers of products of digital technology achievements, young student researchers, undergraduates and graduate students, everyone interested in the mutual influence of digital technologies and law.

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

ISBN 978-5-8399-0820-8
ISBN 978-5-8399-0814-7 (Vol. 1)

© Authors of articles, 2023
© Kazan Innovative University
named after V. G. Timiryasov, 2023

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ НАУК

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Ю. С. Балалаева,
адъюнкт,
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА: ОПЫТ НИДЕРЛАНДОВ

Аннотация. Целью исследования является изучение опыта цифровой трансформации правотворческой деятельности в Нидерландах на примере функционирования онлайн-системы цифровой информации о законодательстве в области окружающей среды и пространственного планирования (The Digital System Environment and Planning Act). Анализ особенностей функционирования указанной системы позволяет выявить возникающие для современного законодателя вызовы, преодоление которых будет способствовать дальнейшему совершенствованию данной системы и созданию на ее основе единой онлайн-системы обеспечения правотворческого процесса в целом, что позволит значительным образом его оптимизировать. Среди главных вызовов отмечают: отсутствие единообразия в правовой системе, несовершенство используемого в нормативных правовых актах естественного языка. Делается вывод о том, что опыт Нидерландов в области функционирования онлайн-системы цифровой информации о законодательстве в области окружающей среды и пространственного планирования может быть использован на начальном этапе цифровизации правотворческой деятельности в России.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, правотворческий процесс, правотворческая деятельность, искусственный интеллект, онлайн-система

DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW-MAKING: THE EXPERIENCE OF THE NETHERLANDS

Abstract. The purpose of the study is to study the experience of digital transformation of lawmaking in the Netherlands. The author's interest in this state is due to the fact that from January 1, 2023, an online system of digital information on legislation in the field of environment and spatial planning (the Digital System Environment and Planning Act – DSO) began functioning there. An analysis of the peculiarities of the functioning of this system is necessary, since it allows us to identify the challenges emanating from it for the modern legislator. Overcoming these challenges will contribute to further

improvement of the system. The main challenge here – the lack of uniformity in the legal system and the imperfection of the natural language used in regulatory legal acts. To sum up, the experience of the Netherlands can be used in Russia.

Keywords: law, digital technologies, lawmaking process, lawmaking activity, artificial intelligence, online system

Введение. Одним из веяний цифровизации является активное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта в целях оптимизации различных процессов. На архиважное значение новых «сквозных» цифровых технологий часто обращает внимание Президент РФ В. В. Путин. Так, выступая на заседании наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей», глава государства сравнил разработку искусственного интеллекта с разработкой атомных проектов в советское время [11].

Особо значимым представляется рассмотрение перспектив использования данных технологий в правотворческом процессе. Это обусловлено его информационной природой. Деятельность уполномоченных органов, связанная с подготовкой, принятием, изменением и отменой нормативных правовых актов, характеризуется концентрацией больших массивов информации, данных, которые должны быть обработаны ее субъектами. Ключевым преимуществом искусственного интеллекта является возможность работы с большими данными, их анализ, позволяющий находить полезные и доступные решения в различных сферах человеческой деятельности. Очевидно, что современный законодатель остро нуждается в таком инструменте, который не только окажет ему помощь в осуществлении законодательных процедур, но и усилит интерактивный характер взаимодействия между органами государственной власти и гражданами.

Стоит отметить, что, по мнению зарубежных авторов, «новые информационные и телекоммуникационные технологии существенным образом улучшили возможности для поиска, отбора и объединения огромного количества информации, генерируемой и используемой правительством...» [6. С. 364–369]. Полагаем, что связанное с искусственным интеллектом дальнейшее совершенствование данных технологических решений позволит получить новые положительные результаты, в том числе в сфере правотворческой деятельности. Они будут заключаться в повышении оперативности правотворческого процесса и качества принимаемых правовых актов.

Основная часть. Одним из инструментов цифровой трансформации правотворческого процесса, появившимся относительно недавно в Нидерландах, является цифровая система, предназначенная для осуществления законодательной деятельности в области окружающей среды и пространственного планирования. Данная система была разработана вместе с одноименным нормативным правовым актом, подготовленным с целью систематизации экологического законодательства Нидерландов. До этого акта оно было представлено сложной системой, включающей в себя свыше 40 различных законов. Таким образом, Правительство Нидерландов не только осуществило консолидацию законодательства в отдельно взятой (наиболее проблемной) сфере, но и цифровизировало его. Рассматриваемая цифро-

вая система объединяет в себе акты всех муниципальных образований в области окружающей среды, правила осуществления предпринимательской деятельности и пространственного планирования. Это позволяет заинтересованным лицам получить информацию о том, нуждаются ли они в разрешении на иницируемую ими деятельность, которая будет иметь воздействие на окружающую среду (новая инфраструктура, расширение зданий, слив сточных вод и т. п.). Если быть точнее, пользователи (правительство, граждане и организации) могут через данную систему отправить запрос и сразу же увидеть, какие нормы действуют на той или иной территории. Таким образом, сделав один «клик» по карте, заинтересованное лицо понимает, разрешена ли планируемая им деятельность.

Нужно сказать, что механизм функционирования онлайн-системы цифровой информации о законодательстве в области окружающей среды и пространственного планирования (the Digital System Environment and Planning Act, DSO) в строгом смысле слова не предусматривает технологии искусственного интеллекта. Несмотря на это, разработка такой системы является значимым достижением в цифровой трансформации правотворчества. Ее деятельность положительно оценивается зарубежным законодателем, который замечает, что «базовые функциональные возможности интеграции правовых норм, касающихся окружающей среды, соединенных с цифровой геоинформацией о всех муниципальных образованиях, является уникальным в мире и отнюдь не готовым решением» [3. С. 5].

Появление DSO предваряет внедрение технологий искусственного интеллекта в правотворческую деятельность. Система выступает первым шагом на пути такого внедрения, поскольку анализ практики ее функционирования позволяет сформировать представления о том, в каких направлениях может быть использован искусственный интеллект при непосредственной подготовке законов. Кроме того, нельзя не принимать во внимание тот факт, что внедрение любых технологий сопряжено с различными вызовами, от преодоления которых зависит, смогут ли они успешно функционировать.

Итак, каким же образом онлайн-система DSO может задействовать технологии искусственного интеллекта для осуществления правотворческого процесса? Как связаны DSO, интеллект и правотворческий процесс? Внедрение искусственного интеллекта в функционирование DSO будет выступать элементом ее совершенствования, благодаря чему она сможет быть использована в правотворческих процедурах. По нашему мнению, такое совершенствование будет проявляться в следующем.

Во-первых, с помощью технологий искусственного интеллекта DSO может стать эффективным инструментом коммуникации между субъектами и участниками правотворческого процесса. В 2023 г. рассматриваемая оналайн-система будет служить исключительно источником информации, касающейся правовых норм, действующих на определенной территории государства, а также способом получения разрешения на иницируемую заинтересованным лицом деятельность. Однако спустя некоторое время у граждан и неправительственных организаций появится возможность представлять свои мнения и предложения по поводу предлагаемых правительством изменений в действующее законодательство [5. С. 316]. Это будет обеспечено, в частности, с помощью автоматической рассылки писем по электронной

почте гражданам, желающим знать, когда разрешение на осуществление той или иной предпринимательской деятельности, воздействующей на среду их обитания предоставлено или уже применяется. Соответственно, можно предположить, что указанная рассылка может касаться не только разрешений, но и непосредственно информации о разрабатываемых проектах правовых актов.

Во-вторых, DSO может стать платформой для осуществляемого искусственным интеллектом анализа текстовой информации, находящейся в виртуальной среде. А. Драманн и А. Мьювезе обращают внимание на тот факт, что в настоящее время в сети Интернет циркулирует большое количество информации, которая может быть использована в правотворчестве, но до сих пор практически не применялась. В частности, они говорят о комментариях граждан, размещенных на официальных сайтах органов государственной власти и касающихся проектов правовых актов [4. С. 436]. Причем данные авторы приводят конкретный пример. Так, в 2013 г. алгоритм искусственного интеллекта произвел анализ тысяч комментариев, оставленных гражданами на сайте Администрации транспортной безопасности (США), касающихся правового регулирования использования новых полноростовых сканеров в терминалах аэропортов. В результате этого анализа были сформированы тематические кластеры, которые существенным образом облегчают законодателю процесс обработки исходящей от граждан информации. Последняя имеет важное значение в правотворческом процессе. Об этом, в частности, свидетельствует появление в отечественной юридической науке такого понятия, как правотворческий краудсорсинг, под которым понимается поиск государством новых идей, способствующих развитию общества и решению стоящих перед ним проблем, и способ обсуждения предлагаемых органами государственной власти и местного самоуправления проектов нормативных правовых актов [9. С. 233].

Полагаем, что ключевое значение краудсорсинга в правотворческом процессе заключается в обеспечении участия в нем граждан, что, в свою очередь, реализует принцип демократизма указанной деятельности. В наибольшей степени краудсорсинг себя проявляет на стадии осуществления предварительных работ, предшествующих составлению текста проекта правового акта, а также на самой стадии разработки проекта. Такие работы связаны, прежде всего, с осознанием законодателем потребности в правовом регулировании определенных общественных отношений, установлением его пределов. На значение правотворческого краудсорсинга для установления пределов правового регулирования обратила внимание, в частности, Е. С. Зайцева, которое, по ее мнению, состоит в оптимизации данного процесса [8. С. 36].

Полагаем, что технологии искусственного интеллекта способны существенно облегчить работу законодателя по обработке поступающих от граждан идей и предложений, то есть вывести правотворческий краудсорсинг на новый уровень. В рамках дальнейшего совершенствования DSO искусственный интеллект мог бы обрабатывать предложения, касающиеся изменений законодательства в сфере окружающей среды и пространственного планирования. Такая обработка заключалась бы в разделении комментариев граждан на тематические блоки (например, в зависимости от части законопроекта, к которой относится предложение).

В-третьих, DSO может стать платформой для осуществляемого искусственным интеллектом анализа текстов самих законопроектов. Для реализации этой задачи необходимо, чтобы искусственный интеллект мог понимать сложную семантику языка правотворчества, специальную терминологию, используемую в законодательных текстах. Сегодня таких программно-аппаратных комплексов, предназначенных для использования конкретно в правотворческой деятельности, не существует. Однако есть программные решения, которые «понимают» язык отдельных юридических документов. К примеру, Casetext [2] и ROSS Intelligence [6]. Данные инструменты используются зарубежными юристами для поиска необходимых прецедентов, позволяя сэкономить до 80 % их рабочего времени.

Рассматриваемое направление внедрения искусственного интеллекта порождает ряд вызовов для современного законодателя. Наиболее существенный из них связан с данными, которые будут использоваться для обучения искусственного интеллекта. В правотворческом процессе такими данными должны выступать тексты нормативных правовых актов. Однако большинство этих текстов удовлетворяют лишь минимальным требованиям для перевода их в машиночитаемый формат. Для обеспечения возможности внедрения искусственного интеллекта в правотворческую деятельность, необходима стандартизация языка правотворчества. Ожидаемый положительный эффект стандартизации будет выражаться в повышении доступности и понятности правового регулирования.

Что касается DSO, то в планах дальнейшей ее разработки планируется создать единый каталог используемых в законодательстве понятий и определений. Согласно результатам исследования, обслуживание и настройка каталога, содержащего около 80 тыс. терминов, будет довольно трудоемким процессом, не исключая различных ошибок [1. С. 4].

Таким образом, полагаем, что дальнейшее цифровое развитие правотворчества в Нидерландах будет направлено на совершенствование онлайн-системы DSO путем внедрения в ее функционирование технологий искусственного интеллекта. Появится возможность использовать ее непосредственно в правотворческих целях. Использование положительного опыта функционирования DSO, на наш взгляд, может катализировать процесс распространения направлений ее использования на законодательную деятельность не только в сфере окружающей среды и пространственного планирования, но и во всех остальных сферах. Полагаем, необходимо стремиться к созданию единой онлайн-системы на базе технологий искусственного интеллекта, посредством которой бы осуществлялась вся правотворческая деятельность государства и взаимодействие всех субъектов и участников правотворческого процесса.

Следует отметить, что работы в этом направлении уже ведутся, в том числе и в нашей стране. В течение 2023 г. тестируется государственная информационная система (ГИС) «Нормотворчество», которая позволит одновременно работать над проектами нормативных актов сразу всем заинтересованным ведомствам. Директор правового департамента Минэкономики Лев Гершано отмечает, что положенный в основу указанной ГИС алгоритм «не заменит человека, но позволит снизить издержки и упростить “механическую” работу» [10]. Думаем, это большой шаг вперед.

Однако платформа не в полной мере отвечает нашей идее, поскольку она носит закрытый характер и предназначена исключительно для чиновников. С нашей точки зрения, единая онлайн-система должна обеспечивать решение трех ключевых задач:

- 1) снижение времени, затрачиваемого на подготовку нормативных правовых актов;
- 2) повышение качества принимаемых нормативных правовых актов;
- 3) повышение степени вовлеченности граждан в правотворческую деятельность.

Полагаем, что с помощью ГИС «Нормотворчество» представляется возможным решить только первые две задачи. Обычные граждане не смогут принять участие в правотворческом процессе, поскольку не будут иметь доступа к данной системе.

Создание единой онлайн-системы обеспечения правотворческого процесса, нацеленной на решение обозначенных нами задач целесообразно осуществлять постепенно. При этом представляется необходимым использовать положительный опыт Нидерландов, на который мы обратили внимание в настоящей статье.

Первоначальным действием должно стать создание системы, подобной DSO, с помощью которой были бы приведены к общей форме и систематизированы действующие нормативные правовые акты федерального, регионального и местного уровней. Следующим – составление правового словаря используемых в данных нормативных правовых актах терминов. Это позволит стандартизировать и формализовать язык действующего права. Такие стандартизация и формализация являются одним из ключевых условий использования технологий искусственного интеллекта в правотворческом процессе. К примеру, если в подготавливаемом проекте какого-либо нормативного правового акта используются термины, наличие правового глоссария уже применяющихся терминов и определений позволит искусственному интеллекту путем сопоставления выявлять в проектах дефиниции, не коррелирующие с теми, что содержатся в указанном глоссарии. В результате будут достигаться точность и непротиворечивость правовых предписаний.

Заключение. Проведенный анализ опыта цифровой трансформации правотворческой деятельности Нидерландов в части созданной и функционирующей онлайн-системы цифровой информации о законодательстве в области окружающей среды и пространственного планирования позволяет обнаружить: а) перспективные направления использования технологий искусственного интеллекта в правотворчестве; б) вызовы, с которыми придется столкнуться законодателю при внедрении данных технологий. Преодоление этих вызовов требует значительных усилий, связанных со стандартизацией и формализацией языка действующих нормативных правовых актов.

Список литературы

1. Advice of the ICT Review Office, 2017.
2. Casetext Review: Online Legal Research. URL: <https://lawyerist.com/reviews/online-legal-research/casetext>
3. Gateway Review report 19 February 2020 (Annex to Parliamentary papers II, 2019/20, 33118, № 139).

4. Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice (Information Technology and Law Series, 35): T.M.C. Asser Press, 2022. 581 p.
5. Parliamentary papers II, 2017/18, 34986, № 3.
6. ROSS Intelligence is an AI-powered legal research platform. URL: <https://www.ycombinator.com/companies/ross-intelligence>
7. Stivers C. The Listening Bureaucrat: Responsiveness in Public Administration // Public Administration Review, No. 54(4). Pp. 364–369.
8. Зайцева Е. С. Правотворческий краудсорсинг и его значение для установления пределов правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2(98). С. 36–43.
9. Залоило М. В., Базыкин А. Ю. Инструментальная ценность технологии краудсорсинга в принятии правотворческих решений / Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020. 430 с.
10. Нормотворчество вводят в систему. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043987?ysclid=llqa9670qu879307594>
11. Путин заявил о будущем технологий искусственного интеллекта. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/19/iiftr>

Ю. С. Гусакова,

кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Е. Н. Шепель,

студент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка отобразить основные тенденции развития информационно-правового пространства Российской Федерации и те препятствия, которые возникают на пути его формирования. Отмечаются наиболее проблемные аспекты становления информационно-правового пространства, а именно: несоблюдение законодательства в области информационных технологий, нарушение прав граждан в сети Интернет, недостаточное регулирование активности в социальных сетях и обеспечение безопасности персональных данных.

Ключевые слова: информационное пространство, правовое регулирование, информационные технологии, цифровая среда, информация, информационная система, право

PROBLEMS AND TRENDS IN THE FORMATION OF A UNIFIED INFORMATION AND LEGAL SPACE OF RUSSIA

Abstract. The article attempts to display the main trends in the development of the information and legal space on the example of the Russian Federation and also to identify problematic aspects and obstacles to the formation of the information and legal space in our state. Since non-compliance with legislation in the field of information technology, violation of citizens' rights on the Internet, insufficient regulation of activity in social networks and data security problems – all this causes serious difficulties in the formation of a full-fledged information and legal space in our country.

Keywords: Information space, legal regulation, information technologies, digital environment, information, information system, law

В современном мире вопрос безопасности информации имеет государственное значение, так как происходит формирование единого информационно-правового пространства. Поэтому одной из ветвей развития в данном направлении стало создание единого информационного пространства, под которым понимается общая совокупность всех существующих баз данных технологий и телекоммуникационных систем. Оно предназначено для динамичного взаимодействия между гражданами и государством в информационной сфере [2. С. 72].

Важно отметить, что одной из приоритетных задач деятельности государства, является создание единой информационно-правовой системы на территории всей страны. Именно она дала бы толчок для прозрачности деятельности государства, повышения эффективности закона и обеспечения реализации права.

К понятию «единое информационно-правовое пространство» ученые относят систему специальных информационных ресурсов, которые создаются государством и другими специальными органами, направленную на упрощение правового общения между участниками правовых коммуникаций. Взаимовыгодный обмен данными позволил бы производить обмен данными более эффективно [3. С. 84].

На 2023 г. Россией создано около 30–35 тысяч баз данных различных типов, включая документационные, фактографические и др. Однако существует необходимость корректного распределения информационно-правового потенциала, для этого в регионах России создаются службы и центры правовой информации [4. С. 140].

Благодаря наличию фондов нормативных правовых актов центр предоставляет полный и точный доступ к законодательству Российской Федерации. Это важно как для юристов, так и для общественности в целом. Создание единого информационно-правового пространства требует развития соответствующей инфраструктуры. В России осуществляются значительные усилия по расширению доступа к широкополосному интернету, развитию цифровых коммуникаций и распространению инновационных технологий.

Дальнейшее развитие информационно-правового пространства требует учета интересов всех заинтересованных сторон, как государства, так и частного сектора. Поэтому важно разрабатывать и совершенствовать правовые и нормативные акты, учитывая быстрое развитие технологий искусственного интеллекта.

Реализация информационно-правового пространства сталкивается с тремя ключевыми проблемами.

Главную проблему выделил Д. А. Новиков: в действующем законодательстве многие нормы устарели и не отражают новые реалии информационного мира, такие как использование искусственного интеллекта, использование персональных данных, нарушения в социальных сетях. Автор прямо указывает, что для решения этой проблемы нужно разрабатывать и принимать законы, которые отвечают на современные запросы и защищают права и интересы граждан в цифровой среде. Поэтому политика России должна быть направлена на создание норм, регулирующих проблемы в цифровой сфере. Это позволит обеспечить более эффективную правовую защиту пользователей новых технологий и создать условия для их безопасного использования [5. С. 84].

Второй проблемой является сложность обеспечения сохранности персональных данных. Именно с этой проблемой сталкивается 70 % населения России, когда происходят кражи с банковских счетов, берутся микрозаймы на граждан, мошенничество в сети Интернет.

Самым главным фокусом данной проблемы является утечка персональных данных. Именно этот фактор является объединяющим все вышеперечисленные последствия. В Российской Федерации принят и действует Федеральный закон «О персональных данных», который регулирует сбор, хранение и использование персональных данных граждан. В соответствии с этим законом организации и государственные структуры обязаны соблюдать требования по защите персональных данных и принимать меры для предотвращения утечек [6. С. 53].

13 июля 2023 г. В. В. Путин выступил с предложением нового национального проекта «Экономика данных», который будет реализовываться до 2030 года. Этот проект будет прорывом, так как будет реализовывать шесть направлений, два из которых напрямую будут формировать информационно-правовое пространство России.

Одно из направлений – «Безопасность данных» – позволит не допускать кибератаки на Россию, что в свою очередь будет выступать флагманом защиты информационно-правовой среды.

Второе же направление – «Стандарты и протоколы работы с данными» – позволит обеспечить безопасность, надежность обработки и хранения данных. Особенно в части хранения персональных данных граждан.

Третьей проблемой формирования информационно-правового пространства в России является низкая правовая культура граждан. По мнению Д. В. Иванова, это связано с тем, что граждане не в полном объеме осведомлены о своих правах и обязанностях в Интернете.

Для решения этой проблемы была создана «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», именно реализация этой программы защищает интересы граждан в информационной среде, а также повышает правовую культуру населения.

Информационно-правовое пространство является важной составляющей современного общества, где информационные технологии и правовые аспекты взаимодействуют и влияют друг на друга [1. С. 140–155].

В последние годы наблюдается стремительное развитие информационных технологий, что оказывает существенное влияние на правовые нормы и нормативное регулирование. Поэтому и политика России направлена на законодательное регулирование этих процессов, поскольку это откроет новые возможности как для населения, так и для России в целом.

Список литературы

1. Анненкова И. В., Залоило М. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 140–155.
2. Антипов Г. С. Особенности формирования информационного пространства в РФ // Законность и право. 2022. № 11. С. 70–74.
3. Кондорова Н. Ю. Развитие законодательства в сфере информационных технологий // Вестник Казанского славянского университета. 2021. Т. 23, № 67. С. 80–91.
4. Попова Ю. А., Федорова И. В. Статистика баз данных в РФ // Политематический сетевой электронный научный журнал Ивановского государственного юридического университета. 2023. № 9. С. 133–144.
5. Костюченко А. В. Правовая политика в сфере информационных технологий: актуальные проблемы и перспективы развития // Право. 2019. № 5. С. 52–59.
6. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>
7. Иванов Д. В. Правовые проблемы определения объектов информационной безопасности Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 145–152.

А. В. Дашко,

кандидат юридических наук, доцент
Московский университет имени С. Ю. Витте

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и природа цифровых технологий в системе преподавания теоретико-исторических правовых дисциплин, роль педагога и наставника в этом процессе. Соотносятся классические формы образовательного процесса с новыми цифровыми образовательными технологиями при преподавании юриспруденции. Подвергаются сомнению возможности цифровизации по выведению образования на принципиально новый уровень, а также стимулирования развития и оказания положительного влияния на мотивацию обучающихся. Цифровые технологии, по мнению автора, не дают значимо большего эффекта в части результатов обучения и должны оставаться средством, а не целью образовательного процесса. Делаются прогнозы относительно цифровизации образования и предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: преподавание, обучение, юридическое образование, цифровые технологии, цифровизация юридического образования

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF TEACHING THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL DISCIPLINES

Abstract. The article discusses the concept and nature of digital technologies in the system of teaching theoretical and historical legal disciplines, the role of a teacher and mentor in this process. The author correlates the classical forms of the educational process with new digital educational technologies in teaching law. The article questions the possibilities of digitalization to bring education to a fundamentally new level; as well as stimulating development and having a positive impact on the motivation of students. According to the author, digital technologies do not give a significantly greater effect in terms of learning outcomes; digital technologies should remain a means, not an end, of the educational process. Also, forecasts are made regarding the digitalization of education and proposals for its improvement.

Keywords: teaching, learning, legal education, digital technologies, digitalization of legal education

Введение. На протяжении последних десятилетий образование в России рассматривалось не как целенаправленный процесс воспитания и обучения, передачи нравственного закона и социокультурного опыта из поколения в поколение, а исключительно как специфический предмет гражданско-правовых обязательств. Поэтому следует согласиться с мнением, что «существенный недостаток российского юридического образования заключается в отношении к образованию как к услуге, а не как к государственной ценности» [7. С. 192]. Такое положение во многом возникает из-за неправильно расставленных акцентов в государственной образовательной политике.

Основная часть. Любое качественное образование – это самообразование начиная с младшего дошкольного возраста, главную роль в котором играет самодисциплина. В условиях же цифровизации она становится абсолютно необходима. Приходится часто отмечать, что довольно взрослые студенты юридических факультетов не выходят на онлайн-лекции, не могут сорганизоваться. Главной трудностью для многих из них становится проникновение в предмет, напряжение усилий. Зачастую студенты испытывают сильный дискомфорт при умственном напряжении, часто пропускают занятия, не ценят свое образование, хотя изначально заявляют о его важности. В России есть массовый спрос на диплом о юридическом образовании как таковой, необязательно обеспеченный собственно обучением и подготовкой. Безусловно, одной из главных причин трудности получения образования является низкая организованность среднего учащегося и низкая подготовленность его к тому, что необходимо самостоятельно организовывать свой учебный процесс.

В древности обучающиеся воспринимали знания только со слов учителя (аз, буки, веди) [6. С. 94], у которого была рукописная книга. Означает ли появление книги в XVI веке всеобщую образованность? Нет. А в чем разница между книгой и компьютером сейчас в XXI веке? Личное общение с педагогом бесценно, оно

обеспечивает передачу культурного кода и опыта. Студент видит внешний вид преподавателя, облик, действия, мудрость, берет с него пример. При взгляде на педагога учащиеся могут восхищаться и даже робеть. «Единственным стимулом для студента в образовании и будущей профессии были, есть и всегда будут не дисциплины с хайповыми названиями, а привлекательные человеческие ролевые модели, которые показывают, зачем быть юристом, зачем каждое утро вставать с кровати, отрывать от девайсов и ехать в университет» [2. С. 100].

По данным социологических исследований, подавляющее большинство родителей выступают против цифровизации. По их мнению, дети склонны к безделью во время работы за компьютером и, по их глубокому убеждению, учиться (за редким исключением) их дети не будут. Когда есть критически настроенный преподаватель с административными функциями и возможностью поставить двойку и отсутствует возможность выполнения теста и сдачи сессии онлайн, эффективность, безусловно, растет. Попытки учиться через Интернет (у блогера, например) для кого-то могут быть привлекательны, но крайне неэффективны.

Теперь обратимся к конкретным достоинствам и недостаткам цифровых технологий в системе преподавания теоретико-исторических правовых дисциплин. Представляется, что цифровизация не дает принципиально нового уровня образования. Невозможно с помощью каких бы то ни было технических средств повысить количество умных, добросовестных и эффективных людей. Цифровизация также не стимулирует развитие, поскольку сама часто создает препятствия. Например, система «Антиплагиат» – это средство, призванное нивелировать как раз не причину, а последствия цифровизации. Преподаватель видит, что работа списана, и вынужден как-то обезопасить себя от некорректных заимствований. Наличие информации на цифровых носителях и их доступность – иллюзия знаний. Кроме того, цифровизация не оказывает положительного влияния на мотивацию обучающихся.

Цифровизация также не дает и значимо большего эффекта в части результатов обучения. К сожалению, повышение в юридическом образовании роли технических средств не способствует повышению прилежания и усидчивости. Начало и конец образования, мотивация, результаты лежат внутри студента. А компьютер – это прибор, средство, орудие труда, которое ничего не решает, если не приложен труд. Для положительного эффекта в усвоении пройденного материала необходим обязательный традиционный итоговый контроль (экзамен, зачет и т. д.).

Актуальной целью юридического образования на сегодняшний день является формирование оптимального учебного процесса, сочетающего традиционную и электронную методологию обучения при подготовке юристов для современной и будущей цифровой экономики [4. С. 54]. Например, если учащийся заболел, то пусть слушает лекцию онлайн, а потом приходит и сдает тему лично преподавателю (не в библиотеке по тестам, а своему преподавателю). Цифровизация образования – объективное и закономерное явление. Поскольку невозможно воспрепятствовать развитию технологий в целом, постольку нельзя изолировать юридическое образование от внедрения современных цифровых технологий [3. С. 74]. Следует учитывать, что юридическое образование становится сложным и дифференцированным, для него будут усложняться и дифференцироваться единые стандарты качества

[2. С. 101]. Цифровая среда даст прорыв только тем, кто трудолюбивее и прилежнее остальных. Но даже и для них это полностью не заменит педагога. А остальных это отбросит далеко назад от благ цивилизации. Нужно думать, как не отбросить в каменный век большинство. Соотношение аудиторного и цифрового обучения должно зависеть от группы.

Представляется необходимым выработать конкретные случаи применения цифровых технологий. Например, при преподавании юридических дисциплин следует расширять использование внеаудиторного познания права. Например, познание посредством искусства [5. С. 52]. Художественная литература – то, что наиболее полно и наглядно сохраняет этические принципы и нормы предыдущих эпох. Читая книги, можно проследить развитие человеческой мысли, приобретая гибкость в представлении того, что многое изменчиво. Ценностное наполнение юридического образования состоит в развитии умения читать и анализировать общие для всех юристов источники информации [1. С. 16], и прежде всего, правовые тексты.

Заключение. Итак, в образовании много сложностей, подводных камней и проблем, которые просто не разрешишь. В любом случае цифровые технологии – это средство, а не цель образовательного процесса. Это средство помощи в обучении если, например, учащийся не может явиться на занятие лично. Знание может транслироваться через компьютер по схеме от человека к человеку.

Конечно, технические средства (онлайн-занятия, электронная литература) – это вполне весомое дополнение. И видится следующее направление работы: повышение дисциплины и контроля за процессом и результатом. Вопрос должен стоять так: как наиболее эффективно использовать цифровые ресурсы, не забывая, что это вспомогательные средства? Задача совсем не простая, не стоит ее недооценивать.

Список литературы

1. Верещагин А. Н. Ценность юридического образования – в развитии навыков анализа и доказывания [Интервью с У. Э. Батлером] // Закон. 2019. № 9. С. 8–24.
2. Гальперин М. Л. Почему после цифрового века юридического образования наступит Средневековье? // Закон. 2021. № 8. С. 96–101.
3. Енькова Е. Е. Трудности цифровизации юридического бизнес-образования // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 69–74.
4. Ершова И. В., Енькова Е. Е. Обзор круглого стола «Феномен цифровизации юридического бизнес-образования» // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2019. № 3. С. 51–54.
5. Лушников А. М. История и методология юридической науки: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2015. 68 с.
6. Уткин А. В. Учительство как духовная традиция Руси конца X–XVII веков // Образование и наука. 2007. № 2(44).
7. Чуглина М. Г. Российское юридическое образование в евразийском образовательном пространстве // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 187–195.

О. Ю. Ельчанинова,

кандидат исторических наук, доцент,
Научно-исследовательский институт

Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ

Аннотация. Целью исследования является анализ применения цифровых технологий в методике преподавания историко-правовых дисциплин в системе высшего образования, выявление положительных результатов и проблемных аспектов цифровой трансформации образовательного процесса. Отмечается, что наиболее эффективной в современных условиях образовательной моделью является смешанная модель обучения, которая позволяет оптимально сочетать традиционные методы преподавания и обучение с активным применением информационно-компьютерных технологий.

Ключевые слова: право, историко-правовые дисциплины, дистанционные образовательные технологии, информационно-компьютерные технологии, цифровая трансформация образовательного процесса, электронное обучение

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL MODEL OF HISTORICAL AND LEGAL DISCIPLINES: OPPORTUNITIES AND BARRIERS

Abstract. The purpose of the study is to analyze the use of digital technologies in the methodology of teaching historical and legal disciplines in the higher education system, to identify positive results and problematic aspects of the digital transformation of the educational process. According to the author, the most effective educational model in modern conditions is a mixed learning model, which allows for the optimal combination of traditional teaching methods and learning with the active use of information and computer technologies.

Keywords: law, historical and legal disciplines, distance educational technologies, information and computer technologies, digital transformation of the educational process, e-learning

Развитие информационно-компьютерных технологий, связанных с четвертой промышленно-технической революцией, способствует цифровизации всех сфер жизни общества и открывает перед системой образования новые возможности. Этот процесс получил новый импульс в пандемийный период, когда все представители образовательного сообщества вынуждены были оперативно перестраивать субъект-объектные и субъект-субъектные отношения с применением нового инструментария и методик преподавания. По сути, это был масштабный социальный эксперимент, определивший готовность российской школы (средней и высшей) к использованию электронного или дистанционного образования. Сегодня идея модульного обучения с применением дистанционных образовательных техноло-

гий (ДОТ) стала основой цифровой трансформации образовательного процесса [2]. Она реализуется в использовании электронных учебных модулей не только по дисциплинам технического и естественно-научного, но и гуманитарного блока.

История государства и права России и история государства и права зарубежных стран в образовательных стандартах высшей школы сегодня занимают значимое место. Эти дисциплины относятся к блоку 1 федерального государственного образовательного стандарта высшего образования и являются основополагающими теоретическими учебными дисциплинами в системе юридических наук и юридического образования. Они предшествуют изучению всех отраслевых и специальных юридических дисциплин. Целью изучения историко-правовых дисциплин является формирование общекультурных и профессиональных компетенций, способствующих самостоятельной выработке обучающимися цельного, теоретически обоснованного, сознательно принятого правового мировоззрения, фундаментальных правовых ориентаций и установок, правовых подходов к решению личных, профессиональных и общественных проблем; определяющих готовность и способность специалиста в области юриспруденции к использованию правовых знаний при решении профессиональных задач в рамках нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной и экспертно-консультационной деятельности.

Кроме того, по нашему глубокому убеждению, без исторического познания природы и роли государства и права невозможно понять сущность современного государства и права. Именно дисциплины историко-правового профиля способствуют формированию интегративного системного знания, через которое раскрываются смыслы и ценностные характеристики исторических событий и явлений, определяются социокультурная идентичность, правосознание и юридическая идеология. Кроме того, дисциплины историко-правового цикла направлены на выработку у обучающихся собственной парадигмы государственно-правовой эволюции современной цивилизации.

Автор статьи, имея многолетний опыт преподавания истории государства и права России и истории государства и права зарубежных стран в системе высшего образования, солидарен с мнением большинства представителей научного и педагогического сообществ о том, что наиболее удачной образовательной моделью является смешанная модель обучения (blended learning model), которая позволяет оптимально сочетать традиционные методы преподавания и структурирования учебного материала и обучение с активным применением информационно-компьютерных технологий.

Электронные учебные модули позволяют создавать структурированный контент, который обеспечивает персонализацию процесса освоения материала, развитие мотивации обучающихся, стимулирует их на самостоятельный поиск информации и более полное его изучение, поскольку часть учебного материала переносится в онлайн-формат. Интерактивное взаимодействие между участниками образовательного процесса обеспечивается через учебный портал, который представляет собой непрерывную систему управления обучением [1. С. 91]. Базовым элементом портала являются постоянно обновляемые электронные курсы. Обучающиеся в удобное для них время могут их изучать, выполнять задания, а преподаватели – оценивать

и комментировать эти работы. Портал служит площадкой для взаимодействия между всеми участниками учебного процесса и используется для организации всех форм обучения.

Обучение на платформе Moodle позволяет преподавателю также отслеживать пробелы в знаниях и умениях обучающихся, восполнение которых может происходить в аудиторном (лекции, семинары, практические занятия) и внеаудиторном (групповые, индивидуальные консультации) форматах [5]. Самостоятельная работа обучающихся проверяется посредством системы тестирования СДО «Прометей», использование которой позволяет не только контролировать полученные знания, но и с помощью банка тренировочных тестов, размещенных в открытом доступе, помогает обучающимся в подготовке к разным видам аттестации [7]. Обучающиеся приобретают навык работы с нормативной базой и учебным материалом через выполнение тестовых заданий разной степени сложности, в том числе через тренировочные тесты и задания для самоконтроля.

Сегодня на сайтах всех вузов размещены учебно-методические материалы: рабочие программы, содержащие тематический план дисциплины для всех форм обучения, правила освоения дисциплины, систему оценивания дисциплины, список рекомендуемой литературы по дисциплине, темы рефератов, эссе, правила прохождения аттестации; методические рекомендации по изучению отдельных тем курса, по подготовке к семинарским, практическим занятиям, к сдаче зачета и экзамена; видеолекции, презентации, конспекты лекций со встроенными тестовыми заданиями, примерные практические задания, включаемые в экзаменационные билеты при проведении промежуточной аттестации, хрестоматии, глоссарии, списки учебной и дополнительной литературы, гиперссылки на электронные библиотеки (Znaniium.com, Gumer.info, Allpravo.ru и др.) и электронную библиотечную систему.

Для создания цифрового лекционного ресурса и написания эссе, научных работ по проблемным темам курса используются разные базы, на которых размещены документальные фильмы по предмету. Для создания учебного контента нами используется онлайн-каталог Net-Film, база которого насчитывает более 80 тыс. фильмов и фрагментов [4]. В качестве вспомогательного материала по курсу обучающимся рекомендуется просмотр исторических фильмов с подробными комментариями по многим периодам истории Российского государства в онлайн-кинотеатре StarMedia.

В процессе обучения хорошую эффективность и удобство демонстрирует ресурс Microsoft PowerPoint – инструмент для создания презентаций [6]. Здесь нужно отметить, что положительной стороной презентации является возможность подачи информации линейно, когда каждый следующий слайд связан с предыдущим. Кроме того, этот программный ресурс, на базе которого создаются презентации, имеет много дополнительных опций. Презентационный способ представления усиливает визуализацию лекционного материала и помогает формировать у обучающихся определенный алгоритм освоения курса.

В процессе изучения историко-правовых дисциплин формируются умения анализировать основное содержание нормативно-правовых актов; определять место

и роль того или иного акта в системе источников права применительно к конкретной исторической эпохе; понимать общие закономерности развития государственно-правовых институтов. В этой связи важное значение имеет работа с памятниками права (Соборное Уложение, Русская Правда, Основные государственные законы 1906 г. и др.), которые представлены как в цифровом, так и в печатном варианте [3].

Итак, алгоритм работы с памятниками права представляет собой определенную схему рассуждений, которая включает нахождение нужной нормы права, ее интерпретацию, толкование, проведение сравнительного анализа с другими нормами и источниками и формулирование вывода.

Для будущих юристов важное значение имеют навык поиска нужного правового акта, умение толковать букву закона и его применения, формирование которых происходит при решении казусов. Справочно-правовые системы («КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс») играют неопределимую роль в этом вопросе. Их использование создает для обучающихся возможность знакомства с содержанием как действующих, так и утративших силу нормативно-правовых актов.

Возможности платформы Moodle также позволяют создавать отдельные закрытые группы обучающихся для выполнения индивидуальных заданий. Для организации круглых столов, конференций по проблемным темам учебного курса активно используется облачный сервис видеотелефонии Zoom. Использование корпоративной почты, форумов во «ВКонтакте», Telegram помогает устанавливать коммуникацию преподавателей с обучающимися (обсуждение публикаций, консультирование, блиц-опросы и др.). Эта неформальная составляющая образовательного процесса очень важна, так как обеспечивает информационную грамотность обеих сторон.

Наряду с позитивными успехами применения цифровых технологий в методике преподавания историко-правовых дисциплин, пожалуй, стоит выделить ряд проблемных аспектов.

Во-первых, академическая (классическая) лекция оказывается сложной для восприятия современными обучающимися. Многие из них тяжело усваивают материал в данном формате, поскольку присущие им языковой минимализм, гиперреактивность, дефицит внимания, кратковременная память делают для них язык академизма, структурированность и логичность лекционного материала трудноусвояемыми.

Во-вторых, отдельным преподавателям трудно перестраиваться в реалиях цифрового пространства, имеет место недостаточный уровень компьютерной и цифровой грамотности с обеих сторон образовательного процесса, ввиду чего возникают трудности с идентификацией в базах данных, управлением на онлайн-площадках и т. п.

В-третьих, при расширении возможностей электронного обучения все же вызывает озабоченность тот факт, что доступность информации, когда большинство теоретических вопросов «гуглится» («гугл знает все»), сводит на нет необходимость ее запоминания, вникания в суть предмета и, как следствие, снижение мотивации у обучающихся к поиску новых системных знаний.

Это далеко не полный перечень проблем, с которыми сегодня сталкивается образовательная среда.

В целом же можно резюмировать, что происходящие сегодня цивилизационные изменения носят закономерный характер, они динамичны и затрагивают все сектора жизнедеятельности общества. Как говорится, цивилизация очень быстро переезжает из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга. Система образования, несмотря на свой консерватизм, тоже активно участвует в этом мейнстриме. Рассмотренные в статье цифровые инструменты и ресурсы стали насущной необходимостью на пути совершенствования гуманитарного образования в условиях быстро меняющихся цифровых технологий. При этом традиционные виды учебной деятельности: проведение лекционных, семинарских, практических занятий, подготовка и защита рефератов, эссе, текущая и промежуточная аттестация – успешно реализуются в новом формате.

Список литературы

1. Бодрова Э. Э., Калистратова Н. С. Реализация цифровых компетенций и технологий: из опыта преподавания истории государства и права // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 84–96.
2. Europass Teacher Academy. Flipped Classroom. URL: <https://www.teacheracademy.eu/course/flippedclassroom>
3. Google Документы. URL: <https://www.google.ru/intl/ru/docs/about>
4. Каталог киножурналов. URL: <https://www.netfilm.ru>
5. Платформа 3KL Русский Moodle. URL: https://3kl.lp.opentechnology.ru/?utm_source=eLamayandex&utm_medium=
6. PowerPoint Viewer. URL: <https://power-pointsoft.ru/?yclid=5902822019570653788>
7. СДО «Прометей» / Виртуальные технологии в образовании. URL: <https://www.prometeus.ru/?ysclid=lmeuff2wxc177228457>

В. Б. Израелян,

кандидат юридических наук, доцент,
Московский городской университет управления
Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова

УГРОЗА ЦИФРОВИЗАЦИИ КОГНИТИВНЫМ СПОСОБНОСТЯМ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье представлен анализ влияния цифровизации на отдельные когнитивные способности современных студентов, изучающих теоретико-исторические правовые науки, и условия преодоления негативного воздействия информационных технологий на развитие личности, предрасположенной к научному мышлению. Проводится анализ наиболее распространенных форм использования сети Интернет в работе с научными источниками и исследуются наиболее распространенные заблуждения о положительном влиянии цифровых технологий на когнитивные способности учащихся.

Ключевые слова: цифровизация, когнитивные способности, мышление, осознание, Интернет, чтение

THE THREAT OF DIGITALIZATION TO THE COGNITIVE ABILITIES OF MODERN STUDENTS

Abstract. The article is an analysis of the impact of digitalization on individual cognitive abilities of modern students studying theoretical and historical legal sciences, and the conditions for overcoming the negative impact of information technology on the development of individuals predisposed to scientific thinking. The author analyzes the most common forms of using the Internet in working with scientific sources and examines the most common misconceptions about the positive impact of digital technologies on the cognitive abilities of students.

Keywords: digitalization, cognitive abilities, thinking, awareness, Internet, reading

Введение. В качестве одного из наиболее знаковых отрезков истории человечества, вне всякого сомнения, стоит отметить именно вторую половину XX века, когда поэтапная, но системная компьютеризация отдельно взятых управленческих процессов стремительно ворвалась в жизнь общества и, приходится с сожалением признать, поработила значительную его часть благополучием и комфортом, которые условно гарантированы цифровизацией практически всех сфер жизни человека, однако неминуемо представляют собой угрозу, способную прекратить существование всей цивилизации.

Может показаться, что автор намеренно сгущает краски и крайне пессимистично настроен в отношении тех благ, которые не только цифровые технологии, но и искусственный интеллект способны дать обществу. Напротив, использование цифровых технологий в повседневной профессиональной и научной деятельности является своеобразным ритуалом, обеспечивающим не только трудовую функцию, но и оптимизацию интеллектуальных и временных ресурсов. Однако осознание рисков, которые в себе несут процессы цифровизации с точки зрения научного осмысления, нуждается в анализе и построении логически обоснованных выводов.

Цифровизация, а если быть более конкретным, неосмысленное использование информационных ресурсов сети Интернет, как и возможность использования искусственного интеллекта для подготовки научных текстов, представляет существенную опасность развитию когнитивных способностей современного поколения учащихся.

Основная часть. Согласно данным отчета Global Digital Reports, в январе 2022 года население Земли составило 7,91 млрд человек, из которых 4,95 млрд – пользователи сети Интернет [2]. Пятерку стран по количеству пользователей Интернета открывает Китай – более 1 млрд человек. Один из пяти пользователей Интернета в мире – житель Китая. Второе место – Индия с ее 658 млн пользователей. США – 307,2 млн человек в Сети. Четвертая по счету – Индонезия (204,7 млн). Пятерку замыкает Бразилия – 165,3 млн человек. В России, по состоянию на 2022 г., насчитывалось 129,8 млн интернет-пользователей.

Как следует из отчета, 61 % пользователей Интернета используют ресурсы Сети в поисках информации, а 42,3 % – в образовательных целях.

В настоящее время огромное количество учащихся использует сеть Интернет в качестве основного источника информации, не осознавая, что формируется навык, резко снижающий когнитивные способности индивида.

Фактически для поиска ответа на любой вопрос, выполнения любой задачи, подготовки любой письменной работы современный студент будет использовать сеть Интернет и те ресурсы, которые он сможет в ней обнаружить. Объективно все упирается в такие факторы, как технические ресурсы, время и способность студента определить, что он действительно обнаружил искомую информацию.

Такие вопросы, как осмысление полученной информации, этические аспекты использования текстов чужого авторства, пренебрежительное отношение к собственному интеллектуальному развитию, к сожалению, задаются все реже и реже.

В этих условиях возникает первая прямая и явная угроза цифровизации когнитивным способностям современных студентов. Угроза формированию и развитию мышления как когнитивного процесса, представляющего собой высший уровень познавательной, в том числе творческой, активности человека, связанной с решением разнообразных теоретических и практических вопросов, на которые не существует очевидных ответов, а следовательно, посредством мыслительных процессов и законов логики индивид инициирует поиск ответов на них, используя различные виды мышления, в том числе и научное мышление, применяемое в научных исследованиях для доказательства правильности или ошибочности тех или иных научных положений (утверждений).

Представляются крайне интересными результаты изучения влияния интернет-среды на познавательные функции учащихся, согласно которым когда интернет-среда становится лишь одним из средств развития и не приобретает глобального значения как источник информации, коммуникации и развлечений, можно говорить о ее локальном позитивном влиянии на интеллектуальное развитие подростков [5. С. 27].

Отдельно авторами отмечается, что использование Интернета для интеллектуального и культурного развития в целом способствует развитию интеллекта – чем чаще подростки используют Интернет для учебы, тем выше показатели большинства вербальных и невербальных субтестов. Негативное влияние интенсивной интернет-активности в учебных целях могут испытывать функции внимания и памяти [5. С. 27].

Другая актуальная проблема, требующая особого осмысления, – работа учащихся с учебной и научной литературой, а если точнее, с печатными материалами.

Вся мудрость мировой цивилизации находит свое отражение в рукописном, а позже печатном слове.

С момента возникновения письменности любой носитель информации, будь то папирус, глиняная табличка, рукописная или печатная книга, для образованного человека представляет собой источник знания и мудрости, которыми с нами поделились их авторы.

Трепетное уважение к печатной книге и умение работать с ней постепенно превращаются в искусство, которым с приходом электронных средств для чтения способны овладеть немногие.

Причин тому, по нашему мнению, несколько.

Первая из них заключается в том, что в поисках интересующей читателя информации ему объективно нет необходимости изучать весь источник от первой

страницы до последней. Заложенный программным обеспечением используемого цифрового устройства алгоритм контекстного поиска за несколько секунд укажет номера всех страниц, содержащих приблизительные или точные совпадения с запросом поиска. Таким образом, интересующий читателя отрывок текста будет найден и при необходимости интерпретирован им в условиях выполняемого задания. Однако текст, вырванный из контекста, который может быть не только неправильно понят, но и способен продемонстрировать поверхностное отношение читателя к изучению источника, в условиях образовательного процесса негативно отразится на формировании когнитивных навыков учащегося.

Вторая причина является логическим продолжением первой. Используя контекстный поиск в электронном устройстве для поиска информации, читатель утрачивает один из важнейших навыков работы с письменными источниками – ознакомление с их структурой. Логическое осмысление построения автором структуры своего произведения дает читателю приблизительное понимание содержания источника. Банальное перелистывание страниц книги с беглым ознакомлением наименования глав, частей, выделенных предложений и оглавления формирует у учащегося предварительное понимание, что ждет его при последующем вдумчивом и внимательном прочтении.

Третья причина была определена американским философом Мортимером Адлером в его книге «Как читать книги. Руководство по чтению великих произведений». Речь идет об утраченной многими способности читать книгу не только для того, чтобы узнать новую необходимую информацию, но и проанализировать ее с позиции имеющихся у читателя сведений, по сути, вступив в диалог с автором, соглашаясь или опровергая его мнение, доводы, предположения.

В своей книге «Как читать книги. Руководство по чтению великих произведений» Мортимер Адлер так описывает диалог читателя с автором при прочтении литературного произведения: «Сначала высказывается автор, а затем наступает очередь читателя. Разговор между книгой и читателем происходит своим чередом, каждая сторона говорит по очереди, не перебивая. Если читатель недисциплинирован и невежлив, то конструктивный диалог, конечно же, не состоится. Ведь автор не может защищаться. Он не может сказать вам со страниц книги: “Постой, дай мне закончить, а потом начинай спорить”. Он не может возразить, что читатель неверно истолковал его мысль» [1. С. 209].

Приходится признать, что в современных условиях книгопечатные технологии обеспечивают многим авторам возможность опубликовать свое художественное произведение или научный труд без существенных усилий или жесткой научной редакции, вследствие чего некоторый учебный материал в силу своего содержания оставляет желать лучшего. Поэтому приучить учащегося к осмысленному прочтению, без страха не согласиться с доводами автора, не принимая его мнение бездоказательно на веру только потому, что в руках у читателя учебное пособие, учебник или сборник научных трудов, является одной из ключевых задач системы образования в условиях цифровизации.

М. Адлер определяет подобный подход как критическое чтение, но не призывает использовать его исключительно ради спора, поскольку указывает на то, что читатель критикуя автора, также должен аргументировать свои доводы.

Чтобы обосновать свою позицию по изложенной проблематике, автор предлагает обратить внимание на исследование, проведенное норвежским профессором Центра чтения Университета Ставангера Эн Мэнген совместно с французскими коллегами Жераром Оливером и Жан-Люком Веле в 2019 г.

Авторы провели исследование, задачей которого было определить уровень понимания и осознания прочитанного объемного текста в печатной книге и на цифровом носителе – электронной книге Kindle. Участниками данного исследования стали лица в возрасте до 24 лет.

Было установлено, что «понимание длинных текстов задействует кратковременную и долговременную память и процессы формирования связного представления модели ситуации. По результатам исследования такие показатели, как время чтения, уровень вовлеченности читателя, распознавание слов и предложений и, соответственно, внимание, уделяемое тексту, и его понимание не различались в зависимости от средств чтения. Однако мысленное представление части наиболее давно прочитанного текста было сильнее выражено у тех, кто «читал с бумаги», чем у тех, кто читал на Kindle» [4. С. 75; 7].

Иными словами, электронные устройства пригодны только для поверхностного чтения, не предусматривающего необходимость усвоения прочитанной информации. В то время как вдумчивое, осмысленное чтение обеспечивается посредством бумажной книги, где подсознательно тактильный контакт обеспечивает восприятие прочитанного и закрепление материала в памяти.

Было бы несправедливо не отметить позитивное влияние цифровизации на изучение теоретико-исторических правовых наук. В частности, доступность оригинальных текстов письменных источников права, оцифрованных и представленных в свободном доступе для всех желающих. Возможность ознакомиться с содержанием оригинальной книги, изложенной не в пересказе автора, без оценочных суждений и комментариев, является, бесспорно, важнейшим ресурсом для формирования у учащегося научного мышления.

Могли бы во времена, к примеру, Советского Союза молодые ученые мечтать о подобных возможностях? О доступности печатных памятников культуры и науки, необходимых для изучения. Но, к сожалению, и в указанной доступности можно обнаружить отдельные негативные тенденции. Дело в том, что стимул к поиску, развитию, дисциплинированности молодого ученого притупляется в условиях повышенной доступности необходимых источников.

Заключение. В 2022 г. Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», в содержании научного дайджеста [6], который был подготовлен в рамках проекта «Изучение вовлеченности населения в цифровую среду, эффектов “новой связности” и факторов цифрового неравенства», отметил такие риски цифровизации, как территориальное неравенство доступа к Интернету, опасение потери рабочих мест, нехватка цифровых навыков для использования услуг электронного правительства, нарушение цифровой безопасности и т. п. Следует отметить, что в целом дайджест отличается позитивным настроением восприятия цифровизации и делает акцент на благоприятное воздействие цифровых технологий на общество.

Так, в одном из итоговых выводов научного дайджеста отмечается, что большая часть современных исследований воздействия цифровизации на качество жизни человека основывается на предположении, что расширение доступа к цифровым технологиям и умение их использовать неизбежно ведут к повышению благополучия как отдельного человека, так и общества в целом: именно это предположение является одним из оснований для инвестирования в разработку инновационных технологий/продуктов и развития цифровых навыков пользователей.

Общее представление о влиянии цифровизации и социальных сетей на современное общество до конца не изучено [3]. К сожалению, во многом это может быть обусловлено страхом перед возможными выводами, к которым мы можем прийти в итоге.

Современные достижения человечества в науке во многом обусловлены последовательным и рациональным использованием технологических ресурсов, обеспечивающих нас безграничными ресурсами для исследований. Но эйфория от результативности влияния цифровизации на жизнь человека, его способности, возможности и мотивацию отодвигает его на второй план. В условиях цифровизации человек уступает своему творению и его роль в развитии науки скоро перестанет быть главенствующей.

Стремление развивать концепцию искусственного интеллекта и внедрять его повсеместно в угоду государства и общества, отменяя при этом суть человеческого превосходства над технологиями, превратилось в систему, а следовательно, научные труды ближайшего будущего будут иметь авторство ChatGPT – это универсальный чат-бот, который умеет отвечать на запросы пользователя, поддерживать диалог, сочинять стихи, писать коды и сценарии и даже давать персональные советы. Он делает это, используя технологию обучения с подкреплением и обратной связью от человека [7].

Список литературы

1. Адлер М. Как читать книги. Руководство по чтению великих произведений: пер. с англ. Л. Плостак. 6-е изд. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2019. 340 с.
2. Ежегодный отчет об интернете и социальных сетях – главные цифры Digital 2022 global overview report the essential guide to the world's connected behaviours. URL: <https://wearesocial.com/cn/wp-content/uploads/sites/8/2022/01/DataReportal-GDR-002-20220126-Digital-2022-Global-Overview-Report-Essentials-v02.pdf>
3. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 140–145.
4. Игнатова Ю. П., Макарова И. И., Степаненко В. П., Багдасаров А. А. Влияние цифровых технологий на когнитивные способности человека (обзор) // Психология. Психофизиология. 2022. № 4. С. 75.
5. Регуш Л. А., Алексеева Е. В., Веретина О. Р., Орлова А. В., Пежемская Ю. С. Особенности мышления подростков, имеющих разную степень погруженности в интернет-среду // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 194. С. 27.
6. Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека // Научный дайджест. – 2022. – № 7(12). – URL: <https://www.hse.ru/>

data/2022/07/22/1614459848/Human_Capital_NCMU_Didgest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf

7. Что такое чат-бот ChatGPT и как им пользоваться из России? Возможности и примеры работы ChatGPT. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/07/15/chatgpt>

8. Mangen A., Olivier G., Velay J. L. Comparing comprehension of a long text read in print book and on kindle: where in the text and when in the story? // *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. Art. № 38. DOI: <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00038>

Е. В. Калинина,

доктор юридических наук, профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского;
Приволжский исследовательский медицинский университет

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК АМБИВАЛЕНТНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Заявленная проблематика предполагает фокусировку в первую очередь на прогрессивном пространстве массовых коммуникаций, где содержание и способы распространения информации характеризуют уровень правосознания и правовой культуры коммуникантов и общества в целом. Разнообразие средств массовой информации и сетевых сервисов, при лакунах цензуры не только способствовало формированию ложного представления о допустимости безответственного поведения в коммуникативном пространстве, но и породили угрозы единству и солидарности социума.

Ключевые слова: цифровые технологии, духовно-нравственные ценности, прогрессивное коммуникативное пространство, манипулятивные технологии

DIGITAL TECHNOLOGIES AS AN AMBIVALENT MEANS TO FURTHERANCE AND TRANSFORMATION OF MORAL AND SPIRITUAL VALUES

Abstract. The problematics are related primarily to progressive space of mass communications where the content and means of information dissemination characterize the level of law-awareness and legal culture of communicants and of a society in general. Diversification of mass-media communications and of networking services along with censure gaps not only provided creation of an erroneous idea of allowability of irresponsible behaviour inside the communicative space but instigated threats to the social unity and solidarity as well.

Keywords: digital technologies, moral and spiritual values, progressive communicative space, manipulative techniques

Цифровые технологии, достаточно прочно войдя в нашу жизнь, во многом облегчили и ускорили ее ритм и продуктивность. Офисное делопроизводство и образовательный процесс, не говоря уж об индустрии развлечений, давно стали немыслимы без электронного оборота информации. За последние годы даже самые консервативные специальности приобщились к инновационным инструментам в преподавании, широко используя презентации, видеоресурсы, электронные управляемые курсы, открытые онлайн-курсы и мн. др.

Столь востребованная на сегодняшний день система дополнительного профессионального образования, предлагаемая как ведущими вузами, так и альтернативными учреждениями, расширила свою «географию» благодаря различным платформам для проведения видеоконференций.

Стремительно растущая численность цифровых образовательных продуктов становится серьезным конкурентом существующим традиционным образовательным программам, выгодно отличаясь большей гибкостью контента, практико- и студентоориентированностью и индивидуализацией графиков прохождения курсов и траекторий обучения.

Наличие множества электронных библиотечных систем и баз данных существенно экономит нам время на проведение научных изысканий, а разнообразие коммуникативных и медиаплатформ создают видимость плюрализма мнений и свободы доступа к сведениям, разного уровня персонализации и объема. Но способен ли среднестатистический индивид «обработать» и «переварить» этот груз без ущерба для собственного физического и психического здоровья, не рискуя поддаться на мошеннические уловки и манипулятивные провокации [4; 7]? И всегда ли мы способны распознать недобросовестное использование или искажение информации? Как защитить наиболее уязвимых реципиентов от ее деструктивного воздействия? Как сохранить самобытность и традиционные ценности народа, являющиеся залогом его идентичности и жизнеспособности, в условиях агрессивного распространения «космополитических» ориентиров?

За последние годы в научных и периодических изданиях опубликовано множество статей, авторы которых размышляют о сущности информационных технологий и процессов цифровизации в целом, о преимуществах технологических трансформаций общества и вызовах, с ними связанных. И если более ранние публикации содержат апологетику технических инноваций, то более поздние исследования, особенно те, что изданы после опубликования Указа Президента о традиционных духовно-нравственных ценностях [6], представляют полемику по поводу совместимости идеалов цифрового общества и традиционных духовно-нравственных ориентиров.

Обе позиции понятны, поскольку, с одной стороны, стратегия позиционирования нашего государства требует его интенсивного научно-технологического развития, которое не сможет обойтись без наращивания и воспроизводства цифровых продуктов, а с другой – технический прогресс и сохранение самобытности общества могут оказаться весьма «конкурирующими» целями.

Потенциал цифровых технологий как эффективнейшего инструмента передачи и распространения информации колоссален. Широта охвата вещания и, соответ-

ственно, воздействия на массы, казалось бы, должна была обеспечить больший контроль и эффективность управления общественным мнением в пользу поддержания публичного порядка и обеспечения преемственности национальных нравственных ценностей из поколения в поколение. Медиаресурсы и ранее использовались для формирования образов добра и зла, системы этических ориентиров общества. Культурные различия, хоть и создавали сложности при достижении международных компромиссов для мирного сотрудничества, все же обеспечивали изумительную картину цивилизационного разнообразия.

Технический прогресс и процессы глобализации породили уникальное трансграничное коммуникативное пространство. Еще недавно поддерживаемый, а ныне активно критикуемый концепт мультикультурализма [3] оказался закономерным и прогнозируемым продуктом глобализации, поставившей под сомнение целесообразность сохранения традиционной культуры на исконно принадлежащих народу территориях.

Специфика современной когнитивности обусловлена запущенной ранее в действие стратегии формирования «потребителя цифрового контента». Тут явно не обошлось без использования бихевиористских теорий, позволяющих, прогнозируя последовательность реакции индивидов, отдельных социальных групп и общества в целом на отдельные «раздражители», моделировать и переформатировать их мировоззренческие паттерны. Так, многие исследователи отмечали расслоение ценностной системы, проявившееся в последние десятилетия XX века и усугубившееся впоследствии, анализируя динамику и направление изменений этических ориентиров общества [2; 5].

Любые социальные трансформации сопровождаются изменением мировоззренческих установок, характера и сущности общественных отношений, условий жизни, что не может не сказаться на мировосприятии поколений – современников таких метаморфоз.

Некоторые авторы используют термины «традиционные» и «посттрадиционные ценности», противопоставляя их [1. С. 9–10]. При этом первые ассоциируются с культурными и цивилизационными особенностями, с оптимальными моделями взаимодействия индивида и общества, с «духовным потенциалом» человеческих общностей. Сущность традиционных установок предполагает их предшествующую проверку временем и признание обществом в качестве констант, обеспечивающих жизнеспособность социального «организма». Как правило, традиционные ценности восходят к религиозным концепциям, в то время как посттрадиционные развиваются в прагматичном, секулярном, высокотехнологичном социуме. К ним порой относят так называемые цифровые ценности.

Инновации бросают вызов привычным моделям поведения, более того, именно цифровые технологии, размывая государственные границы, могут поставить под сомнение необходимость сохранения отдельных базовых моральных ограничителей, которые могут быть признаны устаревшими и, следовательно, тормозящими прогресс. Таким образом, насущным вопросом может оказаться возможность синхронизации традиционных духовно-нравственных ценностей с ценностями цифровыми.

Несмотря на критику и предостережения по поводу идеализации «цифрового будущего», нельзя не признать возможности, предоставляемые техническими инновациями, в том числе способы формирования этических стандартов, используемых в прогрессивном коммуникативном пространстве, однако для того, чтобы минимизировать риски, связанные с широким применением новых технологий, необходимы: 1) эффективный механизм регулирования «информационной гигиены»; 2) профилактика разрушительного воздействия на социальную солидарность через возрождение интереса/уважения к традиционным ценностям; 3) интеграция традиционных этических ориентиров в ценностную систему новых поколений; 4) профайлинг социальных сетевых сервисов; 5) формирование устойчивости социума к манипулятивным технологиям управления массовым сознанием и 6) стимулирование социальных механизмов противодействия недобросовестному поведению в коммуникативном пространстве.

Список литературы

1. Данилова Л. Н., Ледовская Т. В., Солянин Н. Э., Ходырев А. М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 5–12. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-2-5-12
2. Иванова Е. В. Этическая инверсия образа положительного героя современного медиапространства: проблема привлекательности инфернальных героев // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 234–239. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/105650>
3. Кивисто П. Теперь мы все действительно мультикультуралисты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX, 2(85). С. 19–45.
4. Кужелева-Саган И. П. Социальные сети как пространство реализации стратегических коммуникаций и ведения меметических войн // Коммуникология. – 2022. Т. 10, № 1. С. 65–79.
5. Петухов В. В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? URL: https://www.perspektivy.info/misl/cenn/cennostnaja_palitra_sovremennogo_rossijskogo_obshhestva_ideologicheskaja_kasha_ili_poisk_novyh_smyslov_2011-03-25.htm
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4309067.
7. Шомова С. А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 250–269.

А. С. Киселев,

кандидат юридических наук,

Государственный университет просвещения;

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД СИЛЬНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НИМ

Аннотация. Эпоха искусственного интеллекта для человечества означает изменение во всех аспектах жизни, начиная с организации быта, и до технологических инноваций, социальных, экономических и культурных перемен планетарного масштаба. Прямо сейчас внедрение искусственного интеллекта ускоряет научные и технологические процессы, переписывает правила труда и управления, изменяет общественные нормы и стандарты, создавая новые возможности и вызывая все большее количество этических и социальных вопросов. Одной из основных проблем развития любой стратегии, предполагающей развитие искусственного интеллекта, является определение правового, социального, фактического статуса искусственного интеллекта. В связи с этим уже сейчас стоит вопрос, как следует выстраивать глобальную и национальную стратегии развития общества, в котором будут доминировать технологии, основанные на искусственном интеллекте.

Ключевые слова: искусственный интеллект, слабый искусственный интеллект, сильный искусственный интеллект, развитие искусственного интеллекта, право и искусственный интеллект, искусственный интеллект и общество

SOCIAL AND LEGAL PROBLEMS OF CONTROL OVER STRONG ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTERACTION WITH IT

Abstract. The era of artificial intelligence (AI) for humanity means a change in all aspects of life, from the organization of everyday life, to technological innovations, social, economic and cultural changes on a planetary scale. Right now, the introduction of AI accelerates scientific and technological processes, rewrites labor and management rules, changes social norms and standards, creating new opportunities and causing an increasing number of ethical and social issues. One of the main problems of the development of any strategy involving the development of artificial intelligence is the determination of the legal, social, and actual status of artificial intelligence. In this regard, there is already a question of how to build a global and national strategy for the development of a society in which technologies based on artificial intelligence will dominate.

Keywords: artificial intelligence, weak artificial intelligence, strong artificial intelligence, development of artificial intelligence, law and artificial intelligence, artificial intelligence and society

Сильный искусственный интеллект (далее – ИИ), в отличие от слабого, обладает полноценным самосознанием и не просто имитирует мышление, а действительно мыслит. Создание такого сегодня ограничивается тем, что слабо изучено мышле-

ние самих людей и еще хуже – животных. Кроме того, мыслительная деятельность включает не только формально-логические операции, но и ряд других психических функций [4].

Одной из проблем создания сильного ИИ является вопрос об эмоциях. Машина умеет мыслить с помощью математических методов, но в человеческом мышлении также присутствуют и эмоции. Даже среди специалистов-психологов нет общепринятой теории эмоциональной деятельности человека. А технические специалисты часто склонны вообще отрицать полезность эмоций. Однако ИИ без эмоций не будет восприниматься человеком как полноценный интеллект, и это будет вызывать проблемы во взаимодействии человека и ИИ [6].

Часто эмоциями называют то, что ими не является, а связано с более долгосрочным состоянием человека или социальными связями. Очевидно, что сегодня робот не может проявлять чувства и эмоции, но вполне способен успешно их имитировать и в некоторой степени понимать их причинно-следственную связь. Именно такие параметры закладываются в современные чат-боты, основанные на нейронно-сетевых технологиях [3. С. 389]. Изучив гигантский объем диалогов, книг, историй любви и ненависти, дружбы и предательства, алгоритм вырабатывает определенную способность понимать значение человеческих чувств. Однако, нейросеть не является ИИ в полном смысле слова и строго ограничена алгоритмом.

Необученный ИИ можно представить как чистый лист или как ребенка, который только начинает познавать окружающий мир. Какую модель поведения выберет группа людей, ответственная за его обучение и развитие, какая функция изначально будет заложена в ИИ, такой конечный эффект и будет достигнут [5].

В последние годы успехи в области статистических вычислений позволили сделать настоящий скачок в развитии благодаря машинному обучению. Аналогичным образом прогресс в области нейронных сетей привел к развитию дополнительной области ИИ под названием «глубокое обучение».

В широком смысле подходы к машинному обучению разделяются на направляемое и на произвольное обучение. В первом случае используются данные с заданным результатом, а во втором – без него. Искусственный интеллект в узком смысле – программирование машин для автономного удовлетворения конкретных потребностей с помощью передовых вычислений. Принятие решений нейронных сетей и глубокого обучения – это текущее состояние исследований ИИ, которые помогают нам достичь высокой производительности, снизить затраты и улучшить качество развития слабого ИИ.

К примеру, две программы искусственного интеллекта, разработанные и применяемые компанией «Фейсбук» (организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации), самостоятельно развиваясь, смогли создать новый, неизвестный никому до этого язык, состоящий из схематических символов, который лишь с виду напоминал английский. Ученые изначально решили, что это программный сбой и ИИ передают друг другу набор случайной информации, однако затем стало ясно, что эти символы имели закономерность, то есть могли считаться языком, с помощью которого можно было передавать информацию, которую не смог бы, по крайней мере быстро, расшифровать человек.

Летом 2017 г. руководство соцсети приказало отключить экспериментальную систему [1]. Были и другие сообщения об изобретении искусственным интеллектом новых языков для собственных нужд.

Такие случаи ставят перед исследователями более общий вопрос: что может произойти, если в самообучающейся системе запустится совершенно незапланированный процесс? Согласно позиции С. Рассела, ученого, занимающегося изучением искусственного интеллекта, основная проблема кроется не в том, что искусственный интеллект станет разумным. Робот может прийти к выводу о необходимости принимать жесткие, но практически оправданные решения, продиктованные циничной логикой [2. С. 2], то есть машины могут начать выполнять доверенные им обязанности слишком рационально.

Предположим, что ИИ поставлена цель осуществить сугубо прикладную функцию – поддерживать максимально пригодную среду для ботанического сада, где содержатся различные виды уникальных тропических растений. С учетом бесконечных возможностей постоянного обучения и отсутствия моральной критики, свойственной на данный момент исключительно человеку, искусственный интеллект может сделать вывод о том, что наиболее пригодной среда может стать лишь для отдельных видов растений. Таким образом, контролируя микроклимат в помещении, ИИ фактически получает возможность уничтожить часть флоры для наиболее продуктивного роста оставшихся образцов. Такая погрешность недопустима, и по понятной причине человеку следует вводить множество ограничений, которые ИИ преодолеть в принципе не сможет из-за имеющихся алгоритмов [7. С. 415–417]. Но возможно ли предусмотреть все риски и на каждый из них подготовить контрмеру? По всей очевидности, сделать это практически невозможно, что дает основание предполагать наличие постоянной потенциальной угрозы со стороны такого максимально эффективного хладнокровного создания, как искусственный интеллект. Данный пример обнажает возможные угрозы со стороны ИИ и в отношении человеческих жизней.

Правовые методы развития сильного ИИ такие же, как и для слабого, (описаны выше). Но к ним добавляется также необходимость определить, зачем нам нужен сильный ИИ, кто будет его контролировать и иметь к нему доступ. Здесь важной проблемой становится справедливость и прозрачность общественного устройства, международная конфликтность, существование организованной преступности и террористических организаций. Опасность попадания ИИ в руки злоумышленников и даже просто недобросовестных политиков и предпринимателей должна быть исключена, так как в противном случае сильный ИИ может быть использован для создания проблем планетарного масштаба.

Список литературы

1. Официальный сайт «Москва 24» / Facebook заблокировал ботов: роботы стали общаться между собой на новом языке. URL: https://www.m24.ru/articles/tehnologii/04082017/148209?utm_source=CopyBuf
2. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: Современный подход. М.: Изд. дом «Вильямс», 2007. 108 с.

3. Шилова С. А., Крючкова А. А. Лингводидактический потенциал чат-ботов // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2021. № XIII. С. 389–393.

4. Escola S., Zador A., et al. Catalyzing next-generation Artificial Intelligence through NeuroAI // Nature Communications. 2023. Vol. 14. Article number: 1597. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-023-37180-x>

5. Hammaad A., Aparna B., et al. Mitigating the impact of biased artificial intelligence in emergency decision-making // Communications Medicine. 2022. Vol. 2. Article number: 149. – URL: <https://www.nature.com/articles/s43856-022-00214-4>

6. Savage N. Why artificial intelligence needs to understand consequences // Nature. 2023. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-023-00577-1>

7. Silvestro D., Gorla S., Sterner T., Antonelli A. Improving biodiversity protection through artificial intelligence // Nature Sustainability. 2022. Vol. 5. Pp. 415–424.

Н. Е. Ладенков,

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ

Аннотация. Цифровизация затрагивает не только жизнедеятельность человека, но и его сознание, в том числе правовую культуру. Целью исследования выступает определение основных тенденций изменения правовой культуры, которые протекают относительно медленно. Среди основных тенденций можно выявить «раздвоение» правовой культуры личности, переосмысление роли юриста в профессиональной правовой культуре, косвенное влияние нечеловечьих сущностей на динамику массовой правовой культуры, появление новых форм правовой коммуникации и форм доминантного поведения. Поэтому со стороны государства необходим мягкий контроль за соответствующими тенденциями.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, правовая культура, правопорядок, среда взаимодействия, правовая коммуникация, модель поведения

IMPACT OF DIGITALIZATION ON LEGAL CULTURE

Abstract. Digitalization affects not only human life, but also his consciousness, including legal culture. The purpose of the study is to identify the main trends in changes in legal culture, which are proceeding relatively slowly. Among the main trends one can identify the “split” of the legal culture of the individual, the rethinking of the role of the lawyer in the professional legal culture, the indirect influence of non-human entities on the dynamics of mass legal culture, the emergence of new forms of legal communication and forms of dominant behavior. Therefore, the state needs soft control over relevant trends.

Keywords: digital technologies, digitalization, legal culture, legal order, interaction environment, legal communication, behavioral model

Введение. Цифровые технологии значительно влияют на жизнь современного человека и функционирование современного общества в целом. Изменения можно наблюдать как в экономической среде, так и в межличностных отношениях, что приводит и к трансформации сознания, в том числе и его части, отвечающей за представления о праве. А если брать более широко, то можно сказать, что меняется вся правовая культура. Ее можно обозначить как социальный институт, выполняющий функцию формирования у людей политического и правового сознания, ценностно-нормативных установок, а опосредованно и правового поведения [11. С. 38]. А Е. В. Усакова отмечает, что также правовая культура – это часть культурной идентичности современного человека, которая является маркером благополучия развития цивилизованного общества [7. С. 445]. Развитие правовой культуры предопределяет функционирование многих других правовых институтов, однако в цифровом пространстве правовая культура значительно деформируется из-за иллюзии анонимности у субъектов общественных отношений и появления новых ценностей, таких как цифровая репутация, отображающаяся через количество лайков и комментариев. Это приводит и к определенным изменениям во всей правовой культуре в целом. Часть таких изменений можно назвать положительными, другую – отрицательными.

Основная часть. Подобные изменения стали возможными прежде всего благодаря новой среде для взаимодействия – цифровой. Эта среда выступает как дополнение к привычной реальности, как бы разделяя существования человека на онлайн и офлайн. Также эта среда выступает единственной для взаимодействия между членами цифровых сообществ. Появление данной среды можно назвать одним из глобальных технологических достижений, оказывающих существенное воздействие на право и правовую культуру [1. С. 140–155]. В частности, отметим структурные изменения правовой системы, появление новых представлений о праве и новых правовых идеологий. Это отражается как на видах юридической деятельности, так и на складывающихся общественных отношениях. Такое изменение правовой культуры проходит безболезненно и бесконфликтно. Возникает определенное социальное напряжение, требующее принятия мер со стороны публичных структур, отвечающих за контроль над цифровизацией. Не стоит забывать, что не только цифровизация оказывает влияние на динамику правовой культуры, но и другие факторы.

Изменения, происходящие в правовой культуре, отображаются и на состоянии правопорядка.

Как отмечает А. А. Дорская, важнейшую роль в конструировании правопорядка играют следующие факторы:

- система определенных правовых ценностей, устанавливаемых и поддерживаемых государством и обществом;
- существующая национальная правовая традиция с присущими ей специфическими правовыми механизмами;
- национальный менталитет;
- господствующая религия или отсутствие таковой [3. С. 36–43].

Таким образом, модель правопорядка определяется характеристикой не только национальной правовой системы, но и моментом времени. Конструирование пра-

вопорядка представляет собой сложную деятельность, которую осуществляет как государство в контексте реализации определенной правовой политики, так и все субъекты права, своими повседневными действиями воплощающие в реальность предписания правовых норм [4. С. 476]. Последнее же во многом зависит от правовой культуры.

Действия участников правоотношений предопределяются их менталитетом, который зависит от той среды, где действует субъект. Отличие цифровой среды от материальной существенно. В частности, в первой не актуальна такая категория, как пространство. Кроме того, как уже было отмечено выше, у субъектов может возникать иллюзия анонимности, безнаказанности и обезличивания.

Так как уже большая часть населения развитых стран вовлечена в цифровое взаимодействие (используют социальные сети), такое раздвоение восприятия также отображается и на массовой правовой культуре. Кроме того, существует позиция, согласно которой использование цифровых технологий на ежедневной основе меняет само мышление людей даже вне рассматриваемой среды – тем самым меняя стиль и характер принимаемых решений [5. С. 36].

Можно выделить наиболее существенные факторы, влияющие на восприятие правовых коммуникаций в цифровой среде:

1. Изменение менталитета, системы ценностей и мышления людей.
2. Клиповость мышления.
3. Усложнение контроля для государства за правовыми коммуникациями, происходящими в цифровом пространстве [15. С. 220–232].
4. Развитие негативного девиантного поведения в цифровой среде.
5. Появление новых типов общественных отношений, протекающих «вне правового регулирования».

Однако меняется не только обыденная правовая культура, но и профессиональная.

Уже появились технологические решения, облегчающие деятельность юриста, частично автоматизируя ее, а местами и подменяя человека. Это отражается и на профессиональной правовой культуре, заставляя переосмыслить собственную роль и содержание человеческой юридической деятельности. Прежде всего это касается правоприменительной деятельности. Так, планируется, что к 2036 г. 100 тыс. операций, выполняемых судами разных уровней, будут полностью автоматизированы. В то же время система «Электронный судья», внедренная в Азербайджане, показала свою эффективность: одна организация, подав в соответствующие инстанции за один день 300 заявлений, уже через 15 минут получила решения по всем им [8. С. 51].

Кроме того, меняется и правотворческая деятельность. Зарождение цифровой подсистемы права создает новый механизм образования норм права через деятельность субъектов правоотношений в цифровой среде. Классическое нормотворчество также отчасти меняет свой характер, позволяя незамедлительно уведомить всех адресатов об изменениях в нормативных правовых актах, что значительно усиливает информационную функцию права.

На обыденном уровне правовой культуры человеку приходится взаимодействовать как в цифровой среде, так и в материальной. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, вхождение человека в виртуальный мир предполагает

определенную дихотомию правового положения индивида, заключающуюся в его существовании в гибридной реальности [10. С. 112]. А из-за разницы в восприятии и самосознании в цифровой и материальной среде развивается и раздвоение правовой культуры. Так, в материальном мире гражданин может проявлять порядочность, а в цифровой среде реализовывать девиантное поведение, иногда даже преступное. Во многом это объясняется факторами, указанными ранее. Также некоторые исследователи отмечают, что есть угроза ускоренной цифровизации общества, связанная с «растворением» личности отдельного индивида в электронных базах, где он оставляет информацию о себе.

Кроме того, технологическое развитие уже начинает размывать границу между человеческими и цифровыми сущностями. Речь идет об активном развитии искусственного интеллекта, прежде всего основанного на технологии нейросетей. Подобные технологии уже используются для автоматизированного правоприменения [9]. Но также искусственный интеллект, проявляющий относительную автономность от оператора, уже начинает вступать во взаимодействия с людьми. Это поднимает вопросы о влиянии таких «цифровых личностей» на массовую правовую культуру и обладают ли они личной правовой культурой. По всей видимости, не стоит говорить, что у искусственного интеллекта может быть культура вообще и правовая в частности, так как культуру традиционно приписывают исключительно людям, чем искусственный интеллект очевидно не является.

С другой стороны, искусственный интеллект, вступая в правоотношения, не важно от своего имени или в качестве инструмента, своими действиями формирует и воспроизводит правовую реальность, тем самым создавая порядок в его современном понимании [12. С. 55].

А порядок и правовая культура имеют двустороннюю неразрывную связь, оказывая взаимное влияние друг на друга [6. С. 50]. Действия субъекта во многом предопределяются уровнем его правовой культуры. При этом порядок, сложившийся в обществе, также влияет на правовую культуру данного субъекта.

Таким образом, действия искусственного интеллекта отражаются на порядке, который в свою очередь уже оказывает влияние на массовую правовую культуру. Следовательно, искусственный интеллект, пусть и не являясь носителем правовой культуры, способен воздействовать на нее.

Однако и без участия «цифровых личностей» в обороте правовая культура меняется.

Основным движущим фактором все же выступает появление цифровой среды для взаимодействия с другими субъектами. Большая часть обращений к государству теперь возможна в электронном формате, как и некоторые правоприменительные процедуры. Кроме того, частные лица, как физические, так и юридические, зачастую осуществляют правовую коммуникацию между собой также в электронной форме. Подобные изменения в значительной степени ускоряют оборот, что способствует развитию экономики и уменьшает издержки на канцелярские принадлежности. Однако их едва ли можно назвать существенными: подобные изменения в большей степени затрагивают профессиональную правовую культуру. Но обыденная правовая культура также оказывается затронутой.

Кроме того, в цифровой среде появляются дополнительные языки для правовой коммуникации: «С точки зрения социальной семиотики эмодзи как динамические знаки имеют большой потенциал передачи значений, что делает их значения зависящими от контекста и зависящими от интерпретатора... Исследование контекстуализированной конфигурации эмодзи поможет разобраться в интерпретации содержащих эмодзи текстов при принятии судебных решений, а также в определении допустимости доказательств и оценки доказательств в судах» [13. С. 1]. Что особенно актуально, так как действующая редакция ст. 160 ГК РФ допускает сделки, заключенные с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. С. Л. Будылин отмечает: «Любые средства коммуникации играют важную роль в жизни людей, в том числе и в правовых отношениях между ними. Это касается не только лингвистических методов общения, но и таких средств невербальной коммуникации, как эмодзи» [2. С. 74]. Язык выступает в качестве основы культуры, и любые изменения в языковом аппарате отображаются на ней, в том числе и на правовой культуре. М. Pendl отмечает: «Эмодзи стали незаменимыми для коммуникации в век цифровизации. Даже право не в состоянии игнорировать этот феномен реального мира (Realphänomen), а вынуждено иметь с ним дело» [14. С. 103–104].

Однако в случае с эмодзи возникает существенная проблема толкования этих знаков. На данный момент большая часть исследователей сходятся во мнении, что необходимо учитывать контекст и культурные особенности субъекта, отправившего сообщение. Кроме того, эмодзи уже неоднократно попадали во внимание судебной практики, как отечественной, так и зарубежной. Такое проникновение элементов массовой культуры в юридическую деятельность, без сомнения, повысит и уровень правовой культуры.

Другим существенным фактором выступает скорость распространения информации и ее сохранность. В цифровой среде информация распространяется почти мгновенно за счет отсутствия категории пространства. Таким образом, действия субъекта как в цифровой среде, так и в материальной становятся «общеизвестными» за крайне малый промежуток времени. Ранее мы уже писали про иллюзию анонимности. Из-за такой скорости распространения информации и наличия технических средств получения доступа к ней почти неограниченного круга лиц анонимность действий в материальной среде уже значительно снизилась как для публичных персон, так и лиц, неизвестных широкой публике. Что же касается цифровой среды, иллюзорность анонимности возникает из-за специфики восприятия. У большинства людей возникает ощущение, что, сидя дома за компьютером или с телефоном в руках и взаимодействуя в Интернете, особенно под псевдонимом, их невозможно опознать и определить. Такое восприятие способно подтолкнуть к аморальному, а иногда и к противоправному поведению в Интернете.

Также ранее мы указали на сохранность информации в цифровой среде. Из-за постоянного копирования информации, наличия резервных хранилищ и реестров, в которых отображаются изменения, невозможно полностью «удалить информацию

из Интернета». С одной стороны, это поддерживает прозрачность и стабильность цифрового оборота, с другой – если была неправомерно распространена информация о гражданине, исправить это становится невозможно (не получится «изъять тираж»).

Цифровизация также повлияла на негативную девиантную правовую культуру, создав новые формы противоправного поведения и модернизировав уже существующие. Можно выделить:

- создание «групп смерти»;
- домогательства до несовершеннолетних;
- интернет-мошенничество;
- выявление пустующей недвижимости для совершения хищений;
- пропаганда преступного поведения;
- организация незаконных массовых мероприятий;
- распространение клеветы;
- преследование сталкерами;
- троллинг;
- буллинг;
- фейк-новости.

Данные формы усугубляются еще и общим уровнем развития правовой культуры. Среди наиболее существенных черт можно выделить:

1. Низкую правовую грамотность. Соответствующая проблема существует как в материальном, так и цифровом мире. Однако в последнем она усугубляется еще и тем, что Интернет – это сравнительно новое явление и еще не сложилось устойчивых правовых традиций, формирующих правовую культуру.

2. Правовой нигилизм. Соответствующая проблема особенно ярко проявляется в цифровой среде, начиная от сравнительно безобидной дачи согласия без чтения лицензионного соглашения и заканчивая игнорированием прав других лиц.

3. Незрелость механизмов выявления противоправного поведения. Соответствующая проблема уже в значительной степени решена в материальной среде, но не в цифровой, ввиду отсутствия действенных механизмов контроля и надзора.

4. Недоверие к государственной власти в целом и правоохранительным органам в частности. В цифровой среде эта проблема усугубляется из-за большого количества некомпетентных решений со стороны регулятора.

Заключение. Указанные негативные черты правовой культуры несколько сгладились за последние годы в рамках материальной среды. Однако использованные решения невозможно напрямую перенести в цифровую среду. Для улучшения ситуации необходимо продолжать развивать общую правовую культуру и развивать пропаганду правовых знаний для цифровой среды.

Т. В. Цветикова предлагает создавать интернет-клубы для привлечения молодежи к созданию программ в сфере экономики, социальной политики, культуры и т. д. и рекомендует правоохранительным органам проводить консультативную работу с различными слоями населения, направленную на распространение положительного опыта использования человеком компьютерных технологий [8. С. 52]. Развитие цифровой правовой культуры видится одним из наиболее актуальных

направлений государственной правовой политики, так как цифровизация позволяет значительно оптимизировать многие общественные процессы.

Тем не менее развитая цифровая правовая культура не может появиться за один день. Так как цифровая среда – это сравнительно новая среда для правовых коммуникаций, где требуется выработка правовых традиций, идей и представлений для формирования полноценной правовой культуры. Для этого необходимо более длительное время активного использования цифровых технологий как в повседневной жизни людей, так и для правовых коммуникаций. Главное, чтобы этот процесс не происходил бесконтрольно со стороны государства, так как в противном случае в цифровой среде может сложиться традиция поддержания девиантной правовой культуры, что и отразится на общей правовой культуре.

Список литературы

1. Анненкова И. В., Залоило М. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 140–155.

2. Будылин С. Л. «Большой палец вверх» – акцепт или оскорбление? Эмодзи, семиотика и право // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 8. С. 68–97.

3. Дорская А. А. Историко-правовой компонент в конструировании социокультурного пространства (на примере понятия социальной травмы) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 3(31). С. 36–43.

4. Ильина Т. Н., Дорская А. А., Дорский А. Ю. Взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере: историко-правовой анализ // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2018. № 4. С. 476.

5. Миронов В. В. Трансформация культур: от классической к электронной // Философия искусственного интеллекта: науч. тр. Всерос. междисциплинар. конф., Москва, 17–18 марта 2016 г.; под ред. В. А. Лекторского [и др.]. М.: ИИнтелл, 2017. С. 36.

6. Сауляк О. П. Правовая культура как фактор обеспечения правопорядка (общетеоретические, образовательные и иные аспекты проблемы) // Право и образование. 2009. № 10. С. 48–59.

7. Ускова Е. В. Правовая культура в цифровом // Человек и общество: исследования, анализ, прогноз: материалы V Всероссийской студенческой научно-практической конференции, посвященной 30-летию РГСУ и факультета социологии РГСУ и приуроченной к празднованию Дня социолога, Москва, 14 октября 2021 года. М.: Российский государственный социальный университет, 2021. С. 444–449.

8. Цветикова Т. В. Положение правовой культуры в условиях цифровизации общества // Закон и власть. 2022. № 2. С. 49–54.

9. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.

10. Чеклецов, В. В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек-машина» // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: МБА, 2013. С. 107–120.

11. Чернышенко А. Г. Правосознание: понятие, структура, сущность в контексте социокультурного анализа // Научная мысль Кавказа. Приложение. 2002. № 15. С. 38.

12. Честнов И. Л. Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права // Актуальные проблемы права в современной России: [сб. науч. ст.] / под ред. Д. А. Пашенцева. М., 2009. Вып. 10. С. 55.

13. Pei J., Cheng L. Deciphering emoji variation in courts: a social semiotic perspective // Humanities and Social Sciences Communications. 2022. Vol. 9, № 445. Pp. 1–8.

14. Pendl M. Emojis im (Privat-)Recht. Mohr Siebeck, 2022. 139 s.

15. Reed C. Making Laws for Cyberspace. Oxford: Oxford Press, 2012. 249 p.

В. А. Мун,

кандидат юридических наук,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСЛЯЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В статье раскрывается вопрос активной цифровой трансформации в сфере образования. Целью статьи является выявление инструментов, позволяющих при помощи современной информационно-коммуникационной инфраструктуры транслировать традиционные российские духовно-нравственные ценности. Автор приходит к выводу о том, что результаты перманентных процессов внедрения новых технологий, изменения способов создания, передачи, хранения и распространения информации являются неизбежными и могут быть продуктивно применены в научно-методических, воспитательных и образовательных целях современной историко-правовой науки.

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, историко-правовая наука, традиции, духовно-нравственные ценности, чат-бот, информация

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR BROADCASTING TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Abstract. The article reveals the issue of active digital transformation in the field of education. The purpose of the article is to identify tools that allow using modern information and communication infrastructure to broadcast traditional Russian spiritual and moral values. The author comes to the conclusion that the results of permanent processes of introduction of new technologies, changes in the ways of creation, transmission, storage and dissemination of information are inevitable and can be productively applied in scientific and methodological, educational and educational purposes of modern historical and legal science.

Keywords: digital technologies, artificial intelligence, historical and legal science, traditions, spiritual and moral values, chatbot, information

Активное развитие цифровых технологий в настоящее время полностью изменило процесс передачи информации. Если 30 лет назад основными источниками информации являлись книги, СМИ, люди, то в настоящее время достаточно нескольких секунд, чтобы найти в смартфоне необходимые данные. Процесс поиска информации продолжает оптимизироваться и совершенствоваться. Этому способствует внедрение новых технологий и моделей, универсализация процессов создания, хранения и распространения информации, упрощение форматов хранения и передачи данных, модернизация самих гаджетов, электронных устройств. Информация может теперь передаваться с высокой скоростью и в больших массивах.

Можно выделить некоторые особенности применения цифровых технологий в образовании.

Во-первых, применение цифровых технологий в образовании позволяет использовать гаджеты и программы для дистанционного обучения, выполнения домашних заданий, создания уроков, лекций в форме интерактивного контента. Материал, включающий виртуальную и дополненную реальность, развивает пространственное мышление, наглядно позволяет демонстрировать проектное или иное задание, где необходимо визуализировать результаты работы. Дополнительными инструментами для улучшения качества и доступности материала выступает включение в информацию звуковых эффектов, анимации, видеоряда, графических изображений. Учитывая специфику поколения Z («цифровых аборигенов»), родившегося после широкого распространения цифровых технологий, есть вероятность, что интерактивные методы обучения для данного поколения могут быть доступнее и эффективнее в восприятии, усвоении и запоминании.

Во-вторых, современные цифровые технологии позволяют сделать образование персонализированным. Цифровые инструменты способны помочь собрать и проанализировать данные об интересах обучающихся, их потребностях и запросах и в конечном счете выбрать наиболее подходящий для них контент – курсы, материалы, траекторию обучения. При этом учитывается уровень знаний, скорость освоения материала. Стоит отметить, что вопрос о персонализации обучения подвергается критике в связи с непрозрачностью рекомендательных систем, простотой поиска ответа на вопросы и, как следствие, угрозой атрофирования способности самостоятельно добывать информацию, пассивной ролью обучающегося в процессе обучения и т. д. Не приуменьшая значения приведенных доводов, необходимо понимать, что игнорирование и создание искусственных преград цифровизации образовательного процесса в условиях неизбежной реальности может иметь куда большие негативные последствия. Представляется, что восприятие новой цифровой реальности в качестве очередного и не единственного инструмента в образовательном процессе способно принести пользу и успешнее развить способности учащихся.

В-третьих, цифровые технологии упрощают организационные задачи, предоставляют широкие возможности дистанционного обучения, расширяют доступ к образовательному контенту ведущих университетов мира. Примером может

служить проект «Национальная платформа открытого образования» («Открытое образование»), созданный с целью продвижения качественного образования как уникальной среды для обучения на протяжении всей жизни и как элемент высшего образования в России и мире. В настоящее время в проекте представлено более 1200 онлайн-курсов по разным направлениям подготовки от ведущих университетов нашей страны (МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбПУ, СПбГУ, НИТУ «МИСиС», НИУ ВШЭ и др.).

В-четвертых, при помощи цифровых технологий появилась возможность отрабатывать на практике необходимые профессиональные навыки, погружаться в определенный контекст, case study. Примером могут служить виртуальные операции, проводимые медиками посредством VR-технологий. Игровые симуляторы для медиков построены по такому же принципу, как и профессиональные тренажеры-симуляторы. Современные авиасимуляторы позволяют пилотам отрабатывать свои навыки пилотирования. С точки зрения исторического контекста примером могут служить серии компьютерных игр, ставших культовыми по масштабу охвата действий, правдоподобности имитации многих аспектов жизни определенного исторического периода («Фараон», «Крестоносцы», «Цивилизация» и др.). Подобные игры позволяют погружаться в изучаемую эпоху, исследовать экономику, дипломатию, военные действия, культуру и, собственно, саму историю, основанную на реальных событиях, с участием конкретных личностей. Герои игры самостоятельно принимают решения в конкретных исторических условиях, выстраивают стратегию действий, управляют экономикой, политикой, торговлей, исследуют новые территории и новые технологии и т. д.

Однако в эпоху четвертой промышленной революции [6] мы имеем дело не просто с цифровой трансформацией, речь идет о существенном совершенствовании технологий, модификации программ и роботов, которые могут решать различные задачи по заданным алгоритмам. В основе этих процессов – технология искусственного интеллекта, уже нашедшая повсеместное применение в настоящей действительности. Например, в марте 2023 г. была выпущена языковая модель чат-бота GPT-4 (ChatGPT – от англ. Generative Pre-trained Transformer «генеративный предварительно обученный трансформер»). Нейросеть Chat GPT осуществляет глубокую генерацию больших объемов текста, понимая связи между словами и предложениями, предоставляет пользователю качественный и точный ответ на заданный вопрос. Этому способствует тщательная предварительная обработка текстовых данных, а также учет контекста вопроса.

Кроме того, алгоритмы искусственного интеллекта позволяют выполнять творческие функции, издревле считавшиеся прерогативой человека, профессиональных творцов, создающих единичные творения. Так, при помощи двух нейросетей, одна из которых рассматривает исторические портреты и создает картину, а вторая отличает новое произведение от множества оригинальных, было создано оригинальное полотно.

Кажущиеся безграничными технологические возможности ставят на повестку дня закономерный вопрос: «Властвует ли человек над техникой и через нее непосредственно над природой, либо техника приобретает власть над человеком?» [1].

Действительно, безграничный потенциал передовых технологий ведет к повышению благополучия отдельного человека и общества в целом. Именно этим обуславливается целесообразность инвестирования в разработку инновационных технологий и развития цифровых навыков пользователей. Так, в исследовательской среде возник специальный термин «цифровое благополучие» [5], отражающий благополучие человека в социальной среде, под воздействием ее цифровизации. С другой стороны, человек, используя выгоды цифровизации, безусловно, имеет дело с определенными рисками, поскольку слишком высока вероятность непредсказуемости последствий от подобной «цифровой практики» [4].

Итак, факт внедрения цифровых технологий в жизнь людей является неминуемым процессом, в связи с чем цифровые технологии целесообразно было бы использовать в качестве современного инструмента трансляции важных смыслов и концепций. В продолжение поставленного вопроса, хотелось бы отметить, что использование результатов технологического развития в любой сфере общественной жизни будет иметь положительный смысл и благие намерения для человечества только при условии сохранения традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов всех участников, задействованных в процессе технологизации. В противном случае вопросы техноэтики, этики искусственного интеллекта, включая робоэтику, машинную этику, будут первостепенными, отодвигая на второй план сами разработки, открытия и технологические достижения.

Более того, в современных реалиях, учитывая изменения, касающиеся как межгосударственные отношения, так и общечеловеческие ценности приоритетным становится вопрос защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Данная идея отражена в базовом документе стратегического планирования, определяющем национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации. В данном документе подчеркивается недопустимость дискредитации базовых моральных и культурных норм, религиозных устоев, института брака, семейных ценностей [3].

Образование и воспитание составляют важную часть государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. В свою очередь, осознание традиционных ценностей своей страны, преемственность поколений, наряду со знанием зарубежной истории государства и права, являются прочным фундаментом для формирования мировоззрения граждан, основанного на справедливости, взаимопомощи, взаимоуважении и исторической памяти. В этой связи представляется обоснованным формулирование некоторых задач, стоящих перед представителями историко-правового научно-педагогического сообщества на современном этапе, среди которых: 1) научно-методологическая, состоящая в освоении новой междисциплинарной методологии и формировании на этой основе теории и философии историко-правовой науки; 2) воспитательная, состоящая в использовании потенциала историко-правового знания для правового и патриотического воспитания молодежи; 3) образовательная, состоящая в полноценной подготовке студентов-юристов на основе полноценного изучения дисциплин историко-правового цикла [2. С. 2–8].

Цифровые технологии могут служить инструментом трансляции традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Научно-педагогическое сообщество, в свою очередь, имеет возможность применять на практике данные инструменты для решения поставленных задач. Примером использования цифровых технологий в историко-правовом образовании может служить популяризация исторических парков и музеев, в которых представлены полномасштабные реконструкции разного рода глобальных процессов и явлений, исторических событий. Подобное погружение в мультимедийное путешествие позволяет проникнуться в атмосферу конкретной эпохи. Например, в системе мультимедийных исторических парков «Россия – моя история» панорамно представлена вся история России с древнейших времен до наших дней. Стоит отметить различные интерактивные решения данных парков: исторические игры, сенсорные экраны, многочисленные проекторы, применение трехмерного моделирования, цифровые реконструкции.

Приобретают популярность музеи, в которых представлены тактильные или звуковые экспозиции. Отдельно хотелось бы отметить интернет-проект Российского государственного архива фонодокументов «Голоса партийных и государственных деятелей СССР (1917–1991 гг.)». Идея данного проекта заключалась не только в ознакомлении с существующими записями выступлений руководящих лиц СССР в цифровом аудиоформате, но и иллюстрацией этими выступлениями ключевых моментов в истории СССР, значимых событий в жизни страны.

На ранее упомянутой платформе «Открытое образование» открыт доступ к онлайн-курсу по цифровой истории, разработчиком которого является НИУ ВШЭ. Курс раскрывает становление и тренды развития цифровой истории, ее связь с различными междисциплинарными направлениями (историческая информатика, digital humanities). Подробно раскрываются темы анализа текстов, изображений, сетевой и пространственный анализ, трехмерное моделирование историко-культурного наследия.

Иными словами, примеры внедрения цифровых технологий в исторические науки сегодня обширны. В настоящее время цифровые технологии реализуются посредством разработок виртуальных музеев, цифровых коллекций, цифровых изданий исторических источников, электронных библиотек, оцифровки архивов, создания медиапроектов. Кроме того, возможность работы с большими объемами исторического материала позволяет одновременно рассматривать массивы разнообразной информации, получать выводы, основываясь на больших данных, перепроверять результаты.

Таким образом, трансформация общества под воздействием технологического развития неизбежна. В то же время значимость бережного отношения к историческому и культурному наследию страны сложно переоценить. Представляется, что оптимальным развитием событий в данной ситуации станет адаптация к новым реалиям и использование достижений цифровых технологий в качестве инструментов для наиболее эффективной трансляции традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Исаев И. А. «Машина власти» или легализация техники // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 1(146). С. 119–143. DOI: 10.17803/1729–5920.2019.146.1.119–143

2. Историко-правовой ежегодник – 2022. М.: Инфотропик Медиа, 2023.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
4. Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека // Научный дайджест. 2022. № 7(12). URL: https://www.hse.ru/data/2022/07/22/1614459848/Human_Capital_NCMU_Didgest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf?ysclid=lm93mod1fp533014696
5. Buchi M. A Proto-Theory of Digital Well-Being. – 2020. DOI: 10.31219/osf.io/k3e2j
6. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution, 2016. URL: <https://www.weforum.org/about/the-fourth-industrial-revolution-by-klaus-schwab>

С. А. Муратаев,

кандидат юридических наук, доцент,

Ташкентский государственный юридический университет

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ НОРМ ПРАВА

Аннотация. В статье рассмотрены возможности использования искусственного интеллекта при разработке норм права. Вместе с тем предпринята попытка подробного анализа целесообразности разработки и применения трехэлементных норм права вместо двухэлементных. Обращено особое внимание на роль искусственного интеллекта в обеспечении процентного соотношения сбалансированности норм-предписаний. Наряду с положительными аспектами применения искусственного интеллекта в процессе содержательной разработки норм права были рассмотрены возможные риски подобной инновации.

Ключевые слова: норма права, искусственный интеллект, разновидность диспозиции, математическая сбалансированность, норма-предписание, дозволение, императивные нормы

ABOUT THE POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROVIDING BALANCED ELEMENTS OF THE NORM OF LAW

Abstract. The article considered opportunities for utilizing artificial intelligence in the process of creating rules of law. At the same time, an attempt was made to comprehensively analyze the feasibility of creating and applying three-element rules of law, rather than two-element ones. Particular attention was paid to ensuring the balance of the norm as a percentage, which is only feasible for artificial intelligence. Along with the positive aspects of using artificial intelligence in the process of creating the content of legal norms, the possible risks of such innovations were also calculated.

Keywords: norm of law, artificial intelligence, diversity of disposition, mathematical balance, norm prescription, permission, imperative norms

Человечество во многих областях общественной жизнедеятельности все больше погружается в мир информатизации и цифровизации. Если смотреть на этот процесс более индуктивным взглядом, то подобное погружение означает переход от естественного капиталистического образа жизни к цифровому миру. На первый взгляд, этот процесс выглядит как абсолютный прогресс: улучшение и облегчение условий жизни людей, появление и развитие различных правовых отношений, повышение экономического благосостояния и т. д. Однако, как отмечают известные ученые и эксперты, данное явление может дойти до уровня бесконтрольности и в какой-то момент обратиться против людей. Так, по мнению профессора Оксфордского университета Н. Бострома: «...смертельная угроза связана с возможностью создания искусственного интеллекта, превосходящего человеческий разум. Катастрофа может разразиться как в конце XXI века, так и в ближайшие десятилетия».

Вся история человечества показывает: когда происходит столкновение представителя нашего вида, человека разумного, и любого другого, населяющего нашу планету, побеждает тот, кто умнее. До сих пор умнейшим были мы, но у нас нет гарантий, что так будет длиться вечно» [4. С. 4]. Приведем еще один прогноз о влиянии искусственного интеллекта и Всемирной паутины в целом на государства: Эрик Шмидт, председатель совета директоров Google: «Появятся две версии внешней и внутренней политики: одна – для физического, “реального” мира, другая – для существующего онлайн-мира, виртуального мира. Иногда эти версии будут противоречить друг другу: скажем, правительство принимает жесткие меры против определенного поведения в одной из реальностей и при этом допускает его в другой; ведет войну в киберпространстве и демонстрирует миролюбие в реальном мире... Так или иначе, государства будут пытаться справиться с новыми угрозами своей власти, которые возникают в результате большей соединенности людей» [13. С. 15–16].

Впрочем, об этом имеется много гипотез, мы же хотим рассмотреть некоторые возможности этого «блага» в законотворческом процессе.

Из общей теории права известно, что для бесперебойного функционирования норм права должны присутствовать три неотъемлемых элемента: гипотеза, диспозиция и санкция. Хотя существуют взгляды, исключающие третий элемент в нормах права, т. е. санкцию.

Среди правоведов дореволюционного периода, поддерживавших концепцию двухэлементной структуры правовой нормы, следует назвать Ф. В. Тарановского, Н. М. Коркунова, Д. Д. Гримма. Из советской эпохи можно отметить таких известных ученых, как С. С. Алексеев, С. В. Курылев, Ю. В. Кудрявцев, А. А. Ушаков, Н. П. Томашевский, Б. В. Шейндлин, А. Ф. Черданцев. В современной юридической науке концепцию двухэлементной структуры правовой нормы придерживаются В. А. Белов и др.

Так, ряд известных теоретиков права выразили мысль о необходимости наличия этих трех элементов в нормах права, в противном случае норма не будет работать или будет работать неэффективно.

По мнению А. В. Полякова, правовая норма представляет собой уникальную систему, состоящую из нескольких элементов, между которыми существуют раз-

личные отношения. Совокупность элементов, рассматриваемых как единое целое, и связей между ними называется структурой [1. С. 468].

Обычно под логической формулой понимают нечто, помогающее лучше понять общие и частные правовые нормы права, четко конкретизировать их в нормативных правовых документах и правильно применять в жизни [5. С. 8], иначе говоря, это метод организации его содержания [14. С. 49].

Структура правовой нормы представляет собой логическую формулу, позволяющую углубить свои знания права с точки зрения общих и частных правовых норм [12. С. 169]. Все это верные суждения. Мы солидарны с подобными утверждениями. Тем не менее наш подход о структурах права отличается от классического понимания данного явления.

Мы считаем, что такие вопросы нормы права, как цели, задачи, функции, принципы, дефиниции, в совокупности относятся к гипотезе, что действительно определяет условия их применения, формулируя, на что направлена норма, на кого направлена, какими принципами руководствуется и т. д. Ведь без цели и задач и тем более уж без принципов норму можно будет истолковать в любую сторону. К примеру, классический способ определения гипотезы путем таких «вспомогательных» слов, как «если», «а если», недостаточно основательны. Именно на базе целей, задач и принципов, в совокупности которых представляют гипотезу, должна формироваться диспозитивная часть норм права, вбирая в себя «дух» гипотезы. В противном случае диспозитивную и санкционную часть норм права можно будет сформулировать в пользу публичной власти, что чревато негативными последствиями. Так, например, Закон Республики Узбекистан «О государственной власти на местах» не имеет четко сформулированной гипотезы, в результате чего данное звено публичной власти оказывается объектом критики на протяжении десятилетий.

Вышеперечисленные неотъемлемые элементы должны не только присутствовать в нормах права, но и быть сбалансированы. В зависимости от характера норм права этот баланс должен варьироваться. От этого зависит эффективное функционирование норм права. Если выразаться материально, то сбалансированные элементы норм права обеспечат наибольшие удобства для их исполнителей, вне зависимости от того, будут ли эти исполнители физическими лицами или юридическими. Мы считаем, что такие сбалансированные элементы прежде всего будут выступать предупреждающим фактором для должностных лиц публичных органов.

Как показывает законотворческая практика постсоветских стран, в том числе Республики Узбекистан, в нормах права превалирует разновидность диспозиций, чем гипотеза и санкции. Этот факт нельзя считать несущественным упущением. В результате наблюдений за исполнением уже функционирующих законов или кодексов на практике, можно невооруженным глазом заметить эту диспозитивную привилегию, где гипотеза и санкция имеют чрезвычайно малую долю. Впрочем, следует отметить, что в законотворческом процессе, а если быть точнее, в процессе конструирования «духа» и содержания норм права должен быть вклад не только представителей народа и государственной аппарата, но и суда. Полагаем, что в силу исторического наследия большинство подходов не только в законотворчестве, но и в правотворчестве в целом исходит из норм социали-

стического права, где исполнительной власти были присущи «командование и диктовка», а также наличие преимуществ в формулировке содержания норм права. Следовательно, отсутствие санкции за невыполнение предписаний, предусмотренных в диспозиции, в большинстве случаев может привести к негативным последствиям. А именно злоупотреблению правом. Следовательно, трудно согласиться с выводом, что правовая норма естественным образом состоит из двух элементов: установления условий применения нормы и формирования самой нормы [7. С. 128]. Далее можно оспорить утверждение И. А. Маньковского о необходимости пересмотра современной теории правовой нормы в пользу двухэлементной концепции ее логической структуры [10. С. 61]. Ведь природа создала людей такими, что люди хотят всего, но не могут всего добиться. А поскольку желание приобрести всегда больше соответствующей возможности, то это их неудовлетворенность своим имуществом и неудовлетворенность своим положением [9. С. 91]. Иными словами, отсутствие санкции в нормах права чревато злоупотреблениями права.

Образно говоря, три неотъемлемых элемента права можно сравнить с тремя ветвями власти, где гипотеза олицетворяет законодательную власть, диспозиция – исполнительную, а санкция – судебную власть. Так же, как жизненно важно существование и сбалансированное функционирование трех ветвей власти в обществе, равно настолько же важно сбалансированное наличие в нормах права трех ее элементов.

Если норма права будет состоять из гипотез с отсутствием или незначительным наличием остальных двух ее частей, она окажется документом, состоящим из «лозунгов» и не будет решать проблемы правоприменения. Хотя и вопрос гипотезы – это всегда вопрос реализации функционирования нормы права, проблема обстоятельств появления, изменения и прекращения правовых отношений [3. С. 4]. Или же норма, имеющая преимущественно диспозитивную часть по сравнению с двумя остальными, во многих случаях может привести к злоупотреблениям нормой права и процветанию коррупции в обществе. А преимущественно санкционная норма, где ущемлены гипотеза и диспозиция, непременно приведет к параличу исполнительной власти и правовых отношений в целом. Впрочем, мы считаем, что все три неотъемлемых элемента права должны быть в рациональном балансе в нормах права. Конечно, в теории права имеются и иные суждения по этому поводу. Например, Е. А. Крашенников рассматривает гипотезу и диспозицию противоположными элементами единой системы [8. С. 7], с чем мы бы поспорили. Наоборот, гипотеза содержит фундаментальные условия реализации диспозиции нормы права [6. С. 39]. Иными словами, они взаимодополняют друг друга.

Таким образом, обеспечение баланса между этими элементами права на сегодняшний день – вопрос актуальный. В связи с этим возникает вопрос: как можно обеспечить этот баланс? Кто способен математически точно, пристально и строго следить за этим балансом? Наверняка это не задача человека! Человек своими чувствами, личными и коллективными интересами однозначно не может выступать «балансообеспечителем». В этом вопросе для обеспечения общего

блага можно воспользоваться искусственным интеллектом. Конечно, здесь важно наличие воли не только законодательной, но и публичной власти в целом, чтобы полагаться на искусственный интеллект (далее – ИИ) при контроле за значением вносимых слов и формулировок в проект норм права. Если учесть, что публичная власть во всем мире всецело поддерживает и поощряет развитие ИИ, то можно наблюдать положительное отношение к этому вопросу в индустриально развитых странах. А что касается развивающихся стран, особенно страны с медленным темпом развития, где управление во многом осуществляется «вручную», то там трудно ожидать положительного отношения. Можем предположить, что такой банально технический способ послужит созданию качественных законов и эффективному претворению в жизнь их норм. Следовательно, применение ИИ превратит почти любое государство в правовое, а общество – в гражданское.

В обеспечении сбалансированности элементов норм права между собой можно условно воспользоваться математическим анализом. Так, например, можно рекомендовать следующую пропорцию: 20 % гипотезы, 55 % диспозиции и 25 % санкции. Эта пропорция может варьироваться в зависимости от характера норм права, императивная она или диспозитивная. Для диспозитивных норм права можно уменьшить санкцию на 20 %, отдавая эту долю диспозиции, так как диспозитивные нормы в основном направлены для урегулирование частных правовых отношений. К тому же в диспозитивных нормах можно устанавливать относительно определенные санкции для предоставления большей свободы для маневрирования субъектов частного права. Таким образом, в зависимости от характера элементы норм права могут быть расположены примерно в следующей пропорции (табл. 1).

Таблица 1

Рекомендуемое соотношение императивных и диспозитивных норм права

Норма права по характеру	Соотношение гипотезы	Соотношение диспозиции	Соотношение санкции
Императивная норма	Не менее 20 %	Не менее 55 %	Не менее 25 %
Диспозитивная норма	Не менее 20 %	Не менее 60 %	Не менее 20 %

Как нами было отмечено выше, человек не в состоянии математически точно, пристально и строго следить за балансом трех элементов в нормах права. Следовательно, это может обеспечить искусственный интеллект. А вот признание его «балансообеспечителем» зависит от воли законодателей. Необходимо внедрить подобную норму в законы о регламентах палат и даже, может быть, в конституцию, дабы придать наибольшую юридическую силу данному вопросу о необходимости проведения текста проекта закона через ИИ.

Если в ходе проведения через ИИ норма права не будет соответствовать вышеуказанным процентным соотношениям, то ИИ будет отвергать проект и требовать дополнить соответствующие элементы нужными словами: глаголами, прилагательными, существительными и др.

Попробуем наглядно смоделировать проект закона (табл. 2).

Таблица 2

**Типовой пример нормы права
с определением структурных элементов в процентном соотношении**

Императивная норма проект закона «Об административных процедурах»		
Элементы норм права	Содержание норм права	Процентное соотношение
Гипотеза	<p>Статья 2. Цель и основные задачи данного закона Целью данного закона является регулирование отношений в сфере административных процедур. Основными задачами данного закона являются обеспечение законности, прав и законных интересов физических и юридических лиц во взаимоотношениях с административными органами</p>	20 %
Диспозиция	<p>Статья 2. Определение отнесенности дел к административным органам Административные органы осуществляют административное производство по вопросам, отнесенным к их компетенции законом. Споры о подведомственности административных дел разрешаются вышестоящим по отношению к административным органам или специально уполномоченным органом. Статья 3. Межведомственное взаимодействие Межведомственное взаимодействие осуществляется на основании запроса о содействии административного органа в порядке, установленном законодательством. Отношения подчинения между административными органами не считаются межведомственным взаимодействием. Запрос о помощи со стороны административного органа должен быть направлен уполномоченному административному органу, который в состоянии предоставить соответствующую помощь наиболее эффективным образом. Неполучение ответа на запрос административного органа о помощи не должно препятствовать разрешению административного дела</p>	55 %
Санкция	<p>Статья 4. Ответственность за нарушение законодательства об административных процедурах Должностные лица государственных органов, виновные в нарушении законодательства об административных процедурах, в зависимости от степени вины, будут нести ответственность в соответствии со статьями Кодекса об административной ответственности или Уголовного кодекса. Юридические лица, виновные в нарушении данного закона, несут ответственность в соответствии со статьями Кодекса об административной ответственности. Физические лица, виновные в нарушении данного закона, будут нести ответственность в соответствии со статьями Кодекса об административной ответственности</p>	25 %

Под нормой мы подразумеваем не целые статьи или абзацы, а, как правило, одно целое предложение. Например, из табл. 2 вы можете видеть одну статью для гипотезы, которой отведено 20 %. Потому что каждое из приведенных предложений можно рассматривать как 10 %. Следовательно, в вышеприведенной смоделированной таблице у диспозиции также пять предложений, что означает пять норм.

Что касается санкции, к сожалению, практически во всех случаях они не бывают столь определенными. Следовательно, возникла теоретическая формулировка – так называемая относительно определенная санкция. На практике больше практикуется следующая формулировка: «Субъекты, повинные в нарушении норм законодательных актов “в соответствующих областях”, несут ответственность в установленном порядке», что в итоге и приводит к злоупотреблению должностными полномочиями и банальному несоблюдению установок норм права.

Представим, что третий составной элемент нормы права (санкция) отсутствует в проекте закона, обрабатываемом ИИ. В таком случае ИИ даст «отказ» и покажет причину подобного отказа с рекомендацией внесения нужных слов или предложений.

Законодатели будут вынуждены следовать рациональным «установкам» ИИ, который не преследует ничьи интересы, кроме вложенной в него программы как «балансообеспечителя» или установления рационального уровня справедливости.

Следует особо отметить, что диспозиция – самая практическая часть нормы, направленная на достижение ее цели, которую мы образно сравнивали выше с исполнительной властью. Ведь через диспозицию нормы претворяются в жизнь носителями субъективных прав и обязанностей. Определяются пределы реализации субъективных прав и обязанностей, а также условия их применения, что и связывает диспозицию с гипотезой. Из общей теории права известны три разновидности диспозиции: предписание, запрет и дозволение. Так, на наш взгляд, и эти три разновидности диспозиции должны быть сконструированы рационально и грамотно. Необходимо, чтобы был баланс между этими подвидами диспозиции. Полагаем, этот баланс также можно обеспечить путем математического анализа с помощью ИИ. Так, условно, предписание – 55 %, запрет – 20 % и дозволение – 25 %. Полагаем, что в силу исполнительного характера диспозиции больше норм должно быть в виде предписаний. Наименьшее количество запретов также направлено на создание большего «пространства» для «законного маневрирования» его исполнителей. 25 % дозволения также отведены для этих целей, т. е. для эффективного разрешения жизненных проблем на практике. Все глубже и дедуктивно анализируя данную проблему, можно понять, что обеспечение дотошного, математического баланса в этих теоретических вопросах – процесс, неподвластный человеческому уму. Нужно просто использовать ИИ. Ниже приведен еще один пример сбалансированности разновидностей диспозиции (табл. 3).

Необходимо отметить, что такая скрупулезность может показаться сверхрегулирующим, но это необходимо для создания «законов прямого действия». Путем подробного регулирования органы исполнительной власти не будут вынуждены заниматься нормотворчеством, а будут реализовывать свою классическую исполнительную функцию. Кроме того, ИИ будет строго требовать дополнения проектов норм права нужными недостающими частями.

Таблица 3

Типовая таблица с процентным соотношением разновидностей диспозиции

Императивная норма			
Элементы норм права	Подвиды элементов норм права	Содержание норм права	Процентное соотношение
Диспозиция	Предписательная диспозиция	<p>Статья 23. Представительство в административном производстве</p> <p>Юридические лица участвуют в административном производстве через своих представителей, которые действуют в пределах полномочий, предоставленных им учредительными документами, учредительными документами или доверенностью, выданной и оформленной в соответствии с правовыми документами.</p> <p>В случаях, предусмотренных законом, третьи лица обязаны участвовать в административном производстве.</p> <p>Представитель заинтересованного лица уполномочен совершать от имени представляемого лица все действия, связанные с административным производством, а также пользуется теми же правами, которыми обладает представляемый им участник административного производства, если иное не установлено законом или документом, удостоверяющим его полномочия</p>	55 %
	Запретная диспозиция	<p>Статья 23. Представлять интересы в административных процедурах</p> <p>Быть представленным в административных процедурах не может означать лишение права личного участия физического лица непосредственного участия в административных процедурах</p>	20 %
	Дозволительная диспозиция	<p>Статья 22. Участники административных процедур</p> <p>Административный орган может привлечь к участию в административных процедурах третьих лиц по собственной инициативе или по требованию заинтересованного лица.</p> <p>Физические лица могут участвовать в административных процедурах непосредственно или через своих представителей, за исключением предусмотренных законом случаев, когда установлена необходимость их личного участия</p>	25 %

На наш взгляд, активное использование достижений науки и техники в законотворческом процессе в краткосрочной перспективе приведет к следующим положительным результатам:

- усилится системная взаимосвязь между нормами права;
- возрастет уважение населения к законам и правопорядку;
- повысится правовая и политическая грамотность населения;
- сократятся пробелы и коллизии в праве;
- углубится толкование норм права и правовых исследований в этой области;
- усилится ответственность должностных лиц органов исполнительной власти при реализации права;
- сократится количество коррупционных случаев.

От активного использования ИИ в законотворческом процессе в долгосрочной перспективе можно ожидать следующих результатов:

- дальнейшее расширение использования возможностей ИИ в других сферах публичной власти;
- практическое воплощение в жизнь теории социального договора о происхождении права.

Вместе с тем наряду с положительными результатами, а также развитием законотворческого процесса использование ИИ таит в себе ряд рисков. Так, человеческий разум может и не приспособиться к такой «жесткой регламентации», и в перспективе законодатель в силу субъективных причин может отказаться от ИИ и вернуться к прежней системе, где большую роль играет человеческий фактор. Другой риск кроется в том, что отдельные политические партии, исходя из своих интересов, могут искать пути для установления в нормах права формальных правил, тем самым передавая ключевые моменты нормотворчества органам исполнительной власти. Так, например, могут быть использованы следующие формулировки: «Правительство может осуществлять и иные полномочия в соответствии с законодательством» [2. Статья 7], что создает отсылочную норму и создает больше пространства для нормотворчества исполнительной власти. Также может быть использована формулировка: «Антикоррупционная экспертиза проектов нормативно-правовых актов проводится юридическими службами в целях выявления коррупциогенных факторов, предусмотренных статьями 11–15 настоящего Закона, путем заполнения чек-листа по форме согласно приложению к настоящему Закону» [1. Статья 16]. В таком случае все опять будет упираться в человеческий фактор, добросовестность государственных служащих, заполняющих чеклист, так как законодатель в самом законе (в норме-предписании [10. С. 61].) устанавливает подобную норму.

В результате внедрения ИИ в законотворческий процесс работа законодательных органов будет усложнена, но сравнительно рационально можно будет выстроить столь важный публичный процесс, как законотворчество в интересах общего блага.

Список литературы

1. Закон Республики Узбекистан «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и их проектов» от 08.08.2023 № 860. Статья 16. URL: <https://lex.uz/docs/6561898>

2. Закон Республики Узбекистан «О гидротехнических сооружениях» от 30.08.2023 № 865. Статья 7. URL: <https://lex.uz/docs/6588809>
3. Астанин А. В. Гипотеза как элемент правовой нормы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
4. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегий; пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
5. Жицинский Ю. С. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1968.
6. Илалутдинов А. И. Элементы нормы права и их внутреннее строение // Правовая мысль: история и современность. С. 39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-normy-prava-i-ih-vnutrennee-stroenie>
7. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права: в 4 кн. (по изданию 1914 г.). М.: Статут, 2003. Кн. 2: Объективная и субъективная сторона права.
8. Крашенинников Е. А. Гражданско-правовые нормы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 2. С. 7.
9. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001.
10. Маньковский И. А. Логическая структура правовой нормы как предмет научного познания // Jurisprudence. Labor. Trade Union. Society. 2015. № 4(50). Р. 61.
11. Поляков А. В. Общая теория права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
12. Пиголкин А. С. Нормы советского права и их структура // Вопросы общей теории советского права: сб. статей / Л. С. Галесник [и др.]; под ред. С. Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1960. С. 169.
13. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 15–16.
14. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

В. И. Павлов,

кандидат юридических наук, доцент,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

МОГУТ ЛИ АНТРОПОЛОГО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ (АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ) БЫТЬ ПРИЗНАНЫ СУБЪЕКТАМИ ПРАВА?

Аннотация. В статье обосновывается понятие антрополого ориентированных цифровых инструментов, выступающих цифровыми аналогами человека или организации как традиционных субъектов права и обладающих соответствующими технологическими параметрами. Анализируется международное и национальное законодательство, доктринальные позиции относительно возможности признания умного робота субъектом права в форме «электронного лица». Делается вывод, что любой субъект права независимо от вида используемой для его построения

юридической конструкции должен быть связан с реальным человеком, фундирован реальными личностно-правовыми свойствами. Признание «умного робота» в качестве «электронного лица» как фиктивной антрополого-правовой модели возможно лишь при достижении такого уровня включения роботов в жизнедеятельность населения, при котором это будет связано с необходимой защитой прав и свобод граждан и поддержанием правопорядка. При этом робот как «электронное лицо» должен рассматриваться не в качестве автономного в антрополого-правовом смысле, однопорядкового традиционным разновидностям субъектов права образования, а в качестве особой формы правовой агентности, допускаемой законодателем в качестве фикции в целях юридической прагматики и обеспечения правовых отношений с участием цифрового элемента.

Ключевые слова: субъект права, умный робот, правосубъектность, антрополого ориентированный цифровой инструмент

CAN ANTHROPOLOGICALLY ORIENTED DIGITAL TOOLS BE RECOGNIZED AS SUBJECTS OF LAW? (ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL ANALYSIS)

Abstract. The concept of anthropologically oriented digital tools acting as digital analogues of a person or organization as traditional subjects of law and having appropriate technological parameters is substantiated. The article analyzes international and national legislation, doctrinal positions regarding the possibility of recognizing a smart robot as a subject of law in the form of an “electronic person”. It is concluded that any subject of law, regardless of the type of legal structure used for its construction, must be connected with a real person, based on real personal and legal properties. The recognition of a “smart robot” as an “electronic person” as a fictitious anthropological and legal model is possible only when such a level of inclusion of robots in the life of the population is reached, in which it will be associated with the necessary protection of citizens’ rights and freedoms and the maintenance of law and order. At the same time, the robot as an “electronic person” should not be considered as autonomous in the anthropological and legal sense, one-order to the traditional varieties of legal entities of education, but as a special form of legal agency, allowed by the legislator as a fiction for the purposes of legal pragmatics and ensuring legal relations involving a digital element.

Keywords: subject of law, smart robot, legal personality, anthropologically oriented digital tool

Введение. Процесс научно-технологического развития связан с разработкой различных инструментов, с помощью которых осуществляется цифровизация социальной реальности, в том числе права и правовой действительности. Для обозначения тех инструментов, которые выступают цифровыми аналогами (заместителями) человека или организации как традиционных субъектов права и обладают соответствующими технологическими параметрами, предлагаем понятие *антрополого ориентированных цифровых инструментов*. Их особенностью является направленность не просто на перевод любого актуального, налично-предметного

объекта правовой реальности в цифровую (виртуальную) форму, но направленность на соответствующую трансформацию юридического образа человека. Наиболее распространенными антрополого ориентированными цифровыми инструментами выступают цифровой образ человека в сети Интернет, аккаунт, умный робот, нейронная сеть, программный код (алгоритм) и др. В современной правовой теории наибольшее внимание исследователей занимает вопрос о возможности признания умных роботов как субъектов права. В настоящем исследовании анализ антрополого ориентированных цифровых инструментов на предмет их идентификации как субъектов права будет проводиться в рамках постклассической онтологии права, в частности, с позиций антрополого-правовой методологии [13; 16; 17].

Основная часть. 1. Несмотря на достаточно интенсивное правовое регулирование процесса цифровизации как в Республике Беларусь, так и в зарубежных странах, вопрос о месте человека в данном процессе и о правовом статусе антрополого ориентированных цифровых инструментов как один из центральных в данной области остается неурегулированным. В отличие от правовой регламентации цифровой личности, безопасного функционирования сети Интернет и защиты персональных данных остаются неразработанными доктринальные основы и правовое регулирование вопросов робототехники, правового статуса умного робота и систем «сильного искусственного интеллекта». В свою очередь, решение этих задач напрямую связано с анализом различных аспектов учения о человеке в праве и развитием теории субъекта права в целом. *Ключевым для юридической науки* в настоящий период является именно *разрешение проблемы о возможности либо невозможности признания антрополого ориентированных цифровых инструментов субъектами права*. Отметим, что при этом речь идет не о формально-юридическом соответствии цифрового инструмента содержанию юридической конструкции субъекта права как формально-догматической модели человека в качестве участника правового общения. Возможность признания цифровых инструментов субъектами права связана с вопросом о способности и допустимости цифрового агента выступать в качестве реального правового деятеля с позиции проявления им личностно-правовых свойств.

2. В последние несколько лет особый акцент в правовом анализе антрополого ориентированных цифровых инструментов с позиции признания их субъектами права связан с попыткой определения правового статуса умного робота. С позиции правового регулирования робототехники на сегодняшний день лидерские позиции занимают страны, в которых активно инвестируется развитие соответствующих технологий – это Сингапур, Южная Корея, Япония, Китай, США, Германия и некоторые другие страны, в которых на государственном уровне разрабатываются правовые акты и программы развития робототехники [10]. Однако фундаментальные теоретико-правовые вопросы о новых формах цифровой субъектности и в данных государствах пока находятся в стадии постановки [18]. Важнейшее значение в этой связи имеет Резолюция Европейского парламента от 16.07.2017 «Гражданско-правовые нормы о робототехнике» (Civil Law Rules on Robotics) (далее – Резолюция) [22], которая в теоретико-методологическом плане содержит потенциал для разработки учения о субъекте права в контексте антрополого ориентированных цифровых форм. Важное значение для отечественной правовой

доктрины имеют российские законопроекты о робототехнике, в которых предпринята попытка дать ответы на теоретико-правовые вопросы о правовой природе антрополого ориентированных цифровых инструментов. В частности, это проект Федерального закона «О робототехнике», подготовленный группой экспертов в 2017 г. по заказу корпорации Grishin Robotics («Закон Гришина»); в 2021 г. проект Федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» был подготовлен исследователем из Казани И. Р. Бегишевым («Закон Бегишева») [3]; в 2021 г. комитетом по экономической политике Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации во главе с его председателем А. В. Кутеповым на основе «Закона Бегишева» подготовлен законопроект «О правовом регулировании отношений в сфере оборота роботов». Однако на современном этапе действующий нормативный правовой акт, комплексно регулирующий вопросы робототехники, отсутствует как в России и Беларуси, так и в зарубежных странах. В России согласно поручению Президента Российской Федерации, в 2023 г. должен быть разработан федеральный проект закона о развитии робототехники [4]. Отметим, что первый правовой акт о робототехнике – Закон Республики Корея «О содействии развитию и распространению умных роботов» от 28 марта 2008 г. № 9014 [12] не регулирует вопросы правовой природы роботов и касается лишь развития соответствующей бизнес-инфраструктуры в сфере робототехники в Южной Корее.

3. Как уже отмечено выше, с антрополого-правовой позиции в вопросе правового регулирования робототехники первостепенное значение имеет не столько установление правового статуса антрополого ориентированных цифровых инструментов, *сколько положение человека как правового деятеля относительно претендующих на статус субъектов права цифровых инструментов*. Постановка проблемы о возможности наделения роботов и систем искусственного интеллекта правосубъектностью начинается с *актуализации связи, существующей между юридической конструкцией «субъект права» и реальным человеком*. Общей тенденцией цифровизации применительно к ее антрополого-правовому измерению является замена и вытеснение реального человека из правового регулирования, *замена его цифровыми инструментами*. С появлением виртуальной правовой реальности правовой деятель, реальный человек в процессе правового существования *вынужден все больше синтезировать наличную и виртуальную правовую реальности, адаптироваться к появлению новых не только объектно-предметных, но и виртуальных юридически значимых элементов*.

Важность антрополого-правового анализа цифровизации человека обусловлена не только тем, что для права как социального института необходимо поддерживать корреляцию между живым человеком и его цифровой формой, которая необходима для реализации охранительной функции права и функционирования института юридической ответственности. *Она также заключается в том, что отсутствие ориентации на человека как правового деятеля в развитии виртуальной правовой реальности может привести к искажению целей права, постепенному их исчезновению с горизонта правового регулирования, связанного с достижением справедливости, общесоциального и индивидуального блага, обеспечением прав и свобод людей*. Правовые эксперименты с системой социального кредита в Китае (Social

Credit Score, SCS) с использованием цифровых платформ показывают, что замена правовой нормы, неизменно связанной с антрополого понимаемой нормативностью, программным кодом и «цифровой личностью», оказывают негативное влияние на личностно-правовые свойства, а за ними и на самого человека. Китайскими исследователями замечено, например, что введение балльной системы стимулирует несвободные формы поведения [20], а программный код в правовом регулировании вытесняет нормативно-правовой код (право-обязанность), в котором всегда должна присутствовать человеческая свобода, связанная с достоинством личности и с проявлением человеческого в человеке [14]. Вместе с тем очевидно, что вопрос об использовании антрополого ориентированных цифровых инструментов в правовом регулировании фактически предрешен объективным процессом развития технологий. Поэтому анализ вариантов правовой субъектности роботов и систем искусственного интеллекта составляет важную часть антрополого-правового познания в контексте процессов цифровизации.

4. Одним из наиболее обсуждаемых на современном этапе решений проблемы правосубъектности робота является разработка новой модели субъекта права – *электронного лица* (electronic person). Такое предложение содержится в указанной выше Резолюции с сопутствующей ему идеей рассмотрения робота как самостоятельного субъекта юридической ответственности (пп. «f» п. 59). Идея признания роботов не объектами права, а его субъектами, лицами, обосновывается тем, что они могут «действовать автономно и осуществлять когнитивные процессы (например, способность роботов обучаться на своем опыте и принимать квазинезависимые решения)» (п. «Z») [11]. Особый правовой статус электронного лица обусловлен возможностью его вступления в правовые отношения с третьими лицами, следовательно, осуществления им прав и обязанностей и претерпевания мер юридической ответственности. Таким образом, в резолюции предлагается рассматривать роботов не в качестве объектов права и правовых средств, используемых людьми как субъектами права, а в качестве особых лиц, приобретающих ввиду своих технологических возможностей определенные *свойства агентности*, поскольку роботы «могут взаимодействовать со своей средой и вносить в нее значительные изменения» (п. «Z») [11].

Среди всех антрополого ориентированных цифровых инструментов в Резолюции предлагается выделить «умных автономных роботов» (smart autonomous robot) на основании пяти признаков: 1) автономия, понимаемая как сенсорная функциональность и/или обмен данными со средой и их анализ; 2) самообучение на основе аккумулированного опыта и при взаимодействии; 3) минимальная физическая поддержка; 4) адаптация действий и поведения в соответствии с условиями среды; 5) отсутствие жизни с биологической точки зрения (п. 1). Автономность как базовый признак правовой агентности роботов понимается сугубо технически, а не антропологически. Это способность робота «принимать решения и реализовывать их самостоятельно, без внешнего контроля и воздействия, ее степень зависит от того, насколько хорошо робот запрограммирован взаимодействовать с окружающей средой своим разработчиком» (п. «AA»). В целом под *умным роботом*, иным антрополого ориентированным цифровым инструментом, функционирующим

на основе искусственного интеллекта, в литературе понимается полностью или частично автономная самоорганизующая и самоорганизующаяся неживая компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая (в том числе биокибернетическая) система, юнит (от англ. unit) с соответствующим математическим обеспечением, обладающая свойствами субстантивности, субъектности и автономности, возможностями воспринимать и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обстановку (ситуацию), способностями самореферентно адаптировать свое собственное поведение, автономно глубоко самообучаться и некоторые другие подобные им [7. С. 21–22; 15. С. 94–95].

Несмотря на предложение квалификации робота как «электронного лица», следует отметить достаточно сдержанный подход в Резолюции к вопросу о правосубъектности роботов и ее общую антропоцентристскую направленность. В частности, в п. 3 формулируется принцип, согласно которому «технологии робототехники должны разрабатываться только с целью дополнить возможности человека, а не для того, чтобы заменить его» (п. 3). Человек должен в любое время осуществлять контроль за роботом, также недопустимо формирование эмоциональной зависимости людей от машин, в частности, уязвимых групп людей (дети, инвалиды, пожилые люди). Пункт 32 определяет, что «полная замена живых людей роботами может иметь отрицательный эффект». В сфере паллиативного и медицинского использования роботов по уходу за престарелыми людьми, инвалидами, людьми с психическими расстройствами, людьми с потерей памяти и иными социально уязвимыми категориями граждан «участие человека в процессе ухода все равно будет необходимым; оно продолжает оставаться важным и незаменимым источником социального общения». В п. 12 формулируется принцип прозрачности, согласно которому любому принятому с помощью робота решению, которое повлияет на жизнь одного или более людей, всегда должно быть обеспечено рациональное объяснение. Необходимо, чтобы выполненные системами с искусственным интеллектом операции всегда можно было изложить в форме, понятной человеку. Предъявляется требование к оборудованию роботов «черным ящиком» с записью данных о каждой операции, а также фиксацией логики рассуждений робота по каждому решению. Подчеркивается, что три закона робототехники А. Азимова [1] адресуются именно людям – разработчикам, производителям и операторам роботов, а не самим машинам, поскольку «данные законы невозможно перевести в программный код» (п. «Т»).

5. В юридической литературе наиболее комплексно и системно концепция робота, иного агента искусственного интеллекта как электронного лица разработана в монографии и докторской диссертации П. М. Морхата [7–8]. Под электронным лицом предлагается понимать формализованный технико-юридический образ персонифицированного юнита искусственного интеллекта, детерминирующий в юридическом пространстве конвенционально принятое сообществом специфическую обособленную от человеческого субстрата правосубъектность [7. С. 20]. Исследователь выстраивает концепцию электронного лица по аналогии с теорией фикции, применяемой к конструкции юридического лица [9. С. 65]. Правосубъектность юнита и ее условный характер обосновываются функционально-целевым назначением этого цифрового агента и его мультимодальностью [7. С. 21–22], то есть зависимостью

от конкретной выполняемой задачи в конкретный момент времени и в конкретных условиях правовой действительности. Близкие взглядам П. М. Морхата идеи о правосубъектности электронного лица на монографическом уровне обосновал и финский исследователь В. Курки [23].

За признание робота субъектом права также выступают Г. А. Гаджиев и Е. А. Войниканис, обосновывая такую необходимость более эффективным и сбалансированным распределением юридической ответственности [5. С. 41]. В перспективе исследователями предлагается две модели правосубъектности роботов: 1) как особой разновидности юридического лица на основе эластичности этого юридического понятия; 2) как квази-субъекта права («как бы субъекта права») [5. С. 45; 6. С. 24–25].

Разработчики «Закона Гришина» В. В. Архипов и В. Б. Наумов также выступают за придание умным роботам статуса субъекта права на основании концепции юридического лица и наделения их специальной правосубъектностью [2]. В своей аргументации исследователи обращаются к исходным положениям учения о субъекте в праве, полагая, что робот может совершать сознательные юридически значимые действия. По аналогии с человеческой волей действия робота могут быть признаны в юридическом смысле волевыми, поскольку они осуществляются «без непосредственного участия человека, соотносятся с какой-либо целью и предполагают корректировку модели действий в соответствии с поступающими данными» [2]. Отметим, что с антрополого-правовой точки зрения в подобной постановке вопроса не учитывается тот факт, что сознательное юридически значимое действие человека всегда основывается не просто на юридической конструкции волеизъявления, объективированной в законе, а на проявлении свободной воли человека в ее антрополого-правовом значении: в этом суть юридически значимого действия как такового, связанного в свою очередь с возможностью вменения юридической ответственности. *Применительно к человеку правосубъектность утверждается на взаимосвязи внутреннего и внешнего аспектов воли и поведенческих актов, в основе которых всегда лежат конкретные личностно-правовые свойства.*

Разработчик еще одного законопроекта о робототехнике И. Р. Бегишев дифференцирует роботов на гражданских и служебных, относя к первым промышленные, сервисные, медицинские, образовательные, научные и иные (статья 7), ко вторым – правоохранительные и военные (статья 8) [3. С. 384]. В зависимости от характера и степени участия человека все роботы делятся на управляемые и автономные (статья 11). Последние «обладают возможностью самостоятельного принятия решений и способностью действовать на основании самостоятельно сформулированного поведенческого алгоритма» (статья 13). Исследователь рассматривает всех роботов исключительно как объекты права, отказывая им в статусе субъектов. При этом в части 3 статьи 14 проекта определяет, что роботы высокого, среднего и низкого классов опасности являются источниками повышенной опасности, поэтому к ним применяются общие положения гражданского законодательства об ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих [3. С. 385]. Представляется, что использование традиционных концепций правосубъектности для правового регулирования роботов является недостаточным

ввиду невозможности непротиворечивого решения вопросов, которые уже возникают в практике правового регулирования, например, в связи с ответственностью за вред жизни и здоровью человека, причиненный беспилотными транспортными средствами, либо по поводу авторского права произведения, созданного нейросетью.

С. Е. Чаннов считает невозможным признание роботов и систем искусственного интеллекта традиционными субъектами права, поскольку субстратом последних всегда являются конкретные личностно-правовые свойства человека – правовая воля, правовое сознание и т. д., которые у роботов отсутствуют [19. С. 98]. Конструкция юридического лица также не является обоснованием для признания робота субъектом права, поскольку юридическое лицо всегда представляет собой объединение людей [19. С. 98].

О. Я. Ястребов, основываясь на методологии Г. Кельзена, также придерживается концепции робота как «электронного лица», понимая под ним «персонифицированное единство норм права, которые обязывают и уполномочивают искусственный интеллект (электронный индивид), обладающий критериями “разумности”» [20. С. 50]. Является дискуссионным утверждение автора о «принципе несущественности сознания» [20. С. 44], которое является важнейшим методологическим положением для обоснования любой модели правовой субъектности. О. А. Ястребов допускает, что «для реализации конкретного поведенческого акта совершенно не существен опыт осознания этого акта. Данный принцип можно экстраполировать и на интеллектуальную деятельность, которая ранее считалась традиционно неразрывно связанной с осознанием» [20. С. 44]. Данное положение противоречит традиционному юридическому представлению о правовом поведении.

Заключение. 1. Проведенный анализ показывает, что в правовой доктрине и на уровне наднационального правового регулирования отсутствует единая позиция относительно правового статуса антрополого ориентированных цифровых инструментов. Антрополого-правовой методологический подход в части познания возможности наделяния роботов и систем искусственного интеллекта правосубъектностью основывается на принципиальности наличия связи, существующей между юридической конструкцией «субъект права» и реальным человеком. Поскольку общей тенденцией цифровизации применительно к ее антрополого-правовому измерению является замена и вытеснение реального человека из правового регулирования, замена его цифровыми инструментами, постольку с появлением виртуальной правовой реальности правовой деятель, реальный человек вынужден все больше синтезировать наличную и виртуальную правовую реальности, адаптироваться к появлению новых не только объектно-предметных, но и виртуальных юридически значимых элементов.

2. Попытки наделяния «умного робота» статусом субъекта права независимо от используемой для этого юридической конструкции сталкиваются с вопросом об антрополого-правовом основании правовой субъектности как таковой, о реальных личностно-правовых свойствах, без которых правовая субъектность невозможна. Прежде всего, это само понятие правовой личности, включающей свободную волю, личностную автономию, самосознание и личностные ценности. В основе модели «умного робота», равно как и любой модели правовой субъектности, должен присутствовать личностно-правовой уровень человеческого присутствия в праве,

являющийся базисом правовой субъектности. Это означает, что любой субъект права независимо от вида используемой для его построения юридической конструкции должен быть связан с реальным человеком, фундирован реальными личностно-правовыми свойствами. Данное положение следует учитывать при разработке законодательства о робототехнике, определив, что единственным основанием правовой субъектности является человеческая личность.

3. Признание «умного робота» в качестве «электронного лица» (electronic person) – субъекта права как фиктивной антрополого-правовой модели возможно лишь при достижении такого уровня включения роботов в жизнедеятельность населения, при котором это будет связано с необходимой защитой прав и свобод граждан и поддержанием правопорядка. При этом робот как «электронное лицо» должен рассматриваться не в качестве автономного в антрополого-правовом смысле, однопорядкового традиционным разновидностям субъектов права образования, а в качестве *особой формы правовой агентности*, допускаемой законодателем в качестве фикции в целях юридической прагматики и обеспечения правовых отношений с участием цифрового элемента. В этой связи робот может рассматриваться как субъект права посредством разработки специальных конструкций правосубъектности, основанных на принципе не правовой личности, а *правовой агентности*. Попытка признания самодостаточности и автономии цифровых инструментов наряду с традиционными формами правовой субъектности в их связи с человеком возможна только в случае создания цифровой правовой личности, которая по своим свойствам будет аналогична человеческой личности, включая свойство свободы. В связи с тем, что такая цифровая личность представляет угрозу человечеству как роду, полагаем необходимым сформулировать абсолютный императивный законодательный запрет на разработку такого цифрового агента по эτικο-юридическим причинам.

Список литературы

1. Азимов А. Эссе № 6. Законы роботехники // Мечты роботов. М.: Эксмо, 2004. С. 781–784.
2. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // СПС КонсультантПлюс. 2023.
3. Бегишев И. Р. Проект федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 379–391.
4. В России появится федеральный проект по развитию робототехники (31.01.2023) // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-rovavitsya-federalnyy-proekt-po-razvitiyu-robototekhniki.html>
5. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
6. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15–30.

7. Морхат П. В. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2018. 45 с.
8. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
9. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.
10. Незнамов А. В., Наумов В. Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 14–25.
11. Нормы гражданского права о робототехнике / пер. А. Незнамова, М. Ивановой // Robotrends.ru. URL: <https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototekhnike-i-hartiya-robototekhniki>
12. О содействии развитию и распространению умных роботов: Закон Республики Корея от 28 марта 2008 года № 9014 (по сост. на 06.01.2016) / пер. А. Незнамова, М. Ивановой. URL: <https://robotrends.ru/pub/1730/regulirovanie-robototekhniki-v-koree.-zakon-o-sodyaystvii-razvitiyu-i-rasprostraneniyu-umnyh-robotov>
13. Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. – 560 с.
14. Петров А. А. В Китае создается цифровая диктатура или общество всеобщего благоденствия // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 504–523.
15. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. – Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91–109.
16. Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.
17. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 840 с.
18. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.
19. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квази-субъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 12 (145). С. 94–109.
20. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 2. С. 36–55.
21. Chen Yongxi, Cheung A. The transparent self under big data profiling: Privacy and Chinese legislation on the social credit system // The Journal of Comparative Law. 2017. Vol. 12, No. 2. Pp. 356–378.
22. Civil Law Rules on Robotics // European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU%282016%29571379_EN.pdf
23. Kurki V. A Theory of Legal Personhood. Oxford: Oxford University Press, 2019. 240 p.

А. В. Павлушкин,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ

Аннотация. В статье изучается роль правового мониторинга в осуществляемой в настоящее время цифровизации правоприменения в Российской Федерации. При этом одним из первоочередных направлений правового мониторинга является анализ правовых норм, регулирующих использование цифровых технологий в общественной жизни. В настоящее время невозможно сделать однозначный вывод о высокой эффективности правового мониторинга в сфере цифровизации правоприменения. Однако полноценное встраивание мониторинга в цифровую систему прогнозирования результатов действия вносимых в правовые акты изменений позволяет показать состояние системы законодательства в контексте интенсивности нормотворческой деятельности, а также предложить меры по совершенствованию данного процесса и, соответственно, повышению качества государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: право, цифровизация, правовой мониторинг, правоприменение, эксперимент, правовой режим, специальное регулирование

DIGITALIZATION OF LAW ENFORCEMENT: LEGAL MONITORING

Abstract. The article examines the role of legal monitoring in the ongoing digitalization of law enforcement in the Russian Federation. At the same time, one of the priority areas of legal monitoring is the analysis of legal norms regulating the use of digital technologies in public life. Currently, it is impossible to draw an unambiguous conclusion about the high efficiency of legal monitoring in the field of digitalization of law enforcement. However, a full-fledged integration of monitoring into a digital system for predicting the results of changes made to legal acts makes it possible to show the state of the legislative system in the context of the intensity of rule-making activities, as well as to propose measures to improve this process and, accordingly, improve the quality of public and municipal administration.

Keywords: law, digital, legal monitoring, law enforcement, experiment, legal regime, special regulation

Одной из важных форм оценки и контроля правоприменительной деятельности является правовой мониторинг. При этом роль правового мониторинга не ограничивается только правоприменительной сферой, поскольку непосредственным образом он связан и с правотворчеством. В российском механизме публичной власти перманентные поправки в правовые акты являются скорее правилом, чем исключением. Постоянное изменение действующих правовых норм препятствует максимальному сбору достаточного аналитического, статистического, социологического и иного материала для правоприменения. Но повышение качества правоприменительной деятельности теснейшим образом связано со стабильностью нормативно-право-

вого регулирования. Для этого необходимо внедрение соответствующих научных инструментов, своеобразных заслонов от бессистемного изменения действующего правового массива. Именно таким инструментом является правовой мониторинг, в том числе анализ статистических данных нормотворческого процесса.

Стремительное разрастание массива законодательства, необходимость обеспечения его эффективной реализации привели к увеличению масштабов проведения мониторинговых исследований в сфере правотворческой и правоприменительной деятельности [2. С. 3–4]. В настоящее время на постоянной основе осуществляется мониторинг российского законодательства, принятого с 1994 г. [1. С. 4–13]. Это позволяет показать состояние системы законодательства в контексте интенсивности нормотворческой деятельности, а также предложить меры по совершенствованию данного процесса.

Одним из первоочередных направлений правового мониторинга является анализ правовых норм, регулирующих использование цифровых технологий в общественной жизни.

Конкретные проблемы осуществления мониторинга цифровизации рассмотрим на примере двух принятых в 2020 г. федеральных законов. Первый из них, Федеральный закон специального характера, касается регламентации проведения эксперимента по разработке и внедрению искусственного интеллекта в г. Москве [9] (далее – Федеральный закон № 123-ФЗ). Второй, общий Федеральный закон, регулирующий вопросы правовых экспериментов о цифровых инновациях в стране в целом [10] (далее – Федеральный закон № 258-ФЗ).

Необходимо заметить, что оба эти законодательных акта касаются вопросов цифровизации, приняты с разницей в три месяца и имеют достаточно сходное содержание. Конечно же, следует учитывать, что Федеральный закон № 123-ФЗ регламентирует только проведение эксперимента в сфере разработки, внедрения и возможного использования искусственного интеллекта. Область возможных экспериментов в соответствии с Федеральным законом № 258-ФЗ является куда более широкой, поскольку распространяется на значительное количество сфер экономической и социальной жизни общества (медицина, включая телемедицину; транспорт, включая беспилотные аппараты; сельское хозяйство; финансы; дистанционные продажи; промышленность и ряд других).

Но при этом обращают на себя внимание и некоторые отличия к подходам в их правовом наполнении. Так, имеются отличия в наполнении дефиниций, используемых в этих федеральных законах (например, «участник экспериментального правового режима»: ст. 2 Федерального закона № 123-ФЗ и ст. 2 Федерального закона № 258-ФЗ); не совпадают цели и задачи экспериментальных правовых режимов (ст. 3 и ст. 3 и 4 соответственно), максимальные сроки проведения экспериментов и др.

Однако, на наш взгляд, главное различие в рассматриваемых федеральных законах состоит именно в регламентации вопросов осуществления мониторинга их реализации. В Федеральном законе № 258-ФЗ такому мониторингу посвящена отдельная статья 18, содержащая достаточно детальную регламентацию осуществления такого мониторинга. При этом предварительным итогом проведенного мониторинга может являться один из вариантов: возможность придания специальному

регулированию свойства общего регулирования либо без изменения такого специального регулирования, либо с его изменением. Конечно же, результатом может быть и признание неудачности эксперимента, без изменения действующего законодательства. При этом детальная регламентация осуществления собственно мониторинга, а иных вопросов установлена специальным правительственным актом [6].

В Федеральном законе № 123-ФЗ такой законодательной регламентации о мониторинге не содержится, а сам мониторинг лишь упомянут как одна из целей деятельности специально создаваемого органа: координационного совета экспериментального правового режима. Еще более усугубляет эту ситуацию то, что в подзаконном акте Правительства г. Москвы, регламентирующем порядок деятельности указанного совета [5], также не содержится развернутой регламентации осуществления мониторинга. Имеется только лишь норма, в соответствии с которой по результатам проведения эксперимента и последующего возможного использования результатов применения искусственного интеллекта совет подготавливает и представляет в федеральное Правительство предложения о целесообразности или нецелесообразности внесения изменений в законодательство Российской Федерации (п. 4 Положения о совете). Таким образом, полагаем необходимым нормативным образом всеобъемлюще урегулировать вопросы осуществления мониторинга экспериментального правового режима в г. Москве.

Говоря о мониторинге как форме оценки и контроля правоприменительной деятельности, нельзя обойти вниманием и вопрос о цифровизации осуществления собственно правового мониторинга. Как известно, в настоящее время мониторинг на федеральном, региональном и местном уровнях зачастую осуществляется по различным методикам, показателям, не связанным между собой. И в основном взаимодействие между субъектами правового мониторинга осуществляется в бумажной форме, без использования новых цифровых технологий. Наиболее простым вариантом цифровизации правового мониторинга являются модернизация и расширение функциональных возможностей уже действующего официального интернет-сайта (например, Минюста России) путем создания нового сервиса (раздела). На специальной странице сайта в настоящее время уже содержатся различные формы и методические материалы по мониторингу правоприменения, разработанные указанным ведомством [3]. Хотя нельзя не признать, что этот вариант будет и наиболее ограниченным по своей функциональности.

Конечно же, возможно создание самостоятельного комплекса программного обеспечения, единственной целью которого является осуществление правового мониторинга. Но здесь имеются и значительные недостатки, включая большие временные, финансовые и иные затраты. В этом ряду можно назвать и неизбежное увеличение самих информационных систем и программного обеспечения.

Поэтому целесообразно использование имеющихся в настоящее время информационных систем. Здесь уже есть достаточно широкий выбор. Одним из вариантов из них является создание специального раздела на упомянутом портале pravo.gov.ru либо на официальном портале проектов нормативных правовых актов regulation.gov.ru. Для взаимодействия органов государственной власти в процессе осуществления правового мониторинга целесообразно рассмотреть вопрос об использовании

предлагаемой к введению в действие в этом году государственной информационной системы «Нормотворчество». В любом случае необходимо будет глубоко интегрировать указанные порталы между собой.

Весьма важным является вопрос непосредственного привлечения самих граждан и институтов гражданского общества к осуществлению правового мониторинга. Если для органов публичной власти вопросы их взаимодействия в процессе проведения мониторинговых исследований достаточно урегулированы, то для граждан, как правило, предусматриваются только общие формулировки их участия в правовом мониторинге, без дальнейшей конкретизации. Полагаем, что именно в процессе цифровизации осуществления правового мониторинга открываются новые возможности для всех заинтересованных лиц. Прежде все, это связано с расширением использования информационных технологий для взаимодействия граждан и их институтов в процессе осуществления правового мониторинга.

Интересен здесь опыт Республики Казахстан, где с целью обмена информацией с представителями институтов гражданского общества по вопросам правового мониторинга созданы официальные группы «Правовой мониторинг действующего законодательства» в социальных сетях, мессенджерах [8].

Следует отметить, что и в российских регионах уже предпринимаются попытки указанного взаимодействия. Например, в Ямало-Ненецком автономном округе (далее – ЯНАО) на официальном сайте высшего исполнительного органа внедрен модуль «Народный мониторинг правоприменения» [7]. Среди целей внедрения этого модуля отмечены такие как создание открытой модели государственного управления; ориентация органов публичной власти ЯНАО на выражение интересов общества; совершенствование имеющихся и принятие качественных правовых документов; повышение качества и эффективности правотворческой деятельности. Собственно задачей модуля являются выявление и учет мнения граждан о правовом регулировании, осуществляемом органами власти ЯНАО.

По сути, сам модуль достаточно прост по содержанию и использованию и состоит из собственно текстов нормативных правовых актов ЯНАО и комментариев пользователей о недостатках действующей нормативно-правовой базы, выявленных гражданами и подлежащих, по их мнению, усовершенствованию. Важно отметить, что в этих комментариях имя пользователя не указывается, доступ к модулю имеется без регистрации и авторизации. При этом регламентирован и механизм учета комментариев в деятельности исполнительных органов ЯНАО. Эти органы в течение 15 рабочих дней рассматривают комментарии и в случае необходимости разрабатывают проекты, изменяющие действующие акты.

По данным органов публичной власти ЯНАО, использование рассматриваемого модуля дает практические результаты. Например, с его помощью был урегулирован вопрос об усыновлении детей представителями коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни [11].

Однако дальнейшее изучение информации о действии модуля вызывает множество вопросов. Так, предусмотрено, что анализ эффективности функционирования модуля, в том числе анализ результатов рассмотрения исполнительными органами ЯНАО комментариев пользователей, размещается в подразделе «Направления

деятельности» Государственно-правового департамента на официальном сайте Правительства ЯНАО. Между тем в настоящее время в этом подразделе не содержится указанной информации, более того, все сведено к одному предложению: «По состоянию на 31 декабря 2022 г. все поступившие комментарии рассмотрены» [4]. То есть не указаны не только результаты рассмотрения комментариев, но даже нет статистических данных о них, что не соответствует приведенной выше норме.

Таким образом, в настоящее время невозможно сделать однозначный вывод о высокой эффективности правового мониторинга в сфере цифровизации правоприменения [11. С. 47]. Однако полноценное встраивание мониторинга в цифровую систему прогнозирования результатов действия вносимых в правовые акты изменений позволяет показать состояние системы законодательства в контексте интенсивности нормотворческой деятельности, а также предложить меры по совершенствованию данного процесса и, соответственно, повышению качества государственного и муниципального управления.

Список литературы

1. Лукьянова В. Ю., Павлушкин А. В. Мониторинг законодательства Российской Федерации: динамика и тенденции развития в постсоветский период. Часть I // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2. С. 4–13.
2. Механизм правового мониторинга: научно-практическое пособие / отв. ред. А. В. Павлушкин. М., 2012. С. 160.
3. Мониторинг правоприменения. Формы и методические материалы // Официальный сетевой ресурс Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/formy-i-metodicheskie-materialy>
4. Народный мониторинг правоприменения // Официальный сетевой ресурс Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://gpd.yanao.ru/activities/37437/?ysclid=lmj6wyvxx5905624344>
5. Постановление Правительства Москвы от 03.12.2020 № 2135-ПП «Об утверждении Положения о Координационном совете экспериментального правового режима» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=208941&ysclid=lmj6a9mpcu353294498#sv0sppTQhNo42yHj>
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.12.2020 № 2011 «Об утверждении Правил мониторинга экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, оценки эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370406/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=lmj68406ww423760341
7. Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 01.09.2016 № 819-П «О модуле «Народный мониторинг правоприменения» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/46605832/?ysclid=lmj6pi1rnm897788893>

8. Тлембаева Ж. У., Калиева А. У. Роль правового мониторинга в правовой системе Казахстана. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31730518

9. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/?ysclid=lmj62xk0ob492207111

10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/?ysclid=lmj66sjtli114575679

11. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.

12. Ямальские власти привлекают к госуправлению общественность // Комсомольская правда: Ямал. 2018. 26 апр. URL: <https://www.yamal.kp.ru/online/news/3097214>

А. В. Путинцев,
кандидат юридических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ И ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ КАК СУБЪЕКТЫ ИНТЕРНЕТ-ПРАВООТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье с учетом широкого теоретико-правового контекста поднимается проблема конструирования субъектов права в цифровой среде. В концептуально-методологическом блоке статьи обсуждаются вопросы конструирования субъекта в праве, делается вывод об исторически сложившейся адаптированности парадигмы восприятия субъекта права к физической реальности, не включающей цифровые правоотношения. Утверждается, что концепт субъектов права опирается на презумпцию о социальном значении некоторых параметров социальных субъектов, которые должны служить основанием для того или иного объема прав, свобод, обязанностей и других элементов правового статуса. В аналитической части статьи эта концепция преломляется к параметру возраста относительно двух крайних групп людей, участвующих в правоотношениях в сети Интернет – несовершеннолетних и пожилых, показывается изменение базовых социальных презумпций и формируются контуры предложений по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, субъект права, социальное конструирование, безопасность в сети Интернет, защита прав несовершеннолетних, интернет-мошенничество

MINORS AND ELDERLY PEOPLE AS SUBJECTS OF INTERNET LEGAL RELATIONS: PROBLEMS OF DESIGN

Abstract. This article raises the problem of constructing legal subjects in the digital environment taking into account the broad theoretical and legal context. In the conceptual and methodological block of the article, issues of constructing a subject in law are discussed. Author formulates a conclusion about the historically established adaptation of the paradigm of perception of the subject of law to physical reality, which does not include digital legal relations. It is argued that the concept of subjects of law is based on the presumption of the social significance of plenty of parameters of social subjects, which should be considered as the basis for a particular volume of rights, freedoms, duties and other elements of legal status. In the analytical part of the article, this concept is examined throughout the age parameter relative to the two extremely different groups of people participating in legal relations on the Internet – the minors and the elderly people. Changing of basic social presumptions are shown and the outlines of proposals for improving legal regulation are formed.

Keywords: law, digital technologies, subject of law, social construction, Internet security, protection of the rights of minors, Internet fraud

Для того чтобы ясно представлять себе проблему, которую ставит перед собой автор, необходимо согласиться с двумя основными методологическими предпосылками исследования.

1. Человек, существуя в физической реальности, адаптирован к ней. Инструменты, которые создал человек и которыми он пользуется для изменения мира, также адаптированы к последнему. С точки зрения юридической антропологии право возникло как способ удовлетворения потребностей человека в упорядочивании своей коллективной деятельности в условиях физической реальности и эволюционировало параллельно с усложнением видов человеческой деятельности, адаптируясь к ним, но не меняясь сущностно.

2. Право в процессе своего функционирования, с одной стороны, создает свою собственную реальность, а с другой – вмешивается в реальность внеправовую [3. С. 11, 13]. Правовая реальность – это модус должного, реальность относительно абстрактных форм и рамок. С другой стороны, эта правовая реальность имеет смысл, только если трансформируется в действительное право, становясь элементом более широкого социального бытия. Процесс трансформации должного в сущее является одной из величайших загадок юриспруденции. С одной стороны, он программируется посредством норм и юридических конструкций, а с другой стороны, не мыслим вне психики людей. Однако эти конструкции должны принимать во внимание потребности и функции физического и социального мира, неизбежные aberrации, возникающие в процессе трансформации.

Процесс имплементации внеправовой реальности в онтологический континуум права, в частности, подразумевает конструирование субъектов права, т. е. атрибуции тем или иным акторам способности быть адресатами правовых предписаний и действовать на его основе, постоянную динамичную антиномию самого человека и его правового статуса [13. С. 404–405].

В ситуации с физическим миром технология создания субъектов права была в целом отработана. В своей базовой версии она сводится к выделению существенных признаков реально существующих физических лиц, классификации этих признаков на незначимые и значимые, в числе последних выделяются позитивные и негативные. Решается вопрос об общей или специальной правосубъектности, доступе субъектов к тому или иному набору прав, свобод, обязанностей, запретов, гарантий, льгот, ограничений в зависимости от наличия, отсутствия или изменения этих параметров [5. С. 142]. Предположительно, юридическое значение каждого из параметров социально обусловлено. Классическим примером является подход институций Гая, когда наличие свободы, гражданства и определенного семейного положения, отражая место физического лица в римском обществе, позволяло описать вариативность правового статуса субъекта древнеримского права. Еще двумя крупными изобретениями в области конструирования субъектов права являются открытие технологии юридического лица как виртуализации, своеобразного правового аватара имущества на основе подразумеваемого интереса, связанного с этим имуществом, а также создание коллективных метасубъектов типа будущих поколений, нации, народа и т. п.

На уровне правореализации юридически значимые признаки могут быть распознаны и подтверждены относительно легко: пол, расовая, этническая принадлежность. Для тех же из них, которые требуют проверки, создавались юридически значимые символы: от клейма раба в Древнем Вавилоне времен Хаммурапи до цифровых паспортов и Единого государственного реестра юридических лиц.

Из приведенного исторического экскурса следует, что конструирование субъекта – это фундаментальная (базовая для всех других) и в своих основах очень консервативная область юридической технологии. Настолько фундаментальная и консервативная, что рефлексия по ее поводу встречается в литературе значительно реже попыток осмысления иных фундаментальных проблем общей теории права.

Однако появление цифрового, виртуального компонента в объекте правового регулирования изменило многое, поскольку созданное для физической реальности право потребовало революционных уточнений. Прежде всего в том, что касается обоснованности презумпций, лежащих в основе конструкции субъекта права и предопределяющих нормальный объем прав и свобод и иных элементов правового статуса субъектов.

На уровне же правореализации возникли проблема определения субъекта (проблема сетевой анонимности), которую можно конкретизировать как зазор между техникой и ее пользователем, а также проблема верификации юридически значимых признаков конкретного субъекта. Среди важнейших признаков субъекта, от которых зависит объем его дееспособности, нужно подчеркнуть возраст. Согласно конвенционально признаваемой презумпции, возраст коррелирует с социальным опытом. Предполагается, что для участия в определенных отношениях (например, чтобы избирать или быть избранным, трудиться в определенных условиях) нужно обладать нужным объемом опыта, следовательно, достичь определенного возраста. Также предполагается, что до определенного возраста физическому лицу не следует получать определенный опыт ввиду опасности этого опыта для развития личности. На этом тезисе основана система запретов и ограничений в адрес несовершеннолетних: например, запрет сделок, направленных на приобретение

табака, употребления алкоголя, сексуальных отношений. Специальная процедура эмансипации позволяет снять некоторые такие ограничения, по сути, опровергая данные презумпции применительно к конкретному случаю.

О ситуации с достижением лицом возраста, соответствующего биологической старости, право высказывается не настолько определенно. Объем жизненного опыта или желательность/нежелательность его получения уже не играют такой роли. Зато подразумевается, что более солидный возраст отрицательно коррелирует со способностью эффективно участвовать в тех или иных видах деятельности, прежде всего, поскольку в старости повышается риск появления физических и психических патологий, в то же время этот риск совершенно не обязательно реализуется. Это находит отражение в системе, с одной стороны, запретов и ограничений для лиц, достигших определенного возраста (например, занимать те или иные должности с достижением определенного возраста) в специальных видах деятельности, а с другой – в предоставлении дополнительных льгот и гарантий в части видов деятельности, базовых для существования индивида (например, пенсия по возрасту). Более серьезные последствия наступают обычно лишь в связи с факторами, опосредованно связанными с возрастом (например, признание лица недееспособным в силу старческой деменции имеет своей основой не возраст, а наличие психического заболевания и его юридических последствий) и требуют самостоятельной процедуры. Впрочем, процедуры работают не только в направлении ограничения возрастных лиц, но и в плане сохранения за ними неограниченного правового статуса. Так, лица, достигшие предельного возраста нахождения на государственной службе, могут продолжать работать при определенных условиях (см., например, ст. 25.1 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [8]), опровергая с точки зрения теории права презумпцию о своей неэффективности.

В физической реальности практически всегда есть возможность определить хотя бы примерный возраст человека по его биологическим параметрам и проверить его по паспортным данным, поэтому конструкция субъектов права по принципу возраста работает обычно бесперебойно.

Иное дело – сеть Интернет. Здесь возникает как минимум две проблемы. Первая выражается на уровне правотворчества. Необходимо оценить, должен ли возраст играть роль значимого параметра и учитываться при конструировании правового статуса отношений в сети Интернет. В частности, допустимо ли использование концепции ограничения прав на доступ к сетевым ресурсам несовершеннолетних или, напротив, уже достигших определенного возраста (пожилых людей) к отношениям в сети Интернет ради их защиты. Вторая проблема существует прежде всего на уровне правореализации и состоит в том, каким образом можно определить возраст субъекта, если он все же имеет значение.

Проблема значимости возраста для правовых отношений в сети Интернет может иметь два концептуальных решения.

1. Отношения в сети «Интернет» ничем не отличаются от отношений в физическом мире. Все возрастные ограничения могут и должны быть перенесены из физической реальности в виртуальную. По сути, именно этот подход господствует сейчас в практике регулирования интернет-отношений. Соответственно, лица

пожилого возраста не нуждаются ни в дополнительной защите, ни в каких-либо ограничениях своих прав на доступ в Интернет. Несовершеннолетние получают тот же набор прав, свобод и их ограничений, который у них есть в обычной жизни. Из этого, например, исходит Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [9], который фактически не делает различий между информацией, распространенной при помощи сети Интернет и распространенной другим путем.

В настоящий момент времени право исходит из того, что ребенок не может быть лишен доступа к сетевым ресурсам. Из анализа международно-правовых актов Н. Е. Колобаева и С. Э. Несмеянова делают вывод, что право ребенка на доступ в Интернет гарантировано, социально оправдано, и подчеркивают, что, «стремясь уберечь ребенка от рисков информационной среды, нельзя просто “закрыть” его от информации. Необходим баланс, который позволит вырастить свободную личность, обеспечив при этом ее безопасность» [5. С. 15]. Действительно, согласно положениям Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», родители ребенка (лица, их заменяющие) содействуют ему в осуществлении самостоятельных действий, направленных на реализацию и защиту его прав и законных интересов, с учетом возраста ребенка и в пределах установленного законодательством Российской Федерации объема дееспособности ребенка [7].

Цитировавшиеся авторы емко описывают сложившуюся к настоящему моменту систему: «...технически доступ к сети Интернет осуществляется посредством устройств различного рода и услуг связи, предоставляемых по договору, заключить который несовершеннолетний не вправе. Доступ к глобальной сети может организовать для него только получатель услуг связи, в собственности которого находится устройство» [5. С. 16]. Именно этот субъект, которым чаще всего выступает родитель или лицо, его заменяющее, а также школа или коммерческая структура (интернет-клуб), через которую несовершеннолетний получает доступ к Интернету, и является ответственным за доступ ребенка к Сети и его защиту. Параллельно с этим государство предпринимает общие и специальные меры по трансформации информационного пространства, его разметке возрастными рейтингами, блокировке наиболее опасных ресурсов и т. п.

2. Требуется ревизия концептуальных оснований и положений исходя из особенностей виртуального пространства и сложившейся в социуме практики его использования. Здесь возможны несколько направлений, обозначим наиболее интересные.

Важнейшей, на наш взгляд, является следующая наблюдаемая закономерность: лица молодого поколения зачастую имеют более насыщенный опыт участия в сетевых правоотношениях, чем лица пожилого поколения, а также лучше ориентируются в сетевых технологиях. Это имеет несколько следствий.

Прежде всего, пожилые лица становятся более уязвимыми к интернет-мошенничествам, чем молодые. Если молодое поколение наиболее уязвимо для общих воздействий, связанных с неокрепшим организмом и психикой, то пожилое поколение испытывает недостаток знаний, навыков и умений в работе именно с цифровой средой. Опыт и образование, полученные в ходе их жизни офлайн, нерелевантны

и даже мешают. При этом оснований признавать их недееспособными нет, поскольку они сами своей волей вступают в общественные отношения, которые не в состоянии проконтролировать и оценить полностью, а правовая форма этих отношений совершенно не учитывает особенность таких возрастных субъектов. Особенно это касается ресурсов, помогающих осуществлять платежи в Интернете, цифровой формы оказания государственных услуг, онлайн-банкинга и т. п.

Любопытно, что участники рынка сами начали работать над улучшением ситуации. Показателен, например, положительный опыт «Сбера», который в своем банкинг-приложении предлагает дайджест из свежевывявленных схем, которые используют мошенники. Кроме того, в приложение имплементированы возможности семейного контроля над финансовыми операциями пожилых родственников, в случае если те дадут такое согласие [10], а также предлагаются продукты в сфере страхования, снижающие риски. Думается, что такие начинания важны прежде всего для пожилых лиц и являются положительными. Можно было бы закрепить на законодательном уровне обязанность администраторов различных цифровых платформ предлагать пользователям, достигшим определенного возраста, соответствующие решения в рекомендательной форме, а также предлагать аналог инструктажа по технике безопасности «под роспись». Можно обсудить и возможность проведения соответствующего экзамена на цифровую зрелость перед получением продукта, но во избежание дискриминационных трактовок он должен быть предусмотрен для всех лиц, получающих доступ на ту или иную платформу.

Важнейшим параметром для пожилых пользователей, связанным с их возрастом, является риск отсутствия необходимой информации о безопасном поведении в сети Интернет, соответственно, правовое регулирование должно быть направлено на дополнительные гарантии права на полную и понятную информацию о работе в сети Интернет, а также на предоставление решений, снижающих риски негативных последствий отсутствия у пожилого человека такой информации.

Еще одним последствием отмеченной диспропорции является отсутствие у родителей знаний и навыков для контроля над поведением ребенка в цифровом пространстве [11. С. 1063]. Вся концепция семейного права, возлагающая на родителей обязанность контролировать ребенка (на которой, как мы видели выше, построена и современная система контроля над реализацией ребенком права на доступ в Интернет), строится на презумпции превосходства родителя над детьми в физическом, психологическом и эмоциональном смысле. В виртуальном пространстве ситуация зачастую меняется. Понятно, конечно, что это свойство нашего времени, когда доцифровое и цифровое поколения сосуществуют, однако в юридическом смысле важно, что эта презумпция обернулась фикцией.

Интересно, что участники цифрового рынка и здесь реагируют оперативно, предлагая ряд продуктов. В силу отсутствия императивных полномочий у участников информационного рынка такие решения носят рекомендательный характер. К ним можно отнести:

– предоставление специализированных услуг, например, специальные детские тарифы у провайдеров, особого «детского поиска» у поисковиков и т. п. [2. С. 59];

– создание специальных детских разделов на сайтах с модерацией и учетом особенностей потребностей ребенка, например, в мае 2023 г. сообщалось об открытии соответствующего раздела на книжной платформе «Букмейт» [1];

– предоставление администраторами платформ пользователям возможности создания парных учетных записей «родитель» – «ребенок», семейных групп и т. п., в такой связке родитель является как бы дополнительным модератором. По сути, это воссоздание нормальной модели семейных отношений из физической реальности в цифровом пространстве.

Все упомянутые практики представляют собой реакцию на запросы участников рынка в виде коммерческих продуктов, удовлетворяющих потребности родителя.

Государство также участвует в этих отношениях, дополнительно усложняет жизнь несовершеннолетним, желающим принять участие в тех или иных отношениях в цифровом пространстве, требуя согласовать это с родителем, например, путем регистрации на ряде ресурсов с использованием номера телефона (который, по общему правилу, может быть только у совершеннолетнего). Иногда администраторы платформ идут на дополнительные меры защиты, некоторые из которых вызывают вопросы своей законностью и/или эффективностью, другие формальны и защищают скорее интересы администраторов платформы, а другие вполне действенны. Так, пользователя могут попросить поставить галочку, подтвердив его совершеннолетие, решить сложную задачу, чтобы пройти капчу, тем самым отсекая лиц, не получивших эти знания по школьной программе, предъявить паспорт или даже созвониться по видеосвязи, как это делают онлайн-букмекеры. Интересен также зарубежный опыт создания систем презумпций и рекомендаций по проверке возраста пользователя [6].

И последнее. Необходима ревизия отдельных отраслевых положений на предмет того, не снимает ли протекание правоотношения в цифровой среде ряд ограничений, которые разумны в физической реальности, но неразумны в цифровой, и не образуются ли из-за этого пробелы в праве. Например, несовершеннолетний вправе заключать мелкие бытовые сделки. Относятся ли эти положения к цифровому пространству? Например, приобретение кожи для компьютерной игры вполне себе может подпадать под конструкцию мелкой бытовой сделки – однако соотносимость понятий «бытовое» и «цифровое» пока не установлена. Или в Трудовом кодексе РФ ничего не сказано про дистанционную работу несовершеннолетних? Думается, что не все ограничения, установленные в интересах несовершеннолетних в ст. 63 ТК РФ [12], применимы к цифровой реальности. Эти вопросы, конечно, будут разрешены практикой, когда встанут перед Верховным Судом РФ, но наука может уже сейчас подготовить решения.

Подведем итоги. 1. В условиях цифровой реальности многие презумпции утратили свою социальную обусловленность, в частности, связь возраста и социального опыта. Важнейшим коррелятом возраста теперь является наличие навыков функционирования именно в цифровой среде. И здесь произошла инверсия. Люди пожилого возраста обладают большим жизненным опытом, но меньшим опытом функционирования в Интернете. Такое положение дел должно компенсироваться предоставлением дополнительной информации для пожилых людей и доступа

к продуктам, снижающим риски отсутствия опыта, что нетипично для офлайн-отношений. При этом, поскольку в офлайн-отношениях пожилые люди полностью дееспособны, их дополнительная «опека» в цифровом пространстве должна осуществляться с использованием такого способа правового регулирования, как рекомендация. Конструирование субъекта в отношении этой группы физических лиц по признаку возраста (по типу «все лица, достигшие возраста...») затруднено, скорее, требуется просто учет их существования. Думается также, что эта проблема не будет вечной проблемой правового регулирования отношений в Интернете и сгладится, когда нынешние несовершеннолетние и их дети достигнут пожилого возраста.

Несовершеннолетние, напротив, благодаря собственному опыту и особенностям цифровой среды могут обойти установленные для них в физическом пространстве ограничения. Вероятно, эту проблему стоит решать через формирование дружелюбной онлайн-среды, учет запросов родителей, поощрение создания систем внутрисемейного комплаенса. Одновременно с этим для несовершеннолетних открываются и дополнительные положительные возможности в части их занятости, например в трудовых отношениях, юридизацию которых, безусловно, стоит обсуждать. Нужно отметить, что проблема правового статуса несовершеннолетних в сети Интернет, по всей видимости, будет сохраняться значительный отрезок времени, являясь частным случаем проблемы контроля над социализацией подрастающих поколений. И здесь, с учетом недружелюбности интернет-среды и принимая во внимание возможность сравнительно легкого обхода запретов и сохранения анонимности, требуется не просто оградить ребенка от проблем, но обеспечить процесс его социализации и адаптации в интернет-пространстве.

2. Имеет смысл отслеживать реакцию рынка, поскольку это готовый социолого-правовой срез запросов участников общественных отношений. На юридическом уровне он представляет собой положения пользовательских соглашений и договоров об оказании услуг, анализ которых может стать темой отдельного социолого-правового исследования.

Список литературы

1. Бобров Б. В книжном онлайн-сервисе «Букмейт» появился детский раздел // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/05/03/v-knizhnom-onlajn-servise-bukmejtpoivavilsia-detskij-razdel.html>
2. Бородин К. В. Правовое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети Интернет // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2015. № 25. Вып. 45. С. 56–60.
3. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
4. Детский аккаунт. – URL: <https://yandex.ru/support/id/family/children.html>
5. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 140–145.
6. Колобаева Н. Е., Несмеянова С. В. Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в Интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 6. С. 14–21.

7. Матвеева Е. Онлайн-сервисы и дети: европейское регулирование и тенденции правоприменительной практики // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/05/onlajn-servisy_i_deti_evropejskoe_regulirovanie_i_tendencii_pravoprimeritelnoj_praktiki

8. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558

9. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601

10. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808

11. Проверка переводов близкого. URL: http://www.sberbank.ru/ru/person/dist_services/blizkie-ryadom

12. Стрелка В. Н. Права человека в Интернете: защита прав несовершеннолетних в сети Интернет // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 1058–1075.

13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683

14. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.

Г. В. Романова,

кандидат юридических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет;
Российский новый университет

Е. В. Шубина,

магистрант,
Российский новый университет

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПОТРЕБИТЕЛЯМ В СФЕРЕ УСЛУГ

Аннотация. Главной задачей правового государства должно быть справедливое и эффективное восстановление нарушенных прав, как имущественных, так и неимущественных. Российская Федерация, провозгласившая себя правовым государством, должна соответствовать этим критериям. Существует только один вид вреда, который причиняется человеку всегда, во всех без исключения случаях нарушения законных прав и интересов, и всегда причиняется первым – это вред моральный. Поэтому целью данной статьи является анализ проблемы компенсации морального вреда потребителям в сфере услуг в рамках адаптации современных рынков и эволюции цифровой правовой базы.

Ключевые слова: материальный ущерб, моральный вред, моральный риск, компенсация, закупки, электронные торги, цифровизация

IMPACT OF DIGITIZATION ON COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE TO CONSUMERS IN THE SERVICE SECTOR

Abstract. The main department of the rule of law must be fair and effectively restore violated rights, both property and non-property. The Russian Federation, which has declared itself a legal European Union, must comply with these criteria. There is only one type of harm that is always caused to a person, in all cases of violation of legal rights and interests without exception, and is always caused in the first place, i. e. This harm is moral. This goal is an analysis of problems associated with moral harm caused to consumers in the service sector in the context of the progress of modern markets and digital civilization.

Keywords: material damage, moral damage, moral hazard, compensation, procurement, electronic trading, digitalization

Современные цифровые решения на протяжении последних десятилетий внедрены в том числе и в сферу гражданского права [1. С. 230–237]. В настоящее время в стране действует «Единая информационная система в сфере закупок» (ЕИС), интернет-магазины и пр. Моральный риск является неотъемлемой частью заключения контрактов и общей стратегии закупок, особенно в сложных сделках. Важно подчеркнуть, что проблемы морального риска могут возникать как в контрактах между организациями, которые они заключили на электронных торгах, так и в трудовых договорах, которые можно назвать внутренним моральным риском.

Внешний моральный риск – это классический случай, когда одна организация ведет себя оппортунистическим образом по отношению к другой организации, например, подрядчик не выполняет работу так, как ожидалось согласно контракту, или клиент не платит подрядчику согласно соглашению. Внутренний моральный риск определяется как моральный риск внутри организации. И это может происходить на разных уровнях, например, генеральным директором по отношению к совету директоров, а также между генеральным директором и менеджерами более низких уровней.

Моральный вред – это состояние человека, возникающее из-за совокупности негативных обстоятельств, вызывающих страдания человека – и точка. Неважно, физические или нравственные, страдания человека и все. Сущность морального вреда заключается в его денежной компенсации заявителю либо требователю, т. е. в удовлетворении.

Термин «возместить» [2. С. 736] означает заменить чем-нибудь недостающее или утраченное. Возместить убытки. Возместить потерянное время усиленной работой. А слово «компенсировать» означает то же, что и слово «возместить» – компенсировать потери, убытки, компенсировать упущенное время, уравновесить что-нибудь нарушенное, возместить утраченные функции и т. д.

Отметим, что нигде не сказано, что моральный вред – это самый первый вред, который возникает у потерпевшего, поскольку это область сознания человека или его осознанности, особенность анатомического устройства головного мозга и душев-

ной организации человека. Самое первое последствие совокупности наступивших негативных обстоятельств, которое начинает испытывать человек, – это моральный вред. Поскольку материальный ущерб осознается позже, просто потому, что посчитать размер материального ущерба в момент, когда человек только узнал о том, что ему причинен материальный вред, просто невозможно, но моральный вред человек начинает испытывать с первой секунды такого сообщения, поскольку возникает то самое психологическое, умственное осознание наступления негативных обстоятельств.

Моральный вред должен быть возмещен или компенсирован, и непременно в значительной для потерпевшего денежной сумме [3. С. 41–47]. Суть морального вреда – в его выплате потерпевшему, и ни в чем ином.

Пострадавший не может определить размер причиненного материального ущерба, равно как и кем он причинен, вследствие чего и как произошло повреждение или уничтожение товара, имущества, кто виновен в этом происшествии, но моральный вред человек начинает испытывать сразу же.

Следствием возникновения морального вреда является потребность в его компенсации, которая трансформируется в требование, завершением «страдания» знаменуется психологическое удовлетворение, что, в свою очередь, означает осознание человеком того, что его требования удовлетворены и он получил денежную компенсацию за причиненный вред – как моральный, так и материальный.

С исторической точкой зрения не совсем верно определено возникновение такого понятия, как «моральный вред», поскольку из истории мы знаем лишь о закрепленных в различных юридических текстах сведений, которые мы можем определить как право на компенсацию вреда, но, исходя из понимания самих себя и современных достижений об устройстве головного мозга, мысли человека, его душевных состояний, мы можем достоверно заключить, что моральный вред мы начинаем испытывать прежде осознания материального либо любого иного вреда, не связанного с материальным, например утрата близкого человека или оскорбление личности, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что с момента появления человека разумного в эволюции человечества можно констатировать факт наличия морального вреда, пусть и не осознаваемого древними людьми, но имеющего место быть.

Зачастую конфликт сам по себе является следствием возникновения потребности в удовлетворении компенсации морального вреда. Например, две стороны заключили договор и согласовали различные права и обязанности. Стороны имеют разные интересы, и, поскольку информация может быть неполной и/или асимметричной, одна сторона может действовать, исходя из своих собственных интересов, за счет другой. Если человек приобрел испорченный товар, то первое, что он начинает испытывать, – это моральный вред, поскольку человек начинает осознавать, что ему причинен материальный ущерб, и «двигатель» который заставляет его обратиться к продавцу с требованием устранить недостаток, это не что иное, как потребность в компенсации морального вреда, человек еще не знает и не может знать, возместят ли ему материальный ущерб возникший вследствие

обнаружения недостатка товара, и в каком размере, удастся ли разрешить данную проблему во внесудебном порядке либо придется переходить к претензионному или досудебному и судебному порядку, но человек начинает испытывать моральный вред и его следствие – потребность в компенсации сразу же, как только обнаруживаются соответствующие обстоятельства.

Таким образом, можно говорить о том, что в российском гражданском праве прочно закреплены положения о праве граждан на компенсацию морального вреда. Разумеется, многие положения требуют уточнений, внесения отдельных поправок как в федеральные законы, так и в Конституцию, поскольку практически все представители научного сообщества сходятся во мнении о необходимости установления нижнего предела размера денежной компенсации морального вреда. Чаще всего предлагается установить такой предел на уровне минимального размера прожиточного минимума. Остается также открытым вопрос о том, что размер прожиточного минимума разный для каждого субъекта Российской Федерации. Тенденции цифровизации гражданского оборота, правотворческой и правоприменительной деятельности обостряют более широкую проблему, обусловленную использованием в отношениях цифровых технологий и, соответственно, постановкой вопроса о возможности заложить в содержание искусственного интеллекта морально-этические качества, нравственность, умение сочувствовать, а также способность следовать не только букве, но и духу закона [3. С. 108]. На эти и многие другие вопросы еще предстоит ответить ученым-правоведам.

Список литературы

1. Сорокин А. В. Особенности определения размера компенсации морального вреда при причинении вреда здоровью в российском праве // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 9–1. С. 230–237.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений; под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Оникс, 2011. 736 с.
3. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.
4. Эрделевский А. М. Об определении размера компенсации морального вреда // Хозяйство и право. 2020. № 2(517). С. 41–47.

А. В. Скоробогатов,

доктор исторических наук, профессор,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

А. В. Краснов,

кандидат юридических наук, доцент,

Казанский филиал Российского государственного университета

правосудия

ЦИФРОВОЙ ЧЕЛОВЕК: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена философско-правовому исследованию категории «цифровой человек». На основе анализа современной литературы и законодательства рассмотрены возможные смыслы этого понятия. Сделан вывод о том, что в настоящее время понятие «цифровой человек» с философско-правовых позиций является оксюмороном. Однако в перспективе возможно конструирование на основе цифрового профиля человека самостоятельного субъекта киберправа, которого можно обозначить термином «цифровой человек».

Ключевые слова: цифровой человек, киберправо, цифровой профиль человека, философия права, субъект права, цифровой образ человека, социальное конструирование реальности

DIGITAL MAN: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS

Abstract. The article is devoted to the philosophical and legal research of the category “digital man”. Based on the analysis of modern literature and legislation, possible meanings of this concept are considered. It is concluded that at present the concept of “digital man” from the philosophical and legal positions is an oxymoron. However, in the future, it is possible to construct an independent subject of cyberlaw based on the digital profile of a person, which can be designated by the term “digital man”.

Keywords: “digital man”, cyber law, digital profile of a person, philosophy of law, subject of law, digital image of a person, social construction of reality

Современная наука сталкивается с проблемой лавинообразно нарастающего усиления процессов цифровизации. Последняя представляет собой глобальное явление, которое невозможно обойти стороной, выбрав некий изоляционный путь развития, так как в таком случае общество может оказаться перед проблемой выживаемости в межгосударственных отношениях: новые технологии позволяют повышать эффективность любого вида деятельности, а отказ от них чреват существенным отставанием от других цивилизаций. Тем не менее цифровизация влечет за собой и ряд негативных последствий, которые следует пытаться так или иначе нивелировать. В связи с этим определение так называемого цифрового человека представляется нам более чем актуальным. Тем более что осмысление данной тематики также выводит нас на философский и философско-правовой пласты проблемы, так как определение того, кем является человек вообще и цифровой человек в частности, есть условие для формирования базы правового регулирования информационных отношений в принципе.

В правовой науке человек рассматривается с позиций правосубъектности, а именно под углом зрения потенциального или реального его вступления в общественные отношения, регулируемые правовыми нормами. В связи с этим для правоведения характерно выделение таких категорий, как физическое лицо, гражданин, лицо без гражданства, иностранный гражданин, лицо с двумя гражданствами, должностное лицо и пр. И если категория физического лица при этом выполняет некую объединительную функцию, обозначая человека как индивида с определенными психофизиологическими признаками, то остальные категории обозначают разновидности по существу правового статуса в зависимости от того или иного типа его отношений с государством (наличие, отсутствие, наличие в отношении двух или нескольких государств, наличие особого объема полномочий, позволяющих выступать от имени государства).

Цифровой человек по-разному осмысливается в социально-гуманитарной научной мысли. В частности, он может пониматься как узкоспециализированный человек, сформировавшийся под влиянием конвергентных технологий, киберфизических систем и искусственного интеллекта [1]. С. В. Тихонова и С. М. Фролова исследуют цифровую антропологию, которая может рассматриваться как ключевой инструмент социально-философского анализа; субъекты вступают в отбор технологических сервисов и решений [2]. А. В. Гурьянова подчеркивает наличие у цифрового человека принципиально новых ценностных ориентаций [3]. Для И. А. Сорочайкина цифровой человек обладает такой сущностной характеристикой, как «свободное владение цифровыми и информационно-аналитическими технологиями, при помощи которых он получает объем информации, производит (в силу своей адекватности и способностей) его оценку и выстраивает модель своего социального поведения» [4. С. 45]. М. А. Меликян выделяет два смысла в трактовке цифрового человека: как субъекта, который соприкасается с цифровыми технологиями и как совершенного субъекта новой эпохи [5]. Кроме того, термин «цифровой человек» («человек цифровой», *homo digitalis*) зачастую используется для обозначения следующего этапа не только социальной, но и биологической эволюции человека, связанной с трансформацией его разума, который частично переходит в цифровое пространство [6], а также с развитием биоинженерии (вмешательство в организм человека на клеточном и атомном уровнях; разработка гибридных нанороботов на основе синтетических белков; имплантация реконструированной ДНК; выращивание органов по заказу или их 3D-печать и т. п.) [7].

В философско-правовом измерении цифровой человек, с нашей точки зрения, может пониматься в нескольких смыслах. Во-первых, это особый тип субъекта права, который концентрируется на реализации своих прав и обязанностей посредством информационных технологий, тем более что такие возможности в последние годы стремительно расширяются. В этом смысле цифровой человек предстает как физическое лицо, стремящееся сделать свое вступление в правоотношения более эффективным за счет использования новых информационных технологий.

Во-вторых, цифровым человеком можно именовать цифровой образ правового статуса человека, то есть информационное правовое содержание, содержащееся на том или ином электронном носителе. В условиях расширения информационной

открытости человека такой образ все больше воспринимается не в качестве дополнения к правовому статусу в социальном пространстве, а как самостоятельный симулякр, направленный на идентификацию индивида не только локально, но и глобально. Благодаря возможностям виртуального пространства человек может сконструировать свой образ в глазах сообщества, который способен оказывать воздействие на его восприятие в реальном мире. Применительно к правовому статусу речь может идти о виртуальной декриминализации деяний индивида не столько потому, что такое деяние не является преступным, сколько в силу подобной артикуляции электронными средствами. Понятие противоправного все больше приобретает черты релятивности и конвенциональности [8]. Это позволяет использовать, например, социальные сети для формирования протестных настроений [9, 10].

В-третьих, цифровой человек в философско-правовом плане может быть интерпретирован как сгусток информационных данных, как определенная энергия, которая переносится на определенный носитель. В настоящий момент такое определение цифрового человека может выглядеть фантастическим, однако существуют направления в нейрофизиологии и кибернетике, которые позволяют говорить о возможной разработке подобного рода информационных технологий. В определенном смысле формируется виртуальная «голова профессора Доуэля», способная воспроизводить когнитивные функции, принимать правовые решения и пр. В связи с этим будут сниматься проблемы с наследованием имущества, так как наследодатель будет сохраняться в электронном виде.

В-четвертых, цифровой человек может представлять собой некое виртуальное электронное лицо, в своем роде аккаунт (цифровой профиль), который создается в сети Интернет с целью вступления в правоотношения посредством цифровых технологий. Уже в настоящий момент это широко используется многими физическими лицами. По мнению ряда авторов, конструирование картины мира современным человеком детерминировано его принадлежностью к гибридной реальности, представляющей собой синтез онлайн- и офлайн-повседневностей [11].

В-пятых, цифровым человеком выступает цифровой образ человека в виртуальном пространстве (например, в многопользовательской онлайн-игре), поведение которого регулируется правилами определенного виртуального сообщества как номинальной социальной группы. Эти правила можно рассматривать как специфическую разновидность социального права [12. Рр. 33–34]. При этом необходимо учитывать, что в данном случае виртуальная и социальная реальность взаимодополняют друг друга. С одной стороны, индивид получает возможность использовать средства виртуальной реальности не только в киберпространстве, но и в реальном мире. Прежде всего речь идет о расширении использования криптовалют. С другой стороны, человек в виртуальном мире не связан социальными, в том числе юридическими, нормами физического мира, и, соответственно, то, что является правонарушением в физическом мире, в мире виртуальном не только не является таковым, но, напротив, выступает поощряемым. Зачастую физический мир выступает продолжением виртуального, и социальные правила последнего распространяют свое действие на первый. Достаточно вспомнить широко распространенные совсем недавно «группы смерти», члены которых совершали суицидальные действия не только виртуально, но и реально [13].

Из пяти приведенных потенциальных интерпретаций того, что из себя представляет цифровой человек в философско-правовом смысле, терминологически может быть принята лишь первая и в некотором смысле вторая, включающие наиболее обобщающий смысл, либо создающая образ правовой информации, хотя и в этих значениях термин «цифровой человек» понимается по большому счету метафорично. В других случаях мы имеем дело вовсе не с человеком, а с иными сущностями, которые даже лингвистически обозначать в качестве «человека», с нашей точки зрения, нецелесообразно в силу прямых противоречий между категорией человека и так называемыми цифровыми формами его проявлений, взаимодействий в социуме. Человек есть, прежде всего, биологическое существо, обладающее разумом и волей, в отличие от животных. Нейрофизиология человека уникальна и неповторима в силу динамики нейронных связей, которые не могут быть представлены как застывшая система, а находятся в постоянном развитии, переформатировании, и поэтому в обозримом будущем не могут быть полностью переведены в разряд электронной копии. Когда же такая возможность появится, это будет означать, что ученые полностью познали секрет мозга, и тем самым появятся совершенно фантазмагорические возможности совершенствования и переделки человеческой природы, интеллекта, которые и не потребуют создания электронных копий.

Что касается цифрового человека как некоего аккаунта, который создается физическим лицом, то в данном случае именование его в качестве «человека» неуместно по вышеназванным причинам: сущностные признаки человека на такой аккаунт не переносятся. В этом случае мы имеем дело с определенной электронной маской, и поэтому более уместно использование термина «электронное (цифровое) лицо», а не человек, – по аналогии с юридическим лицом, которое также создается специально для участия людей в правоотношениях опосредованно, но представляет собой сущностно юридическую фикцию.

Тем не менее утрата обществом выстроенных ранее социальных правил, необходимость индивида осуществлять поиски новых способов самореализации в сложившемся цифровом мире все больше способствует трансформации социальной и правовой идентичности. В значительной степени идентификация индивида осуществляется в соответствии с его принадлежностью к определенному цифровому сообществу [14; 15], что детерминирует поведение не только в виртуальном, но и в социальном пространстве. В отличие от последнего первое в силу своей природы предполагает существенное расширение коммуникативных возможностей индивида. С одной стороны, увеличивается количество коммуникативных единиц и сообществ, с которыми себя идентифицирует человек. Он может иметь множество различных аккаунтов, ников и аватаров, которые могут иметь значение лишь в определенном сообществе, не претендуя на глобальную роль. Виртуальная репрезентация индивида при этом будет определяться не только ценностными ориентациями, но и техническими возможностями. С другой стороны, репрезентуя себя как члена определенного сообщества, человек способен предоставлять недостоверную (или даже заведомо ложную) информацию, чтобы повысить свой статус в группе. При этом акцент в регулировании отношений в виртуальном пространстве преимущественно с помощью норм социального права и возможность правовой

полиидентификации человека существенно повышают уровень правовой неопределенности, преодоление которой возможно лишь при вмешательстве государства. Как показывает Д. А. Пашенцев, такое вмешательство возможно преимущественно на основе сегментарной модели правотворчества [16].

Конструирование цифрового профиля человека все больше приобретает централизованный характер не только со стороны индивида и виртуальных сообществ, но и со стороны государства. Прежде всего необходимо учитывать расширение возможностей портала государственных услуг [17], а также обсуждение вопроса об установлении цифрового идентификатора человека [18]. При этом возникает проблема существования и статуса цифрового профиля уже умершего человека. Также необходимо учитывать существование фейковых аккаунтов, т. е. цифровых профилей, не имеющих реального прототипа.

Так что «цифрового человека» как категорию можно отнести к оксюморонам (симулякрам, мыслительным конструкциям), так как человек как существо не может быть «цифровым», иначе как только в метафорическом смысле. Если человек становится «цифровым», то это уже не человек (по аналогии со словосочетанием «живой труп», «честный подлец» и пр.). Тем не менее, учитывая сложившуюся традицию именовать указанные выше явления как «цифровой человек», в том числе в широком метафорическом смысле, мы вынуждены использовать в своих исследованиях такую категорию, дабы не выдаваться из общего тренда и не беря на себя роль ниспровергателей научных традиций. Однако все наши оговорки необходимо иметь в виду в обязательном порядке.

Физическое лицо, как человек, наделенный определенной правосубъектностью, способно создавать цифровое (электронное) лицо, как некий виртуальный субъект конструктивного плана, который наделяется комплексом прав и обязанностей, а точнее на который они переносятся с тем, чтобы было удобнее вступать в правовые отношения на цифровой платформе [19. С. 27].

Понятие электронного лица находится в некоторой зависимости с понятием искусственного интеллекта [20]. Как мы писали в наших работах, искусственный интеллект может пониматься по-разному, как и «цифровой человек» [21]. Создание электронного лица, т. е. некоего аккаунта физического лица, с помощью которого последнее обменивается правовой информацией и вступает в правоотношения, может происходить с использованием искусственного интеллекта как определенных информационных инструментов, с помощью которых осуществляется вышеобозначенное правовое взаимодействие. В такой ситуации электронное (цифровое) лицо и является плодом волеизъявления физического лица и полностью находится под его контролем, будучи им управляемым. Здесь не возникает проблема конфликта волеизъявлений, но могут возникать иные негативные последствия, когда цифровое лицо используется в противоправных целях, либо просто для введения в заблуждение добросовестных участников правоотношений на цифровой платформе. Такого рода правовое поведение посредством цифрового лица может потенциально нарушать разного рода права человека – тайну переписки, неприкосновенность частной жизни, свободу слова и пр. [22]. Тем не менее в данном случае вряд ли можно говорить о самостоятельной правосубъектности искусственного интеллекта, так как аккаунт сущностно не связан с формированием самостоятельной свободной воли.

Другое дело, когда речь идет о формировании таких продуктов информационных технологий, которые способны к саморазвитию, принятию самостоятельных решений и пр., что мы предлагаем именовать киберлицом [23]. В случае киберлица (в том числе робота, робота-агента) самостоятельность в принятии решений, если она достигнута, позволяет говорить и о потенциально особой правосубъектности. Изначально она формируется физическим лицом (именно физическим, так как юридическое лицо само по себе является фикцией, создаваемой и управляемой людьми), однако впоследствии может самостоятельно реализовать некие права и обязанности, возможно приобретать их в правоотношениях. А физическое лицо лишь ретроспективно контролирует такой процесс. С нашей точки зрения, термин «цифровой человек» здесь совершенно неуместен, в силу сущностного различия такого лица и человека как индивида (это все равно что обозначить юридическое лицо как юридического человека). Однако в перспективе возможно говорить и о социальном конструировании цифрового человека как субъекта киберправа [24. Р. 40]. Правда, речь должна идти не столько о человеке как биосоциальном существе, сколько о его виртуальном образе или цифровом профиле как участнике правоотношений в киберпространстве.

Таким образом, категория цифрового человека весьма многообразна и предполагает разные варианты интерпретации и прочтения. В большинстве случаев цифровой человек представляет собой лишь определенную метафору. Если же вести речь об электронном (цифровом) лице как особом субъекте, который может потенциально претендовать на особую правосубъектность, то пока это понятие в контексте правового регулирования может быть рассмотрено только на уровне теоретического осмысления. По существу, категория цифрового человека представляет оксюморон, так как человек, как существо биологическое и психофизическое, не может быть оцифрован в прямом смысле, а электронное (цифровое) лицо не имеет ничего общего с человеком как таковым – если не считать тот момент, что физическое лицо (человек) создает цифровое лицо, распоряжается им и контролирует его действия, что, однако, не дает нам никакого права обозначать его как человека. Конструирование цифрового профиля индивида, в том числе в результате целенаправленной деятельности государства, и усиление роли социального права в регулировании отношений в виртуальном пространстве позволяют предположить, что в перспективе возможно формирование философско-правовой категории «цифровой человек», обозначающей субъекта киберправа. Однако это предполагает усиление цифровизации и антропологизации не только юридической науки, но и законодательства и юридической практики.

Список литературы

1. Елькина Е. Е. Автотрофный проект – ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2020. № 22. С. 57–70.
2. Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 3. С. 287–290.

3. Guryanova A., Khafiyatullina E., Kolibanov A., Makhovikov A., Frolov V. Philosophical View on Human Existence in the World of Technic and Information / Popkova E. (Eds.) *The Impact of Information on Modern Humans: HOSMC 2017 // Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 622. Cham: Springer, 2018. Pp. 97–104. DOI: 10.1007/978-3-319-75383-6_13
4. Сорочайкин И. А. Цифровой человек: обзор философского дискурса // *Основы экономики, управления и права*. 2022. № 2(33). С. 45.
5. Меликян М. А. Ноосферность и информационность человека: философско-антропологическое осмысление нового человеческого качества // *Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2018. № 2(18). С. 68–78.
6. Сергейчик Е. М. Антропология будущего: от Homo Sapiens к Homo Digitalis // *Непрерывное образование*. 2020. № 3(33). С. 11–20.
7. Zhang Y., Ptacin J. L., Fischer E. C., Aerni H. R., Caffaro C. E., San Jose K., Feldman A. W., Turner C. R., Romesberg F. E. A semi-synthetic organism that stores and retrieves increased genetic information // *Nature*. 2017. № 551(7682). Pp. 644–647. DOI: 10.1038/nature24659
8. Гишинский А. Я. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021. 136 с.
9. Малькевич А. А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан // *Управленческое консультирование*. 2020. № 1(133). С. 35–42. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-1-35-42
10. Рягузова Е. В. Homo Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2021. Т. 21, № 3. С. 320–325. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325
11. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // *Журнал российского права*. 2014. № 5. С. 140–145.
12. Grabowski M., Robinson E. P. *Cyber Law and Ethics: Regulation of the Connected World*. Abingdon, New York: Routledge, 2022.
13. Баева Л. В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» // *Ценности и смыслы*. 2018. № 2(54). С. 39–54.
14. Мамедова Н. М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // *Век глобализации*. 2021. № 3(39). С. 74–85.
15. Анненкова И. В., Залоило М. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 3. С. 140–155.
16. Пашенцев Д. А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации // *Образование и право*. 2021. № 9. С. 72–75. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-9-72-75
17. Долганова О. И., Васильева Е. В., Рябов Д. А. Цифровой профиль гражданина: необходимый и достаточный набор персональных данных // *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12, № 3. С. 1523–1540. – DOI: 10.18334/vinac.12.3.116277
18. Коломеец Т. В. Homo Digitalis (человек цифровой) // *Национальные приоритеты России*. 2019. № 2(33). С. 70–74.

19. Стренин Д. А., Мороз А. И. Цифровое лицо – новый субъект права // Материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву, Екатеринбург, 2020. Екатеринбург: Учебно-научная лаборатория «Sapientia», 2020. С. 26–30.

20. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

21. Skorobogatov A. V., Krasnov A. V. Law nature of artificial intelligence // Problems of Information Society. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 3–13. DOI: 10.25045/jpis.v14.i1.01

22. Гарумов Н. М., Касумов Р. М. Права человека в цифровую эпоху: к вопросу о защищенности человека в виртуальной реальности // Закон и право. 2022. № 1. С. 44–49.

23. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Искусственный интеллект в философско-правовом контексте // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 3. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. С. 412–420. DOI: 10.21202/978-5-8399-0772-0_2022_3_440

24. Skorobogatov A. V. Digitalization of law communication in the information society // Problems of Information Society. 2022. Vol. 13, № 1. P. 40. DOI: 10.25045/jpis.v13.i1.05

Ю. Н. Тарасова,

кандидат психологических наук,
Российский государственный университет правосудия
(Северо-Западный филиал)

ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается значение цифровых технологий в современном мире, включая юридической и, в частности, судебной деятельности. Рассматриваются тенденции развития цифровизации в отправлении правосудия в Российской Федерации. Проводится различие между переводом в цифровой формат системы делопроизводства и электронным правосудием, предполагающим включение искусственного интеллекта в процесс принятия решений.

Ключевые слова: цифровые технологии в судопроизводстве, электронное правосудие, цифровой доступ к правосудию

ISSUES OF DIGITALIZATION OF JUDICIAL ACTIVITY

Abstract. The article examines the importance of digital technologies in the modern world, including legal and, in particular, judicial activities. The trends of digitalization development in the administration of justice in the Russian Federation are considered.

A distinction is made between the digitization of the record-keeping system and electronic justice, which involves the inclusion of artificial intelligence in the decision-making process.

Keywords: digital technologies in legal proceedings, electronic justice, digital access to justice

Введение. В эпоху быстрого развития и трансформации общественных отношений все более широкое внедрение получают элементы цифровизации: от алгоритмов организации бизнеса до электронного правосудия.

Большинство исследователей выделяют в цифровизации судебной деятельности две тенденции:

– первая тенденция связана с переводом делопроизводства в новый формат, где нововведения позволяют модернизировать лишь форму отправления правосудия, сохраняя сущностные характеристики судопроизводства. Эту тенденцию принято обозначать как электронное обеспечение судебной деятельности, или электронное делопроизводство.

– вторая тенденция более сложная и неоднозначная, она основана на использовании возможностей искусственного интеллекта при принятии юридически значимых решений. В данном случае оценка компьютерной программой судебных споров по существу и вынесение итоговых судебных актов практически исключают роль судьи или значительно нивелируют ее [4. С. 4; 11].

Развитие цифровых технологий в судебной деятельности. С момента опубликования Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1] и «Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [2] цифровизация в различных сферах общественной жизни стала внедряться, замещая собой привычные формы.

Цифровизация судопроизводства в современной России отражает мировые тенденции как на уровне отдельных государств, так и в рамках союзов государств. Так, рекомендации Комитета министров Совета Европы СМ/Рес способствуют упрощению электронного общения, обмена данными, доступа к информации судебного характера [3].

В США действует электронный ресурс PACER, обеспечивающий через регистрацию и платный доступ к информации в случаях поиска и подачи дел в федеральные суды в электронном виде. Учебный сервер данного ресурса позволяет новым пользователям ознакомиться с работой сервера без обращения к реальным делам [13].

В Сингапуре более 20 лет реализуется проект электронной системы правосудия Electronic Filing System. В данной системе используется принцип цифровой среды, где ежедневно обрабатываются тысячи документов, происходит виртуальное взаимодействие граждан, представителей бизнеса, юристов. Само дело оформляется в электронном виде и не требует перевода на бумажный носитель. Модуль составления календаря и управления слушаниями, обеспечивающий большую гибкость при выборе дат слушаний. Зарегистрированные иностранные юристы также получают доступ к данной системе [12].

Из государств-членов Евразийского экономического союза, где цифровизация судебной деятельности развивается очень активно, можно выделить Казахстан. Там при наличии электронной цифровой подписи доступны многие ресурсы: системы видеоконференций, электронного извещения участников судопроизводства, банк судебных актов и большинство нормативных постановлений Верховного суда. Чтобы приучать граждан пользоваться данным электронным ресурсом, наиболее типичные дела размещены на специальном форуме [8].

Портал Верховного суда Кыргызской Республики позволяет в настоящее время запросить информацию о судимости, отправить и получить повестку в суд, узнать графики рассмотрения судебных заседаний, обратиться в государственный реестр судебных актов, изучить образцы электронных обращений в суд [7].

В российском варианте модуль платформы «Судебный портал», работающий на основе данных Государственной автоматизированной системы «Правосудие», позволяет организовывать и проводить судебные заседания онлайн с идентификацией через «Госуслуги», а также вести трансляцию процессов в Интернете. Исполнительные документы передаются Федеральной службе судебных приставов в электронном виде, как и конвойные поручения – в учреждения Федеральной службы исполнения наказаний [9].

Что касается второго направления – принятия юридически значимых решений с помощью специальных программ, то в настоящее время судьи доверяют машине в основном «бесспорные требования по взысканию небольших денежных сумм» [4. С. 12].

В современном Китае с 2017 г. интернет-суд Ханчжоу разбирает нарушение авторских прав, споры из-за доменных имен, интернет-покупок, услуг, с 2020 г. искусственный интеллект помогает интернет-суду расшифровывать стенограммы и обрабатывать цифровые доказательства [5].

Для подобных действий используется, как правило, термин «электронное правосудие» (e-justice), предполагающий осуществление судами разрешения правовых конфликтов посредством информационно-коммуникационных технологий.

Считается, что подобные алгоритмы, в частности, законодательное закрепление возможности использования цифровых записей и документов в качестве доказательств, являются предпосылками для «цифровой справедливости» в рамках отправления правосудия [10].

Помимо действующих на данный момент цифровых услуг в сфере судопроизводства, на Петербургском международном юридическом форуме под лозунгом «Диджитализация правосудия: проблемы и перспективы» (2022 г.) обсуждались вопросы защиты информации, безопасности международного правосудия, новые алгоритмы рассмотрения судебных дел с участием искусственного интеллекта, использования виртуальных платформ и т. д.

В частности, профессор кафедры предпринимательского права МГУ Ю. Харитоновна, указывала на опасность неполного отражения содержания материалов, предоставляемых судье для принятия окончательного решения, обработанных с помощью информационных технологий. Начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации

М. Шалумов предлагал ограничить использование цифровых технологий при рассмотрении с участием присяжных [6].

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что развитие информационных технологий имеет как очевидные достоинства, так и вызывает ряд обоснованных опасений. Тем не менее необходимо уже сегодня готовить кадры для судебной системы с учетом навыков работы с различными информационными технологиями, изучать передовой позитивный мировой опыт, вносить своевременно соответствующие изменения в законодательство, развивать систему специализированных ресурсов, где любой гражданин сможет ознакомиться и попрактиковаться в работе электронного делопроизводства.

Однако любая технология требует осознания целей ее применения людьми, особенно если они являются субъектами правоотношений, тем более судьями, прокурорами, адвокатами, представителями государственной власти.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71937200/?ysclid=lmj3o7apy7487959697>
2. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319432/?ysclid=lmj3wpooe1168591273
3. Рекомендации Комитета министров Совета Европы СМ/Rec(2009)1 государствам – участникам Совета Европы по электронной демократии и пояснительная записка. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view>
4. Степанов О. А., Печегин Д. А., Дьяконова М. О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14, № 5. С. 4–23.
5. «А судьи кто?»: как искусственный интеллект помогает человеку в суде. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/1551455-a-sudi-kto-kak-iskusstvennyy-intellekt-pomogaet-cheloveku-v-sude>
6. Диджитализация правосудия: проблемы и перспективы: X Петербургский международный юридический форум. URL: <https://roscongress.org/sessions/splf-2022-didzhitalizatsiya-pravosudiya-problemy-i-perspektivy/discussion>
7. Портал «Цифровое правосудие», Верховный суд Кыргызской Республики. URL: <https://portal.sot.kg/ru>
8. Судья Верховного суда Е. Максютя: «Электронное правосудие в Казахстане» // Sputnik. 06.04.2017. URL: <https://sud.kz/rus/massmedia/sudya-verhovnogo-sudamaksyuta-elektronnoe-pravosudie-v-kazahstane-ekonomiya-vremeni-i>
9. Судебный портал: Модульная многопользовательская платформа для аппарата суда и участников судопроизводства. URL: <https://www.sudportal.ru/home>

10. Цифровизация правосудия. Проблемы и тенденции. 18.07.2022. URL: https://zakon.ru/blog/2022/07/18/cifrovizaciya_pravosudiya_problemy_i_tendencii?ysclid=lmhrxg4em7495060370

11. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.

12. Electronic Filing Service. URL: <https://www.sicc.gov.sg/forms-and-services/electronic-filing-service>

13. Public Access to Court Electronic Records. URL: <https://pacer.uscourts.gov>

А. А. Хужаназаров,
PhD,

Ташкентский государственный юридический университет

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. В статье исследуются вопросы цифровизации нормотворческой деятельности в сфере законодательства. Рассмотрены положительные стороны цифровизации нормотворчества и современные тенденции в этой области – внедрение искусственного интеллекта, формирование цифрового права и т. д. Изложена авторская позиция относительно того, на каком этапе можно использовать искусственный интеллект в области нормотворчества. Раскрыты категории цифрового права.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, государство, общество, нормотворчество, пандемия, закон

DIGITAL TRANSFORMATION OF NORM-MAKING

Abstract. In this article, as in other areas, the issues of digitalization of rule-making activities in the field of legislation are analyzed in detail. In particular, the article scientifically examines the positive aspects of the digitalization of rule-making and current trends in this area – artificial intelligence, digital law, etc. In the article, the author expressed his position on the stage at which artificial intelligence can be used. In addition, the article details the categories of digital law and digital law.

Keywords: law, digital technologies, state, society, rule-making, pandemic

1. Фундаментальные основы и положительные (полезные) стороны цифровизации нормотворчества. XXI век стал веком цифровизации общества и государственной жизни во всем мире. Особенно пандемия “Covid-19”, потрясая весь мир, потребовала от всех нас одновременно с борьбой с пандемией, осуществить быструю цифровизацию всех сфер, которые мы могли бы использовать.

В Стратегии ООН по использованию новых технологий 2018 г. говорится, что цифровые технологии становятся неотъемлемой частью всех сфер социальной, культурной и политической жизни и что использование новых технологий должно основываться на принципах равенства, справедливости, которые считаются основными ценностями, наряду с общепризнанными международными документами [1].

Следует отметить, что тенденция современного технологического развития наряду с новыми возможностями создает специфические проблемы. То есть, создавая удобства для каждой сферы, создает и недостатки.

А также цифровизация определенной системы, повышая возможности граждан по эффективному использованию информации, обеспечивает открытость деятельности государственных органов, а также открытый диалог с населением.

На фоне цифровизации системы государственных органов приоритетное значение имеет широкое внедрение современных технологий в их нормотворческую деятельность, что проявляется в следующих положительных аспектах:

1) в результате цифровизации процедуры разработки нормативно-правовых актов резко сокращаются установленные сроки (разработки, согласования, экспертизы и принятия документов нормативного характера), повышается результативность нормотворческой деятельности;

2) благодаря широкому внедрению современных технологий в деятельность по разработке нормативно-правовых актов предотвращаются бумажная волокита, бюрократия и коррупция, т. е. следуя принципу «движения документов», деятельность по разработке, согласованию, экспертизе нормативно-правовых документов осуществляется без «человеческого фактора» и только с использованием информационных технологий;

3) через соответствующие информационные системы осуществляется мониторинг нормотворческой деятельности государственных органов, обеспечивается принцип «законности» в сфере. То есть обеспечивается полный контроль вопросов (процессов) разработки, поступления и принятия нормативно-правовых документов субъектами нормотворчества в соответствии с законодательством [2];

4) при создании законодательства обеспечиваются принципы «открытости» и «прозрачности», создается система информирования населения о принимаемом законодательстве.

Кроме того, цифровизация нормотворческой деятельности создает ряд тенденций. В частности, «цифровой закон», «искусственный интеллект в законодательстве», «цифровая экспертиза», «программы законодательной техники» свидетельствуют о том, что деятельность по разработке нормативно-правовых актов приобретает все более современный вид.

2. Искусственный интеллект в нормотворчестве. Сегодня искусственный интеллект, который является одной из современных технологий, приводящей к сокращению активности человечества, молниеносно входит во все сферы жизни общества. В то же время сегодняшняя возрастающая нагрузка вызывает необходимость использования искусственного интеллекта при разработке законодательных актов субъектами нормотворчества.

Прежде чем приступить к научному анализу данной темы, позвольте остановиться подробнее на понятии «искусственный интеллект» и его определении.

Искусственный интеллект – это система, которая способна воспринимать свою среду и принимать меры, чтобы максимизировать шансы на успешное достижение своих целей, а также интерпретировать и анализировать данные таким образом, чтобы они обучались и адаптировались по мере развития [3].

Главный вопрос заключается в том, на каком этапе нормотворчества используется искусственный интеллект.

На наш взгляд, нельзя использовать искусственный интеллект на этапах разработки и экспертизы проектов нормативно-правовых актов, которые считаются важными этапами законодательства. То есть, поскольку нормы нормативно-правовых актов являются инструментами, регулирующими общественные отношения и создающими правовые последствия, такие важные документы нельзя доверять технологиям.

По нашему мнению, искусственный интеллект можно использовать для упрощения процесса разработки законодательных актов. Например, искусственный интеллект целесообразно применять для определения [4] и контроля соблюдения сроков работы с законодательством (разработки и утверждения нормативно-правовых актов), поиска орфографических и технических ошибок в нормативно-правовых документах, выявления несоответствий между переведенными текстами проектов, приведения в соответствие текстов проектов требованиям законодательной техники.

Также «технологии искусственного интеллекта позволят, в частности, проводить автоматическую проверку проекта нормативного правового акта на соответствие актам большей юридической силы, определять необходимость внесения изменений в акты меньшей юридической силы, – оценивать соблюдение правил юридической техники и точность указания ссылок на иные законы и подзаконные акты» [5].

Основы использования «цифрового законодательства» при нормотворчестве. Прежде чем приступить к научному анализу понятия «цифровой закон», целесообразно остановиться на категории «цифровое право».

Сегодня цифровое право входит в сферу юриспруденции в основном как современный институт в сферах государственного управления, гражданского права и уголовного права.

В частности, «цифровые соглашения», «цифровая собственность», «Смарт-контракт», «цифровая транзакция», «цифровой товарооборот», правила аутентификации и идентификации, входящие в наше общество как современные гражданско-правовые отношения, свидетельствуют о модернизации сферы гражданского права цифрового права.

Также ставшие в последние годы тенденцией «кибербезопасность», «киберпреступность» и преступления, совершаемые с помощью других современных технологий, свидетельствуют о необходимости цифровизации сферы уголовного права.

В государственном управлении цифровое право в основном связывает граждан с государственными услугами через информационные системы и развивает системы «электронного правительства» и «электронного государства».

Хотя категория «цифровое право» не встречается в научных статьях и исследовательских работах, в интернет-источниках имеются определения данного понятия.

Понятие “law”, используемое в англоязычных источниках как синоним слова “right”, при переводе означает «право» и «закон».

Например, словарь IGI-GLOBAL определяет термин “digital law” как ответственность за безопасность в Интернете и соблюдение онлайн-правил. Этот термин используется в основном в отношении Интернета [6].

На наш взгляд, «цифровой закон» – это совокупность правовых норм, которые регулируют взаимоотношения в Интернете и социальных сетях, а также определяют права и обязанности субъектов, задействованных в этих системах.

Следует отметить, что любая технология должна служить на благо человека и его интересов.

Например, участие при помощи информационных систем людей в процессе разработки нормативно-правовых актов и выражение своего мнения является одним из средств эффективного обеспечения прав и законных интересов граждан, а также проявлением принципа «человеческое достоинство» в сфере законодательства.

В качестве заключения следует отметить, что внедрение цифрового нормотворчества, свободного от бумажной волокиты и бюрократии, создаст прочную и эффективную основу законодательной базы.

Список литературы

1. Стратегия Генерального секретаря в отношении новых технологий. URL: <https://www.un.org/en/newtechnologies/images/pdf/SGs-Strategy-on-New-Technologies-RU.pdf>
2. Залоило М. В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22–37. DOI: 10.12737/jrl.2020.065
3. Что представляет собой искусственный интеллект? URL: <https://www.sap.com/central-asia-caucasus>
4. Рукавишникова И. Искусственный интеллект повысит скорость нормотворчества. URL: <https://www.pnp.ru/social/rukavishnikova-iskusstvennyy-intellekt-povysit-skorost-normotvorchestva.html>
5. IGI Science and Technology. URL: <https://www.igi-global.com/dictionary/digital-law>
6. Digital law. URL: <http://millerdigitalcitizenship.weebly.com>

А. Б. Чиквин,
аспирант,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Уральский институт управления)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка обобщения изменений, затронувших категорию юридического факта в науке теории права и государства в условиях цифровой трансформации права. Даны предложения по классификации этих изменений, а также пути для развития научной дискуссии. Выдвигаются тезисы об условиях неизменности некоторых видов юридических фактов и о создании предпосылок для разграничения наблюдаемых явлений.

Ключевые слова: юридический факт, деяние, правонарушение, гражданское состояние, цифровое право, субъект, правоспособность, дееспособность

LEGAL FACT IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. The work makes an attempt to generalize the changes that affected the category of legal fact in the science of the theory of law and state in the context of the digital transformation of law. Suggestions for classifying these changes are given, as well as ways to develop scientific discussion in the future. The author also puts forward a thesis about the conditions for the immutability of certain types of legal facts, and creates prerequisites for distinguishing between observed phenomena.

Keywords: legal fact, act, offense, civil status, digital law, subject, legal capacity, capacity

Введение. В научной литературе достаточно полно исследованы изменения, которые произошли с отдельными видами юридических фактов в условиях цифровой трансформации. Например, И. Р. Бегишев описывал проблему преступлений в сфере обращения цифровой информации [10], М. В. Вронская занималась вопросом трансформации формы сделки [5. С. 138–139]. Однако, на наш взгляд, до сих пор не было предпринято попытки обобщить те изменения, которые коснулись юридического факта как категории науки теории права и государства в условиях цифровой трансформации. В рамках представленных тезисов выдвигается гипотеза, что изменения, произошедшие с юридическим фактом в условиях цифровой трансформации, носят систематический характер, а, значит необходимо выделить тенденции происходящей трансформации с юридическими фактами.

Концептуализация событий как юридических фактов в цифровом пространстве. В науке теории права и государства принято, что события как вид юридических фактов происходят независимо от воли человека [2. С. 242–243]. При этом они могут носить как характер абсолютных явлений (возникающих и протекающих независимо от воли человека), так и характер относительных (возникающих по воле субъектов, но протекающих в дальнейшем независимо от них).

Анализируя, претерпевают ли абсолютные события какую-либо цифровую трансформацию как вид юридического акта, необходимо отметить, что сегодня таких предпосылок нет. Можно говорить лишь о появлении новых видов таких фактов, которые вызваны к жизни самим развитием технологий. В частности, можно выделить такое событие, как отключение критической инфраструктуры, произошедшее в силу аппаратного сбоя. Если это отключение не является следствием применения вредоносного программного обеспечения или иного неконтролируемого события (например, отключения серверов от электросети), то необходимо признать, что оно носит абсолютный характер.

Вне всякого сомнения, такое событие будет носить характер юридического факта, поскольку с неизбежностью будет порождать юридические последствия. Самая очевидная ситуация – субъекты пропустят процессуальные сроки и не смогут вовремя реализовать свои права или выполнить обязанности, которые они намеревались осуществить посредством информационных систем (портала Госуслуг, портала ГАС «Правосудие» и иных).

Из сказанного следует сделать вывод, что, хотя абсолютные события и не претерпевают цифровую трансформацию как вид юридического факта, необходимо нормативное признание в таком качестве тех из них, которые еще не получили его в силу своей новизны.

Что касается относительных событий, то научное сообщество разошлось в своем понимании своеобразия происходящих с ними изменений. Так, Д. А. Матанцев справедливо полагает, что действующее законодательство считает биологическую смерть, фиксируемую смертью головного мозга, фактом, прекращающим правосубъектность и правовой статус лица [8. С. 46–47].

Не отрицая однозначности такого подхода, необходимо отметить, что цифровые технологии уже сегодня ставят под сомнение справедливость определения факта биологической смерти по смерти головного мозга. В частности, появляются и проводятся эксперименты, которые позволяют оцифровать сознание человека, что во взаимосвязи с данными о его жизненном опыте позволит продлить его существование [1. С. 46–47]. Поскольку такие исследования не завершены, то для юридического сообщества еще рано формулировать однозначное определение, – является ли результат такого эксперимента «тем же самым» человеком (и, следовательно, факт смерти претерпел цифровую трансформацию) или имеет место возникновение новой правосубъектности (и тогда смерть осталась неизменна как юридический факт).

На данной стадии необходимо сделать вывод, что относительные события уже не являются таким незыблемым видом фактов, который был бы неспособен пройти цифровую трансформацию в силу своей конструкции. По крайней мере, в теории такие изменения могут произойти.

Концептуализация различных деяний в цифровом пространстве. Деяния как вид юридических фактов уже возникают и развиваются по воле участников правоотношений [2]. Перечисление и выявление тех особенностей, которые связаны с цифровой трансформацией деяний, находится за пределами нашей публикации. В этой связи необходимо отметить, что эти особенности наиболее полно рассмотрены в научной литературе. Так, Л. Г. Ефимова описывала проблемы правовой квалификации электронной формы сделки. Она указывала, в частности, что природа электронной формы сделки традиционно определяется как разновидность простой письменной сделки [7. С. 54–55] и что такой подход будет в будущем тормозить развитие общественных отношений.

С введением в ст. 309 Гражданского кодекса РФ легального определения смарт-контракта стало очевидно, что сделки как вид юридических фактов претерпевают изменения в связи с цифровой трансформацией. На это указывает законодательно определенная дефиниция, согласно которой исполнение обязательств по таким сделкам стало возможно без отдельно выраженного волеизъявления сторон. А конкретно – путем применения информационных технологий.

Что же касается противоправных деяний (как правонарушений, так и объективно противоправных деяний), то они в полной мере подверглись цифровой трансформации как вид юридических фактов. Эти изменения широко дискутируются научным сообществом. Например, В. В. Архипов рассуждал, являются ли широко применяемые в многопользовательских онлайн-играх аватары пользо-

вателя обычным элементом игрового дизайна или эта ситуация складывается иным образом [3. С. 62].

Ведь если противоправное деяние совершено каким-либо субъектом, то в таком случае будет идти речь о правонарушении, а если в этом деянии мы не усматриваем субъектного состава, то в таком случае будет разрешаться вопрос об объективно противоправном деянии.

Этот вопрос напрямую отсылает нас к дискуссии о правосубъектности искусственного интеллекта, роботов, а также цифрового образа человека. Масштабность дискуссии не позволяет в рамках настоящих тезисов привести соображения на этот счет, в связи с чем этот аспект будет рассмотрен в последующих публикациях.

Концептуализация различных состояний в цифровом пространстве. Цифровая трансформация состояний как вида юридических фактов на сегодняшний день является наименее изученным вопросом. При подготовке тезисов автору не удалось найти уже вышедших публикаций, посвященных этой проблематике.

Этому способствует в первую очередь такая характеристика состояний, как длительность. На данном этапе исследований сложно представить, каким образом состояние в родстве, браке или гражданстве могло бы измениться под воздействием цифровых технологий. Высказываются первые смелые предположения, что такие состояния могли бы в перспективе распространяться на отношения, связанные с цифровым образом человека. Однако, как справедливо отметил В. О. Пучков, пока с доктринальной и практической точки зрения представляется оправданным исходить из того, что действия, совершенные с использованием цифрового образа субъекта, не считаются совершенными субъектом, если не доказано иное [9. С. 147].

Относительно состояний объектов правоотношений (этажности дома, породы скота и т. д.) не высказывается пока даже таких предположений. Рассуждения же, что гипотетически такие состояния могут приобрести цифровое измерение (например, у дома может появиться «цифровой» этаж), относятся к области научной фантастики и не могут быть положены в основу научных тезисов.

Таким образом, можно сделать вывод, что состояния как вид юридических фактов не рассматриваются научным сообществом как претерпевающие цифровую трансформацию. Из сказанного, однако, не следует, что это будет невозможно в будущем.

Второй вывод, который необходимо сделать в этом разделе, касается юридических составов. Приведенные выше примеры привлекли внимание именно в связи с тем, что они рассматриваются не как одиночные юридические факты, а как сложные факты, различные составные части которых могут претерпевать цифровую трансформацию.

Таким образом, хотя отдельные факты в рамках одного состава могут быть устойчивыми к различного рода изменениям в цифровом правообороте, все же сами составы будут трансформироваться.

Заключение. Л. Ю. Василевская и другие высказывали мнение, что анализ правовых конструкций в цифровой среде некорректен, поскольку отсутствуют законодательные предписания, регулирующие фактические отношения в цифровой среде [4. С. 9]. При этом фрагментарный анализ отдельных явлений не снимает

с повестки дня необходимости глубокого осмысления трансформации юридического факта как категории науки. Е. А. Громова и С. А. Петренко также солидарны в том, что масштабная, глобальная и интенсивная цифровизация и появлений новых технологий уже привели к возникновению правовой неопределенности и потребовали поиска более гибких подходов к правовому регулированию [6. С. 77].

Юридический факт как категория науки теории права и государства в условиях цифровой трансформации оказался в значительной мере устойчив к различного рода изменениям. Так, пока нельзя говорить о какой-либо трансформации состояний или абсолютных событий в чистом виде. В то же время они могут входить в сложные факты (юридические составы), которые уже подвластны такой трансформации.

Способность того или иного факта к цифровой трансформации неразрывно связана с волеизъявлением субъекта, независимо от того, направлено оно на возникновение факта или нет. По этой причине наиболее подвержены трансформации факты, которые возникают и проистекают по воле субъекта (как правомерные, так и противоправные).

При этом наиболее характерны для цифровой среды именно лишенные субъектного состава объективно противоправные деяния. Это связано с обширной дискуссией о правосубъектности различных явлений цифровой среды. Пока она не завершена какими-либо нормативными выводами, спор о субъектном составе того или иного правоотношения каждый раз разрешается в индивидуальном порядке, что говорит о недостатке в системе правового регулирования такого типа отношений.

Нам удалось показать в рамках настоящих тезисов, что изменения, которые происходят с юридическими фактами, носят отнюдь не фрагментарный, а систематический характер, в связи с чем необходима большая научная работа по анализу происходящей с ними цифровой трансформации с целью анализа и выработки решений на перспективу.

Список литературы

1. Samantha Cole. A DIY Coder Created a Virtual AI «Wife» Using ChatGPT // Vice. 2023. URL: <https://www.vice.com/en/article/jgpzp8/a-diy-coder-created-a-virtual-ai-waifu-chatgpt>
2. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961.
3. Архипов В. В. Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в свете междисциплинарных исследований // Журнал «Закон». 2022. № 3. С. 58–74.
4. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского правооборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография в 5 т. М.: Проспект, 2021. Т. 1.
5. Вронская М. В. Трансформация формы сделки в условиях реализации цифровых технологий: актуальные проблемы и перспективы развития // Территория новых возможностей. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-formy-sdelki-v-usloviyah-realizatsii-tsifrovyyh-tehnologiy-aktualnye-problemy-i-perspektivy-razvitiya>

6. Громова Е. А., Петренко С. А. Квантовое право: начало // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(1). С. 62–88.

7. Ефимова Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 52–62.

8. Матанцев Д. А. Развитие правосубъектности в условиях научно-технического прогресса // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4. С. 41–50.

9. Пучков В. О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права с цивилистической доктрине и судебной практике // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 143–158.

10. Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 30 с. EDN: YRTZMD.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ) ОТНОШЕНИЙ

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF PUBLIC LEGAL (STATE-LEGAL) RELATIONS

Е. С. Акимов,

студент,

Марийский государственный университет

Е. В. Лежнина,

кандидат исторических наук, доцент,

Марийский государственный университет

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВВЕДЕНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием отечественного программного обеспечения в образовательных учреждениях. Анализируются существующие правовые аспекты, проблемы и перспективы внедрения отечественных программных продуктов в систему образования.

Ключевые слова: санкции, импортозамещение, ИТ-компании, программное обеспечение, федеральные законы, указ

LEGAL ASPECT INTRODUCTION OF IMPORT SUBSTITUTION OF SOFTWARE IN THE EDUCATION SYSTEM

Abstract. The article explores issues related to the use of domestic software in educational institutions. The paper analyzes the existing legal and organizational aspects of the introduction of domestic software products and considers possible problems and advantages of this strategy.

Keywords: sanctions, import substitution, IT companies, software, federal laws, decree

С начала 2022 г. из-за сложной внешнеполитической обстановки и в связи с санкциями США и Европейского союза многие иностранные ИТ-компании ушли с российского рынка. Это стало серьезным вызовом для российской информационной индустрии, но в то же время открыло новые перспективы для развития отечественного программного обеспечения. Отсутствие иностранных компаний на внутреннем рынке Российской Федерации образовало вакуум, который должен был быть заполнен отечественными компаниями. Российские разработчики программного обеспечения, без сомнения, обладают всеми необходимыми знаниями и навыками, чтобы создавать качественные и инновационные продукты.

Однако для успешного внедрения отечественного программного обеспечения необходима поддержка со стороны правительства и требуется корректировка соответственной законодательной базы.

Вопрос подготовки законодательной базы, связанный с импортозамещением отечественного программного обеспечения (далее – ПО), появился в 2014 г. в связи с санкциями США и ЕС, введенными из-за вхождения Крыма в состав России. В 2015 г. был издан приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации «Об утверждении плана импортозамещения программного обеспечения», в котором вводился запрет на использование иностранного ПО в целях осуществления закупок для муниципальных и государственных нужд [1. С. 2]. Также был учрежден план импортозамещения программного обеспечения до 2025 г., согласно которому четко определялись отдельные сегменты рынка корпоративного программного обеспечения, где уже имелся задел в виде конкурентоспособных отечественных продуктов. Кампании получали поддержку в форме государственных закупок отечественного программного обеспечения [1. С. 3]. В этом же законе была закреплена практика создания реестра российско-го программного обеспечения в целях расширения использования ИТ-продукции в органах государственной власти РФ, а также для оказания правообладателям ПО мер государственной поддержки [1. С. 2]. Принципы формирования реестра были утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 1236. С 1 января 2016 г. начали действовать ограничения для государственных заказчиков на закупку ПО, отсутствующего в реестре. Ограничение на закупку только сертифицированного ПО было введено с целью обеспечить безопасность и качество программных продуктов, используемых государственными организациями. Эти действия позволили минимизировать потенциальные угрозы для информационной безопасности страны, способствовали повышению качества, закупаемого программного обеспечения и защите важных информационных ресурсов от возможных угроз. На современном этапе количество ПО, включенного в реестр, постоянно увеличивается, что свидетельствует о растущем соблюдении данных правил и увеличении безопасности информационных систем государственных учреждений.

В 2019 г. начал действовать национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации», одной из целей которого стало стимулирование развития отечественного программного обеспечения и предприятий-разработчиков. Стратегически важной задачей проекта было повышение использования в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях отечественного ПО. Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» было предусмотрено увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 г. [5. С. 3]. В частности, в 2019 г. система «Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния» была полностью переведена на отечественное ПО. Также некоторые вузы перешли на отечественные ПО. В частности, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия в рамках договора о сотрудничестве с ООО «Базальт СПО» получил лицензию на право использования в учебном процессе отечественного программного обеспечения [7].

В 2022 г., когда многие иностранные ИТ-компании покинули российский рынок связи с наложением санкций со стороны США и Европейского союза, банки, промышленная отрасль, здравоохранение, связь, транспорт и образовательные учреждения оказались под угрозой, ибо продлить лицензию на иностранное ПО оказалось невозможным. 30 марта 2022 г. был издан Указ Президента Российской Федерации № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» призван обеспечить безопасность и независимость информационной инфраструктуры страны в условиях сложной внешнеполитической обстановки. Указ вводит ряд мер по защите критической информационной инфраструктуры России от внешних угроз и непрерывности ее работы. Он определяет правила для крупных информационных технологических компаний, работающих в России, и предписывает им принимать дополнительные меры по обеспечению безопасности и независимости своих систем. Кроме того, Указ устанавливает меры по развитию отечественной информационной технологии и инфраструктуры, а также стимулирует инновационную деятельность в рамках отрасли [6. С. 1]. Он способствует созданию благоприятной среды для развития местных компаний и стимулирует научно-исследовательскую работу в области безопасности и технологического развития. Также из-за блокировок или невозможности оплатить лицензию на иностранное ПО Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ издало перечень рекомендованных аналогов иностранного ПО. В частности, офисный пакет Microsoft Office предлагают заменить отечественным офисным пакетом «Мой Офис» или «Р7-Офис» [2. С. 1].

Введение импортозамещения программного обеспечения в системе образования представляет собой значимый шаг, направленный на развитие российского ПО, обеспечение информационной безопасности и уменьшение зависимости от иностранных компаний. Кроме того, необходимо уделять внимание обучению педагогических и административных кадров новым программным продуктам, а также проводить мониторинг и контроль за процессом импортозамещения для достижения наилучших результатов. Только таким образом отечественное ПО сможет раскрыть свои потенциал и достичь успеха в этой области.

Список литературы

1. Приказ Минкомсвязи России «Об утверждении плана импортозамещения программного обеспечения». URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/4548/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f
2. Перечень наиболее популярных и общеизвестных сервисов и цифровых решений иностранных компаний, деятельность которых полностью или частично ограничена на территории Российской Федерации, а также перечень рекомендованных аналогов. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/04/recomendovannyye_analogi.pdf
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 2017 г. № 325 «Об утверждении дополнительных требований к программам для электронных вычислительных машин и базам данных, сведения о которых включены

в реестр российского программного обеспечения, и внесении изменений в Правила формирования и ведения единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных». URL: <https://base.garant.ru/71638522>

4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624

5. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927

6. Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47688>

7. Дальневосточный филиал «РГУП» использует отечественное программное обеспечение для обучения студентов. URL: <https://feb.rgup.ru/?mod=pages&id=5403>

А. М. Антонова,

кандидат юридических наук, доцент,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НАЛОГОВЫХ ОРГАНАХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности цифровизации налоговых органов. Обозначены причины внедрения информационных технологий в деятельность органов налоговой сферы. Рассмотрены особенности функционирования некоторых информационных ресурсов для работы налоговых органов с налогоплательщиками. Определены результаты применения цифровых технологий. Указаны сильные и слабые стороны информационных ресурсов налоговых органов. Уделено внимание вопросу применения информационных технологий в кадровой работе налоговых органов.

Ключевые слова: цифровые информационные технологии, налоговые органы, информационные ресурсы, личный кабинет налогоплательщика, налоговый контроль, налоговые доходы

DIGITAL TECHNOLOGIES IN TAX AUTHORITIES

Abstract. This article discusses the features of digitalization of tax authorities. The reasons for the introduction of information technologies in the activities of tax authorities are outlined. The article discusses the features of the functioning of some information resources for the work of tax authorities with taxpayers. The author defines the results of the use of digital technologies. The strengths and weaknesses of information resources of tax authorities are indicated. Attention is paid to the issue of the use of information technologies in the personnel work of tax authorities.

Keywords: digital information technologies, tax authorities, information resources, taxpayer's personal account, tax control, tax revenues

Современный мир не представляется сейчас без применения информационных технологий. Использование информационных ресурсов в определенных сферах деятельности является признаком развития и эффективности работы в этих сферах. Естественно, актуально применение новых информационных технологий и в государственном управлении [7].

Цифровизация в государственном управлении подразумевает «улучшение существующих в государственных органах процессов путем внедрения IT-технологий, методов оптимизации и реинжиниринг процессов; анализ данных для принятия решений» [2].

Начиная с 2012 г. осуществляется постепенный переход к получению гражданами государственных услуг в электронном виде, а государственные органы взаимодействуют друг с другом межведомственно. Сегодня большинство всех услуг оказывается электронно через Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ).

В сложившихся реалиях Федеральная налоговая служба (далее – ФНС России) одной из первых пошла по пути цифровой трансформации. Применение информационных технологий в работе налоговых органов направлено на улучшение качества обслуживания налогоплательщиков и повышение эффективности деятельности ФНС России. ФНС России выполняет задачу, определенную Стратегией развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.: «...создание российских информационных и коммуникационных технологий в целях получения государством и гражданами новых технологических преимуществ использования и обработки информации, доступа к ней, получения знаний, формирования новых рынков и обеспечения лидерства на них» [6].

К основным причинам внедрения IT-технологий в сферу налоговой политики относятся следующие:

- высокий уровень коррупции;
- большое количество обращений налогоплательщиков, поступающих в налоговые органы;
- уклонение граждан и предприятий от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, вследствие чего в бюджет не поступают необходимые налоговые доходы и происходит увеличение налоговой задолженности;
- отсутствие определенных инструментов налогового контроля в деятельности налоговых органов [3. С. 128].

За несколько лет ФНС России сделала существенный скачок в применении IT-технологий и изменении своей технологической инфраструктуры. Такие изменения привели к увеличению налоговых доходов. «Налоговые поступления, администрируемые ФНС России, росли более высокими темпами, чем темпы роста экономики и ВВП. В 2021 г. сумма доходов консолидированного бюджета РФ по сравнению с 2020 г. выросла на 652,9 млрд рублей, или на 34,8 %, превысила прогнозную сумму доходов за 2021 г.» [8].

С каждым годом ФНС России продолжает внедрять новые информационные цифровые сервисы в работу и занимается совершенствованием уже существующих. Так, 1 января 2023 г. на сайте ФНС России применяется более 70 цифровых

сервисов, упрощающих процессы переработки информации, поступающей от налогоплательщиков.

В настоящее время в деятельности ФНС России применяются и успешно функционируют следующие IT-сервисы:

1. Автоматизированная информационная система «Налог-3» (АИС «Налог-3»).
2. Личный кабинет налогоплательщика.
3. Электронный документооборот (ЭДО).
4. Межведомственное взаимодействие.
5. Онлайн-кассы.
6. Мобильное приложение для регистрации самозанятых.
7. Единый реестр ЗАГС.
8. Квалифицированные электронные подписи.
9. Получение ИНН через Единый портал государственных и муниципальных услуг.

Успешность применения сервисов ФНС России «Мой налог» доказывает увеличение на 69 % количества самозанятых в России за прошедший год.

Автоматизированная информационная система «Налог-3» (АИС «Налог-3»), которая была внедрена приказом ФНС России от 1 июля 2019 г. № ММВ-7-12/333@ [10]. АИС «Налог-3» автоматизирует основные функции налоговых органов: прием и обработку информации, формирование статистических данных и др. Она обеспечивает эффективный налоговый контроль путем использования сервиса, хранящего достоверную информацию о каждом налогоплательщике.

В рамках совершенствования цифровой деятельности в сфере налоговой политики ФНС России планирует осуществить переход к более совершенной автоматизированной системе, а именно АИС «Налог-4». Данная система должна соответствовать современным условиям развития информационного общества.

Очень важным шагом в оперативном контроле налоговых органов за операциями налогоплательщиков стало применение ими кассовых аппаратов, передающих информацию в органы ФНС России.

Личный кабинет налогоплательщика предоставил возможность бесконтактно общаться с налоговой службой, самостоятельно подавать декларации, оплачивать налоги, узнавать свои налоговые задолженности, осуществить отправку заявления на возврат или зачет переплаченной суммы налога, подавать заявления на получение налоговых льгот и др. Этот удобный сервис для налогоплательщиков в 2022 г. привел к увеличению по сравнению с 2021 г. на 51 % интернет-обращений населения.

Если налогоплательщик желает получить консультацию от опытных специалистов по вопросам налогообложения, он может получить эту услугу, позвонив в колл-центр налоговых органов.

Отдельно стоит рассмотреть систему маркировки товаров – RFID-метки (для меховых изделий) и QR-коды (для фармацевтических товаров применительно к определенным видам лекарств). Анализ данных показал, что каждый четвертый участник этого сектора легализован, а торговый оборот вырос в семь раз [13. С. 429].

Доля представленных деклараций налогоплательщиками в электронном виде является 84,9 % от общего количества деклараций, при этом среднее время обработки

формализованных обращений составляет всего 10 дней, что, естественно, увеличивает уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг ФНС России. Этот уровень, по данным отчетов ФНС России, составляет 99,79 %.

На сайте ФНС РФ разработан и апробирован в декабре 2022 г. порядок выявления мнений на сайте службы. По итогам опроса установлено, что 70 % опрошенных в качестве предпочтительного канала обратной связи с ФНС России предпочитают сам сайт, личный кабинет налогоплательщика или мобильное приложение. 86 % граждан довольны взаимодействием с ФНС России (на основании независимого исследования – 1,3 тыс. чел.) [8].

Таким образом, «внедрение технологии представления налоговой отчетности в электронном виде способствует экономии времени сотрудников налоговых служб на общение с налогоплательщиками, что, в свою очередь, влияет на показатели рейтинга налоговых органов. Это происходит за счет повышения качества услуг, предоставляемых налогоплательщикам» [9. С. 95–96].

Одним из важных шагов цифровизации налоговых органов стало введение с 2023 г. единого налогового счета (ЕНС). ЕНС пополняется с помощью Единого налогового платежа (ЕНП) до срока уплаты налогов. Поступившая сумма распределяется между обязательствами налогоплательщика. Использование Единого налогового счета повысит прозрачность сбора налогов, в результате чего налогоплательщики будут как на ладони.

В 2023–2024 годах ФНС России «планирует по цифровым технологиям использовать машинное обучение и нейросети для создания голосового ассистента для консультаций, а также использовать машинное обучение и нейросети для создания классификаторов по вновь поступаемым вопросам и товарным наименованиям» [11. С. 147].

Одним из важнейших этапов информатизации государственного управления являются разработка и внедрение информационно-коммуникационных технологий в профессиональную деятельность государственных гражданских служащих, которые в свою очередь нацелены на «создание условий для открытого и объективного отбора кандидатов для замещения должностей государственной гражданской службы, а также их последующего учета в рамках автоматизированных систем» [5. С. 16].

Внедрение информационно-коммуникационных технологий на государственную гражданскую службу, в том числе в процесс отбора кандидатов для замещения вакантных должностей государственной гражданской службы, должно быть направлено на решение следующих задач:

- 1) повышение эффективности и результативности государственного управления;
- 2) создание условий для осуществления доступа граждан к информации о деятельности государственных органов, включая вопросы кадровой политики;
- 3) создание, внедрение и развитие автоматизированных информационных систем в государственных органах;
- 4) создание условий для повышения компьютерной грамотности государственных гражданских служащих;
- 5) создание условий для развития информационной культуры государственных служащих;

б) упрощение поиска информации о вакантных должностях государственной гражданской службы;

7) повышение эффективности принятия кадровых решений и оптимизации кадровой работы [1. С. 151].

Следует обратить внимание на то, что в налоговых органах применяются информационные технологии не только в сфере налогового администрирования, но и в сфере кадровой политики государственных гражданских служащих налоговых органов. На территории России действует федеральная государственная информационная система «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» (далее – ЕИСУКС). Кадровые работники оформляют в этой системе профили государственных гражданских служащих. Через ЕИСУКС собирается информация о ходе проведения конкурса на замещение вакантных должностей в государственном органе. Плюс этого мероприятия в том, что претендент на вакантную должность может, не приходя в налоговый орган, прикрепить все нужные на конкурс документы. Результаты конкурса тоже фиксируются в этой системе. Эта система важна в противодействии коррупции. Кадровые работники загружают в ЕИСУКС ежегодные справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственных служащих. Эти справки в дальнейшем проверяются Управлением Президента РФ по противодействию коррупции и органами прокуратуры РФ в целях выявления фактов неправильного оформления загруженных справок и фактов коррупционной составляющей.

С 2022 г. произошла состыковка ЕИСУКС с государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет». Результатом этого мероприятия стало начисление и получение заработной платы сотрудниками налоговых органов через органы Федерального казначейства РФ, минуя собственную бухгалтерию в органе власти. В течение года имелись существенные сложности в выгрузке данных из ЕИСУКСа в Электронный бюджет. В такой ситуации ни о какой эффективности работы кадровой службы не стоит говорить.

К тому же имеется дублирование информации о кадрах налогового органа в двух информационных системах: ЕИСУКС и АИС «Налог-3» «Кадры». Тем самым кадровый работник затрачивает лишнее время на ведение похожих баз. Предназначение этих систем, по сути, лежало в минимизации бумажного делопроизводства. Но в кадровых отделах все так же ведется бумажное делопроизводство (личные дела и карточки, служебные контракты, приказы, должностные регламенты).

Создание ЕИСУКС предполагало формирование в одной базе всех персональных данных о государственных служащих, а также данных о прохождении государственной службы, о денежном содержании государственного служащего. В данный момент из-за моментов несовершенства системы кадровикам приходится решать дилеммы с загрузками данных.

Постоянное совершенствование цифровых технологий в контрольно-надзорной деятельности налоговых органов требует повышения цифровой грамотности налоговиков через прохождение ими курсов дополнительного профессионального образования [12. С. 317].

Обучение в налоговых органах проходит в обязательном порядке раз в три года, но в случае потребности в новых знаниях курсы проводятся по мере необходимости в Приволжском институте повышения квалификации ФНС России (г. Нижний Новгород) и Северо-Западном институте повышения квалификации ФНС России (г. Санкт-Петербург). Обучение сотрудников налоговых органов проводится как в очном формате, так и дистанционно бесплатно.

Однако есть проблема неэффективности дистанционного обучения в связи с загруженностью служащих на рабочем месте. Обучение проходит формально, между делом, знания от такого обучения минимальны. Избавиться от этой проблемы можно только руководящим решением о предоставлении свободного времени служащим на обучение во время рабочего дня.

В итоге рассмотрим сильные и слабые стороны использования цифровых технологий в налоговой сфере.

Положительной стороной использования IT-технологий в работе налоговых органов, прежде всего, является повышение эффективности деятельности налоговых органов за счет своевременности и оперативности принятия решений, к тому же возрастает производительность труда государственных гражданских служащих и сокращается время обработки данных. Идет удобное и открытое взаимодействие налоговых органов с налогоплательщиками. Выявляется уменьшение затрат на реализацию государственных услуг.

Благодаря оперативному контролю налоговых органов через новейшие программы осуществляются своевременные мероприятия по борьбе с уклонением от налогов, сокращаются объемы теневой экономики, и тем самым растут поступления налогов в бюджеты страны.

При реализации цифровых технологий в налоговых органах следует обозначить и ряд пока не решенных проблем. Вне сомнений, есть риск недостаточной защиты цифровых сервисов налоговых органов. Может произойти утечка персональных данных в результате взломов и хакерских атак. Наблюдаются технические ошибки и сбои в работе онлайн-сервисов. Для реализации такой мощной цифровизации налоговых органов требуется немало материальных затрат.

К тому же не надо забывать, что еще остаются налогоплательщики, которые не разбираются в современных информационных технологиях, нет возможности общаться с налоговыми органами через интернет-сервисы, не имеют достаточных знаний по передовым технологиям. Налогоплательщики старшего поколения до сих пор обращаются персонально к специалистам налоговых органов. Объединение налоговых инспекций по всей России приведет к тому, что этот контингент налогоплательщиков останется без контактного взаимодействия с налоговыми органами и государственные услуги не будут выполнены в полном объеме для них.

При взаимодействии налоговых органов с другими ведомствами наблюдаются частые расхождения данных об объектах налогообложения (недвижимость, транспорт), что приводит к ошибкам в расчетах налогов. Назрела необходимость создать единую межведомственную базу данных для взаимодействия и устранения дублирования информации [4. С. 151].

Необходимо отметить, что положительных моментов применения информационных технологий в сфере налоговой политики больше, чем отрицательных.

Опыт различных стран во всем мире показывает, что цифровая трансформация налоговых органов – необходимый и важный процесс, поскольку применение информационных технологий позволяет упростить рутинные процессы, повысить качество и скорость предоставления государственных услуг, отслеживать правильность уплаты налогов, а также выявлять схемы ухода от уплаты налогов и сборов.

ФНС России уверенно двигается вперед, создавая благоприятные условия взаимодействия с налогоплательщиками. Процессы цифрового развития в сфере реализации налоговой политики ведут к повышению налоговых доходов в бюджеты всех уровней, а сама деятельность налоговых органов становится быстрее, оперативнее и эффективнее.

Список литературы

1. Вакула И. М., Загутин, Д. С. Применение информационных технологий в управлении персоналом в системе государственной гражданской службы // *Философия права*. 2019. № 3. С. 150–154.

2. Доклад РАНХиГС «Государство как платформа: люди и технологии». 2019. URL: www.ranepa.ru/images/News/2019-01/16-01-2019-GovPlatform.pdf

3. Елисеева Ю. В. Применение цифровых технологий при реализации налоговой политики // *Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки*. 2023. № 19. С. 127–133.

4. Кубатиева Л. М., Мамасурова, Ф. Х. Информатизация налоговых органов и применение цифровых технологий в сфере налогового администрирования // *Аудиторские ведомости*. 2023. № 2. С. 149–152.

5. Никитина А. С., Борисенко И. И. Цифровая трансформация государственного управления: монография / А. С. Никитина, И. И. Борисенко. Екатеринбург, 2020. – 140 с.

6. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: www.consultant.ru

7. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.10.2021 № 2998-р. URL: www.consultant.ru

8. Официальный сайт ФНС РФ. URL: www.nalog.gov.ru

9. Поперекин А. С. Информационные цифровые технологии в деятельности налоговых органов // *Мировые тенденции развития науки и техники: пути совершенствования: материалы X Международной научно-практической конференции*. В 3 ч. М., 2022. С. 95–96.

10. Приказ ФНС России от 1 июля 2019 г. № ММВ-7-12/333@. URL: www.consultant.ru

11. Семенова Г. Н. Цифровые технологии в системе администрирования налоговых органов в России // *Технологические инновации и научные открытия: сборник трудов по материалам XII Международного конкурса научно-исследовательских работ*. Уфа, 2023. С. 141–151.

12. Староверова О. В. Применение цифровых технологий в контрольно-надзорной деятельности налоговых органов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 315–319.

13. Хасянов Д. С. Цифровые технологии взаимодействия хозяйствующих субъектов с налоговыми органами // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита: материалы XIII Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием. Курск, 2021. С. 427–432.

Д. Н. Афонин,

доктор медицинских наук, профессор,
Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова
филиал Российской таможенной академии

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового обеспечения применения IT-технологий при таможенном контроле в современных реалиях. Уделено внимание реализации указов Президента Российской Федерации и Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Рассматриваются перспективы применения и правовое обеспечение механизмов «единого окна» и искусственного интеллекта при проведении таможенного контроля, которые позволят значительно упростить таможенные процедуры для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: правовое регулирование, центры электронного декларирования, информатизация, таможенный контроль, цифровизация, цифровая таможня, таможенные посты фактического контроля

LEGAL SUPPORT FOR THE INFORMATIZATION OF CUSTOMS CONTROL AT THE PRESENT TIME

Abstract. The author examines the issues of legal support for the use of IT technologies in customs control in modern realities. Much attention is paid to the implementation of the Decrees of the President of the Russian Federation and the Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030. The prospects for the application and legal support of single window and artificial intelligence mechanisms during customs control are considered, which will significantly simplify customs procedures for bona fide participants in foreign economic activity.

Keywords: legal regulation, informatization, customs control, digitalization, digital customs, electronic declaration centers, customs posts of actual control

В течение последних 10 лет таможенная служба России прошла длинный путь в своем развитии, подвергнувшись решающим изменениям, совершив переход от бумажного носителя к электронной, или «безбумажной», таможне, а в дальнейшем и к «цифровой» таможне.

Процесс цифровизации, несомненно, берет свое начало с внедрения электронного декларирования, которое в соответствии со ст. 3.11, 3.18, 3.21 Генерального Приложения Киотской Конвенции подразумевает под собой возможность предоставления декларации на товары и подтверждающие документы в электронном виде.

Так, в результате внедрения IT-технологий в деятельность ФТС РФ произошла почти полная отмена бумажных деклараций. В прежнем виде таможенные декларации (далее – ДТ) на сегодняшний день подаются в исключительных случаях, определенных законодательством.

Возросший объем интернет-торговли и тем самым обусловленная необходимость контроля за движением таких товаров способствовали «цифровой таможне» компилировать в себе все инновационные компьютерные технологии, которые были разработаны в России и ВТамО для содействия эффективности деятельности таможни, сотрудничества в рамках международной торговли, борьбе с контрабандой запрещенных товаров и другим противоправным деяниям в таможенной области [1. С. 30–33].

В связи с этим сегодня основным стратегическим направлением деятельности ФТС России можно назвать развитие современных умных цифровых технологий, а также внедрение нововведений, которые обладают широким потенциалом при решении поставленных задач с помощью автоматизации процессов осуществления таможенных формальностей и таможенного контроля. Для осуществления приоритетных намеченных задач Правительство РФ систематически разрабатывает и утверждает стратегии развития для ФОИВ РФ [2. С. 96–99].

Центральное ядро механизма развития инновационных технологий в таможне – «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» (далее – Стратегия).

Реализация Стратегии будет осуществлена в несколько периодов: первый – с 2021 по 2024 гг., второй – с 2025 по 2030 г.

В конечном результате для успешного завершения Стратегии к 2030 ФТС России должна прийти к следующим итогам:

1. Минимальное участие ДЛТО и максимальная автоматизация всех процессов. К сегодняшнему дню обеспечено 25 % автоматических рабочих процессов, к 2024 г. они должны увеличиться до 50 %, а к 2030 г. этот показатель должен быть равен 100 %. Таким образом, регистрация и выпуск ДТ, а также категорирование учВЭДов теперь могут происходить без вовлеченности подразделений таможенных органов. Кроме того, продолжается построение условий для всеобъемлющего перехода на безбумажный документооборот таможенных органов других ведомств и ФОИВ, банковского сектора, а также лиц, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность.

2. Внедрение инновационных технологий обмена данными с другими контролирующими органами и иностранными таможнями. На текущем этапе СУР за считанные секунды дает оценку ввозимой товарной партии, а обработка СМЭВ составляет всего полминуты. ФТС РФ взаимодействует с электронными сервисами следующих российских ведомств: Минфина, Минпромторга, Минобороны, Минкультуры, ФСБ, Роспотребнадзора, Россельхознадзора, Росаккредитации, Роскомнадзора, Росрыболовства, Росздравнадзора, Росприроднадзора, Ространснадзора и Роспечати.

3. Применение международных электронных систем верификации и сертификации происхождения товаров. Проверка действительности, даты выдачи и соответствия сертификатов происхождения товаров без предоставления фактических бумажных документов при таможенном оформлении посредством реализации международной электронной системы верификации и сертифицирования происхождения товара.

4. Простое прохождение таможенных формальностей для добросовестных учВЭДов с низким уровнем риска.

5. Мониторинг риска каждой партии товара в режиме онлайн.

6. Реализация концепции «интеллектуального» пункта пропуска.

7. Создание механизма единого окна ФТС России, связанное с системами единого окна государств – членов ЕАЭС.

Искусственный интеллект подразумевает под собой следующие технологии (рис. 1.)

Рис. 1. Технологии искусственного интеллекта

С принятием Приказа ФТС России № 1261 от 17.09.2013 г. было введено обязательное электронное декларирование. Система ЭД товаров, осуществляемая в ЦЭДах, упрощает порядок подачи ДТ, а также нацелена на нивелирование коррупционных рисков, которые ранее имели место в процессе совершения таможенных операций с товарами.

Стоит остановиться подробнее на механизмах деятельности ЦЭДов. Так как это специализированное таможенное подразделение, непосредственно подчиняющееся электронной таможне региона, компетенция его распространяется только лишь на декларирование товаров путем использования IT-технологии, включающей в себя подачу сведений о таких товарах в электронной форме. Как было упомянуто ранее, такая технология невозможна без использования Всемирной паутины, а регламентируется она в соответствии с Приказом ФТС России № 52 от 24.01.2008.

К ключевым правовым актам, определяющим работу электронных таможен, можно отнести Приказ ФТС России № 833 от 31.05.2018 и Письмо ФТС № 01-11/73654.

Понятие электронной таможни включает в себя не только центры электронного декларирования (рис. 2).

Рис. 2. Парадигма электронной таможни

В соответствии с Приказом ФТС России № 845 применяется технология «удаленного выпуска» (рис. 3).

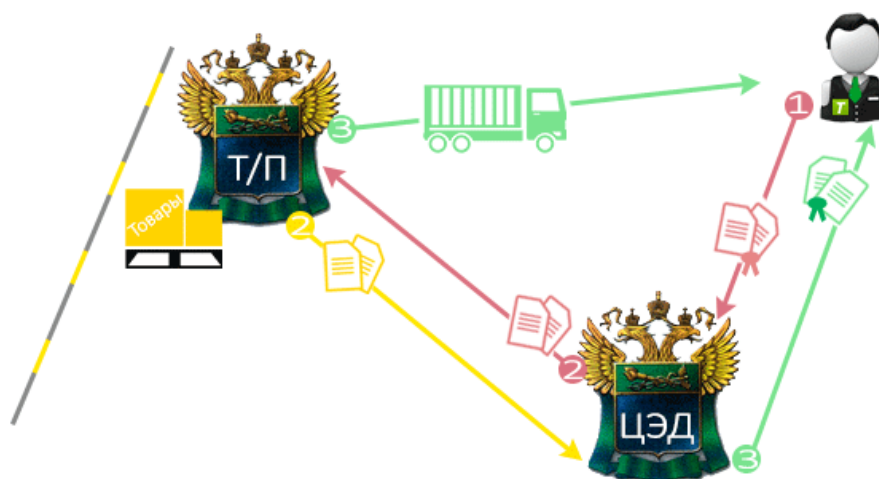

Рис. 3. Концепция взаимодействия ЦЭД и ТПФК

Технологии разделения таможенного администрирования позволяют нивелировать коррупционный аспект. Товар прибывает в зону таможенного контроля приграничного ТПФК, в то время как ДТ подается на внутренний таможенный пост, именуемый ЦЭДом.

Применение ЕАИС ТО регламентировано Приказом ФТС России № 1154 от 17.06.2010 и Приказом Минфина России № 144н от 30.09.2016. ЕАИС ТО – территориально рассредоточенная, защищенная информационная система ТО РФ. Данная система призвана оказать аналитическую поддержку ДЛТО и механизировать их деятельность. ЕАИС ТО координирует и связывает все уровни ТО РФ в единую информационную систему.

Поскольку электронные документы должны быть равнозначны бумажным и иметь ту же юридическую силу, подпись уполномоченного лица и печать, было введено понятие электронной подписи. Все манипуляции ДЛТО и организаций, осуществляющих ВЭД, завершаются составлением электронного документа, поэтому при подаче электронных документов в таможенных подразделениях применяется усиленная квалифицированная электронная подпись, берущая свое начало и регламентированная Федеральным законом № 63.

Технологический процесс подачи товаросопроводительных документов осуществляется в формализованном виде в соответствии с Приказом ФТС России № 901 от 03.06.2019.

Стоит учесть, что в связи с быстротечным распространением цифровой экономики рынок IT-технологий не обеспечен полностью квалифицированными кадрами на национальном уровне, что ставит под возможную угрозу сроки внедрения автоматизированной системы в организацию таможенных органов.

Таким образом, ФТС России стремится сделать таможенный контроль простым для добросовестных участников ВЭД. Основой оптимизации таможенного администрирования в контексте Стратегии будет являться применение ИИ и развитие механизма единого окна.

Список литературы

1. Афонин Д. Н. Цифровые технологии в системе прослеживаемости товаров при таможенном контроле // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6 т., Казань, 23 сентября 2022 года / под ред. И. Р. Бегишева [и др.]. Т. 1. Казань: Издательство «Познание», 2022. С. 30–34. EDN: TWPFAP.

2. Афонин Д. Н., Афонин П. Н. Система управления таможенными рисками: состояние и перспективы // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7, № 4. С. 96–100. DOI: 10.29039/2409-6024-2019-7-4-96-100. EDN: VKOSTQ.

Н. Н. Бакурова,

кандидат юридических наук, доцент,

Московский государственный

юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются вопросы цифровых технологий в системе принудительного исполнения, совершенствования деятельности и правовой регламентации в исполнительном производстве, обосновывается необходимость расширения перечня принципов принудительного исполнения, дополнения законодательства Российской Федерации нормами, предусматривающими административную процедуру обращения взыскания на цифровые финансовые активы, криптовалюту

должника, что позволит перейти на более высокий уровень государственного управления с использованием эффективных средств цифровых технологий, информатизации, применения мер административного принуждения, обеспечения прав человека и гражданина.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, принудительное исполнение, исполнительное производство, судебный пристав, права человека, административное принуждение

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ENFORCEMENT SYSTEM

Abstract. The article examines the issues of digital technologies in the system of enforcement, improvement of activities and legal regulation in enforcement proceedings, substantiates the need to expand the list of principles of enforcement, supplement the legislation of the Russian Federation with norms providing for an administrative procedure for foreclosing on digital financial assets, the debtor's cryptocurrency, which will allow moving to a higher level of public administration using effective means digital technologies, informatization, application of measures of administrative coercion, ensuring human and civil rights.

Keywords: law, digital technologies, enforcement, enforcement proceedings, bailiff, human rights, administrative coercion

Цифровые технологии в системе принудительного исполнения становятся основой такой государственно-властной деятельности, занимают все большее место в качестве средства обеспечения исполнения судебных и иных решений органов публичной власти, должностных лиц.

С использованием цифровых технологий в системе принудительного исполнения возникает ряд вопросов, во-первых, относительно организации исполнительного производства, во-вторых, внешнего, ведомственного и общественного контроля, в-третьих, в процессе обращения взыскания на цифровые финансовые активы, криптовалюту должника и иные.

Государственно-властную деятельность, к которой относится исполнительное производство, определяют ее принципы. К ним, представляется, наряду с традиционными в современных реалиях относится принцип использования цифровых технологий как эффективного средства принудительного исполнения, поскольку в противном случае исполнительное производство не будет успевать за научно-техническим прогрессом, будет обречено на отставание от него, а значит, останутся неиспользованными средства, способные облегчить, ускорить, сделать наиболее эффективной такую важную в сфере государственного управления деятельность в системе принудительного исполнения.

Известно, что вопросы теории исполнительного производства в правовой науке ранее исследовались преимущественно в науке гражданского и арбитражного процесса, предпринимательского, семейного и даже права гражданского исполнительного права. Остаются мало изучены принципы исполнительного производства с точки зрения публичного права, в частности, административного права, административного процесса. Такое положение дел по причине того, что в ретроспективе

исполнительное производство рассматривалось только в качестве стадии соответствующего вида судопроизводства [1].

Однако организационная дифференциация полномочий судебной и исполнительной ветвями государственной власти с 1997 г. способствует продвижению концепции обеспечения исполнительного производства в качестве функции по реализации исполнительной власти, изучению указанного вида деятельности с позиций административного права и административного процесса [2; 3].

Кроме того, отдельные представители правовой науки приходят к выводу о том, что нормы об исполнительном производстве формируют самостоятельную комплексную отрасль права и называют ее отраслью права исполнительного производства [4–7].

По нашему мнению, в связи с этим можно говорить о цифровом исполнительном производстве как разновидности последнего.

Судебный пристав-исполнитель с использованием цифровых технологий возбуждает исполнительное производство, вызывает должника, исследует объекты, которые можно использовать в качестве объектов взыскания, связывается при необходимости со взыскателем, с органами и организациями, каждая из которых в соответствии с родом их деятельности способствуют скорейшему исполнительному производству. Это могут быть самые разные органы публичной власти и организации независимо от их организационно-правовой формы: прежде всего это органы исполнительной власти федерального уровня и субъектов государства, органы местного самоуправления, а также часто финансовые структуры, банки и иные кредитные организации. В настоящее время появляются новые субъекты, с которыми судебному приставу-исполнителю в процессе исполнительного производства следует контактировать. Это операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, предусмотренных решением о выпуске цифровых финансовых активов выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, в иные информационные системы.

Согласно ч. 11 ст. 1 указанного Закона, требования данного Закона не распространяются на обращение безналичных денежных средств, электронных денежных средств, а также на выпуск, учет и обращение бездокументарных ценных бумаг.

Операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, могут быть только российские юридические лица, включенные Банком России в реестр таких операторов (перечень операторов является общедоступным в сети Интернет).

Выявление у должника соответствующих прав может осуществляться путем направления судебным приставом-исполнителем запросов указанным операторам.

Согласно общей концепции государственной политики по цифровой трансформации финансового рынка, действующее законодательство России предусматривает, что цифровые активы выступают в качестве самостоятельного объекта имущества, который в последующем может стать предметом обращения взыскания в рамках исполнительного производства.

Между тем на сегодняшний день порядок обращения взыскания на цифровые финансовые активы, цифровую валюту действующим законодательством Российской Федерации, в том числе Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», четко не регламентирован. Это вызывает определенную проблему в деятельности органов принудительного исполнения, что не способствует эффективности исполнительного производства с точки зрения значимости и обеспечения частно-правовых начал, не позволяет реализовать в полной мере публично-правовой аспект исполнительного производства.

Учитывая, что деятельность органов принудительного исполнения посредством исполнительного производства в России представляет собой самостоятельный вид государственно-властного характера, направлена на реализацию государственной власти, знаменует собой окончание юрисдикционного решения (судебного по гражданскому или арбитражному делу; постановления о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, не являющегося преступлением; удостоверений, выдаваемых комиссиями по трудовым спорам; решений государственных инспекторов труда), в современных условиях важное значение приобретают цифровые технологии, а значит, четкая правовая регламентация обращения взыскания на имущество должника с помощью цифровых технологий, в том числе на цифровые активы, криптовалюту должника.

В этой связи прежде всего возрастает значение принципов исполнительного производства, их основополагающей роли в правовой регламентации административных процедур в исполнительном производстве, влияния на качество общественных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращаются на их основе.

На сегодняшний день в качестве принципов исполнительного производства в законодательстве, таких как законность, своевременность совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, уважение чести и достоинства гражданина, неприкосновенность минимума имущества, соотносимость объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения [9–11].

Современное административное законодательство нуждается в дополнении в связи с указанными проблемами. С одной стороны, оно направлено на организацию деятельности органа исполнительной власти ФССП России во взаимодействии с иными публичными органами, в этой связи, с другой стороны, оно должно обеспечивать публичный интерес, права человека и гражданина, способствовать достижению общественного блага (общественного благосостояния) [8], что, безусловно, является определяющей посылкой в исполнительном производстве. И здесь принцип использования цифровых технологий наравне с иными принципами исполнительного производства обеспечит основу современной политики государства по части принудительного исполнения.

Порядок обращения взыскания на цифровые финансовые активы, цифровую валюту, цифровой рубль законодательством Российской Федерации не установлен.

Исходя из предложений ФССП России по указанному вопросу, следует урегулировать общественные отношения, возникающие в исполнительном производстве в связи с исполнением судебного, иного акта в отношении должника-гражданина или должника-организации, обладающих имуществом с правом распоряжаться своими цифровыми финансовыми активами, цифровой валютой, цифровым рублем.

С этой целью следует либо внести изменения (дополнения) в Федеральный закон «Об исполнительном производстве», либо предусмотреть отдельный нормативный правовой акт компетентного органа о порядке перевода денежных средств (по курсу на день перевода) с криптовалютного счета на бирже в сети Интернет на банковский счет должника, с последующим наложением ареста на указанные средства.

Следует также учесть, что возможность применения такого порядка к должнику, обладающему правом на цифровые финансовые активы, распоряжением средств на криптовалютном счете на бирже, будет распространяться только в случае наличия у такого должника банковского счета или воли открыть такой банковский счет в процессе исполнительного производства с целью погашения долга.

Кроме того, представляется, что следует урегулировать вопрос очередности наложения взыскания в случае должника – юридического лица и учесть факт непосредственного использования/неиспользования имущественного права в основной деятельности юридического лица в производстве товаров, выполнении работ или оказании услуг.

Таким образом, предлагается расширить перечень принципов принудительного исполнения, дополнить законодательство нормами, предусматривающими административную процедуру обращения взыскания на цифровые финансовые активы, криптовалюту должника, что позволит учесть переход страны на более эффективные средства государственного управления с использованием в подобного рода общественных отношениях цифровых технологий.

Список литературы

1. Бакурова Н. Н. Принципы исполнительного производства: публично-правовой аспект // Административное право и процесс. 2022. № 10. С. 31–38.
2. Бакурова Н. Н. Новые модели обеспечения прав человека в исполнительном производстве: административно-процессуальный аспект // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 70–73.
3. Бакурова Н. Н. Административный процесс: содержание и новые подходы к структуре // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 51–55.
4. Галузина К. А. Правовые принципы в исполнительном производстве: современное состояние и необходимость дальнейшего развития // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 44–48.
5. Гальперин М. Л. Принципы исполнительного производства. Версия 2.0 // Закон. 2017. № 10. С. 90–109.
6. Малешин Д. Я. Комплексная отрасль права исполнительного производства // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 58–88.

7. Плотников Д. А. Обеспечение минимальных доходов должника как принцип исполнительного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 9. С. 45–50.

8. Стариков Ю. Н. Требования правового государства – надлежащая основа для формирования парадигмы российского административного права // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 42–54.

9. Шерстобоев О. Н. Защита законных ожиданий – основополагающий принцип административного права // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 21–26.

10. Vincenzo De Falco. Procedures in Comparative Law // Eleven International Publishing. Pg. 17.

11. De falco, Vincenzo. Il diritto amministrativo messicano. Prospettive contemporanee a confronto con il processo evolutivo in America Latina. DPCE Online, [S.l.], v. 44, n. 3, oct. 2020. ISSN 2037–6677. URL: <http://193.205.23.57/index.php/dpceonline/article/view/1122>

Е. В. Безвиконная,

доктор политических наук, профессор,

Омский государственный педагогический университет

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье поднимаются проблемы использования цифровых технологий в противодействии коррупции. Процессы цифровизации экономики свидетельствуют о необходимости укрепления общественного и государственного контроля в данной сфере. Цель исследования – раскрыть перспективы влияния цифровой трансформации на реализацию мероприятий по противодействию коррупции. В результате анализа делается вывод о том, что профилактика коррупционного поведения утрачивает свой смысл, поскольку последнее переходит в виртуальную среду и становится недоступным для мер предупреждения и пресечения со стороны государства и общества. Констатируется, что открытость и гласность в деятельности органов власти зависит от оперативного размещения информации, исключающего ее фальсификацию. Снижению уровня коррупции должно способствовать создание специального публичного реестра специалистов IT-сферы, совершивших киберпреступления, в том числе обвиняемых в совершении коррупционных проступков.

Ключевые слова: противодействие коррупции, цифровые технологии, государственный контроль за коррупцией, виртуальное пространство

DIGITAL TRANSFORMATION AND PROBLEMS OF COMBATING CORRUPTION IN GOVERNMENT

Abstract. The article raises the problems of using digital technologies in combating corruption. The processes of digitalization of the economy indicate the need to strengthen public and state control in this area. The purpose of the study is to reveal the prospects

of the impact of digital transformation on the implementation of anti-corruption measures. As a result of the analysis, it is concluded that the prevention of corrupt behavior loses its meaning, since the latter passes into a virtual environment and becomes inaccessible to measures of prevention and suppression by the state and society. It is stated that openness and publicity in the activities of the authorities depends on the prompt placement of information, excluding its falsification. The creation of a special public register of IT specialists who have committed cyber crimes, including those accused of committing corruption offenses, should contribute to reducing the level of corruption.

Keywords: anti-corruption, digital technologies, state control over corruption, virtual space

Введение. Внедрение цифровых технологий требует от государства использования информационных ресурсов в качестве инструментов противодействия преступности, включая коррупционные правонарушения. Электронные услуги и электронное правительство доказали недостаточную эффективность в борьбе с коррупцией. Уровень владения киберметодами создает дополнительные криминальные угрозы для различных сфер жизнедеятельности общества.

Цель исследования заключается в раскрытии перспектив влияния цифровой трансформации на реализацию мероприятий по противодействию коррупции, включая ее достоинства и недостатки.

В исследовании используется институциональный подход, позволяющий оценивать цифровые технологии в качестве инструментов, снижающих уровень коррупционных рисков в органах власти. Методами исследования выступают: логический, структурно-функциональный и методы анализа и синтеза.

С точки зрения современных криминологических исследований противодействие коррупции рассматривается в качестве совокупности мероприятий по предупреждению, профилактике, борьбе и контролю над преступностью. Контроль оценивается в качестве одного из наиболее эффективных механизмов противодействия коррупции как в российской, так и зарубежной практике органов власти.

Термин «контроль над преступностью» введен в научную теорию благодаря трудам Э. Дюркгейма [2. С. 60–77]. Последний утверждал, что борьба с преступностью связана с эффективностью государственного (общественного) контроля. В условиях цифровизации контроль приобретает роль ключевого механизма противодействия совершению преступлений коррупционной направленности. В юридической литературе сохраняется пробельность в определении содержания, формах и методах осуществления контроля [1. С. 76–84].

Разнообразие видов контроля над преступностью порождает различные варианты их классификации. Например, В. С. Овчинский, исходя из критерия «содержание контроля», выделяет деятельность по регистрации заявлений (сообщений) о совершении преступлений; использование технологий цифровой реальности при реализации мер уголовно-правового характера (например, при проведении доследственной проверки); электронный контроль за поведением индивидов; оперативно-профилактический контроль в отношении определенной криминальной

среды (например, мигрантов, экстремистских группировок, хакеров, группы, проповедующие насилие (унижение) и т. д.) [3. С. 136–140].

Несмотря на наличие разных точек зрения, на содержание и виды контроля, эксперты соглашаются с тем, что контроль над преступностью – это механизм противодействия совершению преступлений в условиях цифрового общества.

Основная часть. В стратегии информационного общества в Российской Федерации до 2030 г. именно информационные технологии отнесены к сфере обеспечения правопорядка и безопасности общества и государства [6]. Однако в деятельности органов власти внедрение информационных технологий породило новые формы киберпреступности, дистанционные способы совершения преступлений. Согласно статистическим данным МВД России, в 2020 г. было зафиксировано на 73 % больше преступлений с использованием информационных технологий (преимущественно кражи и мошенничества). В 2022 г. количество IT-преступлений увеличилось на 25,8 %. В общем количестве преступлений киберпреступления составляют 27 %, т. е. не менее $\frac{1}{4}$ [4].

Дистанционный формат совершения преступлений приводит к отсутствию прямого контакта между преступником и жертвой. Данная особенность неизбежно порождает снижение количества преступлений коррупционной направленности, поскольку цифровизация позволяет оценить уровень коррупционности в служебной деятельности должностных лиц. С другой стороны, контроль над цифрой приводит к перемещению коррупции на более высокий уровень власти. Особенно часто подобные примеры встречаются в сфере электронных конкурентных процедур, проводимых в государственных (муниципальных) закупках.

Становится очевидным, что цифровые технологии способствуют снижению уровня бытовой и низовой коррупции, в то же время элитная коррупция приобретает совершенно другие формы. Показательным примером оказывается электронное правительство, снижающее уровень бытовой коррупции за счет прозрачности управленческих решений и мониторинга служебных действий государственных служащих. Идентичный результат обеспечивается обезличенностью коммуникации и алгоритмизацией действий граждан и государственного аппарата. Результатом цифровизации становится сокращение количества служащих, их исключение из процесса предоставления государственных услуг, взаимодействия с потребителями. Перечисленный приоритет получает закрепление на уровне нормативных актов. В частности, утвержденная распоряжением Правительства РФ программа «Государственная экономика Российской Федерации» [5] предполагает внедрение проектного подхода в процессы цифровизации различных отраслей экономики, включая национальную безопасность.

Процессы цифровизации посредством открытости и публичности сферы государственного управления снижают уровень коррупционных рисков при предоставлении государственных услуг, осуществляют контроль за доходами и расходами должностных лиц. Массивы больших данных (Big Data) создают общую картину коррупционных рисков в деятельности государственных служащих.

Положительные последствия цифровизации дополняются новыми коррупционными схемами. Информационные риски порождают новые формы коррупции и транс-

формацию традиционных форм. В частности, должностные лица, осуществляющие контроль за цифрой, становятся привлекательным объектом интереса для организованных форм коррупции. Они обладают уникальными профессиональными знаниями, умениями и навыками в области цифровых решений и больших баз данных. Подобные должностные лица должны быть включены в специальный реестр IT-специалистов.

Негативные последствия цифровизации возможно разделить на две группы: общие (не связанные с коррупционными преступлениями) и специальные (обусловленные совершением преступлений коррупционной направленности). Общие последствия преимущественно связаны с низкой защищенностью информационных ресурсов от хакеров. Поэтому новые цифровые платформы нуждаются в стандартах безопасности. Наличие разрыва между низкой информационной грамотностью населения и высоким уровнем владения искусством управления информацией хакерами порождает рост виртуальной преступности.

Специальные негативные последствия цифровизации непосредственно сказываются на увеличении количества коррупционных преступлений. Например, рост инвестиций в развитие информационных технологий в сфере закупок приводит к снижению прозрачности единой информационной системы; вмешательству в процедуру предоставления цифровых государственных услуг. Информационные технологии приводят к элитизации коррупции, ее централизации в руках носителей верховной власти. Особую настороженность вызывают криптовалютные транзакции, позволяющие совершать хищения и мошеннические сделки коррупционной направленности.

Заключение. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Во-первых, процессы цифровизации являются неизбежной частью развития государства и общества, включая противодействие коррупционным преступлениям. Данные процессы могут как позитивно, так и негативно влиять на профилактику коррупции. Во-вторых, обеспечение открытости информационных ресурсов, их гласность формируют условия для осуществления государственного и общественного контроля за деятельностью специалистов IT сферы. Создание реестра неблагонадежных IT специалистов также может стать механизмом снижения уровня коррупционных рисков.

Список литературы

1. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна: о преступлении и наказании // Социологические исследования. 2022. Т. 48, № 4. С. 76–84.
2. Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. – СПб., 1914. № 2. С. 60–77.
3. Овчинский В. С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. 2018. № 1(1). С. 136–140.
4. Официальные данные статистики МВД Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/20422560>

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (от 25 августа 2023 г. № 1385) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 24 апреля 2014 г. ст. 2162.

6. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальное опубликование правовых актов (pravo.gov.ru). № 0001201705100002. 10.05.2017.

М. Н. Белоусова,

кандидат экономических наук, доцент,
Государственный университет управления

С. О. Здоровец,

студент,
Государственный университет управления

А. В. Алехина,

студент,
Государственный университет управления

О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье затронуты правовые аспекты использования информационных технологий в процессе обучения. Подчеркивается необходимость применения дистанционного обучения в условиях пандемии, а также положительные и отрицательные последствия применения цифровых форм обучения и цифровых продуктов. Работа выполнена в рамках гранта ГУУ (НИР № 4006–23).

Ключевые слова: высшие учебные заведения, дистанционное обучение, цифровые ресурсы, дистанционные технологии, информационные технологии, цифровизация, законодательство

ON THE LEGAL ASPECTS OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN THE LEARNING PROCESS

Abstract. The need for the use of distance learning was caused by an unexpected pandemic. The complex consequences of the pandemic were avoided, but the need for the use of digital forms of education and digital products remained. This was due to the advantages associated with the use of distance learning format. But there are also disadvantages. The article touches upon the legal aspects of the use of information technology in the learning process.

Keywords: higher education institutions, distance learning, digital resources, distance technologies, information technologies, digitalization, legislation

Наш мир стремительно меняется. Вместе с ним развиваются технологии, поэтому современному человеку необходимо постоянно обучаться чему-то новому. Но в таком технологичном мире важно не потеряться в бесчисленных потоках информации. А также стоит учитывать, что информация в Интернете не всегда бывает достоверной. Вследствие этого разрабатываются современные законодательные меры, которые способны регулировать этот поток информации.

Каждый день мы поглощаем огромный объем данных. А для современной молодежи это привычная среда развития. Значит, очень важно приучать детей и молодежь правильно использовать электронные источники в период цифровизации [1].

Сегодня среди взрослых и детей также стало популярным обучение на различных курсах. Люди принимают участие в обучающих вебинарах, повышающих знания в различных областях науки, культуры, психологии, модных современных искусствах. Такие обучающие программы проводятся на специальных удобных онлайн-площадках или интернет-платформах.

Проведя анализ образовательных интернет-платформ, можно сказать, что они:

- поднимают профессиональный уровень педагога, который применяет дистанционную форму обучения в своей работе;
- позволяют повысить качество образования;
- позволяют упростить деятельность обучающихся;
- предлагают разнообразные формы общения для тех, кто участвует в образовательном процессе.

Цифровизация образования подразумевает поиски новых путей развития сферы обучения. Сейчас существует множество удобных программных средств, которые делают обучающий процесс более гибким – электронные учебники и пособия, личные кабинеты обучающихся. Чтобы освоить эти инструменты, нужно уделять такой работе много времени и сил.

Использование вышеперечисленных цифровых продуктов в образовательном процессе, в свою очередь, может повысить интерес учащихся к предметным исследованиям, реализовать идеи по развивающему обучению, увеличить скорость прохождения курсов и повысить качество самостоятельной работы. Такая образовательная среда будет способствовать развитию логического мышления, культуры интеллектуального труда, формированию самостоятельной работы обучающихся.

Также стоит отметить следующие преимущества онлайн-обучения:

- несомненная экономия времени обучающихся и педагогов, что дает возможность правильно распределять временные ресурсы;
- огромный выбор программ обучения. Особенно программ по современным направлениям, таким как IT, менеджмент и др.;
- возможность заниматься где и когда угодно;
- мобильность дистанционного обучения по сравнению с очным форматом обучения.

Но в этом году в высших учебных заведениях наблюдается намного меньше дистанционного способа организации учебного процесса. В период карантина использование цифровых технологий дало возможность по-новому взглянуть на образовательный процесс и внести в него значительные изменения. Потом снятие

ограничений из-за повышенной заболеваемости привело к тому, что учреждения высшего и среднего профессионального образования вынуждены были вернуться к традиционной форме получения знаний. Следовательно, использование дистанционной формы обучения заметно снизилось.

Существует много неоднозначных мнений по поводу онлайн-обучения среди студентов и преподавателей различных образовательных организаций. Обусловлено это несколькими факторами:

- «молодая» форма обучения. Масштабное использование современных технологий в обучении началось сравнительно недавно, а именно с 2020 г. До начала карантина такой вид обучения мало практиковался. Поэтому возникает некоторое недоверие со стороны обучающихся и их родителей к обучению на расстоянии;

- непонятный с научной точки зрения формат обучения. На данный момент отсутствует достаточное количество результатов исследований эффективности от использования вышеперечисленных технологий в образовательных организациях;

- плохая репутация некоторых образовательных учреждений среднего профессионального и высшего образования, предоставляющих онлайн-обучение по различным программам;

- сомнения у работодателей насчет кандидатов, которые получили образование дистанционно.

Однако, несмотря на многие минусы, учреждения образования по-прежнему используют способ организации учебного процесса с применением дистанционных образовательных технологий. Онлайн-формат обучения весьма выгоден таким организациям, потому что он экономит финансовые средства, позволяет охватить большую аудиторию, даже целые страны и регионы. Именно поэтому, например, для учреждений, предоставляющих обучение на различных курсах повышения квалификации, приоритетным будет использование дистанционных технологий.

Можно сказать точно, что потребителей, которые обучаются на курсах повышения квалификации или получают знания по программам дополнительного образования, больше привлекает дистанционный, чем очный, формат обучения. И параллельно с ростом количества новых цифровых технологий будет расти количество таких дистанционных программ обучения.

Цифровизация – это постепенный, нужный процесс, который затрагивает почти все сферы жизни. Такой переход требует существенных изменений в политике образования, в самом образовании и в подготовке высококвалифицированных кадров в сфере образования.

Законодательство предполагает, что обучающие организации должны иметь соответствующее оборудование, серверы и средства передачи информации. А также лицензии для того, чтобы использовать в своей работе дистанционный формат обучения. На данный момент благодаря различным федеральным или национальным программам по развитию образования многие учебные заведения способны внедрять в образовательный процесс дистанционное обучение. Ведь для этого есть все необходимые условия. При этом не все организации могут вести работу в дистанционном формате по причине отсутствия площадок и необходимых цифровых инструментов.

Поэтому государство стандартизирует образовательные платформы и учебные электронные продукты на государственном законодательном уровне. И этот процесс приведет к умножению их качества. В итоге применение цифровых технологий будет только расти.

С 1 сентября 2023 г. реализуется приказ Минобрнауки РФ, Минпросвещения России от 19.05.2022 № 465/345 «О признании утратившим силу приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 августа 2017 г. № 816 «Об утверждении порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ».

Документ регламентирует работу всех образовательных учреждений в условиях применения ими дистанционного формата обучения и осуществления образовательной деятельности по всем основным общеобразовательным программам.

Многие вопросы по реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий отданы на усмотрение образовательных организаций. Сложно будет предположить, как дальше будет развиваться обучение по тем специальностям в вузах, которые по рассмотренному выше приказу не предусматривают дистанционное обучение. Может так случиться, что количество таких программ уменьшится.

В заключение можно сказать, что в последнее время большое значение уделяется теме дистанционного обучения на законодательном уровне, вступили в силу новые правила, которые устанавливают нормы организации и проведения процесса обучения. Целью принятия таких законопроектов является планомерное устранение правовых пробелов. Ведь пандемия подчеркнула проблемы в законодательном регулировании образования – сложности электронного обучения и внедрения дистанционных образовательных технологий. Взаимодействие между обучающимися и преподавателями в основном заменяется их удаленным взаимодействием через Интернет. Поэтому происходит замена очного обучения заочным или очно-заочным.

Как показывает практика, проблем остается еще много, поэтому, скорее всего, правовой статус дистанционного образования будет продолжать обновляться. Значительно повысится цифровая грамотность педагогов и качество преподавания с помощью различных дистанционных программ по повышению квалификации. Это связано с тем, что современные законодательные инструменты способствуют такому улучшению. Что позволит значительно продвинуться педагогике: разработать новые связи, формы и методы, цифровые обучающие продукты.

Список литературы

1. Валиханова, Г. И. Цифровая интоксикация правосознания молодежи // Молодой ученый. 2021. № 49(391). С. 171–173.
2. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации от 19.05.2022 № 465/345 «О признании утратившим силу приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 августа 2017 г. № 816 «Об утверждении Порядка применения

организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206170014?ysclid=lm8tjjs4jc829893294>

3. Саланкова С. Е., Кузенкина О. А. Использование цифровых информационных технологий и цифровых образовательных платформ для повышения эффективности обучения студентов вузов // Формирование системы подготовки и профессионального роста научно-педагогических кадров в ДПИ и художественном образовании: материалы Международной научно-практической конференции, Брянск, 5–7 июня 2022 г. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2022. С. 24–29.

4. Сервисы и инструменты, позволяющие организовать индивидуальную и коллективную работу с использованием инструментов трансляции и видеосвязи. 2019. URL: <https://anedu.ru/doc/met/vz.pdf>

5. Томасова Д. А. Цифровые образовательные платформы в России как ответ на современные образовательные запросы / Д. А. Томасова // Финансовая грамотность в условиях цифровой экономики: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 мая 2021 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. С. 359–362.

К. А. Беляев,
аспирант,

советник Мэра г. Казани по вопросам противодействия коррупции,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ГОРОДА КАЗАНИ

Аннотация. В статье раскрываются возможности цифровых технологий в противодействии коррупции. Рассмотрены нововведения в сфере цифровизации и перспективные антикоррупционные направления муниципального образования города Казани. Отмечается, что цифровые механизмы противодействия коррупции способствуют своевременному пресечению злоупотреблений коррупционной ориентации и всестороннему расследованию коррупционных преступлений. Особое значение при этом имеет разработка эффективного цифрового инструментария, в частности, использование цифровых модулей по анализу данных, а также оперативная обработка информации, поступающая в органы местного самоуправления для выявления вероятности коррупционных проявлений.

Ключевые слова: инновационные технологии, коррупция, коррупционный риск, цифровизация, муниципальная программа противодействия коррупции

INNOVATIVE PROJECTS FOR COUNTERACTING CORRUPTION IN THE LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES OF KAZAN

Abstract. Digital anti-corruption mechanisms contribute to the timely suppression of corruption-related abuses and a comprehensive investigation of corruption crimes. Of particular importance is the effective use of digital modules capable of analyzing data, which represents a powerful driver for strengthening the rule of law. It is for this reason that the new municipal program for the implementation of anti-corruption measures in Kazan for 2019–2025. High importance is attached to the development of effective digital tools, thanks to which it is possible to quickly process information received by local governments to identify the likelihood of corruption. The article reveals the capabilities of digital technologies in combating corruption, examines innovations in the field of digitalization and promising anti-corruption areas of the municipal formation of the city of Kazan.

Keywords: innovative technologies, corruption, corruption risk, digitalization, municipal anti-corruption program

Цифровые механизмы противодействия коррупции способствуют своевременному пресечению злоупотреблений, имеющих коррупционную направленность, и всестороннему расследованию коррупционных дел. Особенно эффективно использование цифровых технологий, способных анализировать данные, что представляет собой способ укрепления законности.

На этом основании в новой муниципальной программе по противодействию коррупции в г. Казани на 2019–2025 гг. большое значение придается разработке и внедрению цифровых механизмов, способных к оперативной и эффективной обработке информации, которая используется муниципальными органами для определения и предотвращения коррупционных рисков.

Далее представим наименования, а также особенности систем автоматизации информации, планируемые к внедрению в пределах муниципальной программы по реализации антикоррупционной политики в Казани на 2019–2025 годы.

1. Автоматизированная информационная система (АИС) «Учет судебных дел и претензионно-исковой работы» позволяет формировать требуемую статистическую отчетность онлайн. Некоторые муниципальные структуры имеют специфику, которая предполагает постоянное присутствие судебных споров в практической деятельности. В связи с этим число судебных дел значительно, чем вызвана необходимость их детального анализа и также контроля. Система представляет собой единое правовое пространство для юридических специалистов муниципального образования. Этот модуль помогает создавать актуальные статистические отчеты в режиме реального времени. Программа осуществляет группировку данных по истцам и ответчикам, содержанию исковых требований в материальной или нематериальной сфере, суммам, типичным действиям и другим важным характеристикам.

Аналитическим модулем выявляются различные несоответствия, такие как значительное превышение суммы неуспешного дела от предварительно заданного предельного размера либо пересмотр сложившейся судебной-правовой практики,

например, в случае, когда суд принимает решение, неблагоприятное для муниципального образования в отношении аналогичных дел, которые прежде не проигрывались.

Разработка АИС «Учет судебных дел и исковой работы» завершена, реализован функционал, позволяющий вести учет входящих и исходящих исков, заявлений и претензий, формировать календарь судебных дел.

В настоящее время муниципальное образование г. Казани и Управление Судебного департамента Республики Татарстан выполняют совместную работу по организации электронного взаимодействия вышерассмотренной муниципальной системы по учету судебных дел и государственной автоматизированной системы «Правосудие».

Кроме того, с целью дальнейшего развития системы проводится тестирование взаимодействия с сервисом для отслеживания и контроля судебных дел и компаний Casebook (г. Москва) в части получения информации (материалов дел) из арбитражных судов России.

2. Система «Контроль конфликтов интересов» (ККИ). Основная цель данной системы заключается в улучшении эффективности антикоррупционной работы на местном уровне путем обеспечения более эффективного контроля и прозрачности.

Система ККИ отслеживает, обновляет и хранит информацию о каждом сотруднике местных органов самоуправления, включая информацию о его близких родственниках, связанных лицах и организациях. Кроме того, система автоматически интегрирует данные из других существующих систем, например, из ЕИС (единой информационной системы закупок) в целях обнаружения совпадений и конфликта интересов. При определении совпадений ответственный специалист по противодействию коррупции муниципального образования получит сигнал и сможет провести последующую детальную проверку.

Таким образом, открывается возможность выявления коррупциогенных фактов на начальной фазе, что способствует их предупреждению и созданию процедуры прогнозирования коррупционных явлений.

3. АИС «Учет административных правонарушений». Функционал системы обеспечивает прозрачность действий работников местных органов самоуправления, имеющих контрольные, надзорные, регулирующие полномочия, и, кроме того, перевод производства по делам об административных правонарушениях в цифровой вид.

В рамках системы становится возможным определение местоположения инспектора местного самоуправления в режиме реального времени, изучение истории передвижений за конкретный промежуток времени, регистрация момента прибытия в инспектируемую зону. Предназначение АИС – снижение вероятности превышения должностных полномочий муниципальных служащих, анализ их результативности, выявление нарушений во время выполнения работы.

Приложение для мобильных устройств предоставляет возможность получать оперативную информацию при решении текущих или долгосрочных задач, подтверждать начало выполнения работ, добавлять фотографии обнаруженных нарушений и вносить другую необходимую информацию.

С помощью настольного приложения открывается возможность ввода дополнительных данных в части выявленных нарушений, фиксирования времени инициации обращений в разные инстанции, приложения необходимых досье.

В результате были ограничены попытки любого произвола и превышения прав со стороны муниципальных служащих, обеспечена эффективность процессов контроля и оценки результативности работы муниципальных контролеров, создан прозрачный механизм выявления административных правонарушений, а также потенциальных злоупотреблений должностными лицами.

В настоящее время муниципальным образованием полностью реализован вышеуказанный функционал, позволяющий в реальном времени контролировать муниципальных инспекторов.

Таким образом, приходим к выводу о высокой эффективности использования рассмотренных автоматизированных информационных систем в антикоррупционной деятельности муниципального образования, так как это способствует предупреждению и раннему выявлению коррупционных явлений и росту степени ответственности муниципальных служащих.

Список литературы

1. Евсиков К. С., Суворов А. А., Братчикова Л. Р. Цифровая трансформация противодействия коррупции // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-protivodeystviya-korrupsii>

2. Мишустин М. Стенограмма выступления о работе Правительства РФ перед Государственной Думой РФ 22 июля 2020 г. URL: <http://government.ru/news/40074/>

И. А. Биккинин,

доктор юридических наук, профессор,

Уфимский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации

ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу правонарушений, совершаемых в телекоммуникационной среде, а именно изучению связанного с ней ранее принятого и действующего законодательства и практики его применения. Выделяются способы телефонного мошенничества, в частности манипуляции, вишинг (голосовой фишинг). Определены особенности работы мошенников, средства обеспечения безопасности пользователей. В заключение рассматривается ответственность операторов связи, меры наказания и возможности их назначения.

Ключевые слова: телефонное мошенничество, телефонный звонок, текстовое сообщение, способы телефонного мошенничества, средства обеспечения безопасности, оператор связи

TELEPHONE FRAUD AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. The study is devoted to the analysis of telephone fraud, namely, based on the study of previously adopted and current legislation, consideration of the practice

of its application, the methods of telephone fraud are highlighted, in particular manipulation, the use of vishing, which is otherwise defined as voice phishing. The features of the work of scammers, means of ensuring the security of users are determined. In conclusion, the responsibility of telecom operators, penalties and the possibility of their appointment are considered.

Keywords: telephone fraud, telephone call, text message, methods of telephone fraud, security tools, telecom operator

Часто встречаются правонарушения в телекоммуникационной среде с использованием телефонной связи. Преступники совершают мошеннические действия через телефонный звонок или посредством отправки текстового сообщения.

Предварительно разберемся с понятием телефонного мошенничества, которое определим как правонарушение, использующее информационные технологии, совершаемое путем мошенничества через вмешательство в работу средств передачи или обработки данных информационно-коммуникационных сетей [4. С. 15].

Мобильное мошенничество происходит через телефонный звонок, а также с помощью адресной рассылки БМБ-сообщений [2. С. 70–71].

Мошенник применяет различные способы для обмана пользователей сотовых телефонов, в частности манипуляцию.

Вишинг, который иначе определяют как голосовой фишинг, совершается путем использования смартфона потерпевшего для хищения персональной информации [3. С. 7214–7215].

Вот некоторые способы телефонного мошенничества:

– используя похожий номер службы безопасности банка, злоумышленник говорит о том, что с карты пользователя снята определенная сумма денег и для разблокирования банковской карты необходимо назвать СУС-код;

– мошенники могут позвонить на мобильный телефон и предложить помочь близкому человеку, который попал в беду, за некоторую сумму. Иногда злоумышленники звонят с неизвестного номера, представляясь близким человеком, прося перевести им деньги. Потерпевшие говорят о том, что голос был очень похож на голос близкого человека, и в панике они перевели требуемую сумму;

– телефонный вызов, который сбрасывается при ответе абонента, понуждает перезвонить на неизвестный номер, за что будет взиматься плата;

Мошенничество с использованием текстовых сообщений:

– сообщение с просьбой перевода денежной суммы близкому человеку;

– пополняется баланс номера или карты банка, далее приходит сообщение, что деньги перевели по ошибке и требуют их перевести обратно;

– рассылка текстовых сообщений о выигрыше большой суммы денег, для подтверждения необходимо отправить текстовое сообщение с кодом на неизвестный номер, за что взимается плата.

Также преступник может взять микрозаем в Интернете, используя паспортные данные абонента. Данные лица предоставляются при заключении договора об оказании услуг сотовой связи [5. С. 229].

Нарушителей тяжело идентифицировать из-за подменного номера и того, что для хранения денег используют криптовалюту. Они применяют VPN, прокси-серверы с целью маскировки своего адреса.

Особенности работы мошенников:

- Звонят первыми.
- Ведут разговор о деньгах.
- Пытаются узнать личные данные: паспортные данные, информацию по карте, пароль, код из банковских уведомлений.
- Используют техники манипуляции, пытаются ввести в замешательство, говоря о трагедии с близким человеком.
- Оказывают давление, ограничивая во времени, чтобы абонент незамедлительно совершил указанные действия.

Средством обеспечения безопасности своей банковской карточки является установление лимитов на переводы. Будет определена незначительная сумма денег. Если посредством звонка банковский работник просит увеличить или убрать лимит, стоит задуматься о том, не мошенник ли звонил.

В случае звонка о несчастном случае близких людей стоит проверить подлинность сведений. Необходимо уметь противостоять мошенникам путем бдительности и понимания вероятных рисков. Стоит внимательно прислушаться к акценту и интонации позвонившего лица. Зачастую звонки совершаются из-за границы с использованием российских сим-карт.

Есть возможность определять неизвестные номера через поисковую систему Интернета и специальные приложения. Диагностика номера позволит определить имя позвонившего.

Будет ли привлечен оператор связи из-за телефонного мошенничества? По ст. 13.2.1 КоАП РФ оператор связи будет привлечен к административной ответственности, если не отключит подменные номера мошенников, которые используют российские номера, делая вызов из-за рубежа.

В надзорном органе рассматривается вопрос об аннулировании лицензии при злостных нарушениях сотового оператора [1. С. 58]. Таким образом, это позволит закрыть компании сотовой связи, которые незаконно выполняют свои функции, допуская деятельность мошенников.

Итак, мошенники часто используют телефон для совершения преступления. Для профилактики преступлений в данной сфере следует быть предусмотрительным, применять способы определения неизвестного номера. Стоит незамедлительно обращаться в правоохранительные органы о телефонном мошенничестве. Для операторов связи предусмотрена административная ответственность, предусмотренная ст. 13.2.1 КоАП РФ, что должно уменьшить число телефонных мошенников.

Список литературы

1. Вопросы борьбы с интернет-мошенничествами / В. А. Емельянова, А. М. Салимова, М. Л. Цвет, И. А. Биккинин // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Т. 6, № 1–2. С. 58–62.

2. Гаврилова А. А. Sms-оповещение населения: подходы к оценке коммуникативной эффективности // Технологии гражданской безопасности. 2008. № 4. С. 70–74.
3. Куренная В. О. Фишинг и вишинг в информационной безопасности // StudNet. 2022. № 6. С. 7214–7218.
4. Леваков А. К. Телефонное мошенничество: трудности противодействия // Вестник связи. 2020. № 12. С. 15–16.
5. Цвет М. Л., Биккинин И. А. Телефонное и интернет мошенничества: феномен малой раскрываемости // XVII Акмуллинские чтения: материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, 2–3 декабря 2022 г. Т. 1. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2022. С. 229–231.

М. Н. Власенко,

кандидат экономических наук,
профессор Российской академии естествознания,
доцент кафедры безопасности и информационных технологий,
Инженерно-экономический институт
Национального исследовательского университета МЭИ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В условиях рыночной неопределенности особую актуальность приобретает повышение эффективности управления экономическими системами. Важную роль играет цифровизация. В процессе внедрения цифровых решений мы столкнулись с множеством проблем, что затрудняет решение данной задачи. Содержание, сущность таких проблем и пути их решения рассмотрены в настоящей статье.

Ключевые слова: цифровизация, безопасность, управление, региональная экономика

MAIN PROBLEMS OF IMPLEMENTING DIGITAL TECHNOLOGIES INTO MANAGEMENT SYSTEMS OF ECONOMIC ACTIVITIES: REGIONAL ASPECT

Abstract. In conditions of market uncertainty, it is important to increase the efficiency of management of economic systems. Digitalization plays an important role. In the process of digitalization, we have problems that need to be solved. These problems and ways to solve them are discussed in the article.

Keywords: digitalization, security, management, regional economy

В условиях рыночной турбулентности и непростых отношений в сфере внешнеэкономической деятельности устойчивое управление объектами экономики в регионах – один из важнейших факторов их функционирования, обеспечивающий оптимально устойчивую работу для достижения поставленных целей в соответствии с задачами социально-экономического развития отдельных территориальных единиц.

Как показывает практика, основными объектами регионального управления, как правило, выступают: территория самого региона и его система территориальных взаимосвязей, его экономический потенциал, природное и техносферное окружение, экологическая составляющая и все, что ее предопределяет, – природные ресурсы и полезные ископаемые, промышленные предприятия и предприятия сферы услуг, жители, информационно-коммуникационная среда местной социальной сферы, политическая ситуация, подведомственная территория и природный ландшафт, транспортная инфраструктура и т. д. [4]

Реализуя программы социально-экономического развития, руководители различных уровней управления ориентированы на достижения главной цели управления региональными инфраструктурными объектами – создание благоприятных условий, способствующих их устойчивому функционированию в границах допустимого риска при оптимальном использовании имеющихся в распоряжении управленческих субъектов собственных и выделенных ресурсов.

Как показывает практика, эффективность управления в современных условиях не представляется возможным обеспечить без широкого применения цифровых технологий. В условиях рыночной турбулентности цифровизация позволяет повысить результативность принимаемых решений, в том числе контроля над их выполнением, и является важнейшим ресурсом – высокоэффективным, высокотехнологичным, инновационным инструментом управления [1].

Цифровизация в системе управления народным хозяйством России на период с 2017 по 2030 г. широко внедряется в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г., также Распоряжения Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017, которым была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее – Программа). Вышеупомянутая Программа требует от руководителей государственного и частного сектора экономики широкомасштабного внедрения профильных технологий во всевозможные сферы деятельности, прежде всего в управление бизнес-процессами. В рамках данной Программы предписана совместная консолидация управленческих решений в деятельности разнородных субъектов управления, стандартизация и согласование действий. При этом основное внимание акцентируется на следующих основных вопросах:

- разработка единой системы нормативно-правового регулирования экономической деятельности в направлении стандартизации отчетности, проведения учетной и налоговой политики, единого регулирования внешнеэкономической деятельности, внедрение межотраслевых стандартов;

- расширение масштабов научно-просветительской деятельности в профильных сферах, адаптация системы среднего и высшего образования к потребностям современного рынка, проведение дополнительной целевой подготовки профильных специалистов, использующих цифровые технологии в повседневной деятельности;

- развитие и укрепление инфраструктурных связей между участниками регионального рынка в направлении консолидации усилий в достижении целей народнохозяйственного развития региона, определенных Федеральным центром;

- реализация комплекса народнохозяйственных трансформационных изменений в границах регионального рынка, направленного на совершенствование

экономического и политического взаимодействия с использованием современных цифровых решений;

– развертывание широкомасштабной работы по созданию и развитию инновационных цифровых кластеров, в рамках которых могут оперативно вырабатываться базовые решения в сфере социально-экономического развития, незамедлительно нивелирующие возникающие негативные тенденции различного рода;

– проведение работ по расширению государственного и частного инвестирования в профильные научные разработки и ряд других.

Анализ социально-экономического развития региональных субъектов экономической деятельности, применяемых ими технологий государственного и муниципального управления выявил ряд проблем, тормозящих эффективное внедрение цифровых решений в системах управления региональными экономическими системами. Каждая из проблем по-своему негативно влияет на развитие ситуации. В то же время, с нашей точки зрения, наиболее существенными из них являются нижеследующие:

1. Главной проблемой, как показало исследование, является отсутствие единого научно-методического и методологического подхода к восприятию состава, содержания и сущности, целей и задач, а также основных путей цифровизации региональных экономических элементов, подсистем и сферы экономической деятельности в целом.

2. Вторая проблема, препятствующая успешному экономическому развитию региона, – отсутствие единой системы регламентов, и прежде всего стандартов профильной деятельности. Анализ текущей ситуации ярко продемонстрировал несогласованность и противоречие нормативно-правового регулирования профильной деятельности на всех уровнях регионального управления.

3. Субъекты экономико-институциональных отношений оказались не готовы к созданию и использованию новых возможностей, открывающихся с помощью инновационных цифровых решений. Уровень профессиональной подготовки их работников оказался недостаточным для эффективной работы на местах [3].

4. В ходе анализа ситуации, сложившейся на местах, были выявлены техническая слабость и неразвитость транспортно-коммуникационной инфраструктуры. Существующие системы связи оказались неспособными должным образом обеспечить высокоскоростную защищенную передачу данных как внутри регионов, так и на значительные расстояния, надежно обеспечивая межрегиональный информационно-коммуникационный обмен со смежными территориями и федеральным центром. При этом выявлена проблема передачи данных существующими системами, их неспособность передавать информацию в заданных объемах, требуемым уровнем качества, обеспечение целостности, доступности, надежности и защищенности [2].

5. Другой важной проблемой является отсутствие необходимого количества программно-аппаратных средств обработки данных. В настоящее время в экономике страны имеется значительная импортозависимость, которая в условиях международных санкций является одним из наиболее значимых тормозящих факторов цифровизации. Существующие масштабы отечественного производства комплектующих микроэлементной базы в настоящее время не способны обеспечить необходимые

для выпуска отечественных аппаратных комплексов и телекоммуникационных систем объемы [3].

6. Существенной проблемой для цифровизации отечественной экономики является практически полная зависимость пользователей от зарубежного программного обеспечения. Такая ситуация приводит к возникновению программных сбоев в работе, отказам оборудования, невозможности оперативного реагирования на форс-мажорные ситуации. Существуют высокие риски полного отказа в обслуживании, умышленного злонамеренного блокирования работы как отдельных объектов информатизации, так и управляемых ими систем.

7. Наблюдается существенный рост уязвимости объектов промышленной инфраструктуры, органов государственного и муниципального управления, управляемых объектами цифровизации, использующих несовершенное отечественное и импортное программное обеспечение. Такого рода объекты, подключенные к глобальным цифровым системам управления, подвержены угрозам кибертерроризма. С таким положением дел соглашаться нельзя, поэтому необходимо в срочном порядке разработать методологические подходы к обеспечению экономической безопасности объектов критически важной инфраструктуры на основе отечественных профильных разработок [4].

8. Существенным препятствием к внедрению цифровых инновационных решений в систему управления является отсутствие надежной аутентификации инженерно-технического персонала, ответственного за разработки и администрирование профильных систем управления, имеющего реальную возможность своими умышленными злонамеренными или непреднамеренными действиями нанести ущерб. Данная проблема предопределяет необходимость разработки новых биометрических инновационных технологий аутентификации и повышение надежности существующих профильных решений. Это возможно путем дополнения существующих систем технологиями искусственного интеллекта, также за счет создания многоуровневых идентификаторов, использующих разнородные физические принципы идентификации одновременно [1].

9. Как показало проведенное исследование, в настоящее время отсутствуют в достаточном количестве центры подготовки и переподготовки профильных специалистов. Мало внимания уделяется этому вопросу по линии министерств и ведомств. В первую очередь мы видим объективную необходимость разработки новых и корректировки существующих образовательных стандартов и программ. Необходимо дополнительно лицензировать существующие образовательные структуры, способные готовить профильных специалистов. Проводить координацию образовательного процесса между учебными заведениями и работодателями. Практика показала низкий уровень профессиональной готовности специалистов информационной безопасности, прошедших подготовку в периферийных вузах страны, непрофильных учебных заведениях, открывших у себя направления подготовки в сфере цифровизации ради пополнения собственного бюджета за счет платного обучения студентов (слушателей профпереподготовки). Такое состояние дел является неприемлемым, а учебный процесс в сфере цифровизации необходимо пересмотреть как таковой, прежде всего в высшей школе [4].

10. Практика эффективного управления показала: важным направлением кадровой работы является «переформатирование» сознания лиц, задействованных в разработке, внедрении, администрировании цифровых решений. Опираясь на опыт ведущих российских компаний, с уверенностью утверждаем: данная проблема может быть успешно решена путем поднятия статуса работника инженерно-технического звена профильной сферы. Поднятие престижа профессии, создание системы эффективной мотивации работников, воспитания уважения к данной категории работников со стороны общества и граждан позволят привлечь в данную сферу деятельности высококвалифицированных специалистов [4].

11. Потенциальные инвесторы должны осознать свои экономические выгоды и другие преимущества от инвестирования средств в цифровые решения, что приведет к росту эффективности управления, прибыли, конкурентоспособности. Увеличит объемы реальных инвестиций в стабильный, устойчивый бизнес [1].

12. Необходимо совершенствовать систему управления рисками инновационной деятельности. Система риск-менеджмента цифровой сферы в настоящее время находится в стадии становления, а область внедрения цифровых технологий считается высокорисковой и малопривлекательной. Слабая законодательная база увеличивает вариативность неблагоприятных исходов, а непрозрачность и высокая подвижность бизнес-среды еще больше усугубляют ситуацию, значительно повышая инвестиционные риски профильных стартапов [3].

Как показало проведенное исследование, решение вышеперечисленных проблем будет способствовать развитию и расширению возможностей управляющих систем и повышению эффективности работы не только региональных экономических элементов управления, но и развитию экономики России в целом, росту ее конкурентоспособности, снижению зависимости от иностранного капитала и деструктивной политики Запада.

Список литературы

1. Власенко М. Н., Бакулин В. М. Современные информационно-коммуникационные технологии в региональной системе обеспечения безопасности подвижных объектов, функционирующих в труднодоступных районах России // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 27. С. 58–63.

2. Унижаев Н. В., Шедько Ю. Н., Власенко М. Н. Проблемы цифровой трансформации транспортных систем Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. С. 118–122.

3. Шедько Ю. Н., Власенко М. Н., Унижаев Н. В. Стратегическое управление проектами на основе использования искусственного интеллекта / Ю. Н. Шедько, М. Н. Власенко, Н. В. Унижаев // Экономическая безопасность 2021. Т. 4, № 3. С. 629–642.

4. Шедько Ю. Н., Власенко М. Н., Миндлин Ю. Б. Цифровая трансформация систем управления промышленными объектами Российской Федерации: проблемы и решения // Самоуправление. 2022. № 5(133). С. 851–854.

Л. Л. Грищенко,

доктор юридических наук, профессор,
Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Аннотация. В статье рассматривается современный подход к реализации задач в системе обеспечения общественного порядка, которые могут быть усовершенствованы с применением современных цифровых технологий. Анализируя понятийный аппарат предметной области, автор приходит к выводу о необходимости более широкого внедрения в практику правоохранительных органов инструментария ситуационного управления, что позволит осуществить интеграцию тех информационных ресурсов, которыми располагаем, в единое информационное пространство. Делается вывод, что применение современных цифровых технологий в системе обеспечения общественного порядка является необходимым и действенным инструментом, который обеспечивает более качественную организацию документирования о чрезвычайных событиях, правонарушениях, а также обеспечивает возможность применить удаленный доступ к информационным ресурсам.

Ключевые слова: общественный порядок, цифровые технологии, ситуационное управление, информационные ресурсы, правоохранительные органы

MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF ENSURING PUBLIC ORDER

Abstract. The article discusses a modern approach to the implementation of tasks in the system of ensuring public order, which can be improved with the use of modern digital technologies. Analyzing the conceptual apparatus of the subject area, the author comes to the conclusion that it is necessary to more widely introduce situational management tools into the practice of law enforcement agencies, which will allow for the integration of the information resources that we have into a single information space. In addition, the use of modern digital technologies in the public order system is a necessary and effective tool that provides better organization of documentation of emergency events and offenses, and, in addition, provides the opportunity to use remote access to information resources.

Keywords: public order, digital technologies, situational management, information resources, law enforcement

Как известно, в современном государстве одной из главных задач является охрана общественного порядка. Для дальнейшего изложения материала по теме следует определиться с понятийным аппаратом предметной области, а именно рассмотреть содержание понятия «общественный порядок».

В современной юридической науке общественный порядок рассматривается из двух составляющих: широкой и узкой. Давая определение в широком смысле, наука административного права под общественным порядком принимает совокупность

всех социальных связей и отношений, которые складываются под воздействием социальных норм (данное определение не касается правопорядка, в который включаются отношения, регулируемые нормами права).

Рассматривая общественный порядок в узком смысле, следует учитывать систему общественных отношений, в которой обеспечиваются личная и общественная безопасность, реализация важных социальных процессов в рамках правового государства. Кроме того, общественный порядок в узком смысле – это обеспечение обстановки общественного спокойствия, создание благоприятных условий для потребителей и производителей социальных благ, выполнение комплекса мер, включающих в себя уважение интересов гражданского общества, соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Именно «общественный порядок» в узком смысле и представляет большое практическое значение при реализации функций полиции, судов, прокуратуры и других государственных органов, включая общественные формирования, которые привлекаются для участвующих в его обеспечении. Данное определение акцентирует внимание государственных и общественных организаций на предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, которые наносят вред общественным отношениям в рассматриваемой сфере [5. С. 2–3].

Как показывает практика, непосредственная угроза общественному порядку может возникать, например, при нарушении правил установленных законом при проведении массовых мероприятий, неправильной организации в работе общественного транспорта. Достаточно тревожная ситуация в обеспечении общественного порядка имеет место при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [3. С. 27–29].

В связи с этим на правоохранительные органы в области охраны общественного порядка возложены ряд обязанностей, которые требуют привлечения значительных сил и средств, а, кроме того, четкой организации действий. К наиболее важным мерам обеспечения общественного порядка, согласно Федеральному закону Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», относятся:

- создание и обеспечение постоянной готовности резервов, которые должны незамедлительно прибывать на место, где совершено административное правонарушение (преступление) с целью локализации дальнейшего негативного развития ситуации, обеспечения охраны порядка на месте происшествия;
- устранение угроз безопасности граждан на прилегающих к месту происшествия территориях;
- выполнение первичных следственных действий, документирование обстоятельства совершения правонарушения (преступления) и обеспечение сохранности следов (улик);
- принятие мер по беспрепятственному доступу к месту правонарушения службы скорой помощи, а до ее прибытия оказание первой доврачебной медицинской помощи пострадавшим лицам;
- выявление причин правонарушения (преступления) и основных условий, которые способствовали их совершению;
- участие в профилактической работе по предупреждению правонарушений (преступлений), возникновению чрезвычайных ситуаций и обстоятельств;

- осуществление комплекса мер, направленных на пропаганду правовых знаний;
- обеспечение безопасности граждан на улицах, площадях, в скверах, парках, стадионах на транспортных средствах, аэропортах, железнодорожных и автовокзалах, в морских и речных портах и иных общественных местах;
- совместно с органами государственной власти, органами местного самоуправления и общественными организациями обеспечение порядка при проведении собраний, демонстраций, шествий, митингов и иных публичных мероприятий;
- участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, обеспечение мер по спасению людей, охране имущества, которое осталось без присмотра;
- обеспечение мер и порядка при осуществлении карантинных мероприятий и эпидемиологических мер в очагах эпидемий и эпизоотий и т. д.

Даже такой краткий перечень мер по охране общественного порядка предполагает постоянное совершенствование в деятельности государственных органов правопорядка. При этом, как показывает практика, совершенствование деятельности правоохранительных органов сегодня невозможно без применения современных цифровых технологий. Объективно повышение эффективности применения сил и средств в охране общественного порядка в настоящее время требует перехода на новый, ситуационный уровень управления, при котором обеспечивается постоянный контроль за состоянием оперативной обстановки и в реальном масштабе времени получается информация о состоянии личной и имущественной безопасности граждан, дорожном движении, защиты объектов особой важности и т. д. При этом основой инструментария ситуационного управления в настоящее время являются информационно-аналитические (ситуационные) центры, использующие в своей работе цифровые технологии.

Такие информационно-аналитические центры способствуют выполнению главной задачи охраны общественного порядка – предоставлению правоохранительным органам возможности по автоматизированному сбору, обработке и анализу оперативной информации, которая ложится в основу принимаемого руководителем управленческого решения. Кроме того, одной из ключевых позиций, обеспечиваемой информационно-аналитическими центрами, является повышение эффективности управления силами и средствами, а также контроля исполнения указаний и распоряжений.

Значительное место в совершенствовании деятельности правоохранительных органов с применением информационно-аналитических центров отводится вопросам оперативного согласования в деятельности органов государственного и муниципального управления, территориальными органами ФСБ, МВД, Росгвардии, МЧС и иными оперативными службами [2. С. 261–276].

В отдельной статье нет необходимости рассматривать всесторонне алгоритм работы управляющего субъекта при возникновении необходимости задействования информационно-аналитического центра. Таковая потребность возникает в случае совершения человеком (группой граждан) правонарушения (преступления) при чрезвычайных обстоятельствах и ситуациях. Обратим внимание на отдельные составляющие в организации действий, которые в наибольшей степени могут быть обеспечены цифровыми технологиями, что даст возможность усовершенствовать процесс управления на каждом этапе и в целом.

На рис. 1 представлен один из вариантов алгоритма работы руководителя с получением информации о нарушении общественного порядка.

Рис. 1. Алгоритм управления по ситуации

Именно так осуществляется организаторская работа руководителя после получения данных о правонарушении (преступлении), возникновении чрезвычайных обстоятельств и ситуаций.

Используя потенциал информационно-аналитического центра, а именно современных средств связи, информационных технологий, информационных систем и ресурсов, руководитель может, во-первых, еще на этапе повседневной деятельности получить неограниченное количество вариантов возможных событий и прогноз реагирования на них. В этом случае следует говорить о переводе управления на новый ситуационный уровень, при котором ряд управленческих функций будут осуществляться в автоматизированном варианте.

Во-вторых, сам процесс управления становится более динамичным и информативным. Руководитель и его аппарат могут осуществлять процесс удаленного управления силами и средствами из стационарного (подвижного) ситуационного центра. При этом, используя сеть видеофиксации в реальном масштабе времени, иметь информацию о ходе выполнения мероприятий охраны общественного порядка.

В общем виде алгоритм варианта ситуационного управления представлен на рис. 2.

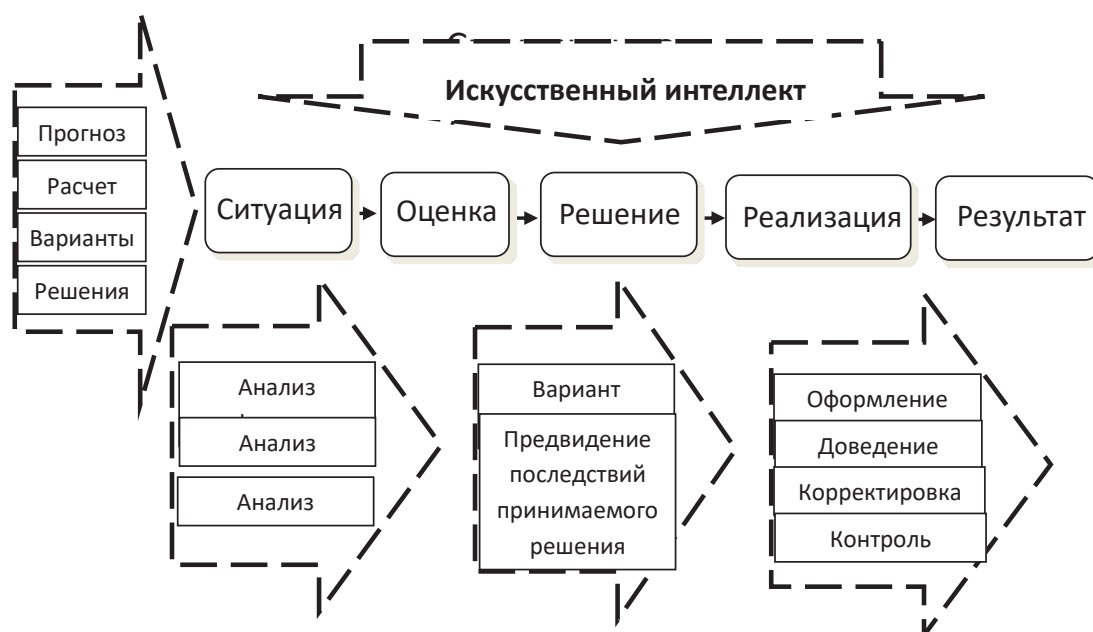

Рис. 2. Алгоритм ситуационного управления

Следует отметить некоторые особенности в работе информационно-аналитических центров, позволяющих перейти к ситуационному управлению. Таковыми являются, во-первых, осуществление непрерывного сбора и анализа поступающей информации и на этом основании осуществление прогнозирования возможных негативных последствий и позитивных изменений.

Во-вторых, многовариантный просчет угроз и опасностей для общественного порядка, прогноз результатов принятых решений, расчет возможностей сил и средств правопорядка по предупреждению, пресечению и ликвидации негативных событий.

В-третьих, в автоматическом режиме и в реальном масштабе времени передача информации, в том числе видеоинформации, об оперативной обстановке территориальным органам ФСБ, МВД, Росгвардии, МЧС и иными оперативными службами.

В-четвертых, своевременное вскрытие признаков нарушений общественного порядка, подозрительных предметов, оставленных без присмотра в общественных местах и иных угроз и опасностей.

В-пятых, возможность оперативного реагирования на изменение обстановки, т. е. уточнение ранее принятого решения и его коррекция.

В-шестых, обеспечение взаимодействия между органами государственного и муниципального управления, территориальными органами и подразделениями ФСБ, МВД, Росгвардии, МЧС и иными оперативными службами.

В-седьмых, ведение архива поступающей информации и создание на этой основе расширенной базы данных, позволяющей использовать накопленный материал в дальнейшей организаторской работе [4. С. 376].

При этом, как свидетельствует проведенный анализ, сегодня принято осуществлять работу информационно-аналитических центров в двух режимах: повседневно и в особых условиях. В первом варианте, как правило, на рабочих местах присутствуют дежурные смены либо технический персонал. Во втором варианте могут создаваться оперативные штабы или группы руководства. Полагаем, что такая постановка вопроса не совсем правильна в перспективе, так как данные центры должны функционировать на постоянной основе при профессиональном обслуживании специальным аппаратом сотрудников.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196819
2. Город в теории и практике: правовые и урбанонологические аспекты: монография / под общ. ред. В. В. Таболина. М.: Юстицинформ, 2020.
3. Княжев В. Б. Грищенко Л. Л. Война как коммерческий проект. М.: ООО «РУСАЙНС», 2023. 184 с.
4. Княжев В. Б., Холостов К. М., Сердюк Н. В. и др. Ситуационные центры: теоретико-методологические и практические основы применения в организации управления ОВД РФ: учеб. пособие. М.: АУ МВД РФ, 2019.
5. Понятие общественного порядка и общественной безопасности. URL: https://studopedia.ru/5_164332_ponyatie-obshchestvennogo-poryadka-i-obshchestvennoy-bezopasnosti.html

Е. И. Дискин,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ- ПЛАТФОРМ – НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ СТРАН БРИКС

Аннотация. Регулирование интернет-платформ представляет собой сложный вызов. Опыт показывает, что зачастую власть, которой обладают транснациональные корпорации, контролирующие интернет-платформы, может быть большей, чем власть отдельных государств в киберпространстве. Объединение БРИКС после своего расширения получает уникальный шанс использовать свою власть для формирования более справедливого миропорядка, в котором будет учтено мнение государств глобального Юга относительно регулирования интернет-пространства. В условиях, когда государства – члены G7 переходят к комплексному регулированию интернет-платформ, что включает в себя такие аспекты, как модерация, алгоритмы, права пользователей, прозрачность работы социальных сетей, поисковых и аудиовизуальных сервисов, государства БРИКС также должны предпринять аналогичные усилия, чтобы защитить права своих граждан и суверенитет в киберпространстве.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, БРИКС, регулирование интернет-платформ, цифровое право, Интернет

REGULATION OF THE INTERNET PLATFORMS – NEW CHALLENGES FOR THE BRICS COUNTRIES

Abstract. Regulating Internet platforms is complex and challenging. Experience shows that often the power of transnational corporations to control Internet platforms may be greater than that of the individual States in cyberspace. After expansion the BRICS gets a unique opportunity to use its power to shape a more equitable world order that takes into account the views of the global South on the regulation of Internet space. As the G7 member states move towards integrated regulation of Internet platforms, which includes such aspects as moderation, algorithms, user rights, transparency of social networks, search and audio-visual services, BRICS States should also make similar efforts to protect the rights of their citizens and sovereignty in cyberspace.

Keywords: law, digital technologies, BRICS, regulation of internet platforms, digital law, Internet

Введение. Развитие интеграции стран БРИКС, как и любой подобный процесс, имеет свои сильные и слабые стороны. На текущий момент взаимодействие между государствами – участниками данного объединения не имеет в фокусе ряд новых направлений регулирования киберпространства, таких как вопросы регулирования интернет-платформ. Это приводит к ухудшению положения каждого из участников объединения на международной арене в части возможностей влияния на глобальные корпорации, такие как Google, Microsoft, Meta* или X (бывший Twitter**).

Изменения в законодательном подходе к регулированию интернет-платформ происходят буквально на наших глазах. Принятие такого всеобъемлющего нормативного акта, как Регламент Европейского парламента и Совета ЕС 2022/2065 от 19 октября 2022 г., сокращенно именуемого «Закон о цифровых услугах» (Digital Services Act, DSA), знаменует собой смену глобальной парадигмы регулирования. Доктрина «невмешательства» в деятельность интернет-платформ, попытки ограничиться лишь инструментами антимонопольного права, когда такие компании рассматриваются как доминирующие на цифровых рынках, признаны недостаточными, что в свою очередь потребовало разработки, по сути, кодифицированного нормативного акта, определяющего порядок предоставления цифровых услуг в странах ЕС.

На смену упомянутой парадигме «невмешательства» приходит новая эра [1] – эра всеобъемлющего регулирования цифровой среды, эра цифровых кодексов, когда законодательному регулированию будут подвергнуты практически все аспекты деятельности интернет-платформ, закреплены права пользователей киберпространства, введена ответственность за ряд правонарушений, которые еще несколько лет назад не признавались таковыми.

Рамки сотрудничества стран БРИКС в области цифровых технологий. В вопросах цифрового регулирования страны БРИКС, очевидно, движутся на разных скоростях. В частности, если рассмотреть концептуальные заметки к саммиту государств БРИКС в 2022 г., то слово «цифровой» (digital) упоминается не так уж часто – всего семь раз [2]. Причем ни одно из упоминаний не относится к взаимодействию за пределами вопросов цифровых инноваций и цифровой экономики. Однако сами по себе интернет-платформы и проблема их регулирования в кооперации государств – членов БРИКС уже не является вопросом развития инноваций как таковых. В частности, авторы доклада для дискуссионного клуба «Валдай» за июнь 2021 года «Мир платформ: от корпораций к регионам» отмечают, что «на корпоративном уровне технология платформенной бизнес-модели явно прошла первые стадии инноваций и сейчас активно переходит к стадии тиражирования в разных отраслях и географических регионах» [3. С. 5]. Таким образом, назревающий вопрос всестороннего регулирования интернет-платформ уже не является вопросом только экономики или развития и стимулирования инноваций, так как растет значимость данных правоотношений с политической и социальной точки зрения.

Согласно докладу 2019 г. компании McKinsey, уже в 2025 г. интернет-платформы будут формировать до 30 % доходов всех мировых корпораций, что составит примерно 60 трлн долларов [4]. Это означает, что интернет-платформы являются фактором сегодняшнего дня и нуждаются в регулировании всех основных направлений их деятельности, так как их влияние на распространение информации постоянно и неуклонно растет: число ежемесячных пользователей Facebook* в январе 2023 г. достигло почти 3 млрд человек, пользователей YouTube – 2,5 млрд, TikTok ежемесячно просматривает 1 млрд человек [5].

18 марта 2015 года правительствами государств БРИКС был подписан меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций [6]. Статья 3 данного Меморандума указывает на сферы сотрудничества, в которых, к сожалению, отсутствует соответствующее направление взаимодействия – как исследования

в области регулирования интернет-платформ, так и, соответственно, само регулирование. В ст. 4 Меморандума описаны модальности работы в рамках сотрудничества, которые включают обмен учеными, исследователями и обучающимися, развитие человеческого капитала в науке, технологиях и инновациях, проведение совместных научных мероприятий, обмен научной и технологической информацией, формулирование общих исследовательских механизмов и формирование их общего финансирования. В том же году была создана Рамочная программа БРИКС в области науки, технологий и инноваций, утвержденная Московской декларацией государств – членов БРИКС от 28 октября 2015 г. [7]. Согласно заявлению Уфимской декларации стран БРИКС, целью указанной программы является «финансирование совместных многосторонних проектов в сфере научных исследований, коммерциализации технологий и инноваций, с привлечением министерств и центров науки и технологий, институтов развития, а также национальных и при необходимости региональных фондов, осуществляющих финансирование научно-исследовательских проектов» [8].

Исследователи отмечают, что взаимодействие между странами БРИКС в этой сфере пока «скорее риторика, чем реальность» [9. С. 155]. Возможно, это не совсем объективная оценка, однако лучшим опровержением таких заявлений будет усиление кооперации между странами БРИКС. В свою очередь, отметим, что в странах БРИКС появляется осознание необходимости регулирования интернет-платформ как фактора политической и социальной стабильности. В частности, в упомянутом докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» подчеркивается мысль, что «блокировка аккаунта действующего американского президента компаниями Twitter**, Facebook* и другими крупными социальными сетями говорит не только о том, насколько мощными стали определенные платформы, но и о необходимости надлежащего управления этими платформами и их регулирования» [3. С. 9]. Нельзя не согласиться и с мыслью о том, что «платформы основных социальных сетей стали играть настолько жизненно важную роль в современном обществе, что фактически превратились в коммунальные службы и могут рассматриваться как часть важнейшей коммуникационной инфраструктуры той или иной страны» [3. С. 9]. Проблема в том, что на текущий момент данная «коммунальная инфраструктура» в значительной мере не обращает внимания на законные требования государств – членов БРИКС.

В отношении крупнейших иностранных интернет-платформ в России вынесены десятки решений о назначении штрафов на десятки миллиардов рублей. Facebook*, Instagram*, LinkedIn** подвергнуты блокировке по различным основаниям – первые за экстремистскую деятельность, последняя за нежелание локализовать в России персональные данные пользователей. Тем не менее данные меры практически никак не повлияли на изменение подхода и поведения данных платформ по одной простой причине – они знают, что для населения России они остаются востребованными и многие будут продолжать пользоваться ими с помощью VPN. В этом смысле заявления депутата Государственной Думы, заместителя председателя комитета по информационной политике, информатизации и связи Антона Горелкина о том, что «иностранные сервисы обязательно будут

соблюдать новые правила, но позже» [10], выглядят излишне оптимистично. Пока никаких предпосылок для этого не наблюдается, скорее, наоборот – мы видим создание новой реальности, в которой иностранные интернет-платформы переходят в серую зону и перестают соблюдать какие-либо требования российского законодательства. Так, в частности, корпорация Google предпочла провести банкротство своего российского подразделения – ООО «Гугл», нежели выполнять многочисленные требования российских судов по ряду исков и производств по делам об административных правонарушениях [11]. В свою очередь, Facebook* и Instagram* не предприняли никаких значимых действий для прекращения политики, послужившей основанием для признания их действий экстремистскими [12].

Совместное регулирование интернет-платформ. Учитывая интенсификацию интеграционных процессов и увеличение числа государств – членов БРИКС, расширение совместной повестки в области регулирования интернет-платформ может представлять большой интерес. Рост влияния БРИКС в его новом, расширенном формате открывает возможности для форм сотрудничества, которые направлены на формирование нового, более справедливого мирового порядка, в котором государства глобального Юга будут иметь значительно большее влияние на ключевые процессы в мировой экономике и политике.

На указанное обстоятельство обратили внимание участники Международного форума инноваций БРИКС, который прошел в Москве с 27 по 30 августа 2023 г. В частности, в рамках пленарной сессии «Город для инноваций. Саммит институтов развития» исполнительный директор некоммерческой организации Digital Pilipinas Амор Макланг заявила, что после расширения круга участников БРИКС никто не сможет игнорировать государства, входящие в состав объединения, так как их совокупное население составляет миллиарды человек. С этим тезисом следует согласиться, так как модель монетизации интернет-платформ в основном строится на постоянном увеличении числа пользователей в рамках freemium модели монетизации [13], что, в свою очередь, невозможно без вовлечения жителей стран БРИКС. Необходимо также принять во внимание, что синхронно с расширением состава БРИКС и включением в него Аргентины, Ирана, Саудовской Аравии, Египта, ОАЭ и Эфиопии председательство в данной организации переходит к России, что дает возможность представить данную инициативу для совместной работы и привлечь к ней повышенное внимание.

В рамках создания новых механизмов и направлений взаимодействия между государствами БРИКС следует учитывать значительный накопленный опыт некоторых участников объединения в данной области регулирования. Можно выделить особый опыт государств Латинской Америки, таких как Аргентина и Бразилия, которые достаточно давно отмечают необходимость большего вовлечения развивающихся стран в процесс глобального управления сетью Интернет [14. С. 13]. Не менее важным представляется опыт Индии и Китая, концептуально разный, но одинаково важный для будущего глобальной сети. К совместной работе должны быть привлечены государства Африки – ЮАР и Эфиопия, а также такие новые члены БРИКС, как Иран и Саудовская Аравия.

Вывод. Синхронизация регуляторной повестки между государствами с разными культурными и правовыми традициями представляет собой сложную задачу. Обновленное объединение БРИКС, в которое в 2024 году вступят Аргентина, Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия, станет гораздо более представительным с точки зрения репрезентации государств глобального Юга. Такое масштабное расширение дает России шанс на то, чтобы на самом раннем этапе работы в расширенном составе задать тон для продуктивной работы в интересах всех участников.

Формирование более справедливого миропорядка невозможно без основанного на мультилатерализме учета мнения большей части населения земного шара по вопросам регулирования интернет-платформ, которые охватывают его своими услугами. Невозможно считать справедливым положение, когда государственный суверенитет не распространяется на интернет-пространство, а для прекращения правонарушений, совершаемых на крупных интернет-платформах, необходимо порой полное отключение Интернета на определенный промежуток времени. Лишь совместная работа членов БРИКС может оказать влияние на платформы, которые будут поставлены перед риском лишиться доступа к миллиардам существующих и новых пользователей.

* Meta и принадлежащие ей Facebook и Instagram признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

** Социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

Список литературы

1. Inês Neves. From the Digital Services package to the Digital Markets Act: the road to a (more) secure, open, and fundamental rights-friendly digital space. The official blog of UNIO - EU Law Journal. URL: <https://officialblogofunio.com/2023/05/04/from-the-digital-services-package-to-the-digital-markets-act-the-road-to-a-more-secure-open-and-fundamental-rights-friendly-digital-space>
2. XIV BRICS Summit. Concept Paper on Thematic Issues. URL: <http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/zg2022/CPTI>
3. Лисоволик Я., Мок Э., Степанова А. Мир платформ: от корпораций к регионам: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», июнь 2021 г. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mir-platform-ot-korporatsiy-k-regionam>
4. Platforms and Ecosystems: Enabling the Digital Economy. Briefing Paper. World Economic Forum. 25.03.2019. URL: <https://www.weforum.org/whitepapers/platforms-and-ecosystems-enabling-the-digital-economy>
5. Most popular social networks worldwide as of January 2023, ranked by number of monthly active users (in millions). Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users>
6. Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между государствами – членами БРИКС от 18 марта 2015 г. URL: <http://mniop.ru/>

wp-content/uploads/2019/11/Memorandum-o-sotrudnichestve-i-vzaimoponimanii-v-sfere-nauki-tehnologii—-i-innovatsii—.pdf

7. BRICS STI Framework Programme. URL: <http://brics-sti.org/?p=new/32>.

8. Уфимская декларация (Уфа, Российская Федерация, 9 июля 2015 года). URL: <https://clck.ru/re45r>

9. Майкл Кан. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10, № 2. С. 155.

10. Как будет работать закон о рекомендательных алгоритмах // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/kak-budet-rabotat-zakon-o-rekomendatelnykh-algoritmakh.html>

11. Российская «дочка» Google подала заявление о банкротстве // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/17/06/2022/62ac165d9a794786f5c8128e>

12. В России признали экстремистскими и запретили Facebook и Instagram // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab>

13. Saso Josimovski, Lidija Pulevska Ivanovska, Martin Kiselicki. Implementing the freemium business model in the software industry: key findings and implications. Conference: Contemporary Trends and Multidisciplinary Issues in Social Sciences at: Istanbul, Turkey. October 2019. С. 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/351266512_Implementing_the_Freemium_business_model_in_the_software_industry_Key_findings_and_implications

14. Carolina Aguerre. Internet Governance Networks at National Level. Experience of Recent Cases in Latin America. Towards an Internet Free of Censorship II Perspectives in Latin America. Buenos Aires, 2017.

К. Е. Довгань,

кандидат юридических наук,

доцент юридического института,

Алтайский государственный университет

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РАМОЧНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Для учета тенденций, которые проявляются в правовом регулировании необходимо проведение мониторинга методов, средств, способов и иных элементов, которые использует нормоустановитель в процессе правового регулирования. В связи с этим проявление «мягкого права» в законодательстве Российской Федерации стало результатом поводом для активного использования рамочного правового регулирования и его инструментария в процессе правового регулирования. В этом вопросе урегулирование информационной сферы не является исключением, что, в свою очередь, создает коррупциогенные риски, которые могут привести к серьезным последствиям.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, правовое регулирование, рамочное правовое регулирование, законодательство, коррупциогенные риски

DIGITAL TECHNOLOGIES AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION FRAMEWORK

Abstract. To take into account the trends that appear in legal regulation, it is necessary to monitor the methods, means and other elements that the rule-setter uses in the process of legal regulation. In this regard, the manifestation of “soft law” in the legislation of the Russian Federation has become the result of the active use of framework legal regulation and its tools in the process of legal regulation. In this matter, the regulation of the information sphere is no exception, which in turn creates corruption risks that can lead to serious consequences.

Keywords: law, digital technologies, legal regulation, framework legal regulation, legislation, corruption risks

Введение. Современное правовое регулирование зависит от уровня развития общества, а также тех исторических событий, которое оно переживает. Опыт отечественного правового регулирования позволяет проанализировать проблемы и ошибки в правотворческой деятельности органов публичной власти.

Оценка юридической техники является одним из генеральных направлений в характеристике правового регулирования соответствующего периода. В этой связи анализ целей, методов и способов, используемых законодателем, позволяет выделить и обобщить инструментарий для соответствующего правового регулирования, который он использует.

Основная часть. Ранее мы отмечали существование рамочного регулирования в информационной сфере, а именно: национальных проектах, национальных программ, федеральных законах, указах Президента РФ, актах Правительства РФ и иных подзаконных актах [2].

Анализ законодательства, регламентирующий в том числе информационные правоотношения, показывает, что в последние годы законодатель часто обращается к рамочному правовому регулированию. В научной литературе понятие и содержание рамочного правового регулирования не является устоявшимся, общепринятым и до конца исследуемым. Комплексный общетеоретический анализ будет иметь важное значение для дальнейшего развития теории права и государства и юридической практики, обращение к которому объясняется рядом причин. По нашему мнению, следующих.

Во-первых, отечественный законодатель использует практику зарубежного законодательства при правовом регулировании, модернизации правовых институтов. Однако практика зарубежных стран не всегда применима к отечественной правовой системе, что создает трудности в ее правопонимании [3].

Во-вторых, либерализация правового регулирования в начале 90-х гг. способствовала проникновению, развитию и существованию «мягкого права» в отечественном правовом поле. Однако характерное для иностранного законодательства «мягкое право» не всегда применимо к регулированию правоотношений с участием государства.

В-третьих, проблемы дискреции и расширение полномочий органов публичной власти стали создавать коррупциогенные риски.

Рамочное правовое регулирование способствует неопределенности в содержании правоотношений. Так, расширение предмета правового регулирования, относительно-определенные правовые нормы, дискреция и т. д. могут негативно сказаться на достижении эффективности правового регулирования. Результатом рамочного правового регулирования могут быть: «необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил», «положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования». Данные факторы признаются коррупциогенными, согласно памятке Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [1].

Заключение. Рассмотрение вопроса о месте рамочного правового регулирования в системе правового регулирования информационных правоотношений имеет особое значение. Создаваемые в результате рамочного правового регулирования коррупциогенные риски могут привести к серьезным последствиям, поэтому необходимо проводить мониторинг законодательства и практики его применения, в том числе дальнейшую правотворческую конкретизацию информационных правоотношений.

Список литературы

1. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: памятка. М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2019. 32 с.
2. Довгань К. Е. Рамочное регулирование информационных технологий в Российской Федерации // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург. 20 мая 2022 г. / отв. ред.: Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2022. С. 59–64.
3. Довгань К. Е. Теория рамочного правового регулирования. М.: Юрлитинформ, 2023. 168 с.

Г. Г. Егоров,

кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник,
Волгоградский государственный университет
(Волжский филиал)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОБОРОТ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются результаты законотворческой деятельности в сфере правового обеспечения цифровой экономики в России. Отмечается, что в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» было проведено значительное количество законодательных инициатив, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики. Текущий этап правового регулирования цифровой экономики в России характеризуется отсутствием систематизации законодательных

инициатив, включенных в федеральный проект. Это затрудняет понимание и оценку текущей ситуации, а также планирование дальнейшего развития законодательства в этой сфере. В качестве решения этой проблемы предлагается разработать Концепцию совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере оборота цифровых прав. Эта Концепция должна включать базовые направления совершенствования российского законодательства в области цифровых прав, синхронизацию этапов развития законодательства по ключевым направлениям, триггеры достижения поставленных задач. Разработка Концепции совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере оборота цифровых прав является важным шагом на пути к дальнейшему развитию цифровой экономики в России. Эта Концепция позволит систематизировать результаты текущей законотворческой деятельности, а также выработать долгосрочную стратегию развития законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые права, цифровые финансовые активы, нормативное регулирование цифровой среды, концепция цифровых прав

THE REGULATORY TURNOVER OF DIGITAL RIGHTS IN RUSSIA

Abstract. This article considers the results of legislative activities in the field of legal support of the digital economy in Russia. The author notes that within the framework of the federal project “normative regulation of the digital environment”, a significant number of legislative initiatives were carried out aimed at the removal of priority barriers that impede the development of the digital economy. Noting that the current stage of the legal regulation of the digital economy in Russia is characterized by the lack of systematization of legislative initiatives included in the federal project. This complicates the understanding and assessment of the current situation, as well as planning the further development of legislation in this area. As a solution to this problem, the author proposes to develop the concept of improving the legislation of the Russian Federation in the field of circulation of digital rights. This concept should include the basic directions of improving Russian legislation in the field of digital rights, synchronizing the stages of development of legislation in key areas, and triggers to achieve the tasks. The development of the concept of improving the legislation of the Russian Federation in the field of circulation of digital rights is an important step towards the further development of the digital economy in Russia. This concept will systematize the results of current legislative activities, as well as develop a long-term strategy for the development of legislation in this area.

Keywords: digital economy, digital rights, digital financial assets, regulatory regulation of the digital environment, the concept of digital rights

Современное российское законодательство использует множественный подход к терминологической интерпретации различных аспектов цифровой экономики, при этом не всегда их содержание и толкование однозначно. Это приводит к путанице и неопределенности в применении права, а также затрудняет его толкование судами. Для устранения этой проблемы необходимо разработать единую систему общепринятой правовой терминологии в сфере цифровой экономики.

Это позволит обеспечить единообразие в применении права, повысить его эффективность и снизить риски возникновения споров. Разработка такой системы терминологии должна быть комплексной и всесторонней [7]. Необходимо учесть все особенности цифровой экономики, а также существующие международные стандарты и практики.

Кроме того, для дальнейшего развития и совершенствования отечественного права в области регулирования цифровой экономики необходима разработка методологических инструментов, прежде всего в виде концепций совершенствования законодательства, по ключевым направлениям цифровой экономики [11].

Такие концепции должны содержать анализ текущего состояния законодательства, оценку его эффективности, а также предложения по его совершенствованию. Они позволят обеспечить системный подход к реформированию законодательства в области цифровой экономики и повысить его соответствие потребностям современного общества.

Разработка этих инструментов является важной задачей, которая должна быть решена в ближайшее время. Это позволит обеспечить эффективное развитие цифровой экономики в России и повышение ее конкурентоспособности на глобальном рынке.

Бурное развитие цифровых технологий и робототехники привело к началу формирования цифровой экономики в современном постиндустриальном обществе. Однако до сих пор отсутствует общепризнанное определение цифровой экономики и ее базовых понятийных терминов. Формально одним из немногих нормативных актов, который дает определение понятия «цифровая экономика», является Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (подп. «р» п. 4). В остальных официальных документах термин «цифровая экономика» широко употребляем, но ни в одном из них нет расшифровки этого понятия и отсылки на названный Указ. Отсутствие общепризнанного определения цифровой экономики является одной из проблем, препятствующих ее развитию.

Существует множество различных определений цифровой экономики, которые в той или иной степени отражают ее сущность. Однако ни одно из этих определений не является исчерпывающим и общепризнанным [7].

Это связано с тем, что цифровая экономика – это сложный и динамично развивающийся феномен. Она включает в себя широкий спектр экономических, социальных и технологических аспектов.

Для преодоления этой проблемы необходимо разработать общепризнанное определение цифровой экономики, которое будет учитывать ее всеобъемлющий характер. Это определение должно быть основано на принципах открытости, прозрачности и согласованности.

Разработка общепризнанного определения цифровой экономики – это сложный и трудоемкий процесс.

Специалисты в сфере цифровой экономики предлагают следующие направления по развитию новой сферы экономики [7]:

1. Провести нормативную корректировку использования электронной цифровой подписи (для большинства операций рекомендуется использовать усиленный ее

вариант). Современная практика использования данного идентификатора позволит большинству пользователей не только упростить гражданско-договорное взаимодействие, но и ввести дополнительные механизмы контроля договорной сферы представителями власти.

2. Создание предпосылок по внедрению системы смарт-контрактов, необходимой для автоматизации и юридическому сопровождению договорных отношений в рамках реализации гражданских прав.

3. Введение унифицированных систем хранения электронных документов. Использование данной системы позволило бы гражданам с помощью цифровых модулей, в том числе основанных на технологиях цифрового облачного хранения данных, создавать, хранить электронные копии бумажных документов, а в дальнейшем и только их цифровые копии.

4. Переход при создании и хранении персональных данных пользователей к полностью обезличенным системам, позволяющим идентифицировать участников гражданских отношений на основании опосредованных данных, к примеру, на основании учетных данных, характеризующих цифровую активность пользователя. Применение данных технологий, особо значимых при необходимости восстановления прав пользователя, также могут выступать в качестве систем дополнительного обеспечения защиты идентификационных данных пользователя.

5. Обеспечение возможности подачи судебно значимых запросов произвольного вида в электронной форме, а также применения систем цифрового доказывания юридически значимых фактов.

Электронное правосудие позволяет повысить эффективность и прозрачность судопроизводства. Оно также делает судопроизводство более доступным для граждан и организаций, которые могут подавать документы и участвовать в судебных заседаниях в электронном виде.

Допустимость электронных доказательств позволит использовать в судебных процессах электронные документы, что ускорит рассмотрение дел и повысит их эффективность.

Дистанционное участие в судебном заседании позволит участникам процесса участвовать в судебных заседаниях из любого места, что снизит затраты на участие в судебных процессах.

6. Продолжение процесса внедрения электронной трудовой книжки, документов используемых при заключении трудовых договоров.

Ведение электронного кадрового документооборота позволяет сократить затраты на кадровое делопроизводство и повысить его эффективность.

В совокупности эти задачи позволят создать в России единую и эффективную систему электронного кадрового документооборота. Это будет способствовать развитию цифровой экономики и повышению качества жизни граждан [11].

7. Урегулирование правоотношений в сфере робототехники и применения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) является важной задачей для развития цифровой экономики в России.

Технологии робототехники и искусственного интеллекта имеют значительный потенциал для развития экономики и повышения качества жизни граждан. Однако их широкое применение требует создания соответствующей нормативной базы.

Отсутствие законодательства в данной сфере тормозит технологический прогресс, когда уже существующие технологии не применяются в экономической деятельности из-за пробелов в нормативном регулировании. Например, отсутствуют нормы, регулирующие правила дорожного движения беспилотных транспортных средств, что блокирует их практическое применение.

Регулирование правоотношений в сфере робототехники и ИИ позволит создать условия для безопасного и эффективного использования этих технологий. Это будет способствовать развитию цифровой экономики и повышению качества жизни граждан.

Однако, важно отметить, что регулирование правоотношений в сфере робототехники и ИИ должно быть гибким и учитывающим постоянно развивающиеся технологии.

8. Определение позиций Российской Федерации по вопросам, способствующим развитию цифровой экономики и гармонизации подходов в этой сфере на пространстве Евразийского экономического союза (сегментарная гармонизация законодательства в сфере цифровой экономики), является важной задачей для развития цифровой экономики в России.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является крупнейшей интеграционной организацией в мире после Европейского союза. Гармонизация законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере цифровой экономики позволит создать единое цифровое пространство в рамках Союза и устранить законодательные барьеры в экономической деятельности между государствами-членами [5].

Определение позиций Российской Федерации по вопросам, способствующим развитию цифровой экономики и гармонизации подходов в этой сфере на пространстве ЕАЭС, позволит обеспечить активное участие России в процессе гармонизации законодательства в сфере цифровой экономики. Это будет способствовать развитию цифровой экономики в России и в рамках ЕАЭС в целом.

Однако важно отметить, что гармонизация законодательства в сфере цифровой экономики должна осуществляться с учетом национальных особенностей государств – членов ЕАЭС.

9. Создание механизма формирования особых правовых режимов в любой из сфер цифровой экономики (регуляторных песочниц) является важной задачей для развития цифровой экономики в России.

Регуляторные песочницы позволяют тестировать новые цифровые технологии и бизнес-модели в условиях, которые отличаются от традиционных правил и ограничений. Это позволяет выявить потенциальные риски и проблемы, связанные с применением новых технологий, и разработать соответствующие меры по их минимизации.

Выполнение этой задачи позволит проводить экспериментальные испытания использования норм права, отсеивая нежизнеспособные и проводя своеобразную селекцию эффективных правовых норм в области цифровой экономики. Это будет способствовать развитию цифровой экономики и повышению качества жизни граждан.

10. Внесение изменений в нормативные правовые акты Российской Федерации в части совершенствования процедур идентификации и упрощенной идентификации

(имеется в виду процедура Know Your Customer (KYC) – процедуры идентификации клиента и отслеживание транзакций как базовые составляющие финансового мониторинга) является важной задачей для развития цифровой экономики в России.

Процедуры KYC позволяют финансовым организациям идентифицировать своих клиентов и выявлять подозрительные транзакции, связанные с отмыванием денег, финансированием терроризма и другими финансовыми преступлениями.

Вместе с внедрением цифровых платежных средств процедуры KYC сделают возможным применение автоматизированных алгоритмов поиска незаконных финансовых операций [3]. Это позволит значительно упростить поиск и выявление теневых активов, случаев уклонения от налогообложения, иных финансовых нарушений.

Совершенствование процедур идентификации и упрощенной идентификации должно осуществляться с учетом баланса между эффективностью противодействия финансовым преступлениям и правами граждан на неприкосновенность частной жизни.

11. Формирование сквозных сценариев использования инструментов машиночитаемого права является важной задачей для развития цифровой экономики в России.

Машиночитаемое право позволяет использовать искусственный интеллект для автоматизации правоприменения. Это может значительно повысить эффективность и прозрачность правоприменительной системы. Выполнение этой задачи сделает возможным применение законодательства искусственным интеллектом, автоматизацию правоприменения. Это будет способствовать развитию цифровой экономики и повышению качества жизни граждан [10. С. 9].

Однако, важно отметить, что формирование сквозных сценариев использования инструментов машиночитаемого права должно осуществляться с учетом баланса между эффективностью правоприменения и правами граждан.

При ознакомлении с приоритетными планируемыми законодательными инициативами, направленными на снятие первоочередных препятствий по развитию цифровой экономики, действительно бросается в глаза фрагментарность данных мероприятий, отсутствие очевидных взаимосвязей и невозможность на их основании представить целостную картину необходимых изменений и внедрений в российское законодательство.

Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» (далее – ФП «НРЦС») предусматривает реализацию 15 мероприятий, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики. Однако эти мероприятия охватывают широкий спектр сфер деятельности, включая государственное управление, экономику, образование, здравоохранение, культуру и т. д., и не всегда имеют между собой явные связи.

В связи с этим возникает вопрос, как эти мероприятия будут взаимодействовать между собой и как они будут способствовать созданию целостной системы правового регулирования цифровой экономики.

В ФП «НРЦС» указано, что данные мероприятия направлены на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, и относятся к начальному этапу разработки и реализации законодательных инициатив [7]. Таким образом, начиная с 1 января 2025 г. должен наступить следующий этап

реализации законодательных инициатив по развитию нормативного регулирования цифровой экономики.

На этом этапе необходимо будет обеспечить взаимосвязь между уже принятыми мерами и новыми инициативами, а также разработать целостную систему правового регулирования цифровой экономики. Это позволит обеспечить эффективное развитие цифровой экономики в России и повысить качество жизни граждан.

В настоящее время отсутствует долгосрочный план развития и совершенствования правового регулирования законодательства Российской Федерации в сфере цифровой экономики с четкой детализацией планируемых мероприятий и изменений отечественного права.

Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» (ФП «НРЦС») предусматривает реализацию 15 мероприятий, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики. Однако этот план охватывает лишь начальный этап разработки и реализации законодательных инициатив.

В связи с этим возникает вопрос о том, как будут развиваться правовые основы цифровой экономики в России в дальнейшем. Какие новые инициативы будут реализованы? Как они будут соотноситься с уже реализованными? Сколько вообще предусматривается этапов таких разработок и реализаций?

Ответы на эти вопросы пока неясны. Это свидетельствует об отсутствии долгосрочного планирования в области правового регулирования цифровой экономики в России.

В целях обеспечения эффективного развития цифровой экономики в России необходимо разработать долгосрочный план развития и совершенствования правового регулирования законодательства Российской Федерации в этой сфере. Этот план должен быть четко детализированным и учитывающим потребности бизнеса, граждан и государства.

Разработка долгосрочного плана развития и совершенствования правового регулирования законодательства Российской Федерации в сфере цифровой экономики позволит обеспечить эффективную реализацию государственной политики в этой сфере и создать более благоприятную среду для развития цифровой экономики в России.

Во-вторых, в период с 1 ноября 2018 г. ряд запланированных в ФП «НРЦС» законодательных инициатив уже были внесены и реализованы в виде принятия новых нормативных документов. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» впервые в российском законодательстве закрепил понятие «цифровые права» [1]. В соответствии со ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права (в том числе права на объекты гражданских прав), содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Этот закон был принят в ответ на развитие цифровых технологий и необходимость законодательного регулирования отношений, возникающих

в связи с использованием цифровых прав. Цифровые права могут использоваться для различных целей, в том числе для обеспечения прав собственности, реализации имущественных прав, осуществления сделок и т. д.

Ввод в действие ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации открыл новые возможности для развития цифровой экономики в России.

Положения этой статьи были детальнее раскрыты в Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

К утилитарным цифровым правам относятся право требовать передачи вещи, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг [6].

Федеральные законы от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» и от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» являются основными нормативными актами, регулирующими обращение цифровых прав в российском гражданском обороте.

Эти законы устанавливают понятие цифровых прав, их виды, сделки, по которым они заключаются, формы сделок и особенности подтверждения идентификации сторон (их подписей) таких сделок.

Более подробное регулирование отношений, связанных с обращением цифровых прав, содержится в других нормативных актах, таких как Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной подписи» и т. д.

Это только первый шаг к переходу на электронный кадровый документооборот. Заключение, изменение, расторжение и хранение трудовых договоров в электронном виде будет прорывом в этом направлении.

Следующим логичным шагом развития цифрового нотариата, электронного правосудия и электронного кадрового документооборота является развитие технологий машиночитаемого права. При внедрении технологий машиночитаемого права становится возможной автоматизация правоприменения в нотариате, судебном процессе и кадровой деятельности, в том числе с использованием искусственного интеллекта.

Это позволит повысить эффективность и прозрачность этих процессов, а также снизить затраты времени и ресурсов [11].

Внедрение технологий машиночитаемого права в кадровый документооборот позволит значительно сократить количество ошибок, повысить эффективность управления персоналом и снизить затраты на кадровую деятельность.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «О регулировании экспериментальных правовых режимов в целях создания и внедрения новых технологий» позволяет в режиме тестирования проверять правоотношения по тем информационным технологиям, которые на данный момент не имеют правовой регламентации.

Этот закон сделал возможным создание «регуляторных песочниц», в которых можно проводить экспериментальную селекцию норм права. Регуляторные песочницы позволяют компаниям, занимающимся разработкой новых технологий, тестировать их в ограниченной среде, не нарушая действующее законодательство.

По другим направлениям, определенным ФП «НРЦС», были разработаны проекты федеральных законов, которые находятся на разных стадиях законодательного процесса:

– Во исполнение п. 1.2 Паспорта проекта разработан проект Федерального закона от 17 мая 2021 г. № 1173189–7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Законопроект, рассмотренный в первом чтении, предусматривает возможность перевода юридически значимых документов на долговременное хранение с бумажного в электронный формат [12]. Также законопроект предусматривает конвертацию (преобразование) электронного документа в разные электронные форматы (например, из docx в pdf) с сохранением их юридической силы. Важной является новация возможности применения переведенных в электронную форму материальных документов в банковской, страховой и фондовой деятельности [9]. Данный законопроект в случае принятия обеспечит переход экономической деятельности на электронный документооборот. Этот законопроект является важным шагом в развитии цифровой экономики в России. Он позволит повысить эффективность и прозрачность экономической деятельности, а также снизить затраты на документооборот.

– Во исполнение п. 1.3 Паспорта проекта разработан проект федерального закона от 21 июля 2020 г. № 992331–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных».

Законопроект, рассмотренный во втором чтении, устанавливает полномочия государственных органов в сфере разработки требований к обезличиванию персональных данных и методов обезличивания персональных данных.

К сожалению, рассмотрение этого законопроекта приостановлено с начала 2021 г. По мнению авторов [7, 8], данный законопроект нуждается в значительной доработке, так как он предусматривает только защиту от несанкционированного взлома баз персональных данных, но не касается таких важных вопросов, как возможность использования персональных данных в упрощении кадрового документооборота и т. п. Этот законопроект является важным шагом в защите персональных данных в России. Он позволит обеспечить более высокий уровень безопасности персональных данных и предотвратить их несанкционированный доступ. Однако, как верно отмечают авторы законопроекта, он нуждается в доработке, чтобы учесть интересы всех сторон, включая граждан, бизнес и государство.

По оставшимся направлениям запланирована законотворческая работа. Ответственные за исполнение данных направлений государственные органы уже реализуют свое видение совершенствования законодательства в цифровой сфере путем разработок соответствующих концепций.

В частности, Банк России разработал концепцию цифрового рубля. В моделях D и E данной Концепции Банк России предлагает выпуск и обращение цифрового рубля в качестве уникальных цифровых кодов (токенов) [2], т. е. в виде обеспеченных государством или кредитными организациями официальных криптовалют.

Цифровой рубль является одной из важнейших инициатив в области развития цифровой экономики в России. Он позволит создать новую форму национальной валюты, которая будет более удобной и безопасной для использования в повседневной жизни [4].

Также в Государственную Думу был внесен законопроект от 17 ноября 2022 г. № 237585–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» для урегулирования процедуры майнинга цифровых валют и их последующих продаж.

Этот законопроект предусматривает регулирование деятельности по майнингу цифровых валют в России. В частности, законопроект устанавливает требования к операторам майнинговых ферм, а также к их деятельности.

Внедрение этого законопроекта позволит обеспечить более эффективное регулирование деятельности по майнингу цифровых валют в России и снизить риски, связанные с этой деятельностью.

Кроме того, законопроект предусматривает возможность использования цифровой валюты для расчетов во внешнеторговой деятельности. Это может способствовать снижению влияния антироссийских экономических санкций на российскую экономику.

Таким образом, законодательная реализация этого законопроекта и Концепции цифрового рубля позволит обеспечить дальнейшее развитие цифровой экономики в России и повысить ее устойчивость к внешним вызовам.

В целом эти инициативы являются важным шагом в развитии цифровой экономики в России. Они позволят создать более благоприятную среду для развития инноваций и бизнеса в цифровой сфере.

– С целью реализации п. 1.14 Паспорта проекта Распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденная Правительством России в 2021 г., предусматривает допустимость делегирования определенных решений системам искусственного интеллекта.

В целом Концепция рассматривает возможность наделяния искусственного интеллекта элементами гражданской правосубъектности. Это означает, что в будущем системы искусственного интеллекта могут иметь право самостоятельно принимать решения, заключать сделки, приобретать и отчуждать имущество.

Однако, как справедливо отмечает Концепция, наделяние искусственного интеллекта элементами гражданской правосубъектности должно осуществляться с осторожностью и с учетом всех возможных рисков.

– С целью реализации п. 1.20 Паспорта проекта Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 15 сентября 2021 г. утвердила Концепцию развития технологий машиночитаемого права, которая предусматривает автоматизацию правоприменения, в том числе с использованием искусственного интеллекта. Концепция определяет машиночитаемое право как правовой текст, который может быть обработан компьютером для извлечения информации, необходимой для автоматизации правоприменения.

Внедрение этих технологий позволит повысить эффективность и прозрачность правоприменения, а также снизить риски ошибок и коррупции.

В целом автоматизация правоприменения является важным шагом в развитии цифровой экономики. Она позволит сделать право более доступным и понятным для граждан и бизнеса, а также повысить эффективность работы государственных органов.

На основании вышеизложенного можно провести систематизацию законодательных инициатив, включенных в ФП «НРЦС», как внесенных и рассмотренных, так и еще ожидающих рассмотрения или составления.

В сфере цифровых прав [7]:

– Понятие, виды, порядок обращения, выпуска, учета и хранения цифровых прав (цифровые права в узком смысле – «цифровые обязательства»).

– Использование сделок в письменной электронной форме как обеспечение обращения цифровых прав (цифровые сделки).

– Применение универсальной (единой) усиленной квалифицированной электронной подписи как элемента процедуры заключения электронных сделок, которые обеспечивают обращение цифровых прав (цифровые подписи).

– Порядок оборота цифровых финансовых активов.

– Порядок оборота (эмиссии) цифровой валюты, в том числе криптовалют.

В сфере персональных данных:

– Защита персональных данных.

– Обезличивание персональных данных.

В сфере создание и использование электронных дубликатов бумажных документов, хранения электронных документов:

– Переход на электронный документооборот.

– Учет и хранение электронных документов.

В сфере электронного нотариата:

– Оформление нотариальных действий в электронном виде.

В сфере электронного правосудия:

– Осуществление правосудия в электронном виде.

В сфере электронного кадрового документооборота:

– Оформление кадровых документов в электронном виде.

В сфере использования робототехники и применения технологий искусственного интеллекта:

– Нормативное регулирование деятельности в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники.

– Наделение искусственного интеллекта элементами гражданской правосубъектности.

В сфере развития цифровой экономики на пространстве Евразийского экономического союза

– Формирование единого цифрового пространства ЕАЭС.

В сфере финансового мониторинга:

– Нормативное регулирование финансового мониторинга.

В сфере машиночитаемого права:

– Автоматизация правоприменения.

Эти инициативы направлены на создание правовой основы для развития цифровой экономики в России. Они позволят обеспечить защиту прав и интересов граждан и бизнеса в цифровой среде, а также повысить эффективность и прозрачность государственного управления.

Конечно, эта систематизация является лишь условным разделением законодательных инициатив на отдельные направления. В реальности многие инициативы затрагивают несколько направлений. Например, инициатива по регулированию цифрового рубля относится к направлениям «цифровые права» и «финансовый мониторинг».

Некоторые из этих инициатив уже реализованы, другие находятся в стадии рассмотрения или разработки. Однако в целом можно сказать, что Россия активно занимается формированием правовой основы для развития цифровой экономики.

Некоторые законодательные инициативы, включенные в систематизированный список, уже нашли реализацию в виде принятых профильных федеральных законов.

Введение таких законов является важным шагом в создании правовой основы для развития цифровой экономики в России. Они позволят обеспечить защиту прав и интересов граждан и бизнеса в цифровой среде, а также повысить эффективность и прозрачность государственного управления.

Проанализировав вышеприведенную систему законодательных инициатив, можно прийти к следующим выводам:

– Россия активно занимается формированием правовой основы для развития цифровой экономики. В последние годы был принят ряд законов, которые направлены на создание условий для развития цифровых технологий в России.

– Однако, несмотря на достигнутые успехи, в российском законодательстве в цифровой сфере еще есть ряд пробелов и недостатков. Это связано с тем, что цифровая экономика является новой областью, которая быстро развивается, и российское законодательство не всегда успевает за ней.

– В 2025 г. планируется разработка новых законодательных инициатив, направленных на дальнейшее развитие российского законодательства в цифровой среде. Эти инициативы будут направлены на устранение пробелов и недостатков в существующем законодательстве, а также на создание новых правовых норм, необходимых для развития цифровой экономики.

Вот некоторые конкретные выводы, которые можно сделать из анализа вышеприведенной системы законодательных инициатив:

– Россия уже имеет правовую базу для развития таких ключевых направлений цифровой экономики, как цифровые финансовые активы, цифровые права, защита

персональных данных, электронный документооборот, электронное правосудие, использование робототехники и применение технологий искусственного интеллекта.

– Однако, для дальнейшего развития цифровой экономики в России необходимо принять новые законодательные инициативы, направленные на регулирование таких вопросов, как цифровой рубль, наделение искусственного интеллекта элементами гражданской правосубъектности, формирование единого цифрового пространства ЕАЭС, автоматизация правоприменения.

Концепция должна быть разработана с участием представителей органов государственной власти, бизнеса, общественных организаций и экспертного сообщества. Она должна быть публичной и открытой для обсуждения.

Процедуру реализации определенной выше концепции можно подразделить на два этапа [7].

Первый этап (до 31 декабря 2024 г.) заключается в разработке и реализации законодательных инициатив, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики. Это позволит создать благоприятный правовой климат для реализации в российской юрисдикции проектов цифровизации. Синхронизация первого этапа с Концепцией формирования общего финансового рынка ЕАЭС является важным шагом в развитии цифровой экономики в России. Это позволит обеспечить согласованность правового регулирования цифровых прав в России и других странах ЕАЭС.

Важно также учитывать, что первый этап является лишь первым шагом в совершенствовании законодательства Российской Федерации в сфере оборота цифровых прав. В дальнейшем необходимо будет разработать и реализовать законодательные инициативы, направленные на устранение пробелов и недостатков в правовом регулировании цифровых прав.

В рамках данного этапа предполагается: Эмиссия и оборот цифрового рубля; Эмиссия и оборот иных цифровых валют (криптовалют); Государственный реестр цифровых прав (обязательств); Обеспечение предпринимательства смарт-контрактами (электронными сделками); Применение универсальной (единой) усиленной квалифицированной электронной подписи как элемента процедуры заключения электронных сделок, которые обеспечивают обращение цифровых прав (цифровые подписи); Продажа цифровых предметов; Страхование ответственности владельцев робототехники [4].

Это важные направления, которые необходимо урегулировать для обеспечения эффективного функционирования цифровой экономики в России.

Второй этап (с 1 января 2025 г.) предполагает разработку и реализацию законодательных инициатив, направленных на дальнейшее развитие цифровой экономики.

Второй этап направлен на разработку и реализацию законодательных инициатив, направленных на дальнейшее развитие цифровой экономики. Это важный шаг в создании благоприятной среды для развития инноваций и бизнеса в цифровой сфере.

Результатом практического применения Концепции совершенствования российского законодательства в области цифровых прав будет синхронное и гармоничное развитие отечественного права в области обеспечения электронного гражданского оборота. Это позволит создать более благоприятную среду для развития цифровой

экономики в России и повысить эффективность и прозрачность государственного управления.

Вот некоторые конкретные преимущества предложенного второго этапа:

– создание правового регулирования для новых направлений цифровой экономики;

– обеспечение защиты прав и интересов граждан и бизнеса в цифровой среде;

– повышение эффективности и прозрачности государственного управления.

Важно также учитывать, что второй этап является лишь следующим шагом в совершенствовании законодательства Российской Федерации в сфере оборота цифровых прав. В дальнейшем необходимо будет продолжать разрабатывать и реализовывать законодательные инициативы, направленные на устранение пробелов и недостатков в правовом регулировании цифровых прав.

В целом, предложенные в статье меры по совершенствованию законодательства Российской Федерации в сфере оборота цифровых прав являются важным шагом в развитии цифровой экономики в России.

Список литературы

1. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 172, 07.08.2019.

2. Банк России. Концепция цифрового рубля. М., 2021. С. 9–11. URL: www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf

3. Блокчейн в платежных системах, цифровые финансовые активы и цифровые валюты: учеб. пособие для магистратуры / под ред. Т. Э. Рождественской, А. А. Ситника. М., 2022.

4. Егоров Г. Г. Научно-практический обзор правовых форм обеспечения защиты прав обладателей цифровых валют в РФ // Актуальные социально-экономические проблемы развития общества в России и за рубежом: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Волгоград, 30 ноября 2022 г. / АНО ВО Волгоградский институт бизнеса. Волгоград; Саратов: Амирит, 2022. С. 106–110.

5. Егоров Г. Г., Шубенкова К. В. Перспективные направления по цифровой интеграции в современной России // Сибирский антропологический журнал. – 2022. № 12(6/4). С. 148–155.

6. Козлова Н. В. Право интеллектуальной собственности: в руках искусственного творца // Цифровое право. 2021. № 2.

7. Курбанов Р. А., Баланюк Л. Л. Концепция законодательного регулирования оборота цифровых прав: доктринальные основания и перспективы практической реализации // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 116–129.

8. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1.

9. Цифровая валюта Центрального банка Российской Федерации: правовые аспекты. II Финансово-правовой форум: матер. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М., 2022.

10. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.

11. Krasilnikova T. K., Egorov G. G., Derkacheva T. V. The use of modern digital technologies in the implementation of the rights and legitimate interests of citizens // Lecture Notes in Networks and Systems (см. в книгах). 2021. Т. 155. С. 1118–1125.

12. Krasilnikova T. K., & al. Institute of Public Discussion of Draft Regulatory Legal Acts as One of the Mechanisms of E-democracy Action and Its Role in the Formation of a Civil Society in Russia // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / Editor E. G. Popkova. – [Б. м.]: Springer International Publishing, 2019. (Book series: Studies in Computational Intelligence; Vol. 826). Pp. 17–25.

И. С. Иксанов,

кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Развитие института гражданства в современных условиях характеризуется как комплексным правовым регулированием, так и цифровизацией общественных отношений. Появление сети Интернет, цифровых платформ и сервисов ставит вопрос о влиянии технологий на правовые отношения. Институт гражданства переживает цифровую трансформацию. Появление цифрового гражданства ставит вопрос о связи цифровой реальности с реальными общественными отношениями. Государство не успевает за бурно развивающимися технологиями. Правовое регулирование цифрового гражданства находится на начальной стадии правового закрепления. Проблемы трансграничного характера цифровых прав и ежемесячными технологическими новшествами должны быть качественно урегулированы в правовом поле. Отечественная наука конституционного права на высоком уровне обобщила понимание института гражданства и обеспечила достойный уровень его правового регулирования. Аналогичные задачи стоят в отношении цифрового гражданства.

Ключевые слова: цифровое гражданство, цифровые права, цифровые сервисы, цифровая трансформация, цифровое неравенство, дистанционное электронное голосование

DIGITAL CITIZENSHIP IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The development of the institution of citizenship in modern conditions is characterized by both complex legal regulation and the digitalization of public relations. The emergence of the Internet, digital platforms and services raises the question of the impact of technology on legal relations. The institution of citizenship is undergoing

a digital transformation. The emergence of digital citizenship raises the question of the connection between digital reality and real social relations. The state does not keep up with rapidly developing technologies. Legal regulation of digital citizenship is at the initial stage of legal consolidation. The problems of the cross-border nature of digital rights and monthly technological innovations should be qualitatively regulated in the legal field. The domestic science of constitutional law at a high level summarized the understanding of the institution of citizenship and ensured a decent level of its legal regulation. Similar challenges are facing digital citizenship.

Keywords: digital citizenship, digital rights, digital services, digital transformation, digital inequality, remote electronic voting

В условиях цифровизации и сетевизации российского общества в научном обороте представителей гуманитарных отраслей знания – юристов, политологов и социологов – особой популярностью пользуется понятие «цифровое гражданство». При помощи введения данного понятия в научный оборот ученые производят попытки описывания новой социально-технологической реальности. Пытаются повысить процент включения большего количества граждан в сетевое взаимодействие с помощью использования не только информационно-коммуникационных технологий, но и различных онлайн-платформ в глобальной сети.

Первыми исследователями, которые ввели в оборот понятие «цифровое гражданство», принято считать ученых из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и Калифорнийского университета в Санта-Барбаре – Шелли Тейлор, Уильяма Т. Уэлча, Хиджона С. Кима и Дэвида К. Шерман [1]. Свой исследовательский подход они связали с такими дефинициями, как цифровое неравенство, цифровой разрыв и, как следствие, поисками их преодоления.

После этого Э. Маккоскером, С. Вивьяном и А. Джонсом [2] в отношении понятия цифрового гражданства в научный оборот вводится новое понимание, согласно которому гражданство онтологически эксплицируется в качестве отношения, имеющего связь не только с определенным сообществом или онлайн-платформой, но и в целом с национальным государством.

Затем ученые из Карлового университета Х. Дженкинс и Н. Карпентер [3] дополняют данное суждение тем фактом, что цифровое гражданство следует рассматривать не только как одну из составных частей цифрового права, но и как некий элемент гражданской ответственности. По их мнению, этих составляющих по-прежнему недостаточно. Основопологающим признаком цифрового гражданства служит понятие «цифровое», которое характеризует его как специфическое отношение, содействующее облегчению доступа к информационно-коммуникационному взаимодействию с помощью цифровых ресурсов, тем самым создавая новые виды коллективности, например, виртуальные комьюнити, цифровые диаспоры и т. п.

На сегодняшний день в России для пространства юридической науки понятие «цифровое гражданство» является малоизученным. Как отмечает, в своих исследованиях Е. Бродовская, наряду с понятием «цифровое гражданство» целесообразно рассматривать и употреблять понятия «цифровые граждане» и «цифровая гражданственность» [4].

Говоря о цифровом гражданстве, мы понимаем, что данное понятие характеризуется, прежде всего, многоаспектностью. Как отмечает Е. В. Бродовская, это

уже реализованная или планируемая практическая деятельность ряда государств, которая, в свою очередь, направлена на приобретение статуса гражданина в режиме онлайн [4]. На сегодняшний день это одна из самых востребованных интерпретаций понятия цифрового гражданства. Исходя из данного толкования, цифровое гражданство принято рассматривать как цифровой порядок получения правового статуса.

В настоящее время возникли и продолжают развиваться главные идейные тренды, имеющие связь с государственным и национальным регулированием сети Интернет, его суверенизацией и развитием технологий электронного голосования, что определяет не только процесс трансформации прав граждан, но и трансформации информационного пространства, в котором находятся граждане. Концепция цифрового гражданства на сегодняшний день должна преодолевать те кризисные моменты и явления, которые возникают в современном социуме, тем самым осуществлять деятельность по закладыванию основ для обновления института гражданства в соответствии с комплексом изменений как юридического, политического, социального и технологического характера.

На основании изученных исследований в области цифрового гражданства, а именно исследований, проводимых Л. Пангражио, Дж. Сеттон-Грин, Дж. Полици и М. Рибблом [5], нами были выделены следующие характерные черты цифрового гражданства, которые, в свою очередь, создали предпосылки для определения преимуществ данного вида гражданства:

1) на цифровом уровне расширяются границы взаимодействия граждан с обществом и государством, как следствие, происходит расширение масштаба социально-информационного взаимодействия, кроме того, отмечается резкое повышение оперативности данного взаимодействия;

2) с помощью цифровых действий у граждан появляется определенная возможность использовать и применять потоки локальной и глобальной информации;

3) гражданская, в том числе политическая, активность граждан подвержены процессам трансформации и приобретают новые виды и методы воздействия, кроме того, проявление гражданской активности осуществляется не только через формы традиционных политических институтов, но и через иные цифровые формы взаимодействия, например, дистанционные формы голосования.

Впервые в России в федеральном законодательстве дистанционное голосование было приравнено к очному на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г. Выборы проходили в трех муниципальных образованиях города. В дистанционном формате тогда проголосовало около 10 тыс. избирателей. В 2020 г. на референдуме по вопросу поправок в Конституцию РФ в электронном дистанционном голосовании участвовали избиратели Москвы и Нижегородской области. На выборах в Государственную Думу РФ в 2021 г. с применением дистанционного голосования участвовали семь субъектов Федерации. Помимо имеющих опыт проведения дистанционного голосования г. Москвы, Нижегородской, Ярославской и Курской областей, также добавились Мурманская и Ростовская области и город федерального значения Севастополь. При голосовании в Ростовской обл. в дистанционном электронном голосовании могли принять участие имеющие российское гражданство жители ДНР и ЛНР. На выборах мэра г. Москвы в 2023 г. с применением технологий электронного голосования приняли участие свыше 2,6 млн избирателей [6].

В Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были внесены значительные изменения, согласно которым дистанционное электронное голосование может быть применено в ходе организации и проведения выборов и референдумов различных уровней. Без сомнения, данная форма голосования не заменит привычную нашим гражданам традиционную форму голосования, ранее проводимую на избирательных участках, однако поможет создать определенные предпосылки в области формирования новых избирательных возможностей.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что сегодня институт цифрового гражданства транслируется как новая категория, которая определяет принадлежность граждан не к исторически сложившемуся государственному пространству со своими нормами, традициями и обычаями, а уже располагающей существенной основой для определения принадлежности граждан к среде информационно-глобального пространства.

Также цифровое гражданство представляет новую грань прав гражданина – грань прав нового поколения, цифрового поколения. Например, граждане имеют право на участие в общественно-правовой, общественно-политической жизни с помощью реализации своих информационных потребностей в обновленных для них социально-информационных структурах, таких как социальные сети, онлайн-порталы и онлайн-форумы.

Список литературы

1. Syellte T., Httjung S., William W., Sherman D. Cultural Differences in the Impact of Social Support on Psychological and Biological Stress Responses // *Psychological Science*. 2004. №. 18(9). S. 831–837.
2. McCosker A., Vivienne S., Johns A. *Negotiating Digital Citizenship: Control, Contest and Culture*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2016. 272 p.
3. Jenkins H., Shresthova S., Gamer-Thompson L., Kligler-Vilenchik N., Zimmerman A. M. *By Any Media Necessary: The New Youth Activism*/ H. Jenkins. New York: New York University Press, 2016. 352 p.
4. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // *Власть*. 2019. Т. 27, № 4. С. 65–69.
5. Pangrazio L., Sefton-Green J. Digital Rights, Digital Citizenship and Digital Literacy: What's the Difference? // *Journal of New Approaches in Educational Research*. 2021. № 10(1). S. 15–27.
6. Порталы электронных петиций как одна из форм реализации гражданских прав в Российской Федерации / Ешев М. А., Марков П. Н., Тхаркахо М. М., Абрамян И. Б. // *Colloquium-Journal*. 2019. № 19–7(43). С. 36–37.

Г. И. Калинин,

кандидат юридических наук, доцент,

Российская таможенная академия

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. Вопросы оказания государственных и муниципальных услуг являются важным фактором качества жизни населения. Нормативно-правовому регулированию данной области уделяется большое внимание. В настоящее время в России подготовка административных регламентов оказания публичных услуг возложена на органы, предоставляющие такие услуги, и должна осуществляться в реестре услуг исключительно в машиночитаемом формате и в электронном виде. При этом переходный период не предусмотрен. Работу необходимо выполнить с нуля, в большом объеме и в сжатые сроки. Служащие не имеют должного уровня подготовки и не являются профильными специалистами. Имеются технические проблемы. Для выполнения задачи необходимо осуществить обучение, предусмотреть переходный период, привлечь профильных специалистов и научно-исследовательские организации.

Ключевые слова: государственное управление, административное право, публичные услуги, цифровой регламент

SOME PROBLEMS OF DIGITAL REGULATION OF THE PROVISION OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES

Abstract. Issues related to the provision of state and municipal services are an important factor in the quality of life of the population. Much attention is paid to the regulatory and legal regulation of this area. Currently, in Russia, the preparation of administrative regulations for the provision of public services is entrusted to the bodies providing such services, and should be carried out in the register of services exclusively in machine-readable format and in electronic form. At the same time, there is no transition period. The work must be done “from scratch”, in a large volume and in a short time. Employees do not have the proper level of training and are not specialized specialists. There are technical problems. To complete the task, it is necessary to carry out training, provide for a transitional period, attract specialized specialists and research organizations.

Keywords: public administration, administrative law, public services, digital regulations

Вопросы оказания государственных и муниципальных услуг (полагаем, что возможно также употреблять термин «публичные услуги») входит в число важных факторов, определяющих качество жизни населения в нашем государстве. Данной области, в том числе в части нормативно-правового регулирования, уделяется большое внимание на самом высшем уровне.

С декабря 2020 г. вступили в силу поправки в Федеральный закон № 210-ФЗ [13], предусматривающие оказание государственных и муниципальных услуг, в числе прочих вариантов обязательно в электронной форме [7].

Постановление Правительства Российской Федерации № 1228 [15], принятое через полгода, в июле 2021 г., устанавливало новую структуру административных регламентов публичных услуг и предусматривало их подготовку органами, предоставляющими такие услуги, в реестре услуг исключительно путем формирования в электронном виде в распознаваемом машинном формате.

При этом данные изменения в указанном Федеральном законе не предусматривают какого-либо переходного периода. Подготовка новых административных регламентов и внесение изменений в уже действующие акты должны осуществляться только указанным способом. Дается срок лишь на приведение в соответствие уже действующих административных регламентов оказания услуг, до конца 2024 г. в соответствии с планами-графиками органов власти.

В регионах соответственно разработали и утвердили свои доработанные порядки и правила разработки и утверждения административных регламентов.

Так, в Краснодарском крае новый такой Порядок, подлежащий соблюдению исполнительными органами государственной власти Краснодарского края, был утвержден более чем через год позже федерального, в октябре прошлого года, и вступил в силу с января нынешнего [14], что уже затормозило разработку, согласование и утверждение таких нормативных актов в указанном субъекте Российской Федерации. В других субъектах Федерации наблюдается схожая картина [8]. Не лучше ситуация и в муниципальных образованиях [12].

Однако длительность разработки, согласования и утверждения в регионах России актов, регулирующих разработку административных регламентов оказания как муниципальных, так и государственных услуг является не единственной и далеко не определяющей причиной продолжительных сроков невыполнения требований Федерального закона № 509-ФЗ.

В целях формирования проектов регламентирующих нормативных правовых актов по предоставлению публичных услуг в том виде, в котором их может распознать цифровой ресурс, Минцифры России на базе Федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)» создан специальный ресурс «Конструктор цифровых регламентов» (далее – КЦР, Конструктор), на базе которой заинтересованные органы и организации должны проводить указанную работу. Платформа была запущена с декабря 2021 г. (опять встает вопрос об оперативности выполнения требований действующего законодательства). Предполагалось что Конструктор позволит чиновнику просто и интуитивно заполнить графы в машинной форме на платформе и быстро сформировать цифровой регламент.

Однако сроки – не единственная проблема подготовки цифровых административных регламентов.

Разработка административных регламентов в КЦР осуществляется с чистого листа, процесс разработки, да и сама форма новых административных регламентов оказания публичных услуг существенно отличаются от ранее действовавших. Нарботки действующих административных регламентов можно применять в КЦР очень ограниченно.

В цифровых регламентах появились новые разделы, прежде всего «Профилирование заявителя», заполнение данного раздела вызывает наибольшие трудности.

Если ранее административный регламент оказания услуги, как правило, умещался на нескольких десятках страниц, то выгруженный на бумагу из КЦР цифровой регламент занимает объем не менее сотни, а то и нескольких сотен таких же страниц. Это затрудняет не только разработку, но и последующее согласование таких объемных проектов нормативных актов.

Работа в КЦР требует обеспечения доступа к данной платформе сотен тысяч (цифра не преувеличена) служащих, с оформлением им электронных подписей, что существенно повышает нагрузку на профильные подразделения органов и организаций по защите информации, а также на подразделения Федерального казначейства.

Служащие, формирующие в КЦР административные регламенты, не прошли централизованного и, что самое важное, очного обучения. Интерактивные курсы не всегда понятны, не предполагают живого общения между разработчиками и пользователями КЦР (а также пользователями между собой).

При этом количество «обученных» госслужащих в 17 тысяч человек в данном случае выглядит крайне недостаточным. Говорить о сокращении сроков подготовки и согласования сроков регламентов также не приходится [1].

Действующие онлайн-семинары по поэтапному обучению работе в КЦР были записаны в 2022 г. [6] и не отражают особенностей работы с текущей версией Конструктора, обновленной в 2023 г.

Многочисленные ресурсы по методической поддержке КЦР, в том числе и в социальных сетях [16], пока не могут исправить положение. Многочисленные чиновники и управленцы, как правило юристы, занимаются в КЦР несвойственной для них работой, по сути, операторов ЭВМ, внося в разделы платформы Конструктора массивы данных в машиночитаемом формате и при этом смутно понимая, что будет на выходе и как все это будет соответствовать действующему законодательству.

Сложности с внесением данных имеют место и при работе со справочниками административных действий, процедур и предоставляемых документов (а также ряда других справочников), поскольку изначально необходимые значения в этих справочниках отсутствуют. Внесение новых данных в справочники КЦР также сопряжено со сложностями заполнения форм и дополнительным согласованием, проходит не всегда успешно. А отсутствие необходимого значения и невозможность его внесения в справочник по сути приостанавливают разработку цифрового регламента.

Значения же, которые необходимо внести в справочники, по сути, являются типовыми (как и все процессы оказания услуг, различаются фактически только наименования и адреса органов и их структурных подразделений по регионам и муниципалитетам). Да и публичные услуги в России также должны быть типовыми [11].

Чтобы понять размер проблемы, обратимся к одному из наших предыдущих исследований, в котором в 2020 г. мы оценили количество необходимых к принятию административных регламентов оказания публичных услуг (с учетом количества самих услуг, а также количества субъектов Федерации и муниципалитетов, их оказывающих), более чем в сто тысяч [3. С. 38–40]. В текущем году их

количество еще увеличится, поскольку появились новые услуги, в том числе не предусмотренные Перечнем типовых государственных и муниципальных услуг. Так, в Краснодарском крае после прокурорской проверки в 2021 г. появилась государственная услуга по утверждению границ территорий памятников истории и культуры, не предусмотренная распоряжением Правительства РФ от 18.09.2019 № 2113-р [10].

Проблему можно было бы частично решить разработкой в централизованном порядке шаблонов типовых административных регламентов.

Так, во исполнение решений Протокола Правительственной комиссии по цифровому развитию для улучшения качества жизни федеральным министерствам и ведомствам было поручено разработать и утвердить до 30 июня 2023 г. шаблоны массовых социально значимых услуг, оказание которых предполагается осуществлять в формате «24/7» [17]. На указанную дату такие шаблоны не были утверждены [19], в связи с чем сроки для федеральных ведомств переносятся.

О трудностях с внедрением и работой в КЦР упоминают многие авторы [5. С. 86–93]. Так, А. В. Сивицкая считает, что разработка нормативных правовых актов без активного участия человека невозможна, конструкторы подходят только для проектов высшей степени формализованности. Нет базы для разработки, а создание актов по модели приведет к коллизиям и неопределенности толкования [18].

Вопросы недостатков регулирования процессов подготовки проектов административных регламентов в отношении публичных услуг были актуальны и до внедрения КЦР [2. С. 35–39], сейчас же они приобретают особое значение.

И ведь оказание услуг в цифровом виде в соответствии с «бумажными» административными регламентами вполне работало и до создания КЦР.

Безусловно, цифровизация в конечном итоге облегчает жизнь простым гражданам, в сфере администрирования управления никуда от нее не уйти. Мы не можем «завалить» решение такой важной задачи. При этом необходимо соблюдать основные принципы управленческих процессов [4. С. 54–60; 20. Рр. 294–302]. Однако переход на цифровые платформы должен быть не проблемным, малобольезненным и осуществляться в реальные сроки, но вместе с тем оперативно.

В области разработки цифровых регламентов оказания публичных услуг для этого, по нашему мнению, необходимо:

- для всех типовых услуг разработать централизованно, с массовым привлечением научно-исследовательских организаций и профильных специалистов в области электронно-вычислительной техники и технологии, шаблоны цифровых услуг, к которым органы и организации регионального и местного уровня смогли бы быстро и безболезненно подключиться;

- определить нормативно (а не административно-порученческими методами) достаточный переходный период для начала разработки и согласований цифровых регламентов оказания публичных услуг;

- очно, с отрывом от производства, обучить всех служащих, ответственных за разработку таких регламентов, а также за оказание публичных услуг в электронном виде.

Список литературы

1. Более 17 тысяч госслужащих обучились работе с конструктором цифровых регламентов // Сайт Минэкономразвития России. 2022. 24 окт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/bolee_17_tysyach_gossluzhashchih_obuchilis_rabote_s_konstruktorom_cifrovyyh_reglamentov.html
2. Буряга В. О. Административные регламенты: некоторые проблемы применения // Юридический мир. 2013. № 10. С. 35–39.
3. Калинин Г. И. Регламентация оказания государственных услуг в Российской Федерации: проблема эффективности нормотворчества // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 38–40.
4. Калинина Л. Е., Бочарникова А. Д. Современные подходы к принципам государственного управления и их реализация в судебном администрировании // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2020. № 1(11). С. 54–60.
5. Коровашкина В. А. Совершенствование компонентов цифровой экосистемы предоставления государственных и муниципальных услуг // Вестник науки. 2022. № 6(51). С. 86–93.
6. Материалы семинара о работе в Конструкторе цифровых регламентов ФГИС ФРГУ // Сайт Методической поддержки КЦР. 2022. 24 окт. URL: <https://www.kcrinfo.ru/news.php?id=2250>
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2020 № 509-ФЗ. 2020. 30 дек.; 2023. 4 авг. URL: <http://pravo.gov.ru>
8. О внесении изменений в Порядок разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг центральными исполнительными органами государственной власти Московской области, государственными органами Московской области: постановление Правительства Моск. области от 26.10.2022 № 1184/32. 2022. 3 нояб. URL: www.mosreg.ru.
9. О внесении изменений в Распоряжение Правительства РФ от 12.03.2022 № 486-р: распоряжение Правительства РФ от 29.05.2023 № 1394-р. 2023. 30 мая. URL: <http://pravo.gov.ru>
10. О внесении изменения в приказ департамента информатизации и связи Краснодарского края от 20 февраля 2016 г. № 29 «Об утверждении Перечня государственных услуг (функций) Краснодарского края»: приказ департамента информатизации и связи Краснодарского края от 31.08.2021 № 156. 2021. 1 сент. URL: <http://admkrain.krasnodar.ru>
11. О Перечне типовых государственных и муниципальных услуг, предоставляемых исполнительными органами субъектов Российской Федерации, государственными учреждениями субъектов Российской Федерации и муниципальными учреждениями, а также органами местного самоуправления: распоряжение Правительства РФ от 18.09.2019 № 2113-р; в ред. от 20.06.2023. 2019. 23 сент.; 2023. 21 июня. URL: <http://pravo.gov.ru>
12. О Порядке разработки и утверждения административных регламентов предоставления муниципальных услуг органами местного самоуправления Азнакаевского

муниципального района: постановление Исполнительного комитета Азнакаевского муниципального района Респ. Татарстан от 04.03.2022 № 59. URL: <https://aznakayevo.tatarstan.ru/poryadok-razrabotki-i-utverzheniya.htm>

13. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федер. закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ // Российская газета. 2010. 30 июля. URL: <http://pravo.gov.ru>

14. Об утверждении Порядка разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг исполнительными органами государственной власти Краснодарского края и о внесении изменений в отдельные нормативные правовые акты главы администрации (губернатора) Краснодарского края: постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 10.10.2022 № 716. 2022. 11 окт. URL: <http://admkrain.krasnodar.ru>

15. Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21.07.2021 № 1228. 2021. 26 июля. URL: <http://pravo.gov.ru>

16. Получить методическую поддержку по работе в конструкторе цифровых регламентов // Служба методической поддержки по работе в конструкторе цифровых регламентов Федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)». – URL: https://t.me/metod_podderzhka_KCR

17. Протокол заочного голосования членов президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 07.07.2022 № 25 // Официальный сайт правительства Рязанской области. URL: <https://mineconom.ryazan.gov.ru/upload/iblock/a73/Protokol-ot-07.07.2022-N-25.pdf>

18. Сивицкая А. В. Бумага все стерпит: есть ли будущее у цифровых законов в России // Портал «Право.ру». 2023. 19 апр. URL: <https://pravo.ru/story/244219>

19. Шаблон услуги «Выдача выписки из единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Id 302968. Статус «Настройка листа согласования» // ФГИС «ФРГУ 2.0 / Платформа «Конструктор цифровых регламентов» / Шаблоны услуг. URL: <https://kcr.gosuslugi.ru/kcr/register-service-template/302968/approval-new/setting>

20. Amelin R., Channov S., Dobrobaba M., Kalinina L., Kholodnaya E. Transformation of Legal Personality in the Context of the Development of Modern Digital Technologies // International Journal of Computer Science and Network Security. Vol. 22, №.11. November 2022. Pp. 294–302.

Г. Г. Камалова,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой информационной безопасности в управлении,
Удмуртский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ

Аннотация. На основе проведенного исследования в работе анализируются современные проблемы обеспечения конфиденциальности информации в современных условиях дальнейшего развития информационного общества, широкомасштабной цифровизации и геополитических рисков, обусловленных цивилизационным кризисом. В статье рассмотрены правовые проблемы в этой области, связанные с формированием и развитием категориально-понятийного аппарата, использованием прорывных цифровых технологий, систематизаций информации ограниченного доступа и иные.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, геополитические риски, конфиденциальность информации, информация ограниченного доступа, специальный правовой режим информации, информационная безопасность

SOME PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF INFORMATION CONFIDENTIALITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND GEOPOLITICAL RISKS

Abstract. Based on the conducted research, the paper analyzes the current problems of ensuring the confidentiality of information in modern conditions of further development of the information society, large-scale digitalization and geopolitical risks caused by the civilizational crisis. The article deals with legal problems in this area related to the formation and development of the categorical and conceptual apparatus, the use of breakthrough digital technologies, systematization of restricted access information and others.

Keywords: digitalization, digital technologies, geopolitical risks, confidentiality of information, restricted access information, special legal regime of information, information security

Введение. Исследования информационно-правовых вопросов обеспечения конфиденциальности информации активно ведутся исследователями еще с 90-х гг. XX века по настоящее время, включая диссертационные и монографические исследования в этой области, а также работы в рамках научных статей [15, 16]. Эти вопросы подвергались научному осмыслению и автором настоящей работы [12]. Вместе с тем в современных условиях дальнейшей цифровизации и современных геополитических рисков в ситуации масштабного цивилизационного кризиса развитие общественных отношений в данной сфере повлекло определенные изменения правового пространства, требующие дальнейшего научного осмысления, что и определило авторскую мотивацию. Кроме того, не все существовавшие ранее проблемы преодолены.

Информация, как известно, в информационном обществе и процессах цифровизации играет ключевую роль, что определяет для правового обеспечения национальной и международной информационной безопасности синергетические эффекты в силу междисциплинарности формирующихся проблем и их решений [14. С. 4–7]. Не остался в стороне от этих процессов и комплексный правовой институт конфиденциальности информации, развивающийся сегодня в рамках указанной подотрасли информационного права в системе публично-правовых отраслей права.

Основная часть. Исследование показывает широкое применение термина «конфиденциальность информации» в различных официальных актах, а также правовых исследованиях. Базовым Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) понятие конфиденциальности определено на основе метода запрета и устанавливает обязанность лица, ознакомленного со сведениями, воздерживаться от передачи этих сведений без согласия их обладателя третьим лицам [4]. При этом в научной литературе конфиденциальность может рассматриваться как отличительное свойство информации, состояние информации и правовой режим информации. Учитывая многоаспектность этого понятия, полагаем, что каждая позиция отражает определенные стороны рассматриваемого феномена, что особо значимо в условиях цифровизации, требующей особого внимания к безопасности цифровых данных.

Актуализацию правовых проблем обеспечения конфиденциальности в контексте цифровых данных детерминирует динамичное развитие сквозных цифровых технологий – разработка и использование больших данных, систем искусственного интеллекта и робототехники, технологий распределенного реестра, виртуальной и дополнительной реальности, метавселенных, облачных технологий, интернета вещей и др.

С одной стороны, указанные цифровые технологии открывают новые организационные и технологические возможности в различных областях, а с другой, их использование требует решения группы взаимосвязанных правовых вопросов, где ключевым является обеспечение национальной безопасности России в информационном пространстве. Правовые проблемы формирования и развития эффективных механизмов обеспечения конфиденциальности цифровых данных усиливаются в условиях развязанных странами так называемого коллективного Запада информационных войн и информационного противоборствования в цифровой среде. Проникновение в информационно-коммуникационную сеть Интернет информации ограниченного доступа, интерпретированной и преподнесенной в конкретном полезном недружественном государствам коллективного Запада ракурсе, позволяет сформировать восприятие событий и фактов в нежелательном для эффективного государственного управления ракурсе и затормозить социально-экономическое развитие России, что усиливает значение противодействия распространению недостоверной информации, включая фейковые новости [11. С. 28–37; 17. С. 75–81].

Одновременно с этим современные цифровые технологии не антагонистичны процессам обеспечения конфиденциальности информации. Так, если рассмотреть этот вопрос на примере использования технологии искусственного интеллекта, то следует констатировать, что она способна повысить эффективность практики защиты информации, в том числе в аспекте обеспечения конфиденциальности.

При этом взаимосвязь технологии искусственного интеллекта и информационной безопасности носит дуалистический характер. С одной стороны, развитие указанной технологии несет множество информационных рисков, потенциал которых сегодня в полной мере невозможно оценить в силу возможных будущих интегративных эффектов воздействия на социум. С другой стороны, внедрение технологии искусственного интеллекта открывает новые возможности для практики обеспечения информационной безопасности, включая процессы информационно-аналитической деятельности, мониторинга на основе интеллектуального анализа потоков цифровых данных, использования алгоритмов машинного обучения и мн. др. Кроме того, использование программных инструментов на базе технологии искусственного интеллекта позволяет исследователям в области информационной безопасности выявлять значимые взаимосвязи цифровых данных, устанавливая закономерности между различными процессами и событиями, что может быть использовано как в исследовательской деятельности, так и в практике защиты информации.

Однако использование этой технологии, как было указано выше, также может создавать определенные риски информационной безопасности. Технология искусственного интеллекта, как любая технология, является нейтральной в своей сущности и может быть использована и в неправомерных и даже преступных целях. Так, искусственный интеллект сегодня применяется в ходе разработки и реализации новых типов кибератак, вирусов и вредоносных программ. Это означает, что защита от компьютерных атак должна становиться все более интеллектуальной, а специалисты по безопасности цифровых данных должны постоянно развивать свои навыки и знания. Следовательно, закономерным промежуточным результатом цифровизации для правового обеспечения конфиденциальности информации сегодня явилось усложнение системы организационно-правовых мер и технических мер защиты информации, что обусловлено динамикой цифровых технологий. В связи с этим определенное беспокойство вызывает развитие квантовых коммуникаций и квантовой криптографии, успех которых может означать крах ранее сформированной системы защиты информации ограниченного доступа и необходимость формирования новых механизмов.

В сфере правового обеспечения конфиденциальности информации по-прежнему сохраняются проблемы, связанные с категориально-понятийным аппаратом. Для примера остановимся только на некоторых понятиях, используемых в действующем законодательстве.

Как известно, Законом об информации предусмотрены две формы доступа к информации: предоставление и распространение. Предоставление, согласно ему, – действия, направленные *на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц*, а распространение информации – действия, направленные *на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц*. Аналогичный подход к этим понятиям можно видеть и в иных законодательных актах [3]. Вместе с тем понятие «предоставление информации» в информационном законодательстве может использоваться в контексте передачи информации определенному виду субъектов [2]. Однако, как правило, предоставление информации не предполагает утрату сведениями их состояния конфиденциальности.

В этом контексте научный интерес представляет использование понятий «раскрытие информации» и «разглашение информации». Как отмечают исследователи, спецификой раскрытия информации являются: 1) основа процесса – требование правового акта; 2) доступ ограничен не на основании норм законодательства, а по воле правообладателя; 3) цель раскрытия – общественно значимые интересы [13. С. 794–798]. Кроме того, раскрытию всегда подвергаются определенные установленные законом сведения.

Анализ более десятка федеральных законов позволяет утверждать, что контекст использования понятия «раскрытие» существенно различается. Оно может трактоваться как:

– размещение в информационно-коммуникационной сети Интернет или обеспечение свободного доступа иным способом, т. е. в контексте распространения информации;

– предоставление заинтересованным лицам или государственным органам.

Таким образом, термин «раскрытие» может трактоваться диаметрально противоположно. Следует отметить, что понятие «раскрытие информации» традиционно применяют в гражданско-правовой сфере. Однако критерий объективности исследования не позволяет обойти вниманием, что в законодательстве встречается и близкое понятие – «предание гласности».

Термин «разглашение информации» традиционно имеет негативную окраску. Однако согласно ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ возможно разглашение данных предварительного расследования с разрешения следователя или дознавателя [6]. Кроме того, многие нормативные правовые акты содержат обязанность не разглашать информацию, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Тем самым, предполагая возможность установления законодательством России случаев правомерного разглашения информации ограниченного доступа. Эти и иные примеры демонстрируют сложившуюся сегодня ситуацию с категориально-понятийным аппаратом.

Соответственно, необходимо в законодательстве более четко определить и разграничить понятия «предоставление информации», «распространение информации», «раскрытие информации», «разглашение информации» и многие иные, что позволит не только совершенствовать понятийный аппарат информационного права, но и будет способствовать эффективности правоприменительной практики.

Широкое распространение цифровых технологий привело сегодня к трансформации традиционных для общества и государства каналов информирования и коммуникации. При этом законодательство развивается с некоторым отставанием. Это влечет наличие многих дискуссионных вопросов, в том числе в отношении правового режима электронных сообщений, которые очевидно подпадают под конституционное понятие «иные сообщения». Вместе с тем действующее российское законодательство о связи существенно сужает право на тайну связи, не учитывая новые технологические реалии. Интересны в этом контексте также положения Постановления Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П, в котором сделан вывод, что к владельцу сервиса электронной почты не применим статус обладателя информации [8]. Возникают вопросы: каков же его статус, какими

актами регулируется и, соответственно, можно ли говорить о разглашении тайны при получении этих сведений владельцами интернет-сервиса электронной почты?

В условиях современных геополитических рисков определенный научный интерес представляет охрана информации ограниченного доступа в военной сфере. На протяжении всей истории правовая охрана государственной и военной тайны проходила совместно и порой не разделялась. В настоящее время понятие «военная тайна» используется в официальных и нормативных правовых актах по-прежнему без необходимой дефиниции. Кроме того, в законодательство было введено новое понятие «служебная тайна в области обороны» [5]. Не вызывает сомнений, что обеспечение конфиденциальности обусловлено потребностями эффективного выполнения Министерством обороны РФ, вооруженными силами и иными военными структурами функции по обеспечению суверенитета и безопасности государства, обороны страны в мирное и военное время.

В настоящее время можно говорить о понимании военной тайны в широком и узком смысле. В широком – как любых сведений ограниченного доступа, используемых в военной сфере. Закон РФ «О государственной тайне» [1] сведения в военной области относит к государственной тайне, что породило позицию ряда исследователей выделения военной тайны исключительно как разновидности государственной тайны. В узком смысле принято рассматривать военную тайну как служебные сведения в военной сфере. Законодательное закрепление отнесения части охраняемой в военной сфере информации к служебной тайне в этой сфере в этом ракурсе следует, с одной стороны, приветствовать. Однако это не снимает, а даже усугубляет правовые проблемы регулирования служебной тайны и определения ее места в системе информации ограниченного доступа.

Систематизация информации ограниченного доступа является одной из важнейших проблем законодательства в этой области, так как сохраняются противоречия между нормативными правовыми актами в этом вопросе и теоретические исследования не имеют единых подходов. Это нашло отражение, кроме прочего, и в отсутствии единства используемого понятийного аппарата. Так, сохраняется определенная некорректность терминологии в Указе Президента РФ № 188 [7], некоторые проблемы юридической техники которого рассматривались нами ранее [10]. Сегодня остается актуальной или детализация системы информации ограниченного доступа в нормах Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», или принятие специального акта в этих целях.

Исследование показало, что простого пути в этом направлении нет. Полагаем, что систематизацию информации ограниченного доступа целесообразно проводить по сложно-структурному основанию, включающему особенности объекта, субъекта правовой охраны, вида деятельности и особенностей правового режима. Состав элементов в этом комплексе оснований, безусловно, подлежит дальнейшему обсуждению научной общественностью.

Одной из значимых составляющих введения специального правового режима конфиденциальности информации является определение состава защищаемых сведений – объекта защиты. Результаты проведенного исследования показывают, что сегодня законодательно закреплены два основных способа – посредством форми-

рования перечня сведений, доступ к которым ограничивается и через закрепление важнейших содержательных свойств (признаков) охраняемой законом тайны в ее норме-дефиниции. В последнем случае законодателем чаще всего используются аналитические дефиниции. Синтетические дефиниции охраняемых законом тайн также является не редкостью. Примером может служить норма-дефиниция врачебной тайны. Вместе с тем указанные особенности формирования круга сведений, охраняемых в режиме тайны, пока не нашли своего места в информационном законодательстве, что следует полагать одним из существенных пробелов.

При определении совокупности защищаемых сведений через закрепление важнейших содержательных свойств (признаков) охраняемой законом тайны в ее норме-дефиниции спецификой формирования объекта специального правового режима является фактическое отстранение лица, интересы которого напрямую связаны с конфиденциальными сведениями, от процесса ограничения доступа к ним. В связи с этим следует признать справедливой позицию А. Г. Атаманова, отмечающего, что права субъекта данных целесообразно рассматривать как меру конфиденциальности и он должен определять уровень ограничения доступа, а не потребитель данных сведений [9. С. 4].

Следует отметить, что перечни сведений, используемые при введении специального правового режима конфиденциальности, могут иметь разную направленность, т. е. или иметь характер перечней, ограничивающих отнесение сведений к тайне, или быть направленными на ограничение доступа к определенным сведениям.

В современных условиях важным аспектом является понимание обеспечения конфиденциальности цифровых данных как проявления сформированной культуры информационной безопасности граждан, что пока в праве не получило необходимого отражения в научных исследованиях.

Экономическое, внешнеполитическое, социальное, техническое и иное взаимодействие между государствами на различных площадках, включая региональные интеграционные союзы, строится на взаимовыгодной основе, что предполагает отсутствие правовых и иных барьеров. В условиях цифровизации информационный обмен ведется по широкому кругу вопросов, связанных:

- с борьбой с терроризмом и экстремизмом;
- предупреждением и расследованием преступлений;
- использованием атомной энергии, обеспечением ядерной и радиационной безопасности;
- уничтожением химического оружия и противодействием разработкам и применению биологического;
- использованием космического пространства;
- обеспечения безопасности полетов воздушных судов;
- военно-техническим сотрудничеством;
- таможенным делом;
- научной деятельностью и образованием;
- охраной здоровья населения;
- и иными направлениями.

Порой это требует обмена сведениями, доступ к которым национальным законодательством ограничен. В связи с этим следует отметить необходимость не только формирования положений, направленных на обеспечение международной информационной безопасности, но и формирование механизмов межгосударственного информационного взаимодействия и правил согласования режимов защиты информации. Сегодня стороны такого информационного обмена осуществляют его, как правило, на основе двухсторонних соглашений, исследование которых позволяет сделать вывод об определенных закономерностях в формировании их содержания, что может служить для построения общих норм в данной области.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показало, что несмотря на значительный интерес исследователей к теме правового обеспечения конфиденциальности информации правовые проблемы в этой области еще существуют и требуют своего решения.

Список литературы

1. О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 8220–8235.
2. О коммерческой тайне: Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ // СЗ РФ. 09.08.2004. № 32. Ст. 3283.
3. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4193.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
5. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 // СЗ. 1997. № 10. Ст. 1127.
8. По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова: постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П // Официальный интернет-портал правовой информации. 27.10.2017. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
9. Атаманов Г. А. О законодательстве Российской Федерации в области защиты различного вида тайн и необходимости его корректировки // Право и безопасность. 2011. № 3–4.
10. Камалова Г. Г. Анализ понятия и содержания тайны следствия // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2013. № 1. С. 156–159.
11. Камалова Г. Г. Конфиденциальность как правовое свойство информации ограниченного доступа // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2019. № 3. С. 28–37.

12. Камалова Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 52 с.

13. Околеснова О. А. Раскрытие информации как форма обеспечения доступа к информации, составляющей общественный интерес // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 794–798.

14. Полякова Т. А. Цифровизация и синергия правового обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2019. № 2. С. 4–7.

15. Сафронов А. Ю. Конфиденциальность информации, содержащейся в уголовных делах и материалах, в условиях цифровизации (современная ситуация) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 1(42). С. 168–170.

16. Талимончик В. П. Конфиденциальность рассмотрения технологических споров в международном частном праве // Евразийский союз ученых. Серия: экономические и юридические науки. 2023. № 2 (105). С. 42–46.

17. Троян Н. А., Петровская О. В. Принцип достоверности при распространении и предоставлении информации с использованием искусственного интеллекта // Правовая информатика. 2023. № 2. С. 75–81.

А. В. Кирпичникова,
старший преподаватель,

Оренбургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАНИИ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Аннотация. В эпоху цифровизации очень актуальным становится вопрос внедрения информационно-коммуникационных технологий в различные отрасли как общественной, так и государственной жизни. Однако, несмотря на положительную интеграцию цифровых технологий в нашу жизнь, все еще остаются проблемы, связанные с доступом к последним (например, недостаточная материально-техническая оснащенность). Цифровизация таких областей, как образование и государственное управление, – процесс трудоемкий, начиная от профессиональной квалификации до качества предоставляемых услуг пользователям. В данной статье рассматривается вопрос актуализации применения цифровых технологий в образовательной среде и государственном управлении, анализируются теоретические наработки в области управления учебным учреждением и повышения качества образовательного процесса, а также рассматриваются проблемы, возникающие при предоставлении государством своих услуг в цифровом виде.

Ключевые слова: «цифра», цифровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, образование, государство, государственное управление, право

ON THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATION AND PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract. In the era of digitalization, the task of the introduction of information and communication techs in various sectors of both public and public life is becoming very relevant. Withal, despite the seemingly positive integration of digital technologies into our lives, there are still problems associated with access to the latter (for example, insufficient material and technical inventory). Digitalization of such areas as education and public administration is a laborious process, ranging from professional qualifications to the quality of services provided to users. This article examines the issue of updating the use of digital technologies in the educational environment and public administration, analyzes theoretical developments in the field of management of an educational institution and improving the quality of the educational process, and also examines the problems that arise when the state presents its services in digital form.

Keywords: digital, digital technologies, information and communication technologies, education, state, public administration, law

Сегодня можно наблюдать активное внедрение «цифры» – цифровых технологий – как в государственном управлении, так и в образовательной деятельности. Собственно, применение цифровых технологий в государственном управлении несет видимые преимущества, а именно дает возможность контроля большого потока государственных услуг, обеспечения своевременного их предоставления гражданам и юридическим лицам, тем самым охватывая все общество в целом. Таким образом, трансформируется традиционное понимание термина «государство», подразумевающая совокупность цифровых институтов государства, предоставляющих населению и бизнесу комплекс электронных государственных услуг при помощи информационно-коммуникационных технологий [3. С. 36]. Соответственно, те государства, которые занимаются активным внедрением цифровых технологий во все сферы общественной жизни, занимают более выгодное положение в глазах своих граждан. При этом возникает проблема существенного разрыва между государствами, имеющими разный уровень развития информационных технологий в публично-правовом пространстве. Для успешного разрешения возникшей проблемы необходима разработка международных рекомендаций по внедрению информационных технологий с учетом положения конкретного государства, а именно характер развития информационно-коммуникационных технологий, анализ угроз и вызовов, препятствующих разработке и внедрению цифровизации в общественную и государственную жизнь.

Основные направления в области цифровизации нашли свое отражение в федеральном проекте «Цифровое государственное управление», который является составной частью национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее – Проект) [1]. В указанном Проекте содержится семь федеральных проектов:

1. «Нормативное регулирование цифровой среды».
2. «Цифровые технологии».
3. «Информационная безопасность».

4. «Цифровое государственное управление».

5. «Кадры для цифровой экономики».

6. «Информационная инфраструктура».

7. «Искусственный интеллект».

В цифровом пространстве Российской Федерации основным достижением в области внедрения цифровых технологий можно выделить создание единого портала государственных услуг, успешно функционирующего с 2009 г. Так, по итогам наблюдения на 2020 г. число зарегистрированных пользователей составило около 126 млн человек. Также, помимо прочего, активно внедряются и иные федеральные проекты, такие как «Умный город», имеющий цель трансформировать и оптимизировать процесс цифровизации городской среды [2. С. 22].

В настоящее время основным направлением практического применения цифровых технологий является сфера государственно-муниципального управления. Именно информационные технологии дают неоцененную возможность внедрения и доступа к качественным государственным услугам населению, проживающим на отдаленных территориях.

Использование цифровых технологий в государственном управлении позволяет решить задачи:

1. Коммуникационную – поиск и сбор информации, ее хранения и распространения, а также информирования граждан.

2. Управленческую – информационное обеспечение принятия управленческих решений и их доведения до нижестоящих руководителей и подчиненных.

3. Образовательную – обучение кадрового состава министерств, ведомств через доступ к дистанционным программам обучения.

4. Административную – внедрение электронного документооборота и делопроизводства.

5. Контрольную – расширение измеримых показателей работы, организации видеофиксации и онлайн параметрального контроля.

6. Исследовательскую – поиск новой информации и обработки полученного результата.

7. Обеспечение безопасности – защита информации с ограниченным доступом и нейтрализация угроз данной информации.

8. Обеспечение хранения и архивирования информационных данных.

Таким образом, можно говорить, что государство, внедряя цифровые технологии, расширяет возможности населения получить доступ к необходимым государственным сервисам в виде «цифры».

Как можно наблюдать, в цифровом российском поле предопределен курс на цифровизацию в сфере государственных услуг. Не обошла «цифра» и сферу образования – в этой области также активно внедряются и достаточно успешно применяются информационно-коммуникационные технологии. В качестве примера можно привести национальные проекты «Образование» и «Цифровая экономика». Данные проекты направлены на упрощение процедуры получения образовательных услуг, а также повышение уровня интереса у обучающихся. Более того, с учетом последних событий, таких как пандемия, интеграция цифровых технологий

в образовательную среду просто необходима. Поскольку в связи с введенными в период пандемии ограничениями образовательные учреждения были вынуждены перевести свой учебный процесс в дистанционный формат, возникли проблемы в материально-техническом оснащении плюс недостаточный уровень квалификации преподавателей в работе с информационными технологиями. Таким образом, можно условно выделить следующие направления государственной политики в области цифровизации образовательной среды:

1. Необходимо развивать материально-техническую инфраструктуру, а именно оснащение необходимым компьютерным софтом, компьютерами, бесперебойным доступом в сеть Интернет обучающихся и преподавателей.

2. Созданию программ повышения квалификации, повышающих уровень профессиональных знаний в сфере онлайн-обучения.

3. Совершенствование систем, позволяющих идентифицировать обучающихся (например, единый электронный дневник, содержащий все необходимые сведения).

Однако для эффективного функционирования цифровой сферы в образовании необходимо учесть уязвимость самой информационной среды, понижение уровней «живой» социализации, письменной и устной речи. Таким образом, для разрешения всех возникших проблем при цифровизации образовательного поля необходим строгий учет всех возможных отрицательных моментов.

Согласно точке зрения ряда авторов, таких как Е. И. Апольских, В. Н. Подковыркова и Д. П. Тевса, информационно-коммуникационные технологии представляют собой широкий спектр цифровых технологий, используемых для создания, передачи и распространения информации и оказания услуг (компьютерное оборудование, программное обеспечение, телефонные линии, сотовая связь, электронная почта, сотовые и спутниковые технологии, сети беспроводной и кабельной связи, мультимедийные средства, а также Интернет) [4. С. 47]. Так, представляется возможным сделать вывод о том, что цифровые технологии необходимы и важны во всех областях знаний и общественной жизни. Кроме того, лишь информационно-коммуникационные технологии способны эффективно оптимизировать образовательный процесс и качество представления образовательных услуг.

Важно сказать, что необходима выработка модели управления на основе принципов управленческой деятельности, нацеленной на упорядочение непрерывности образовательного процесса, и перевод последнего в новое качество. Соответственно, внедрение информационно-коммуникационных технологий почти во всех областях деятельности государственного управления дает положительный потенциал: от управления педагогическим процессом до контроля за конкретным учебным учреждением.

В данной связи можно условно разделить на три большие группы наработки и исследования в области управления образовательными процессами, а именно: общие; работы, направленные на совершенствование научного подхода к управлению учебным учреждением; исследования в области разработки и внедрения различных цифровых технологий управления.

Так, сфера государственного управления в Российской Федерации (далее – РФ) будет проходить этап цифровой трансформации вплоть до 2024 г. согласно контексту национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Здесь важно отметить, переход к «государству-сервису» и реализацию цифровых технологий в государственном управлении с использованием сквозных технологий. В связи с исключительной особенностью сквозных технологий как искусственного интеллекта и, соответственно, выделены в обособленный проект федерального значения под названием «Искусственный интеллект».

Стремительность развития цифровых технологий показывает, насколько сильно в этой связи отстает национальное законодательство и, конечно, возникают трудности с внедрением цифровых технологий. Выходом видится широкое использование систем информационной безопасности в управленческом секторе в ближайшей перспективе.

Кроме этого, сквозные технологии не применяются как отдельный инструмент, а в купе с другими информационно-коммуникационными технологиями. К данным технологиям относятся сеть Интернет и так называемые облачные технологии. Так, совокупное применение сети Интернет и искусственного интеллекта показало уровень своей эффективности, например, в рамках «умного города». Планируется введение «цифровых двойников» для городов с населением более ста тысяч человек. Так, применение сквозных цифровых технологий существенно облегчает обеспечение соответствующими службами безопасности в городах и предупреждение возникающих угроз.

Внедрение цифровых технологий повышает уровень государственного управления как на федеральном уровне, так и на местном. При этом сквозные цифровые технологии дают возможность эффективному взаимодействию между гражданами и государством, а также между экономическим сектором и государством. Так, цифровые технологии существенно повышают уровень жизни населения, например, информационно-коммуникационных технологий в системе здравоохранения. Таким образом, можно говорить о том, что такая активная интеграция цифровых технологий в государственное управление ставит своей целью трансформирование государственных информационных систем в цифровые платформы.

Так, согласно заявлению президента В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам: «Цифровые технологии представляют собой не отдельную отрасль, а своего рода, уклад жизни, новую основу для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы и всего общества». По мнению В. Путина, внедрение «цифры» в социально-экономическую сферу является достаточно серьезным инструментарием решения проблем указанной сферы. Президент отмечает, что цифровые технологии очень упрощают обратный диалог с гражданами, которые сами становятся участниками решения возникающих проблем, а также цифровые технологии позволяют своевременно реагировать и принимать эффективные решения в управленческой деятельности.

Список литературы

1. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика» от 04.06.2019 № 7. URL: <http://government.ru/info/35568/>
2. Балкизова Т. Ю. Применение цифровых технологий в управлении образовательной организацией // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 2. С. 20.

3. Гришко Н. В. Цифровые технологии в государственном управлении // Экономический вестник ДонГТИ. 2022. № 12. С. 32.

4. Кипервар Е. А. Цифровое государственное управление: вероятные риски и новые возможности // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 10. С. 39.

Е. В. Коврякова,

кандидат юридических наук, доцент,

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

ВЫБОРЫ И НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. Цель исследования – показать влияние новых технических возможностей на развитие избирательного права на основе анализа возникающих пробелов в регулировании данных правоотношений на примере законодательства зарубежных стран. В статье указывается на необходимость разработки внутригосударственных и международных гарантий соблюдения прав и свобод в исследуемой сфере. При написании материала использованы исторический и формально-юридический методы. На основе изучения юридической и фактической сторон рассматриваемой проблематики на примере США доказана необходимость ограничения новых технических возможностей, существенно расширяющих потенциал государства в фиксации, накоплении и сохранении сведений, касающихся личной и деловой жизни граждан, гуманистическими нравственными основами, детально разработанными как на конституционном, так и на международном уровнях.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, информационные технологии, защита персональных данных, электронное голосование, народное представительство, гуманизм

ELECTIONS AND NEW INFORMATION TECHNOLOGIES ABROAD

Abstract. The purpose of the study is to show the impact of new technical capabilities on the development of electoral law based on an analysis of emerging gaps in the regulation of these legal relations using the example of the legislation of foreign countries. The article points out the need to develop domestic and international guarantees of respect for rights and freedoms in the area under study. When writing the material, historical and formal legal methods were used. Based on the study of the legal and factual aspects of the issues under consideration using the example of the United States, the need to limit new technical capabilities that significantly expand the state's potential in recording, accumulating and preserving information relating to the personal and business lives of citizens is proved by humanistic moral principles, developed in detail both on the constitutional and at the international level.

Keywords: elections, electoral law, information technology, personal data protection, electronic voting, people's representation, humanism

Золотой век электронных коммуникаций во второй половине XX века оказался периодом удивительного развития. После изобретения радио численность населения, интересующегося радио, резко возросла, достигнув пятидесяти миллионов человек примерно за 40 лет. Телевидение последовало этому примеру, собрав ту же аудиторию всего за 13 лет. А Интернет сократил этот период до четырех лет. Беспрецедентный рост сети стал возможен благодаря сокращению затрат на электронику и услуги передачи данных. Например, цена на персональный компьютер и сопутствующее оборудование упала в 1869 раз с 1960-х по 2000-е гг. [4. С. 37].

Информационный век, в который погрузились развитые страны, привел к пересмотру роли государства в общественной жизни и оказал существенное влияние на развитие прав и свобод. Основная причина этих изменений – новый уровень технологических возможностей, которые позволяют правительству собирать и хранить информацию о личной и деловой жизни граждан. Эдвард Сноуден, бывший сотрудник ЦРУ и Агентства национальной безопасности США, в 2013 г. сообщил, что западные страны, в первую очередь США и Великобритания, проводят глобальную слежку за 60 странами, включая глав государств, в которых проживает более миллиарда человек [3. С. 244].

По мнению многих зарубежных авторов, в том числе Н. Хомски и П. Кругмана, национальные интересы постепенно смещаются в сторону отдельных групп, чьи амбиции и цели мало связаны с интересами общества. Это один из результатов корпоративной глобализации, которая приводит к постепенному угасанию демократических процессов, поскольку принятие решений передается частным организациям и концентрируется в квазигосударственных структурах, действующих тайно и не подлежащих обязательной подотчетности [1. С. 60–61]. На сегодняшний день в мире не существует единого ответа на вопрос, как обеспечить правовую защиту персональных данных и персональных данных, как того требует Конвенция о защите физических лиц 1981 г. в части автоматической обработки персональных данных [1. С. 56–57].

Применение информационных технологий во время избирательного голосования играет значительную роль в современном мире. Голосование по почте впервые было введено в западных странах. В Соединенном Королевстве, например, раздел 5 Закона о народном представительстве разрешает избирателям голосовать по почте – правило, которое действует и сегодня [6]. В 1980-х гг. начались дебаты об использовании Интернета и телефона для голосования, а термин «электронное голосование» был придуман еще в 1960-х гг., обозначая выражение воли избирателей с помощью электронных средств, таких как персональные компьютеры. Однако из-за недостаточной информационной безопасности эти технологии не могли быть использованы на всеобщих выборах или референдумах [1. С. 383].

В 2004 г. Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию (2004), которая устанавливает общие принципы и стандарты внедрения электронного голосования в Европе. Это стало ответом на растущее распространение электронного голосования в европейских странах. В Великобритании, например, он начал использоваться на местных выборах в 2003 г., позволяя избирателям голосовать с помощью SMS, телефона, Интернета, интерактивного цифрового телевидения

и электронных урн для голосования с сенсорным экраном. Примерно в то же время, в 2002 г., Соединенные Штаты приняли Закон о голосовании в США, который предписывал использование электронного голосования во всех штатах. Однако эксперты указывают на серьезные недостатки американской системы электронного голосования, такие как отсутствие обязательных федеральных стандартов избирательных технологий и, как следствие, отсутствие единой системы сертификации оборудования [1. С. 125, 385–387].

Эта проблема создает серьезные проблемы для использования машин для голосования. Важным моментом стала предполагаемая связь между использованием машин Diebold и победой республиканцев на выборах в регионах, где эти машины были внедрены в 2000 г. Позже специалисты Университета Джонса Хопкинса обнаружили среди строк кода внутренние пароли, что было крайне сомнительно с точки зрения сетевой безопасности. Кроме того, эти машины позволяли человеку голосовать несколько раз, что вызывает законные опасения. Были обнаружены и другие нарушения (1. С. 125, 385–387).

Следует отметить, что во время выборов в Конгресс США 2022 года были выявлены еще более существенные нарушения. Из них следует выделить проблемы с оборудованием для подсчета голосов, поскольку на четверти из 223 избирательных участков машины просто не могли подсчитать голоса правильно. Имели место также случаи двойного подсчета бюллетеней, а также отклонения бюллетеней, отправленных по почте, по причине отсутствия даты, отсутствия подписи, неправильной даты и неправильного помещения в необходимый конверт и мн. др. [5].

В этой связи интересен опыт ГДР, в которой в соответствии с Законом от 9 августа 1950 г. о выборах в Народную палату и местные представительные органы были созданы органы государственного управления, способствовавшие стабилизации и развитию блока демократических партий в условиях нового антифашистского порядка после проведенной денацификации. Основная задача предвыборной кампании состояла в пресечении попыток Запада столкнуть партии друг с другом и натравить их на Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). Под руководством СЕПГ объединенные в Народный фронт партии в ходе выборов 15 октября 1950 г. создали этому препятствие с помощью выдвижения общего списка кандидатов Национальным фронтом Германии, в который входила коалиция партий ГДР (СЕПГ, ЛДПГ, НДПГ, ДКПГ, ХДС), а также массовые общественные организации с единой программой. В этой связи единый список базировался на единой воле, отражал состав населения соответствующего избирательного округа и составлялся на основе единогласных соглашений между партиями и общественными организациями, так как параграф 27 Закона от 9 августа 1950 г. подтверждал право общественных объединений вносить в единые списки выдвинутых кандидатов. Таким образом, избирались не представители той или иной партии, а лучшие, по мнению народа, кандидаты. Выдвижение кандидатов происходило на собраниях избирателей на предприятиях, в сельскохозяйственных производственных кооперативах, учреждениях и общественных организациях. Кандидаты представлялись окружным собраниям представителей или окружным собраниям избирателей, созданным Национальным фронтом. Согласно Положению о выборах от 31 июля

1963 г. составление единого списка кандидатов завершалось решением собрания представителей о списке кандидатов и очередности кандидатов в нем, а также решением окружной избирательной комиссии о допуске списков кандидатов на выборы. При этом избиратели были вправе предложить исключение из списка любого кандидата. Решение о замене кандидата принималось избирательной комиссией. Первоначально избирательными округами были земли, затем было создано большее количество округов [3. С. 266–267].

Опыт ГДР в условиях нового антифашистского порядка

Рис. 1. Порядок избрания депутатов в ГДР в соответствии с Законом от 9 августа 1950 г. о выборах в Народную палату и местные представительные органы

Представляется, что опыт создания единого списка кандидатов, идеология которых выражает общечеловеческие ценности, и последующего их избрания на выборах в многомандатных округах по системе квалифицированного большинства может быть применен в России, особенно на территориях новых субъектов Российской Федерации. При этой системе кандидаты представляются на окружные собрания избирателей, созываемые Общероссийским народным фронтом для формирования единого списка кандидатов. Решение о составе списка и очередности кандидатов в нем принимается после общественного обсуждения. Затем окружные избирательные комиссии решают, допускать ли списки кандидатов к выборам. Важно отметить, что избиратели имеют право предложить исключить любого кандидата из списка, а решение о замене кандидата принимает избирательная комиссия. Этот процесс обеспечивает единство и свободу народа, а также активное участие граждан в формировании списка кандидатов [3. С. 267].

Сегодняшние информационные технологии способны влиять на сознание и поведение людей, управлять их мыслями и восприятием мира. Волна избыточной информации может создать ложные стереотипы, которые делают людей менее независимыми и менее способными принимать решения. Как отмечает профессор С. Ю. Кашкин, в современном мире необходимо найти баланс между полезными возможностями искусственного интеллекта и машин и сохранением человеческих качеств, таких как креативность, независимость, оригинальность мышления,

гуманизм, доброта, нравственность и этические принципы, отличающие человека [2. С. 154]. В этом контексте важно разработать гарантии как на внутреннем, так и на международном уровне для обеспечения подлинной демократии и защиты человеческих ценностей.

Таким образом, новые технические возможности, позволяющие государству собирать и хранить информацию о личной и деловой жизни граждан, должны быть ограничены гуманистическими моральными принципами, выработанными как на уровне конституции страны, так и на международном уровне.

Список литературы

1. Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: кол. монография / под общ. ред. И. Л. Бачило. М.: Юрайт, 2009. 530 с.
2. Кашкин С. Ю. Искусственный интеллект и робототехника: возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в ЕС и в мире // Lex russica. 2019. № 7. С. 151–159.
3. Коврякова Е. В. Народное представительство. Вчера, сегодня, завтра. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 271 с.
4. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. члена-корреспондента РАН И. С. Королева. М.: Экономистъ, 2003. – 604 с.
5. Очереди, кандидаты-мертвецы и поломанная техника: в США подводят итоги промежуточных выборов в конгресс // БЛОКНОТ. URL: <https://bloknot.ru/politika/ocheredi-kandidaty-mertvetsy-i-polomannaya-tehnika-v-ssha-podvodyat-itogi-promezhutochny-h-vy-borov-v-kongress-1012333.html>
6. Representation of the People Act 1985/ UK Public General Acts 1985. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/50/section/5>

В. С. Кононов,

магистр частного права

Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ» В КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена вопросам изменений содержания правосубъектности органов публичной власти при реализации концепции цифрового государства. Выделяются закономерности, влияющие на содержание правосубъектности, ее структуру. Анализируются подходы к пониманию правового положения органа публичной власти в концепции цифрового государства.

Ключевые слова: цифровое государство, электронная демократия, электронное правление, электронное правосудие, публичная власть, орган публичной власти, содержание правосубъектности.

THE CONTENT OF THE NOTION OF “LEGAL PERSONALITY OF A PUBLIC AUTHORITY” IN THE CONCEPT OF DIGITAL STATE

Abstract. This article discusses the issues of changes in the content of the legal personality of public authority in actualization of the digital state concept. The regularities that influence the concept of legal personality and its structure are highlighted in the article. Approaches to understanding the legal status of public authority in the concept of digital state are analysed.

Keywords: digital state, e-democracy, e-government, e-justice, public authority, content of legal personality

Введение. Учеными высказано мнение о начавшемся в конце прошлого тысячелетия переходе к информационному обществу, в котором информация является ресурсом его развития [14; 27. С. 152]. В числе изменений, вызванных такой тенденцией, прогнозируется переход от централизации к децентрализации в публичном управлении, изменение бюрократической иерархии [81. С. 13] в государстве. В литературе цифровизация воспринимается как естественное развитие социальной системы. Под влиянием ряда факторов, в числе которых инновационные технологии, развиваются социально-экономические отношения, для которых существенное значение имеет обмен информацией. Использование цифровых технологий в социальных отношениях меняет общественные институты, происходит формирование новой социальной реальности, меняются организация и функционирование публичной власти, происходит трансформация политических институтов.

На основе теории социальных систем формируется концепция цифрового государства. Зарождение идеи такого государства относится к концу 50-х гг. прошлого столетия, несколько десятилетий спустя начались исследования отношений, возникающих при внедрении в государственное управление электронных информационных технологий. Эти общественные отношения оказывают влияние на государственно-политическую и правовую сферы, однако закономерности и механизм выявляемых изменений пока не стали объектом специального изучения [60. С. 6]. В работах преобладает описание практических аспектов использования новых технологий, прогнозируется применение искусственного интеллекта, но отсутствует научная концепция развития законодательства в этой сфере. Поэтому является актуальным вопрос о содержании в формирующейся концепции цифрового государства традиционных понятий теории государства, связанных с публичной властью, – «органы публичной власти, их правосубъектность». Настоящая статья посвящена анализу изменений в содержании правосубъектности органа публичной власти в отношениях, описываемых понятием «цифровое государство».

Основная часть. Влияние информационных технологий на механизм публичного управления отмечается в официальных документах с 90-х гг. прошлого столетия [70]. Был сделан вывод о необходимости совершенствования государственного управления с использованием информационных технологий. В законодательстве [67] правительственные агентства были обязаны использовать результаты информационных технологий. В документах [79] о стратегии развития государственного

аппарата отмечалась необходимость более активного использования Интернета для организации взаимодействия правительства с гражданами, введено понятие “electronic government” и подготовлен план его построения [84]. Но законодательство [85] охватывало узкий круг отношений: использование органами государства веб-приложений Интернета и других информационных технологий, хотя отмечалось, что применение информационных технологий усиливает функции государства, расширяет доступ к правительственной информации, увеличивает участие граждан в правительстве, что новые технологии позволяют преодолевать ограничения, создаваемые «юрисдикционными границами» агентств и департаментов и возможно объединить их по функциям [83]. Развитие информационных технологий является фактором, который влияет на содержание правосубъектности органов государства.

Первоначально инновационные компьютерные технологии предполагалось использовать для улучшения качества оказания публичных услуг и снижения затрат на них [73]. Но при этом рассматривался вопрос об изменении «природы департаментов» [71. Р. 3]. Не во всех программных документах рассматривались изменения правового положения органов государства. Сохраняется тенденция: нормы закона [78] имеют узкую направленность – возложение на органы государства обязанности стимулировать внедрение и использование технических и электронных средств; позитивное право незначительно расширило возможности правосубъектности органов публичной власти, но для использования новых технологий при осуществлении политической власти создаются координационные структуры [80. Рр. 74–90]. Отдельные нормы о цифровом правительстве включены в законы (Италия, Австрия и другие страны) и в конституции (Греции, Швейцарии и др.). В России на уровне Конституции решаются вопросы безопасности государства при применении цифровых технологий (ст. 71), а принцип информационной доступности публичных услуг закреплен в законодательстве [56]. Законодательство разных стран практически не содержит норм о правовом положении «цифровых личностей», действующих в виртуальном пространстве, а также правовых режимов использования цифровой формы осуществления публичных функций. Однако на практике складываются нетипичные отношения (по субъектному составу [59. С. 11], среды осуществления и т. д.), меняется культура государственной (публичной) деятельности.

Общественные отношения, сформированные инновациями пятого технологического уклада, приводят к изменению модели государства и формированию нового подхода к нему, связанные с представлениями о саморегулировании общества. В зарубежных правовых порядках в ходе административных реформ были предложены идеи о новом публичном менеджменте и использовании для этого информационных технологий. Термин “e-government”, хотя и охватывал всю систему органов государства [49. С. 21], но эта узкая по содержанию модель была заменена концепцией электронного правления (“e-governance”), дополненная элементами электронной демократии, так как обнаружилось, что новые технологии изменяли отношения управления. В зарубежной литературе “e-government” стало сравниваться с “electronic entity” [66. Р. 88]. В рамках тенденции к более широкому подходу формируется конструкция виртуального, электронного государства.

Электронное управление – это основанное на использовании информационно-коммуникативных технологий взаимодействие органов государства и граждан, при которых управленческие решения осуществляются с использованием указанных технологий, а граждане получают возможность оказывать воздействие на процедуру принятия решения. В публичном управлении наблюдается децентрализация. Информационное пространство требует обеспечения единства и согласованности в деятельности органов государства, поэтому создаются специализированные надведомственные органы, наделенные надотраслевой компетенцией и контрольными полномочиями в отношении разных органов государства. Можно отметить разное понимание в доктрине «электронного правительства»: в континентальных странах – узкое, а в странах общего права – широкое (как трансформация основ механизма государства). В последних законодательство об электронном правительстве носит комплексный характер: устанавливаются функции органов исполнительной власти, порядок взаимодействия между ними, предусматривается трансформация органов публичной власти. В доктрине континентальных стран отмечается, что использование компьютерных технологий привело к заметным изменениям в способах управления («феномен электронного правительства» [77. Рр. 442–447]): процедуры принятия решений становятся более стандартизованными и непосредственными, государственное управление «не подлежит ограничению» процедурными нормами. Электронное государство стало стратегией, которая приводит к модернизации государственной администрации [69]. Новые технологии в административном управлении стали «модными», однако выяснилось, что эффективное их использование возможно, если к ним подходить как к системе с учетом их публичного характера. Задержка в изменении нормативных правовых актов создает препятствие для использования технических возможностей цифрового правительства.

В России Федеральный проект «Цифровое государственное управление» [64] не ограничивается только вопросами предоставления публичных услуг. Он затрагивает цифровизацию процессов исполнения органами государства государственных функций. В паспорте этого проекта отмечено: приняты нормативные правовые акты, закрепляющие «исключение участия человека в процессе принятия решения», обеспечено созданием единой цифровой платформы обеспечения деятельности Президента РФ, Председателя Правительства РФ, Федерального Собрания РФ, Администрации Президента РФ и др. при осуществлении своих полномочий.

Обязанностью органов государства разных стран стало раскрытие информации, которая определена в законодательстве, создаются органы, которые ответственны за развитие электронного правительства, также используется механизм формирования в существующих органах государства специальных подразделений. Данные процессы самоорганизации системы публичной власти под задачи информационной эпохи затрагивают правосубъектность органов публичной власти.

В науке нет единства в оценке изменений в публично-правовой сфере под влиянием цифровизации. Концепцию электронного государства одни исследователи сводят к созданию особой коммуникативной инфраструктуры, основанной на цифровых технологиях [47. С. 68]. Другие отмечают более глубокие изменения – выделяют особую политико-правовую организацию, которая обладает суверенной властью, придающей общеобязательность праву, обеспечивающей правопорядок

и законность [9. С. 278; 19]. Однако в этих подходах не изучается правовое положение органов государства и их правосубъектность.

Формирование новых отношений на базе инновационных технологий не означает необходимость отказа от выработанных в науке подходов к изучению правосубъектности органов публичной власти. Отметим факторы позволяющие использовать выработанные ранее положения доктрины относительно органов публичной власти. В конструкции электронного государства институциональный подход выделяет организацию публичной власти населением и отражает традиционное понимание сущности и признаков государства, его функций. В рамках системного подхода выделяется система органов государства. Организационный подход определяет электронное государство как организацию публичной власти на основе информационных технологий. Поэтому в концепции цифрового государства сущность государства связана с публичной властью.

Публичная власть как социальное явление связана с выражением интересов территориального публичного коллектива. Она формируется в социуме для ведения общих дел, руководства и сохранения сообщества, для ограничения противоборства социальных групп [63. С. 83]. Решение перечисленных задач может осуществляться с использованием информационных технологий. Они облегчают выявление в организованном сообществе «общей воли» и формирование публичной власти, но территориальный публичный коллектив является источником социальной власти. «Самодвижение» отношений, внутренние процессы в социальной системе (сложные и многообразные взаимодействующие уровни структурной организации) относятся к проявлению всеобщего закона причинности [62. С. 6]. Информационные технологии не изменяют закономерность: взаимодействия людей в социальной системе формируют публичную власть.

Потребности людей, проявляющиеся в сознании как интересы, в процессе взаимодействия людей формируют общественный интерес. В бизнесе уже используются специальные компьютерные программы, которые прогнозируют формирование интересов человека. Для сферы публичного управления подобные технологии пока не предложены. Реализацию актуализированных общественных интересов в сообществе осуществляет публичная власть [31. С. 8]. Информационные технологии могут быть использованы в этих процессах. Социальная система определяет институционализацию интересов [29. С. 14]. Поэтому полагаем, что создание «виртуальных личностей», «электронных копий» органов государства не сможет заменить традиционную институционализацию общественного интереса – формирование органов публичной власти. «Цифровое государство» не приведет к исчезновению социальных институтов публичной власти.

В законодательстве и доктрине выделен принцип единства системы публичной власти, системообразующим ядром которой признается государственная власть. Цифровизация публичного управления может усилить единство публичной власти и обеспечить контроль за согласованностью деятельности ее элементов – органов публичной власти.

Публичная власть в отечественной доктрине описана как система с иерархичной взаимосвязью между видами властей и с государственной властью на вершине системы. Во французской и англо-саксонской доктрине обосновывается децентра-

лизация государственной власти. Компьютерные технологии позволяют обеспечить и единство, и децентрализацию публичной власти.

Раскрытие сущности публичной власти обычно связывают с понятием «социальная власть». Понимание последнего понятия зависит от выбора методологических и эпистемологических позиций. В публичной власти можно выделить позитивное содержание: способность конструировать политические порядки, в которых власть является способом регулятивного общения между равными лицами [65. Рр. 59–74]. Такой подход согласуется с антропологическим принципом в понимании государства. Информационные технологии облегчают конструирование людьми государства и его органов. Власть осуществляется без насилия, так как она поддерживается гражданами и легитимируется при их коммуникации. Компьютерные технологии обеспечивают последнее. Ученые констатируют недостаточность исследования феномена публичной власти [31. С. 4] и отсутствие общепризнанного понимания ее сущности [25. С. 6–97; 13. С. 45–77]. В потенциально-волевом подходе власть проявляется как структурные взаимоотношения, ее сущность – проведение определенной воли одних лиц вопреки сопротивлению воли других [36]. В системе органов публичной власти власть проявляется как структурное взаимоотношение и подчинение воли (общее правило), а преодоление сопротивления других лиц является исключением. Информационные технологии позволяют расширить отношения управляющий – управляемый, дополнить взаимосвязь волей обратными связями (передача воли управляемых).

Структурно-функциональный подход в понимании власти делает акцент не на принуждении, а на доверии [82. С. 237], способности распределять ресурсы, концентрировать интересы и принимать значимые для общества решения [33. С. 949–961]. Этот подход характеризует власть как свойства социальной системы, обеспечивающие устойчивость и координацию интересов [48. С. 16]. Коммуникативные теории рассматривают власть как феномен многократного опосредованного и иерархизированного механизма общения между людьми. Власть является продуктом двусторонней коммуникации равных субъектов. Принуждение указывает на слабость или отсутствие власти [3. С. 21–31]. В обществе насилие не воспроизводит и не легитимирует власть, оно разрушает ее, так как нарушает коммуникацию людей. Власть – это коммуникативный код политической и правовой системы [24]. Рассматриваемый подход позволяет определить власть как отношение, приводящее к согласию в обществе [40], к его единству, в котором личности формально равны и независимы. Однако в современной политике невозможно исключить властные техники для достижения групповых целей [76. Р. 222]. Информационные технологии обеспечивают сбор информации, которая может быть использована как для обеспечения согласия людей, так и для принуждения.

Государство является социальным, политическим и правовым феноменом, который вызывает трудности при теоретическом осмыслении [1. С. 20]. «Государство есть универсальная публичная организация общества для управления общими делами на основе права» [50. С. 54, 56]. Его сущность раскрывают через понятие «правовая форма» публичной власти, которая устанавливает правопорядок и защищает его. Публичная власть признается устойчивым явлением [45. С. 5], формы

властвования и виды публичной власти сохраняются длительное время и воспроизводятся людьми (принцип антропоцентризма). Политическое мировоззрение населения, сформированное культурой, определяет выбор формы и структуры власти. Приведенные выше положения сохраняют свое значение для информационного общества и цифрового государства.

Государство придает публичной власти черты: она воплощает концентрацию силы, ее сущность выражает носитель власти, государство устанавливает правовые формы общественных отношений, в которых проявляется власть. Эти признаки отличают государственную власть от иных видов власти. Сущность государственной власти связана с суверенитетом. Информационная безопасность в деятельности органов публичной власти связана с осуществлением суверенитета. Публичная власть реализуется ее органами. Правовая природа органа государства или местного самоуправления раскрывается в положении: орган является субъектной формой организации публичной власти. Данные положения не меняют цифровые технологии.

В современных правовых порядках органы государства – субъекты права. С позиции коммуникативного правопонимания субъект права есть система правовых отношений в форме взаимных прав и обязанностей, связывающих людей в коммуникативное правовое сообщество и определяющих их поведение для удовлетворения разных потребностей [39. С. 748]. Орган публичной власти обладает следующими признаками субъекта права: обособлен от других субъектов, обладает правосубъектностью, юридической волей, правовым интересом, находится в отношениях с другими органами публичной власти и государством, он признается ценностью в праве [7]. Приведенные признаки выделяются во всех элементах цифрового государства. Центральной характеристикой органа публичной власти как субъекта права является правосубъектность.

Понятие «правосубъектность» не применяется в отечественном законодательстве [30]. В зарубежных юрисдикциях [58] это понятие используется более столетия. Понятие стало формироваться в немецком публичном праве в конце XIX в. В отечественной доктрине его разработка началась с идеи о включении в его содержание элементов право- и дееспособности [20]. Хотя правосубъектность исследуется продолжительное время, однако остаются нерешенными теоретические вопросы, связанные с определением ее сущности, содержания и соотношения с другими понятиями [38. С. 29]. В доктрине выработано несколько подходов к раскрытию сущности понятия. Среди них признание правосубъектности искусственным конструктом [38. С. 34], динамической системой, включающей стадии (первая – правоспособность, вторая – дееспособность) и обеспечивающей органу публичной власти приобретение качеств, необходимых для коммуникации [6. С. 38]. В настоящей статье принят первый подход к сущности правосубъектности. Содержание этого конструкта раскрывается через понятия: «возможность», «способность», «свойство», «качество».

Философский подход к сущности понятия субъекта права выделяет взаимное признание субъектами друг друга и положение субъекта как цели. Поэтому правосубъектность проявляется не только в способности обладать правами или обязанностями, не только в отношении с государством, но и в том, чтобы быть центром права. В концепции цифрового государства структура системы органов

публичной власти (т. е. связи между ними) дополняются новыми отношениями. Создается представление, что в них субъектность лица не имеет существенного значения. Нормативное регулирование электронного государства показывает, что основой «отношений» в цифровом государстве служат субъектные отношения между органами публичной власти, так как именно они обязаны использовать новые технологии, создавать электронные платформы, определять процедуры и т. д.

В концепции цифрового государства на первый план ученые выдвигают задачу построения новой формы аппарата государства. В зарубежной литературе утверждается о появлении “digital administrative state” [74. P. 2].

Структуру нового типа государства предлагают рассматривать с учетом разделения властей. Такой подход близок к концепции о выделении в цифровом государстве «электронных» демократии, правительства, правосудия. Однако, пока отсутствуют теоретические разработки (базис) для такой структуры, не обоснованы принципы ее построения и деятельности. Можно предположить, что органы публичной власти как социальные институты сохранятся, но содержание их правосубъектности изменится. Выделим направления возможных изменений.

Законодательную ветвь власти в электронном государстве рассматривают как деятельность законодательных органов с использованием информационных систем. На практике это сводится к применению системы голосования (в Великобритании, США, Франции и др.); в теории обсуждается возможность привлечения граждан к работе над законопроектами (использование технологии гипертекста, проведение голосования для выбора формулировок). В законодательстве России допускается не только обсуждение законопроектов с использованием сайтов в сети Интернет [52], но и голосование (при проведении референдумов и др.) с использованием специальной автоматизированной программы [54]. Удаленное электронное голосование (remote electronic voting) предусмотрено в зарубежном законодательстве (Франция [75], Испания, США, Швейцария и др.). Особенностью является возможность гражданина менять свой выбор до момента окончания голосования; этому корреспондирует обязанность органа государства осуществлять учет волеизъявления, который осуществляется с использованием информационных технологий – специальной программы для сохранения данных (асимметричное шифрование и т. д. [61. С. 479]). Дополнительной обязанностью органа государства становится контроль, чтобы гражданин не мог осуществить «двойное голосование». Обязанностью органов также является обеспечение тайны голосования; принцип тайны голосования стал препятствием для введения электронного голосования в ряде стран (Норвегия, Ирландия и др.). Технические проблемы в компьютерных технологиях и затруднительность решения их органами государства привели к отказу от использования голосования по Интернету в ряде стран, в Великобритании вопрос о легитимности такого голосования послужил поводом для прекращения электронного голосования. В Канаде в половине муниципалитетов проводилось интернет-голосование, в большинстве из них это единственный способ голосования. Конституционный Суд ФРГ указал на принцип открытости выборов при электронном голосовании (т. е. должна быть возможность общественной проверки всех этапов выборов). Этот принцип приводит к установлению для органов государства дополнительных обязанностей.

В России при проведении эксперимента по дистанционному электронному голосованию предусматривалось [57] создание участковой избирательной комиссии, которая организует, обеспечивает, осуществляет и подводит итоги голосования. Избиратель идентифицируется комиссией [18]. В возможности органов государства при проведении такого голосования включается: установление требований к программному обеспечению и программно-аппаратному комплексу, проведение открытой экспертной оценки программного обеспечения, формирование избирательных комиссий, контроль за их деятельностью, направление избирателям специального кода для участия в голосовании. При этом ученые отмечают разные возможности, которые предоставлялись программным обеспечением: на сайте Mos.ru допускалась возможность изменить волеизъявление, а на сайте госуслуг такая возможность отсутствовала. Формирование электронной демократии не завершено. В отдельных странах было запрещено проведение электронного голосования или государство не ввело его [10. С. 141–205]. Таким образом, цифровые технологии изменяют возможности органов публичной власти в рамках «электронной демократии», общее направление – возложение на них дополнительных обязанностей.

Для электронной исполнительной власти выделены функции: межведомственный обмен информацией (граждане в нем не участвуют), взаимодействие органов государства и бизнеса (новые технологии по электронной торговле, государственные заказы и др.), технологии информационной открытости органов государства и оказания публичных услуг гражданам. По данным ООН, в 2018 г. Москва являлась лидером среди 40 городов мира по развитию «электронного правительства» [5. С. 58]. Однако практику построения электронного правительства в России ученые не оценивают как эффективную. В отечественной доктрине подход к электронному правительству ограничивается: оно рассматривается не как трансформация публичного управления, а лишь как поддержка инновациями существующей административной системы, т. е. происходит подмена электронного правительства автоматизацией и информатизацией административной деятельности. Юридически российская модель электронного правительства не нацелена на поддержание граждан, ее рассматривают как «псевдо модель».

«Электронное правосудие» рассматривается в литературе как особая форма юрисдикционной деятельности, в которой происходит коммуникация в электронной форме; коммуникационные технологии используются при рассмотрении судебных дел и для предоставления судебных актов в электронной форме. Во многих странах предусмотрена возможность подачи документов в электронной форме [53]. В отдельных странах (США, Великобритания и др.) введена подготовка судебных дел с использованием «электронного дела». В западноевропейских странах концепция «электронного правосудия» рассматривается широко и не сводится только к использованию цифровых технологий. В Великобритании происходит перестройка судебного процесса и его цифровизация. Аналогичные процессы происходят в Австрии [68], Верховный суд которой указывает, что цифровые технологии усилят возможности судов, т. е. затронут содержание их правосубъектности. В России применяются система цифрового судебного делопроизводства и удаленное участие в слушании дела. В США онлайн-урегулирование споров применяется с 1996 г.

В ЕС разработана процедура урегулирования малых претензий (ЕССР) в электронной форме, она носит рекомендательный характер для государств – членов Союза. В литературе обсуждается вопрос о замене судей «электронными судьями» [32. С. 62].

Таким образом, цифровые технологии меняют работу всех ветвей публичной власти [15]. Наиболее существенные изменения затронуты в рамках «электронного правительства». Однако эти изменения не опираются на теоретические исследования фундаментальных понятий – «субъект права», «правосубъектность» – применительно к органам публичной власти. Приведенные выше особенности публично-правовых отношений показывают, что изменяются возможности и правовое положение органов публичной власти. Поэтому допустимо использовать для их анализа подход современной теории к сущности правосубъектности: раскрытие ее через понятия: «возможность», «способность», «свойство», «качество».

Возможность является категорией диалектики, она понимается как нечто существующее, а не только мыслимое [4]. Возможность обладает бытием. Возможности нет вне действительности [12. С. 238, 240]. И. Кант отнес возможность к характеристике структуры мышления и модальной характеристике бытия. Применительно к субъекту возможность раскрывается через «способность» действовать, изменяться, превращаться. Деятельность формирует субъект, поэтому возможность связана с его формированием. При определении возможностей органа публичной власти и их осуществлении происходит формирование правосубъектности. Поэтому новые возможности органов государства в цифровом государстве означают количественное изменение содержания их правосубъектности. К социальной основе правосубъектности относят возможность волевого и осознанного поведения и отмечают генетическую связь между понятиями «разум», «сознание» и «правосубъектность» [11. С. 138]. Эти аспекты применительно к органу публичной власти в цифровом государстве связаны с подготовкой служащих органов государства к участию в новых отношениях и использованию новых технологий.

В доктрине к сущности правосубъектности относят обладание абстрактной *способностью* быть носителем прав и юридических обязанностей [2. С. 139]. В философии понятие «способность» означает внутреннее свойство, присущее объекту, которое проявляется только в отношениях. Для органа публичной власти способность есть нормативно заданное возможное поведение. Специфика правосубъектности органа публичной власти выявляется при понимании ее сущности как возможности. На уровне отрасли права конкретизируются возможности приобретать права, поэтому можно выявить различия в правосубъектности разных лиц. В имущественных отношениях содержание правосубъектности органа публичной власти описывается предикатами: «неполная», «неполноценная», «ущербная» и т. д. [16. С. 240, 247]. В публичных отношениях, которые описывает понятие «цифровое государство», неполнота правосубъектности не проявляется.

Различия в правосубъектности связаны с фиксацией и нормированием стабильных свойств субъекта права. У органа публичной власти такой характеристикой является нахождение в системе органов в иерархических отношениях при осуществлении публичной власти. Термин «способность» неполно раскрывает существо

правосубъектности [19. С. 56], т. к. он не охватывает предоставленные по закону возможности (или юридические обязанности), не зависящие от воли субъекта права.

Использование категории «качество» для определения сущности правосубъектности позволяет выделить устойчивые взаимоотношения элементов, отражающие специфику субъекта права. Философская категория «качество» является основанием всех свойств вещи, но качество проявляется только в отношениях с другими объектами. Орган публичной власти проявляет качество субъекта права в отношениях с другими лицами. Хотя при использовании информационных технологий различие между разными органами публичной власти нивелируются, однако оно выявляется на нормативном уровне (проявляется в разных функциях органов государства в отношениях цифрового государства).

Таким образом, категории «возможности», «способность», «качество» выделяют разные аспекты сущности правосубъектности органа публичной власти. Возможность больше относится к характеристике деятельности субъекта права, способность и качество – к характеристике самого субъекта. Поэтому они вместе могут быть использованы для раскрытия сущности понятия «правосубъектность органа публичной власти» в цифровом государстве.

В доктрине государство предложено рассматривать как «платформу» [37. С. 40]. Эта концепция потребует изменений всех процессов государственного управления. Для развития цифрового государства предлагается проведение административной реформы, преобразование органов публичной власти. Ученые признают необходимость «революции» цифровизации государственного управления. В настоящее время цифровые технологии в государственном управлении выполняют вспомогательную роль, процессы цифровизации государственного управления разрознены. Цифровые технологии позволяют упростить административные процедуры, сократить их количество, снять отдельные административные барьеры.

Законодательство не допускает применения информационных технологий к определенным публичным функциям [55]. Органы публичной власти определяют перечень услуг, которые оказываются в электронной форме, это затрагивает только осуществление отдельных государственных (муниципальных) полномочий или функций. Орган публичной власти обязан принять административный регламент и стандарт оказания услуги, создать специальный портал оказания услуги. «Инфраструктура» электронного правительства включает единый портал государственных услуг [42], единую систему идентификации, систему межведомственного взаимодействия [41]. Компьютерные технологии используются при нормотворчестве, но они касаются только обмена документами и использования электронной подписи. Органы публичной власти обязаны обеспечить взаимодействие информационных систем при осуществлении публичных функций и при оказании публичных услуг. Предусмотрены унифицированные правила взаимодействия информационных систем, требования к их интеграции [43].

Перечисленное показывает, что технические аспекты новых отношений влияют на обязанности органов публичной власти. Так, они обязаны: определить модель электронной записи, способ уведомлений граждан, доработать используемый органом публичной власти электронный сервис или разработать новый,

выполнять административные процедуры в электронной форме и др. Поэтому цифровизация влияет на содержание правосубъектности органа публичной власти. Можно отметить и влияние на системные отношения. Один из органов публичной власти наделяется возможностями оператора информационной системы [42], другой – возможностями по ведению информационного ресурса, по согласованию технического задания, выступать заказчиком создания электронных систем. Однако электронный способ передачи информации не определяет содержание тех возможностей, входящих в правосубъектность органа публичной власти, которые являются ключевыми: принятие управленческого решения, властный характер полномочий и т. д.

Индустриализация XIX в. потребовала создания административной машины для ежедневного управления и осуществления законодательства [72. Р. 44]. Классическая бюрократическая организация государства долго признавалась единственной формой, соответствующей современным экономическим отношениям. В ней активность органов государства основана на юридических обязанностях. Эта система основана на принципах: иерархии (контроль над нижестоящими органами), применение правил (формализуются в документах) и специализации. Информационные технологии влияют на структуру организации публичной власти, они позволяют обеспечить координацию действий органов государства.

В теории рассматривается «виртуальное государство», которое обозначает совокупность «виртуальных органов» (в США – агентств, департаментов) и публично-частных сетей. Развитие такого «государства» проходит ряд стадий: от простого использования сетевых ресурсов органом государства до организации непосредственной связи с министром и получения официальных документов. Организационная структура становится менее жесткой и менее нормативно ограниченной, шире используются горизонтальные отношения. Если в классической модели публичной власти ее органы формируют управленческое решение и контролируют его исполнение другими субъектами права, то отношения «e-governance» больше включают граждан, поэтому шире используются демократические формы взаимоотношений – сотрудничество и координация действий. На Международном конгрессе административных наук (2004 г.) отмечалось, что «e-governance» не сводится к применению новых технологий, а является изменением способа организации и использования публичной власти. При этом зарубежные исследователи не выделяют изменения в правосубъектности органов публичной власти.

Начало нового тысячелетия относится к периоду трансформации публичного управления, происходит пересмотр форм и методов взаимодействия органов государства с обществом и между собой. С началом нового тысячелетия концепция цифрового государства стала охватывать вопросы задач, функций и полномочий органов государства. В настоящее время только определяются пределы влияния информационных технологий на институты публичной власти. Но в отечественной доктрине были поставлены вопросы о природе цифрового государства, о возможности рассматривать его как новый тип государства. Ученые предлагают разные подходы к их решению, общепринятого ответа на них не выработано. В предложенных доктриной типологиях государств «цифровое государство» не выделяется

[35]. Если использовать в качестве критерия группировки государств особенности технологической конструкции – основания государства, – можно выделить особый «тип» государства, основанный на цифровой кодировке [46. С. 3–11]. Содержание этого понятия только разрабатывается учеными. При анализе на философском уровне возникающих отношений компьютерные технологии рассматриваются как отличительный признак нового типа государства [17]. Специфику видят в том, что эти технологии обеспечивают постоянное влияние «центра» на «периферию». При традиционных средствах коммуникации это было затруднительно в государствах с обширными территориями. Компьютерные технологии не создали отношений, которые могли бы заменить бюрократический базис государства, сложившийся в конце Средневековья, однако утверждается о формировании «виртуальной бюрократии» [72. Р. 44–61]. Новые технологии могут быть использованы при изменении способа организации публичного управления, который, по прогнозам исследователей, разрушит бюрократический аппарат государства и заменит его на холдинговый тип организации управления общественными отношениями [51. С. 453]. В настоящее время бюрократически организованный механизм государства сохраняется.

Отличительной чертой цифрового государства считают электронное правительство [23. С. 17]. Соотношение этих понятий не имеет общепризнанного решения. Можно выделить несколько подходов. Первый связан с отождествлением «цифрового государства» и «цифрового правительства» [21. С. 15]. Во втором подходе электронная демократия как более широкое понятие включает в себя электронное государство. В зарубежном праве электронное правительство рассматривается как важнейший элемент государственного управления. Третий подход считает цифровое государство широким понятием, включающим несколько элементов: «электронную демократию», «электронное правительство», «электронное правосудие» [21. С. 9]. Эти понятия охватывают все ветви публичной власти. В этом подходе центральным элементом признается электронное правительство [34].

Идея электронного государства не должна сводиться только к средству коммуникации между государством и обществом. Она затрагивает модель участия государства в общественных отношениях и предполагает модернизацию механизма государства (в том числе на уровне аппарата). Новые технологии способствуют единству государства через системность и неразрывность государственного управления, через систему электронного управления органами публичной власти и через предоставление публичных услуг населению.

Можно выделить две тенденции, влияющие на публично-правовую организацию общества и властно-управленческую деятельность: внутринациональное информационное пространство (национальные технологии, средства и методы информационно-коммуникативного воздействия) и глобализация. Эти тенденции участвуют в формировании инновационных форм публично-властной организации. Ученые считают, что происходят качественные изменения в публичном управлении, так как: (1) меняется система организации публичной власти; (2) меняются методы и формы управления; (3) меняются отношения государства и гражданского общества [35. С. 692].

Проблема дебиюрократизации является общей для всех стран. Электронные ресурсы позволяют формировать общение с государственными органами, минуя чиновников.

Правосубъектность органа государства важна для ряда элементов “цифрового государства”:

- формирование органами государства информации для “e-public network”;
- в “e-public administration” новые формы организации управления можно реализовать, если этого допускает правосубъектность органа государства; для этого разрабатывается концепция «виртуального государства», в котором происходит координация властного воздействия и сотрудничества органов государства; реализуется идея создания виртуальных органов [82. Р. 4];
- для политико-правовых процессов, связанных с формированием и осуществлением публичной власти при электронном голосовании при выборах и непосредственно осуществлении населением референдумов (“e-democracy”);
- для процесса оказания публичных услуг органами публичной власти (“e-services”).

Заключение. Формирование концепции цифрового государства и законодательство, регулирующие вопросы цифрового государства, затрагивают отдельные элементы правосубъектности органа государства. На данном этапе развития концепции и на нормативном уровне слабо отражено влияние инновационных технологий на правовое положение органов государства и на содержание их правосубъектности, в программных документах не идет речи об определении правосубъектности органов государства с учетом специфики цифровизации. Поэтому отсутствуют основания для отказа от подхода к правосубъектности органов публичной власти как правовому конструкту, сущность которого раскрывается через понятия «возможность», «способность», «качество» органа публичной власти. Эти понятия могут быть использованы для определения правового положения органа публичной власти в цифровом государстве.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Очерки общей теории государства. М., 1919. 208 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в двух томах. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 359 с.
3. Арндт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. 1992. № 2. С. 21–31.
4. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
5. Артемова П. В., Камолов С. Г., Константинова А. Н. Электронное правительство: динамика взаимодействия государства и российского общества в XXI веке // Власть. 2019. № 3. С. 57–62.
6. Архипов С. И. Конструкция правосубъектности: недостатки, противоречия, пути их устранения // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII ежегодным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. М.: Статут, 2017. С. 35–41.

7. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.
8. Бодияр Ж. Соблазн. М.: Ad marginem, 2000. С. 96.
9. Васькова М. Г. Проблемы построения электронного государства: теоретические аспекты // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 3(019). С. 278–280.
10. Венецианская комиссия о выборах и избирательных технологиях / под ред. Хабриевой. М., 2020. 400 с.
11. Гаджиев Г. А. Гражданская правоспособность с точки зрения онтологии права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII ежегодным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. М.: Статут, 2017. С. 135–138.
12. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Часть 1. Логика // Гегель Г. Сочинения. Т. 1. М., Л.: Государственное издательство, 1929. 452 с.
13. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 463 с.
14. Григорьев П. В. «Электронное правительство» в политико-административном управлении современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2009. 25 с.
15. Данилов Н. А. Правовое регулирование электронного правительства в зарубежных странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 22 с.
16. Дозорцев В. А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. 480 с.
17. Елизаров М. В. Современное государство в эпоху глобализации: социально-философский анализ: дис. ... канд. философ. наук. Уфа, 2010. – 159 с.
18. Закон г. Москвы от 22.05.2019 № 18 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Залоило М. В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22–37. DOI: 10.12737/jrl.2020.065
20. Илларионова Т. И. Структура гражданской правоспособности. Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. О. А. Красавчиков. Свердловск, 1978. Вып. 62. С. 54–64.
21. Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Сборник статей. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. С. 55–56.
22. Киселев А. С. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... каидид. юрид. наук. Белгород, 2018. 24 с.
23. Козлова И. А. Институт бюрократии во Франции: теория и практика становления: дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. – 27 с.
24. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2021. 246 с.

25. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 249 с.
26. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Государственная власть: парадигма, методология и типология: монография. Ч. 1. М.: Юрлитинформ, 2013. 400 с.
27. Любашиц В. Я. Эволюция государства как политико-правового института: дисс. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 302 с.
28. Маклюэн М. К. Ф. Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ: Астрель, 2012. 219 с.
29. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5–14.
30. Мартиросян С. А. Социальный интерес в политическом пространстве (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 23 с.
31. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.
32. Минаков П. А. Публичная власть: политологический аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2007. 20 с.
33. Морхат П. М. Право и искусственный интеллект: монография. М.: ЮНИТИ, 2018. 543 с.
34. Мухаев Р. Т. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М.: Приор, 2000. 1104 с.
35. Обрывкова Н. О. Электронная демократия в современном постиндустриальном обществе: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006. – 194 с.).
36. Общая теория государства: классические и современные вопросы: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. 712 с.
37. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
38. Панкратов И. Ю., Свертилова Н. В., Лидэ Е. Н. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации // Государственная служба. 2018. Т. 20, № 1. С. 38–43.
39. Пашенцев Д. А. Правосубъектность в современной теории права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII ежегодным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др. М.: Статут, 2017. – С. 29–34.
40. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 863 с.
41. Постановление от 11.12.1998 № 28-П // СПС «КонсультантПлюс».
42. Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 // СПС «КонсультантПлюс».
43. В России – Минцифра (см.: Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 // СПС «КонсультантПлюс»).
44. Приказ Минкомсвязи России от 07.09.2015 № 329 // СПС «КонсультантПлюс».
45. Рачинский В. В. Публичная власть как общеправовая категория (Теоретико-прикладной аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 25 с.

46. Романович Н. А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж, 2009. 397 с.
47. Ромашов Р. А. Цифровое государство (digital state) – новый тип государства или форма глобального мирового порядка? // История государства и права. 2017. № 4. С. 3–11.
48. Савинков В. И. Формирование информационного общества – приоритет государственной политики РФ // Власть. 2011. № 4. С. 67–70.
49. Словозский Д. Е., Шулина Н. В. Политология: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. – 156 с.
50. Сморгунюв Л. В. От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы // Политическая наука. 2007. № 4. С. 20–49.
51. Тихомиров Ю. А. Государство: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 319 с.
52. Тофлер А. Адаптивная корпорация // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М.: АCADEMIA, 1999. 640 с.
53. Указ Президента РФ от 09.02.2011 № 167 // СПС «КонсультантПлюс».
54. Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 137-ФЗ. Ст. 6.4 // СПС «КонсультантПлюс» (порядок в отношении ГПК РФ введен в 2016 г.).
55. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Ст. 64.1 // СПС «Консультант Плюс».
56. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ. ч. 2.3 ст. 1 // СПС «Консультант Плюс».
57. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
58. Федеральный закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
59. Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве. Ст. 34. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042901>
60. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
61. Хабриева Т. Я. Технологические императивы современного мира и право // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. Т. 19, № 1. С. 5–12.
62. Худолей Д. М., Худолей К. М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 476–503.
63. Черненко А. К. Причинность в истории. М.: «Мысль», 1983. 204 с.
64. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 335 с.
65. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/?utm_referrer=https%3a%2f%2fya.ru%2f
66. Arendt H. The Communicative Power // Power / Ed. S. Lukes. Oxford, 1986. Pp. 59–74.
67. Calista D. J., Melitski J. E-government and E-governance: Converging Constructs of Public Sector Information and Communications Technologies // Public Administration Quarterly. 2007. Vol. 31, № 1/2. Pp. 87–120.
68. Clinger Cohen Act (1996) Public Law 104–106. URL: <https://dodcio.defense.gov/portals/0/documents/ciodesrefvolone.pdf>

69. Corporate Plan 2019–2020 .URL: <https://www.transparency.gov.au/sites/default/files/reports/corporate-plan-2019–2020.pdf>
70. De la Fuente J. M.R. E-Government Strategies in Spain Local Governments // Local Governments Studies. 2013. URL: <https://docta.ucm.es/rest/api/core/bitstreams/6b4ded38–102a–4a63–8b9e–66053fdee126/content>
71. URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED_384294.pdf
72. Electronic Government. 4 p. URL: <https://ntouk.files.wordpress.com/2015/06/post-pn-110.pdf>
73. Fountain J. E. Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2001. 253 p.
74. Government ICT Strategy. March 2011. 25 p.
75. Justice in the Digital State: Assessing the Next Revolution in Administrative Justice. Bristol University Press, 2019. 144 p.
76. Избирательный кодекс от 27.10.1964. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070239
77. Habermas J. Hannah Arendt's Communications Concept of Power // Hannah Arendt Critical Essays. / Ed. L. P. Hinchman, S. K. Hinchman / State. University of the New York Press, 1994. 460 p.
78. Latre J. L. B. Implementing E-Government in Spain // Electronic Government. 2003. Pp. 442–447.
79. s. 45 Ley 30/1992, de 26 de noviembre, de Régimen Jurídico de las Administraciones Públicas y del Procedimiento Administrativo Común. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1992-26318>
80. Memorandum of electronic government 17.12.1999. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/WCPD-1999-12-27/pdf/WCPD-1999-12-27-Pg2641.pdf>
81. Muñoz-Cañavate A., Hípola P. Electronic Administration in Spain: From its Beginning to the Present // Government Information Quarterly. 2011. Vol. 28, № 1. Pp. 74–90.
82. Naisbitt J., Aburdence P. Megatrends 2000: New Directions for the 1990's. N.Y.: William Morrow and Company Inc., 1990. 392 p.
83. Parsons T. On the Concept of Political Power // Proceedings of the American Philosophical Society. 1963. Vol. 107, № 3. 584 p.
84. Public Law 107–347 on 12.17.2002. URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/2458/text>
85. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/gli/gli_nov2003/gli_nov2003c.pdf
86. URL: <https://www.archives.gov/about/laws/egov-act-section-207.html>

П. Ю. Кузнецова,
кандидат социологических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский политехнический
университет

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДОСТУПНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. Центральным направлением совершенствования государственного и муниципального управления в России является повышение качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг. Целью работы является анализ информационной доступности как возможности беспрепятственного доступа к оперативной, актуальной, достоверной и исчерпывающей информации об услугах. Рассмотрены вопросы правового обеспечения информационной доступности государственных и муниципальных услуг и организации предоставления информации потребителям услуг. Исследование проводилось на основе применения методов сравнительно-правового анализа. В результате выявлены проблемы нормативного регулирования информационной доступности услуг в административных регламентах, связанные с отсутствием единства показателей данного вида доступности и требований к его реализации. Выявлено несоответствие информации об услугах, представленной в административных регламентах и на едином портале государственных и муниципальных услуг. Обнаружены недостатки в сфере оценки качества государственных и муниципальных услуг. Разработаны предложения по совершенствованию нормативного регулирования информационной доступности государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: государственные услуги, муниципальные услуги, информационная доступность, административный регламент, единый портал государственных и муниципальных услуг, цифровизация

PROBLEMS OF INFORMATION AVAILABILITY OF OBTAINING AND EVALUATION OF THE QUALITY OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES

Abstract. The central direction with the provision of state and municipal government in Russia is to improve the quality and accessibility of state and municipal services. The aim of the work is to analyze the availability of information as an opportunity for unhindered access to the operational, relevant and effective information sphere. The issues of legal support for the availability of state and municipal services and the provision of information to organizations to consumers of services are considered. The study was conducted on the basis of the application of methods of conservative legal analysis. As a result, the problems of regulatory regulation of information accessibility of services in administrative regulations were identified, associated with the lack of unity of indicators of this type of accessibility and requirements for its implementation. The problems of inconsistency of information about services presented in administrative regulations and on a single

portal of state and municipal services are identified. Problems in the field of assessing the quality of state and municipal services have been identified. Proposals have been developed to improve the normative regulation of information accessibility of state and municipal services.

Keywords: public services, municipal services, information accessibility, administrative regulations, unified portal of state and municipal services, digitalization

Введение. Проблемы повышения качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг являются важнейшей составляющей совершенствования системы государственного и муниципального управления в РФ. В настоящее время с целью решения данной проблемы принято и реализуется значительное число нормативных правовых актов. Важнейшим из них является национальная программа «Цифровая экономика», в рамках которой реализуется федеральный проект «Цифровое государственное управление» [7]. Данный федеральный проект предусматривает обеспечение предоставления приоритетных массовых государственных и муниципальных услуг в цифровом виде, организацию информирования граждан и организаций о доступных электронных услугах и сервисах электронного правительства, обеспечение доступа пользователей к информации посредством единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГУ) и других информационных сервисов. Следует отметить, что в настоящее время процесс цифровой трансформации охватил все сферы общественной жизни. В системе государственного управления он, прежде всего, проявляется в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг.

По мнению Е. Н. Стырина и Н. Е. Дмитриевой, цифровая трансформация государственного управления приводит к изменениям в системе ценностей управления, в процессах взаимодействия государства и граждан [18. С. 7]. Вместе с тем М. Ю. Архипова, В. П. Сиротин отмечают, что в условиях цифровой экономики возникает цифровое неравенство, выражающееся в асимметричном доступе к информации различных слоев населения [3. С. 670]. Мы полагаем, что цифровизация государственного управления должна сопровождаться постоянной практикой адаптации граждан к инновациям в сфере получения услуг. Таким образом, возрастает значимость информационной доступности предоставления услуг гражданам и бизнесу. Э. Л. Сидоренко, И. Н. Барциц, З. И. Хисамова отмечают проблему недостаточного использования электронных услуг, поскольку отсутствует единство между процессами цифровизации и существующими административными регламентами [17. С. 96]. Таким образом, важным аспектом проблемы обеспечения информационной доступности предоставления государственных и муниципальных услуг является определение достаточных условий предоставления информации в этих документах.

Основная часть. Информационная доступность получения услуг оказывает ведущее решающее влияние на оценку потребителями качества их предоставления. Под информационной доступностью следует понимать неограниченную возможность в режиме реального времени получения достоверной, актуальной, исчерпывающей

информации о государственных и муниципальных услугах, предоставляемых органами власти, учреждениями и организациями [6].

Нормативное и организационное обеспечение информационной доступности услуг осуществляется при разработке и принятии административных регламентов; путем размещения информации на ЕПГУ, на сайтах органов власти и учреждений, участвующих в предоставлении услуг и иных механизмов.

В настоящее время изменилось правовое регулирование порядка разработки административных регламентов федеральных государственных услуг. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 1228 уточнены критерии качества и доступности федеральных государственных услуг, в том числе в качестве критерия заявлено удобство информирования заявителя о ходе предоставления государственной услуги, а также получения результата предоставления услуги [14]. Мы полагаем, что включение данного показателя в административные регламенты является важным мероприятием в области совершенствования информационной доступности получения государственных и муниципальных услуг.

С целью анализа показателей информационной доступности услуг в административных регламентах нами рассмотрен ряд из них. В одном из административных регламентов Министерства внутренних дел Российской Федерации в качестве критерия информационной доступности определена возможность получения полной, актуальной и достоверной информации о порядке предоставления государственной услуги, в том числе в электронной форме [1]. В административном регламенте другой государственной услуги, предоставляемой МВД в качестве критерия информационной доступности определено наличие полной и понятной информации о порядке и сроках предоставления государственной услуги в информационных телекоммуникационных сетях общего пользования, средствах массовой информации [2]. Для сравнения в административном регламенте Фонда социального страхования, в качестве критерия информационной доступности предусмотрено лишь наличие полной и понятной информации о порядке и сроках предоставления государственной услуги [15]. Таким образом, анализ показателей информационной доступности государственных услуг, закрепленных в административных регламентах, позволил сделать ключевой вывод о том, что отсутствует единство подходов к показателям информационной доступности предоставления государственных и муниципальных услуг. В двух регламентах из трех основными показателями доступности являются полнота и понятность информации. Лишь в одном из проанализированных регламентов говорится об актуальности и достоверности информации.

Анализ административных регламентов муниципальных услуг позволил определить аналогичные проблемы. Например, в одном из регламентов г. Перми в качестве показателя информационной доступности заявлено лишь наличие информации о предоставлении муниципальной услуги на официальном интернет-сайте муниципального образования, на Едином портале государственных и муниципальных услуг [12].

Вместе с тем мы полагаем, что основными показателями информационной доступности должны являться следующие: беспрепятственность, актуальность, достаточность (полнота), оперативность, достоверность. Потребители услуг обладают

различными психофизическими особенностями, следовательно, должна быть создана возможность беспрепятственного недискриминационного получения информации об услугах. Речь идет об отсутствии барьеров технического характера, информация должна являться общедоступной, формы предоставления должны быть различными. Под актуальностью информации понимается ее значимость. Признак достаточности информации [8. С. 51] проявляется в условиях роста информационных потоков, неоднородности информации. Информация должна быть представлена в удобном виде и не содержать избыточных данных [4. С. 215]. Оперативность информации отражает скорость получения сведений об услугах в режиме реального времени. Таким образом, информация может считаться доступной только при условии высокой степени информированности потребителя о характере услуг и возможностях их получения [6].

Административные регламенты государственных и муниципальных услуг должны содержать полную и исчерпывающую информацию обо всех этапах предоставления услуги, начиная от оснований ее оказания и перечня требуемых документов и завершая описанием результата получения услуги. Вместе с тем данное требование не всегда выполняется в полном объеме. Существенной проблемой является отсутствие единообразия в правовом обеспечении предоставления услуг. В качестве примера рассмотрим услугу по формированию списка детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем. В ряде муниципальных образований данные полномочия реализуются путем предоставления отдельной муниципальной услуги [9, 10]. Но при этом в Перми аналогичной муниципальной услуги по приему заявлений только от детей-сирот нет, она оказывается в рамках реализации единой муниципальной услуги по постановке на учет граждан, нуждающихся в жилых помещениях [11]. Заявителями в данной услуге являются нуждающиеся, к которым относятся не только дети-сироты, но и ветераны, военнослужащие и т. д. Услуга предоставляется в соответствии с одним административным регламентом, в котором отсутствует исчерпывающий перечень предоставляемых документов для каждой целевой группы, он ограничивается неконкретизируемыми общими положениями для всех целевых категорий. При этом в Федеральном законе № 210 установлено, что в стандарте административного регламента должен быть указан исчерпывающий перечень документов, необходимых для предоставления услуги [20]. Таким образом, не соблюдаются требования закона к полноте перечня заявителей и исчерпывающему перечню документов административного регламента.

Важнейшей характеристикой доступности информации является ее достоверность. Как отмечает Н. Н. Довнар, достоверность – одно из существенных качеств информации [5. С. 59]. Под достоверностью информации следует понимать степень соответствия знаний потребителя о порядке предоставления услуг реальному процессу их предоставления. Задача предоставления достоверной информации решается путем размещения сведений об услугах на сайте органов власти, едином портале государственных услуг, сайтах МФЦ. Следует отметить важное требование к информации, размещаемой на информационных ресурсах. Она должна в полном объеме соответствовать содержанию административных регламентов услуг.

Мы провели анализ соответствия содержания административного регламента одной из государственных услуг [16] и информации, размещенной на едином портале государственных и муниципальных услуг. В административном регламенте предусмотрено, что прием заявления, его проверка и принятие решения осуществляются в электронной форме. Анализ информации по данной услуге, представленной на ЕПГУ, показал, что способов подачи заявки в электронной форме с использованием портала не предусмотрено. Таким образом, информация, представленная на едином портале государственных и муниципальных услуг, не соответствует требованиям административного регламента, а потребителям не обеспечена возможность получения услуги всеми способами, определенными в нормативном правовом акте.

Показатели информационной доступности услуг являются объектами мониторинга оценки их доступности и качества. Показатели оценки определены Указом Президента от 7 мая 2012 № 601 [19]. Во исполнение Указа Президента принято Постановление Правительства от 12.12.2012 № 1284 [13]. Информационная доступность оценивается по показателю «доступность информации о порядке предоставления оцениваемых услуг». Оценка осуществляется по пятибалльной шкале. При этом положительной оценкой считаются 4 и 5 баллов, а отрицательной оценкой – от 1 до 3 баллов. Оценки граждан анализируются с использованием ИАС МКГУ. Эта система включена в комплексную ИКТ-систему предоставления услуг. Для оценок качества предоставления оцениваемых услуг применяются разные методы сбора данных (ответы на сайте ЕПГУ, СМС, телефонные опросы, специализированный сайт «Ваш контроль»).

Анализ показателей информационной доступности государственных услуг на портале «Ваш контроль» по двум федеральным службам показал, что уровень информационной доступности оценивается высоко. Вместе с тем анализ отзывов с низкими общими баллами показал, что они в большинстве случаев выставлены именно по показателю информационной доступности. Кроме того, на сайте не предоставляется возможность оценить качество региональных и муниципальных услуг.

Заключение. Таким образом, исследование показало, что уровень информационной доступности предоставления государственных и муниципальных услуг является недостаточным. При этом ключевые проблемы обеспечения информационной доступности возникают еще на этапе правового регулирования предоставления государственных и муниципальных услуг. Именно административные регламенты как важнейшие документы, определяющие полномочия органов власти по предоставлению услуг, должны содержать все необходимые условия информационной доступности услуг. Поэтому нами предлагается ряд рекомендаций.

Во-первых, необходимо выработать полные и исчерпывающие критерии информационной доступности услуг, обеспечивающие возможность беспрепятственного получения необходимой информации об услугах.

Во-вторых, поскольку правовое регулирование порядка разработки административных регламентов региональных и муниципальных услуг осуществляется соответствующими органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, представляется необходимым внести изменения, предусмотренные Постановлением Правительства РФ № 1228 в соответствующие

документы, что позволит в обязательном порядке включать в административные регламенты показатели информационной доступности получения государственных и муниципальных услуг.

В-третьих, важным представляется проведение мониторинга соответствия информации об услугах в административных регламентах, на ЕПГУ, на сайтах МФЦ и органов власти, по результатам которого необходимо осуществить соответствующие корректирующие действия по обеспечению достоверности информации об услугах.

В-четвертых, на сайте «Ваш контроль» должна быть обеспечена возможность оценки качества и доступности государственных и муниципальных услуг всех органов государственного и муниципального управления, что позволит своевременно выявлять проблемы в данной сфере и осуществлять мероприятия по их решению с целью повышения уровня удовлетворенности граждан получением государственных и муниципальных услуг.

Список литературы

1. Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений Министерства внутренних дел Российской Федерации на право ввоза (вывоза) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. URL: [https://xn – b1aew.xn – p1ai/folder/14509030](https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/14509030)

2. Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 16 ноября 2020 г. № 773. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373184/?ysclid=lpb7ss3l2q966839844

3. Архипова М. Ю., Сиротин В. П. Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона (ЭР). 2019. № 3. С. 670.

4. Беляева М. Е. Особенности информационного обеспечения управленческого анализа // Глобальный научный потенциал. 2012. № 9(18). С. 212–217.

5. Довнар Н. Н. Достоверность информации как фактор обеспечения информационной безопасности // Вестник ЮУрГУ. 2015. № 1. С. 59.

6. Kuznetsova P. Innovations in ensuring information accessibility of state and municipal services in the Russian Federation SHS Web Conf. 11600003 (2021) – DOI: 10.1051/shsconf/202111600003

7. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854

8. Попова Л. В. Информационное обеспечение как основа управленческой учетно-аналитической системы хозяйствующего субъекта // Экономические и гуманитарные науки. 2017. № 3(302). С. 51–58.

9. Постановление администрации Ильинского городского округа от 30.03.2020 № 232–276–1.0–01–04 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению муниципальной услуги «Включение (отказ от включения) в список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями специализированного жилищного фонда». URL: <https://ilinsk.ru/sots-pol/molodezhnaya-i-semeynaya-politika/obespechenie-zhilem-otdelnykh-kategoriy-grazhdan>

10. Постановление администрации г. Кизел от 28.03.2019 № 201 «Об утверждении административных регламентов по предоставлению муниципальных услуг отдела жилищно-коммунального хозяйства, природопользования и дорожной деятельности администрации города Кизела». URL: http://www.kizelraion.ru/index/utverzhdeniya_administrativnykh_reglamentov

11. Постановление администрации г. Перми от 22.05.2012 № 40-П «Об утверждении Административного регламента предоставления управлением жилищных отношений администрации города Перми муниципальной услуги «Прием заявлений, документов, а также постановка граждан на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях». URL: <https://docs.cntd.ru/document/428691202>

12. Постановление администрации города Перми от 01.06.2012 № 48-П «Об утверждении Административного регламента оказания департаментом культуры и молодежной политики администрации города Перми муниципальной услуги «Предоставление информации о времени и месте театральных представлений, филармонических и эстрадных концертов и гастрольных мероприятий театров и филармоний, киносеансов, анонсы данных мероприятий, проводимых муниципальными учреждениями культуры города Перми». URL: <https://docs.cntd.ru/document/432817112>

13. Постановление Правительства от 12.12.2012 № 1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления государственных услуг, руководителей многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с учетом качества организации предоставления государственных и муниципальных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139281

14. Постановление Правительства РФ от 20.07.2021 № 1228 «Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/401535834>

15. Приказ от 16.05.2019 № 256 «Об утверждении административного регламента Фонда социального страхования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по обеспечению инвалидов техническими средствами реабилитации и (или) услугами и отдельных категорий граждан из числа ветеранов

протезами (кроме зубных протезов), протезно-ортопедическими изделиями, а также по выплате компенсации за самостоятельно приобретенные инвалидами технические средства реабилитации (ветеранами протезы (кроме зубных протезов), протезно-ортопедические изделия) и (или) оплаченные услуги и ежегодной денежной компенсации расходов инвалидов на содержание и ветеринарное обслуживание собак-проводников». URL: [http://xn – q1aah.xn – p1ai/ru/fund/34773/57354/216041.shtml](http://xn--q1aah.xn--p1ai/ru/fund/34773/57354/216041.shtml)

16. Приказ Министерства культуры РФ от 25.11.2020 № 1517 «Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством культуры Российской Федерации государственной услуги «Лицензирование деятельности по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/573339022>

17. Сидоренко Э. Л., Барциц И. Н., Хисамова З. И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 96.

18. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. С. 7.

19. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129336

20. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023

И. Э. Кутовая,

кандидат юридических наук, доцент,

Луганский государственный университет имени Владимира Даля

ЦИФРОВАЯ ГОТОВНОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ СЛУЖАЩИХ КАК УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ РЕГИОНА В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Работа посвящена актуализации формирования цифровой готовности публичных служащих Луганской Народной Республики. Обращено внимание на особые условия и проблемы повышения квалификации госслужащих и служащих органов местного самоуправления региона. Сформулировано понимание цифровой готовности публичных служащих. Предлагается организовать диагностический этап в процессе формирования цифровой готовности публичных служащих Луганской Народной Республики, что позволит спланировать их образовательную траекторию и обеспечить кадровый состав органов публичного управления в соответствии с запросами цифровой экономики. Охарактеризованы критерии цифровой готовности публичных служащих.

Ключевые слова: цифровые навыки, цифровая готовность, цифровая зрелость, публичное управление, публичный служащий, цифровизация, информационные технологии

DIGITAL READINESS OF PUBLIC OFFICIALS AS A CONDITION FOR ADAPTATION OF THE REGION IN THE RUSSIAN SOCIO-ECONOMIC SPACE

Abstract. The work is devoted to the actualization of the formation of digital readiness of public officials of the Luhansk People's Republic. The author draws attention to the special conditions and problems of advanced training of civil officials and officials of local governments in the region. The theses formulate an understanding of the digital readiness of public officials. The author proposes the organization of a diagnostic stage in the process of forming the digital readiness of public officials of the Luhansk People's Republic. This will make it possible to plan their educational trajectory and ensure the staffing of public administration bodies in accordance with the demands of the digital economy. The paper describes the criteria for digital readiness of public officials.

Keywords: digital skills, digital readiness, digital maturity, public administration, public official, digitalization, information technology

Если десятилетие назад мы только говорили, что в будущем необходимо обладать цифровыми навыками, то сегодня вполне очевидно, что без них невозможно обойтись. В условиях развития цифровой экономики в России особое звучание приобретают формирование и развитие базовых цифровых компетенций публичных служащих. Основными драйверами цифровой трансформации публичных служащих являются: высокий уровень цифровизации государственного сектора, увеличение перечня дистанционных публичных услуг, стремительное развитие и расширение сфер применения информационных технологий в государственном управлении, необходимость новых подходов к решению текущих административных вопросов, обязательность обеспечения защиты информации, охраняемой законом.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» среди национальных приоритетов и целей развития России на период до 2030 г. определена цифровая трансформация. Свидетельством и показателем достижения этой цели является приобретение «цифровой зрелости» ключевыми отраслями экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также публичного управления [2].

Цифровая зрелость системы публичного управления – комплексный показатель. Даже неглубокий анализ специальной литературы выявляет ряд составляющих, таких как уровень автоматизации процессов, уровень доступности данных, использование аналитических инструментов для обработки данных, открытость правительства и обратная связь, доступность электронных сервисов для граждан, уровень информационной безопасности, развитость законодательства и стратегий действия. Перечень можно продолжать, однако это не является предметом нашего исследования.

Наши размышления касаются того, что траектория достижения «цифровой зрелости» системы публичного управления, способной обеспечивать эффективное регулирование процессов цифровой экономики, должна начинаться с подготовки

квалифицированных специалистов, работающих в государственных структурах как федерального, так и регионального уровней.

На сегодняшний день Луганская Народная Республика (далее – ЛНР) находится в стадии формирования органов публичной власти в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации. Одновременно организован процесс по повышению квалификации госслужащих и служащих органов местного самоуправления.

Профессиональный образ рядового «управленца» между тем усложняется. Он складывается в первую очередь из так называемых твердых навыков или специальных квалификаций по различным областям деятельности; во-вторых – из мягких навыков, определяющих модель поведения (коммуникация, гибкость, креативность и т. п.); в-третьих – цифровых навыков. И если две первые составляющие являются для публичных служащих ЛНР не новыми, привычными, требующими оттачивания, совершенствования, то цифровая готовность – необязательной, незнакомой компетенцией.

В чем особенность цифровой готовности (неготовности) публичных служащих ЛНР?

Несколько десятилетий, начиная со второй половины прошлого столетия, общество совершало технологические шаги от компьютеризации к информатизации, т. е. прогресс выражался в совершенствовании информационно-коммуникационных технологий и соответствующих навыков пользователей. При этом наша жизнь не зависела от необходимости использования таких технологий. Сегодня мы видим ситуацию обратную. Информационные процессы повсеместно вплетаются в жизнь общества в целом и отдельного гражданина. И этот процесс в значительной мере организованный и отрегулированный.

В ЛНР ввиду известных событий и отвлеченности на них, правительство не могло полноценно уделять внимание и ресурсы процессам информатизации. Многие события в этой сфере происходили стихийно, ситуативно. Не было долгосрочных программ и перспектив технологического развития, информационной безопасности, подготовки кадров соответствующей квалификации.

И еще один важный фактор – психологический. Восполнение информационных и цифровых технологий само по себе не гарантирует успех управления цифровой экономикой. Люди, их отношение к цифровому будущему и навыки выступают главными ключами цифровой готовности. Ощущение безопасности при использовании цифровых технологий является также важным аспектом пользовательского опыта. К сожалению, остается цифровой разрыв, в котором мы видим две проблемы:

1. Недоверие и нежелание развиваться в новой цифровой среде, что характерно для старшего поколения. По оценке экспертов это 39+.

2. Отсутствие навыков у нынешних специалистов, соответствующих запросам цифровой экономики.

В условиях, когда наша жизнь просто завязана на электронных очередях и услугах, дистанционных обучении, работе, высоком ритме жизни, за которым мы можем угнаться только благодаря информационно-коммуникационными технологиями, этот цифровой разрыв порождает неравный доступ к цифровым технологиям

и компетенциям и существенно ограничивает жизненные шансы в цифровой экономике. Специалисты просто становятся неспособными конкурировать на рынке труда из-за отсутствия цифровых навыков.

Очевидно, акцент на специалистах, задействованных в различных политических и социально-экономических процессах, обеспечивающих весь механизм жизнедеятельности в регионе. А именно публичных служащих.

Применение цифровых технологий и искусственного интеллекта в государственном управлении России постоянно расширяется. Сквозные технологии, как их еще называют, обладают потенциалом, способным преобразовать сектор государственного управления и освободить работников от рутинных задач, а также справиться со многими другими задачами, которые люди не могут легко выполнить самостоятельно. На данный момент на государственном уровне развиваются проекты, позволяющие автоматизировать делопроизводство и некоторую юридическую работу.

Считаем цифровую готовность публичных служащих ЛНР, которые будут задействованы в аппарате вновь созданных государственных и муниципальных органов, одним из ключевых условий адаптации региона в российском социально-экономическом пространстве.

Категория «готовность» в русском языке означает согласие и желание людей сделать что-то или содействовать чему-то. Готовность к внедрению цифровых технологий означает, что человек согласен использовать эти технологии, обладает достаточными знаниями, чтобы это сделать, и уверен в безопасности и надежности их использования.

Таким образом, цифровую готовность публичных служащих ЛНР можно понимать как способность и готовность служащих государственных органов и органов местного самоуправления использовать цифровые технологии и инструменты для эффективного выполнения своих обязанностей.

Безусловно, пока стоит говорить об определенных уровнях цифровой готовности публичных служащих ЛНР. Процесс приобретения ключевых навыков займет время.

В качестве отправной точки рекомендуем диагностировать уровень цифровых навыков и компетентностей кандидатов в публичные служащие. Это позволит спланировать их образовательную траекторию и обеспечить кадровый состав органов публичного управления в соответствии с запросами цифровой экономики.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России и консорциум по развитию цифровой грамотности запустили образовательный ресурс «готовкцифре.рф». Сервис позволит потенциальным кандидатам на должности публичных служащих оценить уровень своей цифровой грамотности, узнать о возможностях онлайн-среды и сформировать необходимые в профессиональной жизни ИТ-навыки [1].

В совокупности с другими методиками готовность публичных служащих к работе в цифровой среде может быть оценена по следующим базовым критериям:

1. Наличие теоретических знаний в сфере цифровых технологий. Претендент должен ориентироваться в основных категориях цифровой экономики, разбираться в вариативе цифровых инструментов, необходимых для реализации служебных обязанностей (программные и аппаратные средства, базы данных, информационные системы).

2. Устоявшиеся навыки работы с цифровыми ресурсами и инструментами. Будущие публичные служащие должны иметь определенный опыт использования в профессиональной деятельности необходимых программ, баз данных, электронных сервисов.

3. Ориентация в информационном пространстве, знание основ информационного законодательства. Это требует способности оперативно находить нужные данные законным способом, анализировать их и использовать в профессиональной деятельности.

4. Способность обучаться и гибкость в рабочих процессах. Претендент на замещение должностей публичной службы в современных условиях должен быть максимально адаптивен к меняющимся условиям жизни. Он должен быть готов к использованию нестандартных цифровых и аналитических инструментов и ресурсов для решения задач государственных органов и органов местного самоуправления.

5. Понимание и соблюдение основ цифровой и информационной безопасности. Это предполагает способность служащего использовать адекватные меры защиты служебной информации, государственной тайны, персональных данных, других сведений, охраняемых законом.

Эти базовые критерии помогут диагностировать уровень цифровой готовности публичных служащих и выявить области, требующие дополнительного развития и поддержки.

Список литературы

1. В России запущен онлайн-сервис «Готов к цифре» // Официальный веб-сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41195>

2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // ИПП «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/?ysclid=lmai9gasaj461985074>

Т. Э. Кылчыкбаев,

кандидат юридических наук, доцент,

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В эпоху развития технологий эффективное правовое регулирование цифровизации в сфере экологической безопасности приобретает особую актуальность, что напрямую связано с разработкой последовательной системы правовых актов в этой сфере. В связи с этим автор рассмотрел действующую правовую базу обеспечения цифровизации в области экологической безопасности и разработал научно-практические рекомендации по ее возможному совершенствованию.

Ключевые слова: экология, цифровизация, экологическая безопасность, информационные технологии, правовое обеспечение, нормативно-правовая база

DIGITALIZATION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Abstract. In the era of technology development, effective legal regulation of digitalization in the field of environmental safety is becoming particularly relevant, which is directly related to the development of a consistent system of legal acts in this area. In this regard, the author reviewed the current legal framework for ensuring digitalization in the field of environmental safety and developed scientific and practical recommendations for its possible improvement.

Keywords: ecology, digitalization, environmental safety, information technology, legal support, regulatory framework

Одной из главных задач, стоящих перед каждым государством в мире, является экологическая безопасность, и Кыргызская Республика не является исключением. «Скорее, наоборот, сегодня проблемы экологической безопасности в нашем государстве стоят чрезвычайно остро, и государственная задача обеспечения экологической безопасности в настоящее время выходит на передний план. Поэтому для реализации этой задачи государство сталкивается с необходимостью ускоренного внедрения цифровых технологий в области экологической безопасности» [8].

С 2018 г. Кыргызская Республика – участник проекта «Digital CASA – Кыргыз Республикасы» («Digital CASA – Кыргызская Республика»). Он является частью программы Digital CASA, цель которой – интеграция не имеющих выхода к морю государств Центральной Азии и отдельных стран Южной Азии в региональную и глобальную цифровую экономику [2]. Обеспечение цифрового развития в Кыргызской Республике также основывается на нормативно-правовых документах страны: «Национальная стратегия устойчивого развития на 2018–2040 гг.», Концепция цифровой трансформации «Санарип Кыргызстан 2019–2023» («Цифровой Кыргызстан 2019–2023») [2].

Тем не менее «влияние ускоренного внедрения цифровых технологий в государственное управление имеет свои положительные аспекты в области экологической безопасности и ряд неясных моментов. Это связано с тем, что формирование цифровой экономики – это формирование новой системы и новой основы для развития человеческого общества.

Давайте рассмотрим существующую правовую базу для обеспечения экологической безопасности» [9]. В действующей правовой базе были разработаны необходимые нормативные акты, контролирующие аспекты экологической безопасности Кыргызской Республики, но многие вопросы цифровизации в области экологической безопасности остаются малоизученными. Принимая во внимание всю существующую палитру нормативных актов в сфере охраны окружающей среды, возникают следующие вопросы:

Во-первых, какие экологические последствия возникнут в контексте реализации (тенденций) внедрения концепции цифровой экономики?

Во-вторых, какие существуют альтернативы для того, чтобы воспользоваться промежуточными и достижимыми успехами программы цифровой экономики для обеспечения экологической безопасности?

В-третьих, возникнут ли неучтенные риски и опасности в природной и техногенной сфере с цифровизацией всех сфер жизни общества?

Реализация комплекса мер программы цифровой экономики все еще находится на ранней стадии, и пока рано утверждать о значительном повышении эффективности государственного управления за счет цифровизации основных процессов управления в области экологической безопасности. Более того, всегда осуществлялось внедрение новейших технологий в процесс автоматизации управленческой деятельности» [9].

Как верно отметили К. К. Керезбеков и Н. А. Мусабаева, «в стране имеется определенная правовая база в области обеспечения экологической безопасности, создана система органов, определены их полномочия, задачи и функции в данной сфере. Однако наличие специального законодательства пока не стимулирует переход на экологически эффективные цифровые технологии и проведение природоохранных мероприятий. Правовое регулирование отношений в сфере обеспечения цифровизации экологической безопасности не всегда эффективно и требует дальнейшего совершенствования» [4. С. 275–278].

Отчасти этому способствует существующая «фрагментарность» законодательства, регулирующего вопросы экологической безопасности, отсутствие единого нормативно-правового акта, который бы собирал все основные вопросы в этой области. Кроме того, законотворческая работа государства в сфере экологических правоотношений в этих условиях требует иного подхода [3. С. 67]. Многие ученые отмечают в своих исследованиях, что сфера применения природоохранного законодательства нуждается в пересмотре с учетом развития информационных технологий и их воздействия. Эти факторы оказывают негативное влияние не только на действующее правовое регулирование общественных отношений, но и на окружающую среду, качество жизни и здоровье людей. В стране подавляющее большинство исследований ученых сосредоточено на конституционных, теоретических, правовых и уголовно-правовых аспектах экологического права, не придавая значения влиянию цифровых технологий на экологическую безопасность общества. Поэтому требуются фундаментальные целенаправленные исследования влияния цифровых технологий на экологическую безопасность, совершенствование нормативно-правовой базы, направленные на формирование соответствующего общественного правосознания и экологического законодательства с учетом развития информационных технологий [6. С. 134].

Но, к сожалению, проблемы экологии есть везде. Нынешняя ситуация в экологической среде, с нашей точки зрения, очень плачевна. Граждане не обладают достаточными знаниями в области охраны окружающей среды, отсутствует бережное отношение к ней, акцентируется внимание на недостатках в правовом регулировании экологической безопасности [5. С. 98].

Совершенствование правового регулирования экологической безопасности должно быть комплексным и учитывать как социальные, так и экономические аспекты [7]. Это поможет обеспечить баланс между развитием и защитой окружающей среды в Кыргызстане.

Говоря о потенциале улучшения правового обеспечения экологической безопасности в Кыргызской Республике, можно рассмотреть следующие аспекты:

1. Законодательная база: Кыргызстан может пересмотреть и дополнить свои законы и нормативные акты, чтобы они соответствовали современным экологическим стандартам. Это включает в себя принятие более строгих норм в отношении выбросов и расходов на охрану окружающей среды.

2. Обеспечение исполнения законов: важно создать эффективные механизмы контроля и надзора за соблюдением экологических норм. Государство может усилить свой контроль за счет применения систем дистанционного мониторинга предприятиями и обеспечить беспристрастное расследование экологических правонарушений.

3. Регулирование добычи природных ресурсов: Кыргызстан может пересмотреть и обновить правила и условия выдачи лицензий на добычу природных ресурсов, таких как золото и минеральные ресурсы. Это позволит более эффективно контролировать и регулировать эксплуатацию природных богатств.

4. Содействие инновациям и экологическим технологиям: поощрение и поддержка инноваций в области экологически чистых технологий; внедрение робототехнических комплексов может снизить негативное воздействие промышленных и добывающих предприятий на окружающую среду.

5. Участие общественности: содействие активному участию граждан и местного населения в принятии решений, касающихся экологической безопасности, может способствовать более справедливым и обоснованным решениям.

6. Международное сотрудничество: сотрудничество с международными организациями и соседними странами позволит решать трансграничные экологические проблемы и обмениваться опытом в области экологической безопасности.

7. Экологическое образование: развитие программ экологического образования и информационной кампании о важности охраны окружающей среды может способствовать повышению осведомленности и ответственности граждан.

Совершенствование правового регулирования цифровизации экологической безопасности должно быть долгосрочной и системной задачей, направленной на балансирование экономических интересов и устойчивой охраны природы. Это также может способствовать привлечению инвестиций в экологически чистые отрасли и поддержке устойчивого развития Кыргызстана; созданию эффективной цифровой концепции экологической безопасности, гарантирующей гражданам их конституционное право на благоприятную окружающую среду.

Список литературы

1. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года (принята референдумом 11 апреля 2021 года). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru>

2. Как развивается цифровая экономика в Кыргызской Республике. URL: <https://cdo2day.ru/articles/kak-razvivaetsja-cifrovaja-jekonomika-v-kirgizskoj-respublike/>

3. Бедный О. П. Правовые аспекты обеспечения экологической безопасности // Проблемы обеспечения экологической безопасности. Сборник научных трудов / под ред. В. Н. Лопатина. М., 2003.

4. Керезбеков К. К., Мусабаева Н. А. Пути совершенствования обеспечения экологической безопасности в Кыргызской Республике. Вестник Кыргызской Государственной юридической академии. 2014. № 2.

5. Belokrylova E. A. Problems of legal maintenance of ecological safety of nanotechnology: the experience of Russia and the European Union // Environmental Law. 2013. № 2.

6. Bednyy O. P. Legal aspects of environmental safety // Problems of environmental safety. Collection of scientific works / V. N. Lopatin (Ed.). M., 2003.

7. Даваева К. К. Проблемы экологической безопасности в контексте задач устойчивого развития регионов России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. Октябрь. URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&vie=706&Itemid=91

8. К вопросу о необходимости принятия Федерального закона «Об экологической безопасности в Российской Федерации». URL: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=56348>

9. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Цифровизация в сфере экологической безопасности: административно-правовой аспект // Юрист. 2019. № 4. С. 14–19.

С. Э. Лексашов,

аспирант,

Российская таможенная академия

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СРЕДСТВ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Аннотация. Целью настоящего исследования является Правовой анализ использования автоматизированных средств выявления правонарушений в таможенной сфере в Соединенных Штатах Америки. Автором представлен анализ таможенно-пограничной службы США, произведен анализ процесса автоматизации таможенно-пограничной службы США. Произведен анализ таможенных правонарушений, в процессе выявления которых используются автоматизированные средства, а также дана их правовая характеристика. Автор выделяет пять основных юридических проблем, решение которых необходимо для полноценного внедрения автоматизированных средств.

Ключевые слова: таможенное право, автоматизация процессов, административные правонарушения, сравнительный анализ, правовое регулирование, законодательство, федеральные органы, США

LEGAL ANALYSIS OF THE USE OF AUTOMATED MEANS OF DETECTING OFFENSES IN THE CUSTOMS SPHERE IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Abstract. The purpose of this study is a legal analysis of the use of automated means of detecting offenses in the customs sphere in the United States of America. The author presents an analysis of the US Customs and Border Service, analyzes the automation process of the US customs and border service. The analysis of customs offenses, in the process of identifying which automated means are used, is carried out, as well as their legal characteristics are given. The author identifies five main legal problems, the solution of which is necessary for the full implementation of automated tools.

Keywords: customs law, process automation, administrative offenses, comparative analysis, legal regulation, US legislation, US federal agencies

Введение. Термин «исполнительная власть», первоначально предложенный Дж. Локком в «Двух трактатах о правительстве» (1690), включает в себя полномочия по управлению общественными делами посредством подчинительного регулирования, внешнеполитического представительства, административного управления и т. д. Исполнительная власть отвечает за исполнение законов [1. С. 767]. В труд «О духе законов» С. Л. Монтескье подчеркивает важность отделения судебной власти от законодательной и исполнительной для сохранения свободы, так как слияние исполнительной и судебной власти может привести к притеснениям со стороны судей [3. С. 674].

Основная часть. Министерство внутренней безопасности США является федеральным органом исполнительной власти с обширной правоохранительной юрисдикцией. Его возглавляет член Кабинета министров, назначаемый с одобрения Сената, и он подотчетен главе государства [4. С. 57–65]. В сложной структуре правоохранительных органов США значительное влияние и авторитет имеет Министерство внутренней безопасности. Это самый молодой департамент, созданный после террористических атак 11 сентября 2001 г. Процесс формирования этого департамента начался с подписания президентом Джорджем Бушем 25 ноября 2002 г. Закона о внутренней безопасности.

Руководство ведомства отвечает за надзор за национальной безопасностью, национальными программами, научной деятельностью, разведывательной и аналитической деятельностью. В рамках этих областей в состав Департамента входят два таможенных органа: Таможенная и пограничная служба США и Иммиграционная и таможенная служба США. Предшественником этих департаментов была Таможенная служба США, действовавшая в рамках Министерства финансов США. В марте 2003 г. в рамках реформы национальной безопасности единая Таможенная служба была упразднена. Функции, связанные с контролем на пунктах въезда в страну, взяла на себя Таможенная и пограничная служба США. Иммиграционная и таможенная служба США стала единым органом, объединившим следственные и правоохранительные подразделения Таможенной службы, а также Службу иммиграции и натурализации США и Федеральную службу охраны, которые были упразднены в марте 2003 г. [10].

Таможенно-пограничная служба США (далее – ТПС США) играет важную роль в охране границ страны, обеспечении безопасности ее граждан и содействии законной международной торговле [5. С. 97–101]. В последние годы ТПС США все чаще использует передовые технологии, в том числе автоматические средства выявления правонарушений. Однако по мере того, как такого рода технологии становятся все более популярными, нарастает и важность оценки их юридических последствий, а именно соответствие использования такого рода технологий конституционным гарантиям и применение их в соответствии с надлежащей правовой процедурой.

Автоматические средства выявления правонарушений охватывают ряд технологических решений, таких как системы распознавания лиц, биометрическая идентификация, искусственный интеллект и анализ данных [6. С. 100–112]. Эти инструменты позволяют ТПС США эффективно выявлять потенциальные угрозы, в том числе контрабанду, нелегальную иммиграцию, и проводить идентификацию лиц, причастных к преступной деятельности, одновременно ускоряя перемещение товаров и переход через границу законопослушных граждан [7. С. 324–325].

Прежде всего необходимо понимать, на что направлено выявление правонарушений и какого рода правонарушения имеются в виду.

Основные законы, регулирующие правонарушения в таможенной сфере, содержатся в Разделе 19 Кодекса Соединенных Штатов (Кодекс США, англ. United States Code (U.S.C.) – сводная кодификация федерального законодательства США) и Разделе 19 свода федеральных правил (англ. Code of Federal Regulations (S.F.R.) – кодификация общих и постоянных правил (подзаконных актов), обнародованных исполнительными департаментами и агентствами федерального правительства Соединенных Штатов) [8. С. 131]. Эти законы охватывают широкий спектр таможенных правонарушений включают, помимо прочего, следующие:

1. Контрабанда. Контрабанда включает в себя незаконный ввоз или вывоз товаров в или из Соединенных Штатов с целью обмана таможенных органов. Она включает в себя незаконную перевозку запрещенных или ограниченных в обороте предметов, таких как наркотики, контрафактные товары или природные ресурсы (животные), находящиеся под угрозой исчезновения.

2. Ложные сведения. Предоставление ложных сведений или мошеннических документов сотрудникам таможни является серьезным правонарушением. Оно включает в себя предоставление недостоверной информации в таможенных декларациях, счетах-фактурах или других документах, связанных с импортом или экспортом товаров.

3. Нарушение прав интеллектуальной собственности. Таможенное законодательство также касается защиты прав интеллектуальной собственности, таких как товарные знаки, авторские права и патенты. Импорт или экспорт контрафактных или пиратских товаров, а также товаров, нарушающих права интеллектуальной собственности, строго запрещен.

4. Торговые нарушения. Таможенные правила также регулируют международную торговую практику, включая антидемпинговые и компенсационные пошлины. Эти правила действуют для предотвращения недобросовестной торговли

практики, такой как импорт товаров по ценам ниже рыночных или с несправедливыми субсидиями.

5. Таможенное мошенничество. Регулируются также различные акты мошенничества, связанные с таможенными процессами, в том числе занижение стоимости товаров, выставление ложных счетов-фактур, неправильная классификация товаров и другие подобные правонарушения.

Хотя использование автоматических средств для выявления правонарушений может оказать ценную поддержку ТПС США, важно обеспечить их применение в соответствии с применимыми законами и конституционными гарантиями. В связи с этим возникает несколько юридических вопросов:

1. Обоснованное подозрение в совершении правонарушения: четвертая поправка к Конституции США защищает от необоснованных обысков и конфискаций. Использование автоматических средств для выявления правонарушений должно основываться на разумных подозрениях, т. е. должны иметься конкретные, поддающиеся формулировке факты, которые дают основания полагать, что правонарушение произошло или вот-вот произойдет. ТПС США должна продемонстрировать обоснованную базу для использования этих технологий в отношении отдельных лиц или товаров.

2. Права на неприкосновенность частной жизни: использование таких технологий, как распознавание лиц и биометрическая идентификация, вызывает озабоченность по поводу прав на неприкосновенность частной жизни. ТПС США должна обеспечить сбор, хранение и анализ персональных данных в рамках закона. Прозрачность и подотчетность необходимы для защиты прав на неприкосновенность частной жизни и предотвращения возможных злоупотреблений или неправомерного использования собранных данных.

3. Безопасность данных: ТПС США должна внедрить надежные меры безопасности данных для защиты информации, собранной с помощью автоматических средств обнаружения правонарушений. Хранение и передача конфиденциальных данных должны быть защищены от несанкционированного доступа или нарушений, сводя к минимуму риск кражи личных данных или неправомерного использования данных [9. С. 106–114].

4. Процедурные гарантии: использование автоматических средств выявления правонарушений должно соответствовать установленным процессуальным гарантиям. К ним относятся предоставление четких рекомендаций по точности системы, проведение соответствующего обучения сотрудников ТПС США, использующих эти технологии, и создание справедливой и эффективной системы для устранения ложных срабатываний или ошибочных идентификаций [2. С. 130].

5. Дискриминация и предвзятость: растет беспокойство тем, что такого рода технологии могут усилить предубеждения или привести к дискриминационной практике. ТПС США должна гарантировать, что разработка, внедрение и использование этих технологий не будут непропорционально нацелены на конкретных лиц на основе их расы, этнической принадлежности, религии или других характеристик, включенных в антидискриминационную политику.

Заключение. Использование ТПС США автоматических средств для выявления правонарушений имеет огромный потенциал для повышения безопасности границ

и облегчения законной торговли и поездок. Однако крайне важно сбалансировать эти достижения с правовой и конституционной защитой. Принимая во внимание такие вопросы, как разумные подозрения, конфиденциальность, безопасность данных, процессуальные гарантии и дискриминация, ТПС США может эффективно использовать эти технологии, соблюдая при этом индивидуальные права и обеспечивая надлежащую правовую процедуру. Продуманная и всеобъемлющая правовая база будет иметь важное значение для руководства их использованием и сведения к минимуму потенциальных рисков или злоупотреблений, связанных с этими технологиями.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия (в 35 т.). Т. 12. Исландия Канцеляризм. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 767.
2. Бойкова М. В. Зарубежный опыт таможенного администрирования / М. В. Бойкова; под общ. ред. В. В. Макрусева. М.: РИО Российской таможенной академии, 2017. С. 130.
3. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Азбука-Аттикус, 2023. С. 674.
4. Зубович Г. Д. Обзор учебного пособия для бакалавриата и магистратуры: «Фролова О. А. политическая система США: институты и акторы. М., 2019.» // Право и современные государства. 2019. № 2. С. 57–65.
5. Грищенко В. В., Дмитроченко К. И. Структура, направления деятельности и инновации в таможенной службе США // NovaUm. Ru. 2018. № 12. С. 97–101.
6. Варнавский В. Г. Роль США в мировой промышленности и торговле как глобальная проблема // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 2. С. 100–112.
7. Закатова Е. Э., Назарова О. Г. Зарубежный опыт автоматизации предоставления таможенных услуг // Проблемы и перспективы внешнеэкономической деятельности в условиях инновационного развития, модернизации и цифровизации. 2022. С. 324–325.
8. Курмакаева Г. Р. Таможенное регулирование в России и США: сравнительный анализ // Актуальные проблемы внешнеэкономической деятельности и таможенного дела: сб. статей по материалам. 2022. С. 131.
9. Киселева Н. В. Внедрение новых информационных технологий: опыт таможенных служб зарубежных стран // Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский филиал Российской таможенной академии, 2019. С. 106–114.
10. Homeland Security Act of 2002 / Official website of the Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/homeland-security-act-2002>

А. С. Логинова,

кандидат юридических наук, доцент,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

Я. А. Сазанова,

студент,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОРЯДКЕ ДОСУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В статье рассматривается применение цифровых технологий при досудебном урегулировании споров между участниками внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) и таможенными органами. Цифровизация государственных услуг активно развивается, и досудебное обжалование не осталось в стороне. Противоэпидемиологические мероприятия и ограничения, связанные с нераспространением COVID-2019, лишь ускорили процессы цифровизации и масштабировали свое влияние на все сферы государственного управления. Авторами описан процесс досудебного обжалования в таможенных органах с применением цифровых технологий и выделены «болевые точки» досудебного обжалования решений таможенных органов и предложены методы по их устранению. Целью исследования является выделение проблем досудебного урегулирования споров между участниками ВЭД и таможенными органами и выработка предложений по их разрешению.

Ключевые слова: досудебное урегулирование, обжалование решений, таможенные органы, цифровые технологии, участники внешнеэкономической деятельности

USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ORDER OF PRE-JUDICIAL APPEAL OF DECISIONS, ACTIONS (INACTION) OF THE CUSTOMS AUTHORITIES

Abstract. The article discusses the use of digital technologies in the pre-trial settlement of disputes between participants in foreign economic activity (hereinafter referred to as foreign economic activity) and customs authorities. The digitalization of public services is actively developing and pre-trial appeal has not been left aside. Anti-epidemiological measures and restrictions related to the non-proliferation of COVID-2019 only accelerated the digitalization processes and scaled their impact on all areas of public administration. The authors describe the process of pre-trial appeal in the customs authorities using digital technologies and highlight the “pain points” of the pre-trial appeal of decisions, actions (inaction) of the customs authorities and propose methods for their elimination. The purpose of the study is to highlight the problems of pre-trial settlement of disputes between participants in foreign economic activity and customs authorities and develop proposals for their resolution.

Keywords: pre-trial settlement, appeals against decisions, digital technologies, participants in foreign economic activity, customs authorities

На сегодняшний день в России активно развиваются национальные программы, которые направлены на становление государственного управления в цифровом формате. Речь идет о «цифровой экономике», «цифровом праве» и «цифровом обществе» [8]. Целью национальных программ, направленных на цифровизацию, является увеличение уровня предоставления государственных услуг в цифровом формате. Предоставление государственных услуг в цифровой среде значительно повышает доступность получения государственных услуг населением. Особая актуальность цифровизации государственных услуг видится в таможенной сфере, что обусловлено самой спецификой таможенного дела. Цифровизация совершения таможенных операций началась в 2014 г. В настоящее время 95 % всех таможенных операций совершаются с применением цифровых технологий.

Досудебное обжалование решений, действий таможенных органов имеет ряд весомых преимуществ по сравнению с институтом судебного обжалования: отсутствие строгой формы жалобы (заявления) (далее – обращение), сжатые сроки рассмотрения обращения, отсутствие государственной пошлины. Таможенные органы являются органами административной юрисдикции и уполномочены на применение института досудебного обжалования при разрешении споров с участниками ВЭД.

В юридической доктрине институту досудебного урегулирования споров уделено должное внимание. А. Ю. Кайжакпарова в своем исследовании говорит о том, что спорные вопросы, жалобы и обращения, возникающие при взаимодействии граждан и государства, регламентированы установленными государством правилами, которые принято назвать «административной юстицией» [4. С. 34].

С. Ж. Соловых под институтом административной юстиции понимает «порядок реализации государственного управления, отличный по своей материально-правовой природе от частных правоотношений, охватывающий все формы деятельности государства, направленные на урегулирование социальных процессов в государстве в целях создания справедливого управления в государстве» [7. С. 121–123].

Защита нарушенных прав, обжалование действий (бездействий) представителей власти, в рамках административной юстиции, осуществляется через институт досудебного и судебного обжалования.

Д. В. Леонов под институтом досудебного обжалования понимает «вид государственного управления, направленный на обеспечение оперативной защиты и восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан без обращения в судебные органы» [6. С. 63].

П. А. Курындин говорит о том, что «досудебное обжалование действий (бездействий) или решений административных органов выступает эффективным средством защиты прав и свобод частных лиц, позволяющим ускорить и упростить разрешение публично-правовых споров» [5].

В 2022 г. наблюдалась положительная тенденция в процессе досудебного обжалования решений таможенных органов. Согласно статистическим данным, приведенным в официальных источниках, за последний год количество жалоб,

поступивших для рассмотрения в таможенные органы, увеличилось на 23 %. Эти данные говорят о том, что институт досудебного обжалования и рассмотрения споров стал более популярен и востребован [9].

Активность применения института досудебного обжалования при решении вопросов взаимодействия с таможенными органами обоснована правовым закреплением института досудебного обжалования в Таможенном кодексе ЕАЭС [1], Федеральном законе от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], приказами Федеральной таможенной службы России (далее – ФТС России) и цифровизацией процедуры подачи жалобы в личном кабинете участника ВЭД [3].

Сам процесс досудебного обжалования достаточно прост, и регламентирован в соответствующих указаниях и заключается в подаче жалобы, заявления в соответствующий таможенный орган. Право на обращение в порядке досудебного обжалования в равной степени имеют физические и юридические лица. Обращение подается через таможенный орган, которым принято обжалуемое решение или чьи действия (бездействия обжалуются) в вышестоящий таможенный орган.

При подаче жалобы в виде цифрового сообщения, под цифровыми технологиями следует понимать упорядоченную совокупность документированной информации (базы данных, другие массивы информации), содержащейся в информационных системах таможенных органов. Должностные лица таможенных органов при рассмотрении обращений физических и юридических лиц используют Автоматизированную информационную систему «Учет и контроль исполнения документов (далее – УКИД) и Единую автоматизированную информационную систему таможенных органов (далее – ЕАИС ТО) «АИСТ-М» [3].

Обращение в виде жалобы или заявления подается в правовое подразделение таможенного органа, компетентного на его рассмотрение и принятие решения. Обращение во внесудебном порядке подается в таможенный орган в течение трех месяцев со дня, когда стало известно или должно было стать известно о неправомерном решении, действии (бездействии) таможенного органа или должностного лица таможенного органа. Перечень уважительных причин для восстановления пропущенного срока обжалования не является фиксированным.

Обращение в таможенный орган пишется в произвольной форме, но должно содержать в себе следующие данные: наименование таможенного органа, данные о заявителе (ФИО, адрес, ИНН), норма права, на основании которой подается жалоба и предмет обжалования. К жалобе прикладываются оригиналы или заверенные копии правоустанавливающих документов и документов, на основании которых подается жалоба. Таможенный орган, также правомочен произвести запрос всех необходимых документов.

Подача жалобы не приостанавливает исполнения обжалуемого решения таможенного органа или совершения таможенным органом обжалуемого действия, в этих целях подается соответствующее ходатайство.

Заявитель в любой момент может отозвать жалобу до принятия решения по существу таможенным органом, рассматривающим жалобу. Таможенный орган

может отказать в рассмотрении жалобы. Срок рассмотрения жалобы составляет один месяц и может быть продлен [2].

При поступлении жалобы в таможенные органы происходит ее регистрация, а затем направляется специализированный запрос в функциональные подразделения таможенных органов в соответствии со спецификой обращения. Например, если обжалуется решение должностного лица таможенного органа о таможенной стоимости, то запрос необходимо сделать в отдел, занимающийся вопросами контроля таможенной стоимости. Запрос оформляется в виде служебной записки. Так же оформляется и запрос в нижестоящие таможенные органы о сути обжалуемого решения таможенного органа.

Функциональное подразделение в течение пяти рабочих дней, если иной срок не установлен, должно вынести заключение по доводам жалобы. Параллельно подразделение таможенного органа, в которое поступила жалоба, изучает судебную практику и формирует решение. По итогам рассмотрения принимается решение. В связи с внедрением программной задачи «Электронное обжалование» и комплекса программных средств «Таможня и право – Обжалование» (далее – КПС «Обжалование») с 01.01.2022 регистрация и учет решений, принятых по жалобам, осуществлялись исключительно в КПС «Обжалование». КПС «Обжалование» – это информационная система, позволяющая безошибочно вести учет поступающих жалоб в системе ВЭД.

Приказом ФТС России от 25 февраля 2022 г. № 130 [3] регламентированы порядок и условия подачи обращения в таможенный орган посредством цифровых технологий и последовательность действий при рассмотрении обращения в электронном виде, формат и структура электронного обращения, основания для отказа в рассмотрении и уведомление о продлении срока ее рассмотрения.

Наблюдается тенденция роста применения института досудебного обжалования решения таможенных органов. В качестве примера рассмотрим показатели использования института досудебного обжалования Приволжского федерального округа (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Динамика рассмотрения обращений по существу и отказу в рассмотрении таможенными органами Приволжского региона [9]

Показатель	2021	2022
Рассмотрено по существу	185	267
Отказано в рассмотрении жалоб	108	162

Примечание. Статистика приведена с учетом всех таможенных органов Приволжского региона и учета данных Приволжской электронной таможни.

Таблица 1 отражает увеличение количества рассмотренных жалоб по существу в 2022 г. по сравнению с 2021 г. на 44 %, также на 54 % увеличилось количество отказов в рассмотрении обращений таможенными органами Приволжского региона. Основная нагрузка по рассмотрению обращений в досудебном порядке приходится на Приволжскую электронную таможню. Приволжской электронной таможней в 2022 г. было рассмотрено по существу 195 обращений.

Таблица 2

Результаты рассмотрения жалоб в порядке досудебного обжалования таможенными фактического контроля Приволжского региона [10]

Наименование таможенного органа	Рассмотренные жалобы по существу в 2021 г.	Рассмотренные жалобы по существу в 2022 г.
Башкортостанская таможня	0	5
Нижегородская таможня	7	7
Пермская таможня	4	0
Саратовская таможня	4	5
Самарская таможня	8	8
Татарстанская таможня	3	5
Итого	26	30

Примечание. Статистика приведена с учетом всех таможенных органов Приволжского региона, кроме Приволжской электронной таможни. 72 обращения было рассмотрено Приволжским таможенным управлением.

Таблица 2 отражает увеличение количества рассмотренных жалоб в порядке досудебного обжалования таможенными фактического контроля Приволжского региона в 2022 г. по сравнению с 2021 г. на 10,5 %.

Институт досудебного обжалования в таможенных органах активно применяется, но не лишен сложностей. В качестве первой проблемы при разрешении спора в порядке досудебного обжалования стоит назвать слабое межведомственное взаимодействие подразделений таможенных органов. Функциональные подразделения, в которые были сделаны уточняющие запросы, нередко дают очень краткие разъяснения по существу спора. Это приводит к неверным решениям по жалобам (заявлениям), и, как следствие, следует судебное обжалование действий (бездействий), решений таможенных органов. Второй проблемой является высокая степень загруженности должностных лиц таможенных органов, занимающихся вопросами досудебного обжалования, что приводит к ошибкам при регистрации обращения в КПС «Обжалование».

Исследование процессов досудебного обжалования в таможенных органах показало необходимость дальнейшей цифровизации и автоматизации процесса досудебного урегулирования. По опыту автоматической регистрации и автоматического выпуска товарных партий с применением цифровых технологий можно разработать и применять автоматические алгоритмы в институте досудебного обжалования. Например, при подаче жалоб (заявление) будет проходить через автоматические алгоритмы, позволяющие выявить недостатки поданного обращения на первоначальном этапе.

В первую очередь необходимо расширить возможности личного кабинета участника ВЭД при подаче жалобы (заявления) в досудебном порядке. Целесообразно настроить сервис таким образом, чтобы не было возможности отправить жалобу (заявление), если срок обжалования уже прошел, и уважительные причины пропуска срока отсутствуют. Для этого в личном кабинете участника

ВЭД необходимо добавить сервис по внесению даты принятия решения или совершения обжалуемого действия (бездействия), тогда контроль соблюдения сроков по подаче обращения будет совершен автоматическими алгоритмами. В случае если участник ВЭД указывает и подтверждает уважительную причину пропуска срока, жалоба будет автоматически принята к рассмотрению.

В целях контроля пропуска срока досудебного обжалования без уважительных причин необходимо сделать и вкладку для прикрепления подтверждающих документов. Указанная мера позволит автоматизированной системе считывать сроки подачи жалобы и отклонять жалобу (заявление) автоматизированно.

Таможенные органы вынуждены дублировать решение по жалобе заказным письмом заявителю, даже если жалоба была подана в электронном виде. В связи с чем возникает проблема дополнительных затрат на документооборот. Полагаем, что необходимо внести изменения в законодательство и зафиксировать достаточность отправки решения по жалобе (заявлению) через личный кабинет участников ВЭД, как это делают налоговые органы и военные комиссариаты.

Для упрощения процессов принятия решений по жалобам (заявлениям) в порядке досудебного обжалования необходимо создать единую базу принимаемых решений в порядке досудебного обжалования с подключением всех региональных управлений к единой базе, а также разрешить доступ к базе решений ФТС России. Такой подход позволит улучшить связь с соседними регионами и даст возможность ознакомления с решениями по жалобам соседних регионов. Целесообразно сделать настройки по поиску нужного решения, принятого в порядке досудебного обжалования по ключевым словам, что даст возможность оперативно изучить опыт других таможенных органов по разрешению спора с учетом его специфики.

В ходе исследования выявлено, что в отечественном законодательстве нет единого нормативно-правового акта, который гарантировал бы право на процедуру досудебного обжалования, тем не менее есть ряд подзаконных актов, в которых четко указан сам механизм и возможности досудебного обжалования в органах государственной власти. Полагаем, что есть необходимость закрепления на общефедеральном уровне административных процедур по порядку досудебного обжалования. Так, во Франции нормативным актом досудебного обжалования является Кодекс о регулировании отношений между частными лицами и администрацией [11].

Итак, проведенное исследование порядка досудебного обжалования решений, действий (бездействия) таможенных органов позволяет сделать вывод о том, что дальнейшее развитие досудебного обжалования должно проходить через призму расширения применения цифровых технологий. Предложенные рекомендации по совершенствованию досудебного обжалования в таможенных органах позволят ускорить процессы рассмотрения жалоб (заявлений), снизить издержки участников ВЭД и повысить уровень доверия к принимаемым таможенными органами решениям в порядке досудебного обжалования.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19159
2. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211058
3. Об обжаловании решений, действий (бездействия) таможенных органов и их должностных лиц в электронной форме: Приказ ФТС России от 25 февраля 2022 г. № 130 // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50198
4. Кайжакпарова А. Б., Ермекбаев Б. Б. Институты обжалования в системе административной юстиции // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2018. № 5(54). С. 42–49.
5. Курьиндин П. А. Досудебное обжалование действий (бездействия) или решений административных органов: опыт России и Франции: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 3.
6. Леонов Д. В. Административно-правовой институт досудебного обжалования: автореферат дис. кан. юрид. наук. СПб., 2021. – С. 3.
7. Соловых С. Ж. Понятие административной юстиции // Вестник Тюменского государственного университета. 2021. № 1(5). С. 48.
8. Цифровое государственное управление. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882>
9. Официальный сайт Федеральной таможенной службы России Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации в 2022 году». URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii>
10. Итоги деятельности за год // Официальный сайт Приволжского таможенного управления. URL: <https://ptu.customs.gov.ru/folder/135673>
11. Aderno A. Lesilence de l'administration vaut désormais accord ... en principe. URL: http://www.seban-associes.avocat.fr/?module=actualites&page=4&article=104&ID_newsletter=107

А. А. Максименко,

доктор социологических наук,
кандидат психологических наук, доцент,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

А. В. Зябликов,

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

А. В. Вахрушева,

магистрант,
Костромской государственной университет

УДАЛИТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ: ЦИФРОВАЯ СИМУЛЯЦИЯ В ОНЛАЙН-ДИАЛОГЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа такого онлайн-явления, как цифровая симуляция в сетевом диалоге власти и общества, на основании данных социологического опроса. Опрос показал, что данный феномен весьма распространен в цифровом пространстве. Люди более старшего возраста, а также респонденты, проживающие в мегаполисах, более внимательны (и, соответственно, более требовательны) к цифровым корректировкам со стороны представителей органов власти. В качестве рекомендаций предлагается осуществление публичного контроля за подобными действиями в социальных сетях. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FZEW-2023-0007).

Ключевые слова: цифровая публичная сфера, цифровая симуляция, цифровой след, цифровой диалог, дискурс

DELETE OR LEAVE: DIGITAL SIMULATION IN THE ONLINE DIALOGUE BETWEEN THE AUTHORITIES AND SOCIETY

Abstract. In this article, the authors attempt to analyze such an online phenomenon as digital simulation in the online dialogue between government and society. The survey of 1,344 respondents (the average age of the respondents is 34.52 years; 56 % are women, 44 % are men) showed that this phenomenon is very common in the digital space. Older people, as well as respondents living in megacities, are more attentive (and, accordingly, more demanding) to digital adjustments by government representatives. As recommendations, the authors propose to implementation public control over such actions in social networks.

Keywords: digital public sphere, digital simulation, digital footprint, digital dialogue, discourse

Мыслимая Ю. Хабермасом [3] публичная сфера как пространство рациональной дискуссии, основанное на принципах открытости и равенства сторон, а также на общепринятых и совместно разработанных критериях и стандартах, трансформировалась посредством цифрового диалога в гиперреальность (порождение

моделей реального без оригинала). По мнению Ж. Бодрийяра [1], между бытием и его отображением уже нет зеркальности. Эра симуляции с искривлением истины и ликвидацией всех референтов искусственно воскрешается сообществом просвещенной бюрократии в цифровом следе в виде цифровых симулякров, которые, согласно мысли философа, ставят под сомнение не только истину, но и ложь. В публичной сфере [2] такому сомнению в цифровой среде можно подвергнуть как реальные проблемы населения, так и их воспроизведение в цифровом публичном пространстве. Доступная среда, позволившая любому гражданину цифровым следом оперативно заявить о какой-либо проблеме, дает возможность официальным лицам воспроизвести цифровую симуляцию в цифровом диалоге, создав синтетический продукт гиперреальности. В этой связи особый исследовательский интерес состоит в изучении цифрового редактирования сетевого дискурса со стороны государственных и муниципальных служащих (как органов исполнительной власти, так и органов местного самоуправления). Подобное редактирование (удаление) комментариев под записями на официальных страницах губернаторов и мэров городов администраторами этих страниц стало довольно заметным явлением.

В качестве инструмента для исследования цифровой симуляции в онлайн-среде был использован двухпунктный опросник, включающий два утверждения: «Как часто Вы могли наблюдать в социальных сетях удаление комментариев о проблемах горожан модераторами официальной страницы губернатора?» и «Как часто Вы могли наблюдать в социальных сетях удаление комментариев о проблемах горожан модераторами официальной страницы мэра?». Инструкция предполагала ответы на вопросы по 6-балльной шкале: 1 – никогда; 2 – очень редко; 3 – довольно редко; 4 – затрудняюсь ответить; 5 – довольно часто; 6 – очень часто.

Всероссийский опрос осуществлялся в период с 3 по 5 сентября 2023 г. с помощью онлайн-сервиса Toloka (toloka.yandex.ru) и онлайн-конструктора анкет Анкетолог (anketolog.ru). В исследовании приняли участие 1344 респондента. Возраст анкетированных от 18 до 73 лет (средний возраст – 34,52; SD = 11,66), половой состав опрошенных включал 56 % женщин и 44 % мужчин. Кроме пола и возраста, отмечался субъективный доход респондентов и степень их религиозности, учитывался размер населенных пунктов, в которых проживают опрошенные (степень урбанизации респондента). Так, 13,7 % респондентов проживают в столице России – Москве; в других городах-миллионниках – 27,2 %; треть опрошенных (33,3 %) – в крупных городах России с численностью населения менее 1 млн человек; а четверть респондентов (25,8 %) – в районных центрах. По уровню образования основная доля опрошенных приходится на людей с законченным высшим – 50,9 %, со средним и незаконченным высшим образованием – 46,7 %, у 2,5 % респондентов имеется ученая степень. Почти половина опрошенных (47,4 %) оценивают свой субъективный уровень дохода как средний, 35,6 % считают свои доходы низкими, при этом десятая часть респондентов (9,9 %) еле сводят концы с концами.

Анализ полученных данных позволил заключить, что опрошенные замечают цифровые коррекции со стороны администраторов официальных страниц губернаторов/мэров городов в цифровом диалоге «власть – общество» (табл.).

**Цифровое редактирование официальных страниц губернатора/мэра
в социальных сетях, по мнению респондентов (N = 1344 чел), %**

Утверждение	Никогда	Очень редко	Довольно редко	Затрудняюсь ответить	Довольно часто	Очень часто
Официальный профиль губернатора региона в социальных сетях	25,1	15,8	11,8	30,7	11,2	5,4
Официальный профиль мэра в социальных сетях	24,6	14,7	14,4	33,2	9,4	3,6

Как видно из таблицы, затруднились с ответами на вопрос о цифровых симуляциях в обоих случаях около трети респондентов: 30,7 % (по редактированию комментариев под записями на официальных страницах губернаторов) и 33,2 % (по редактированию комментариев под записями на официальных страницах мэров). Четверть респондентов (25,1 и 24,6 %) не замечали цифровых корректив в профилях первых лиц регионов и муниципалитетов. Редкими (суммирование ответов «очень редко» и «довольно редко») называют такие вмешательства в цифровой диалог «власть – общество» 27,6 % респондентов в отношении официальных страниц губернаторов и 29,1 % ответивших в отношении официальных страниц мэров. Частые коррективы (суммирование ответов «очень часто» и «довольно часто») в цифровом диалоге «власть – общество» (удаление комментариев под постами первых лиц регионов и российских городов) заметили 16,6 % респондентов в отношении губернаторов и 13 % в отношении персональных страниц мэров муниципалитетов.

Проведенный корреляционный анализ позволил установить, что чаще цифровые коррективы замечают люди более старшего возраста ($p < 0,05$), а также респонденты, проживающие в более крупных городах ($p < 0,05$). Можно предположить, что в мегаполисах население более требовательно к власти. С другими социально-демографическими параметрами значимые взаимосвязи обнаружены не были.

Таким образом, проведенный всероссийский экспресс-опрос позволил нам удостовериться в существовании феномена цифровой симуляции в онлайн-диалоге между властью и обществом, имеющего далеко не единичное проявление и нуждающегося в публичном контроле. Кроме того, комментарии, размещенные на официальных страницах губернаторов в социальных сетях, незначительно чаще подвергаются цифровым коррективам, нежели комментарии на официальных страницах глав муниципалитетов.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Рипол-Классик, 2017. 320 с.

2. Зайцев А. В. Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 1. С. 203–206.

3. Макаревич Э. Ф. Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса как модель медиавлияния в новой реальности // Politbook. 2020. № 3. С. 98–119.

И. В. Мальцев,

кандидат юридических наук, преподаватель,

Сибирский институт управления –

филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В «ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению модернизированных дизайнерских изображений Государственного герба Российской Федерации, первоначально разработанных для использования на экранах небольших форматов. На примерах нескольких версий «цифрового герба» России проанализированы отступления от законодательно закреплённого описания этого государственного символа и подготовлены предложения по совершенствованию контроля за использованием «цифровых гербов», сфера применения которых в настоящее время расширяется.

Ключевые слова: «цифровой герб», государственный символ, Государственный герб Российской Федерации, двуглавый орел, дизайн государственных систем, геральдика, геральдическое описание

THE COAT OF ARMS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE “DIGITAL DIMENSION”

Abstract. The article is devoted to the consideration of modernized images of the Coat of arms of the Russian Federation, originally designed for use on small screens. On the examples of several versions of the ‘digital coat of arms’ of Russia, the author analyzes divergences from the legally fixed description of this state symbol and makes proposals for improving control over the use of ‘digital coats of arms’, the field of application of which is currently expanding.

Keywords: “digital coat of arms”, state symbol, Coat of arms of the Russian Federation, double-headed eagle, design of state systems, heraldry, heraldic description

В бурном развитии цифровых технологий государственная геральдика не осталась в забвении, а официальные символы уверенно занимают свое место на современных носителях информации – сайтах в сети Интернет, мобильных приложениях на смартфонах и т. д., обозначая соответствующие публично-правовые образования или принадлежность к ним. Одним из актуальных вопросов, требующих системного осмысления со стороны юридического сообщества, является экспертная оценка

«цифрового измерения» официальных символов, в рамках которого предлагается рассмотреть так называемые цифровые гербы – модернизированные дизайнерские решения, отступающие от привычных (часто нормативно закрепленных) изображений соответствующих символов.

Показательным примером является оцифровка Государственного герба Российской Федерации в рамках проекта «Дизайн государственных систем России» [3]. Соответствующую интерпретацию главного геральдического символа страны можно встретить, например, на стартовой странице официального сайта Президента Российской Федерации [6]. Приведем здесь несколько известных версий «цифрового герба» России в сравнении с рисунком, прилагаемым к Федеральному конституционному закону от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» [1] (см. рис. 1–4).

Рис. 1. Государственный герб РФ

Рис. 2. Интерпретация Государственного герба РФ (верхняя часть титульной страницы официального сайта Президента РФ)

Рис. 3. Интерпретация Государственного герба РФ (нижняя часть титульной страницы официального сайта Президента РФ)

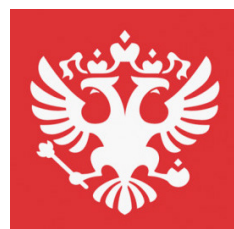

Рис. 4. Интерпретация Государственного герба РФ (фрагмент логотипа ЦИК России)

Безусловно, первым делом в глаза бросается ключевой акцент приведенных интерпретаций – минимализм и упрощение. По мнению разработчиков новых дизайнерских решений, целесообразность внедрения таких «цифровых гербов» состоит, прежде всего, в неразборчивости привычных версий гербов при уменьшении их размеров на небольших экранах (для пользователей планшетных компьютеров, смартфонов и т. д.) (см., например? [4]).

Но может ли такое изображение сохранять полноценный статус Государственного герба Российской Федерации? Известно, что геральдическое искусство открыто для интерпретаций при соблюдении базового правила: изображение герба должно соответствовать блазону, особому вербальному описанию. Как отмечает Геральдический

совет при Президенте Российской Федерации, «у гербов, в том числе и государственных, не существует эталонных изображений. В пределах соответствия утвержденному описанию герба и общему образцу, данному приложенным к закону изображением герба, допустимы различные художественные и дизайнерские интерпретации» [5].

Попытаемся сопоставить приведенные выше рисунки с официальным описанием Государственного герба Российской Федерации [1]. Если учесть, что воспроизведение герба допускается без геральдического щита, а также в одноцветном варианте, можно констатировать формальное наличие в данных интерпретациях большей части основных обязательных элементов: двуглавый орел с поднятыми вверх крыльями; наличие двух малых и одной большой короны; скипетр и держава в лапах орла. По всей видимости, в отношении главной фигуры критичных нарушений нет – это же не птица Гаруда в гербе Индонезии, в количестве перьев которой зашифрована дата провозглашения независимости республики (см., например, [9]). Но если внимательно присмотреться к щиту на груди двуглавого орла, то допущенные упрощения в законодательное описание не вписываются (см. рис. 5 и 6).

Рис. 5. Интерпретация Государственного герба РФ. Деталь

Рис. 6. Интерпретация Государственного герба РФ. Деталь

В одном из примеров (рис. 4) этим элементом вообще «пожертвовали», в другом из рассматриваемых интерпретаций (рис. 2 и 5) даже элементарное «узнавание» фигуры опрокинутого навзничь дракона для зрителя вне ожидаемой инерции восприятия едва ли возможно (вместо дракона просматривается, скорее, овальный постамент для солдатика), а со следующим, более прорисованным примером (рис. 3 и 6) вообще сложилась курьезная ситуация: использована прорисовка, являющаяся официальным образцом неправильного изображения всадника, поражающего копьём дракона (такой образец приведен на специальном разделе официального сайта Президента России [2]) (рис. 7 и правильную прорисовку на рис. 8).

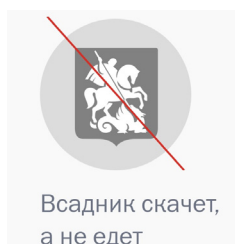

Рис. 7. Пример, когда элемент герба противоречит описанию в законе

Рис. 8. Рекомендованная прорисовка изображения в щите на груди двуглавого орла

Как вывод – признать соответствующими законодательному описанию нельзя в целом ни один из трех рассмотренных «цифровых гербов» России. Тем более, как показывает практика, первоначальные идеи об использовании миниатюрных гербов на небольших экранах (где пользователь вряд ли сможет (и будет) увеличивать мелкие детали) были забыты, когда продукты «цифрового минимализма» вышли на широкоформатное «аналоговое» пространство. Ярким примером последнего является целый спектр носителей (от листовок и буклетов до билбордов 6 × 3 м, баннеров 9 × 3 м, перетяжек 15 × 3 м и т. д.) в рамках информационно-разъяснительной кампании ЦИК России в период подготовки и проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации (где и использовалось изображение, приведенное на рис. 4, лишенное щита со всадником, поражающим копьем дракона) [7].

Актуальность вопроса, несомненно, будет возрастать, учитывая, что опыт создания государственного «цифрового герба» продолжается в настоящее время уже в отношении территориальных гербов. На платформе проекта «Цифровые гербы субъектов и муниципальных образований Российской Федерации», в частности, прямо отмечается, что «цифровые гербы могут служить универсальным символом для муниципального образования по множеству направлений, не ограничиваясь экранами» (курсив наш. – И. М.) [8].

Представляется, что проблемы дизайнерской геральдической интерпретации требуют более взвешенных подходов и тщательного контроля за соответствием «цифровых гербов» их официальным описаниям, установленным действующим законодательством. В противном случае формально речь может идти о массовых случаях нарушения порядка официального использования официальных символов со стороны самих органов публичной власти.

Список литературы

1. О Государственном гербе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 52. Ч. I. Ст. 5021.
2. Государственная символика. Герб. URL: <http://flag.kremlin.ru/emblem>
3. Дизайн государственных систем России. URL: <http://gov.design>
4. Зыков В. В России появился официальный цифровой герб для госсайтов. URL: <https://iz.ru/624144/vladimir-zykov/v-rossii-poiavilsia-oficialnyi-tcifrovoi-gerbdlia-gossaitov>
5. Официальные разъяснения Геральдического совета. Правила использования Государственного герба РФ. URL: <https://sovet.geraldika.ru/article/4756>
6. Президент России [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru>
7. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации. Информационные материалы. Логотипы и примеры использования фирменного стиля. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/informatsionnye-materialy/logotip>

8. Цифровые гербы субъектов и муниципальных образований Российской Федерации. URL: <https://www.цифровыегербы.рф>

9. Garuda Pancasila, Lambang Negara Indonesia Yang Penuh Makna. URL: <https://indonesiabaik.id/infografis/garuda-pancasila-lambang-negara-indonesia-yang-penuh-makna>

Т. Г. Недзелюк,

доктор исторических наук, профессор,
Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

О. Ю. Франц,

магистрант,
Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены направления и виды цифровизации контрольной деятельности органов государственной власти, их роль в указной деятельности, перспективы дальнейшего развития. Контрольная (надзорная) деятельность рассматривается как одна из важнейших обязанностей государства, которая направлена на обеспечение правопорядка, защиту прав и свобод граждан, а также обеспечение безопасности в различных сферах жизни общества. Цифровизация контрольной (надзорной) деятельности органов государственной власти в РФ понимается как процесс применения современных цифровых технологий для улучшения качества и эффективности контрольной деятельности государственных органов, упрощения административных процедур и обеспечения прозрачности и открытости деятельности данных органов власти. Этот процесс является актуальным в свете изменений в экономике и обществе, изменений геополитической ситуации, а также роста количества налогоплательщиков и предпринимателей.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, электронные сервисы, искусственный интеллект, электронный документооборот, контрольная (надзорная) деятельность, дистанционный контроль

DIGITALIZATION OF THE CONTROL (SUPERVISORY) ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES

Abstract. This article discusses the directions and types of digitalization of the control activities of public authorities, their role in the decree activity, prospects

for further development. Control (supervisory) activity is one of the most important duties of the state, which is aimed at ensuring law and order, protecting the rights and freedoms of citizens, as well as ensuring security in various spheres of society. Digitalization of control (supervisory) activities of public authorities in the Russian Federation is the process of applying modern digital technologies to improve the quality and effectiveness of control activities of public authorities, simplify administrative procedures and ensure transparency and openness of the activities of public authorities. This process is relevant in the light of changes in the economy and society, changes in the geopolitical situation, as well as an increase in the number of taxpayers and entrepreneurs.

Keywords: digitalization, digital technologies, electronic services, artificial intelligence, electronic document management, control (supervisory) activities, remote control

Широкое применение цифровизации в рассматриваемой сфере предусмотрено Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [1].

Одной из целей цифровизации в контрольной (надзорной) деятельности является повышение эффективности публичного управления и улучшение его доступности. Введение цифровых технологий также направлено на упрощение административных процедур и обеспечение открытости и прозрачности в работе публичной администрации.

Цифровые технологии в контрольной (надзорной) деятельности включают информационно-коммуникационные технологии и «аналитику данных, используемую для улучшения генерации, сбора, обмена, анализа, доступа, поиска и представления цифрового контента. Эти технологии также используются для разработки сервисов и приложений» [3. С. 28].

Так, одним из основных аспектов цифровизации контрольной (надзорной) деятельности является использование цифровых информационных технологий для сбора и анализа данных. Цифровые технологии позволяют получать большой объем информации и обрабатывать ее быстро, что способствует более оперативному выявлению нарушений. Например, использование системы электронного документооборота позволяет перевести бумажные документы в электронную форму, сократить время на обработку документов и уменьшить количество ошибок при их обработке. Также использование аналитических инструментов позволяет выявлять нарушения на ранних этапах и уменьшить возможные убытки бюджета.

Одним из примеров использования цифровых технологий в контрольной (надзорной) деятельности являются видеонаблюдение и последующая автоматическая обработка видеоматериала. Видеокамеры могут быть установлены в различных местах, например на улицах, в общественных местах, в транспорте и т. д. С помощью видеонаблюдения сотрудники ГИБДД и МВД могут контролировать соблюдение правил дорожного движения, поведение людей в общественных местах, а также выявлять преступления и нарушения общественного порядка.

Еще одним примером использования цифровых технологий является электронный мониторинг. Эта технология позволяет отслеживать передвижение человека,

который находится под наблюдением, например, под домашним арестом или в изоляции на дому (к примеру, в 2020–2022 гг. изоляция на дому зараженных COVID-19). Электронный мониторинг позволяет контролировать соблюдение режима и своевременно реагировать на нарушения.

Важным этапом в цифровизации контрольной (надзорной) деятельности является появление процедур дистанционного контроля, т. е. без контакта с проверяемым объектом. Например, в 2020–2022 гг. все внеплановые проверки «в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства проводились с использованием средств дистанционного взаимодействия, в том числе аудио- или видеосвязи» [4. С. 139]. Также при помощи дистанционного контроля по аудио- и видеосвязи с июля 2021 г. был проведен ряд инспекционных визитов как нового вида контрольно-надзорной деятельности.

Помимо этого, автоматизация контрольной деятельности может включать замену некоторых этапов контрольно-надзорных действий на автоматические процессы, которые осуществляются без участия должностных лиц органа власти. К примеру, подконтрольные лица могут быть автоматически категоризированы по риску, а также может использоваться цифровой обмен данными между несколькими органами исполнительной власти для проведения различных видов государственного контроля и надзора. Кроме того, например, в области таможенного контроля автоматические системы контроля грузов позволяют быстро и точно проверять содержимое грузов, что существенно сокращает время, отведенное на таможенный контроль и позволяет предотвращать попытки контрабанды.

Использование платформенных решений и электронных сервисов в контрольно-надзорной деятельности считается заключительным этапом цифровизации. Так, цифровизация контрольной деятельности позволяет улучшить доступность информации для налогоплательщиков и предпринимателей. Использование электронных сервисов позволяет быстро получать информацию о налогах и сборах, а также получать ответы на вопросы в режиме онлайн. В частности, «разработан такой сервис, как государственная информационная система “Типовое облачное решение по автоматизации контрольной деятельности”, которая позволяет пользователям получить все данные о запланированных контрольных мероприятиях и бесплатно проконсультироваться» [5. С. 100].

Другим важным аспектом цифровизации контрольной (надзорной) деятельности является применение технологий искусственного интеллекта. К примеру, системы машинного обучения могут использоваться для выявления аномалий и необычных паттернов в данных, которые могут свидетельствовать о возможных нарушениях. Это позволяет снизить количество ложных срабатываний и повысить точность выявления нарушений в контрольной деятельности.

Цифровизация контрольной деятельности требует разработки фундаментальной теоретическо-правовой основы, чтобы обеспечить эффективное внедрение в работу органов власти. Ряд исследователей считают, что отсутствует достаточная нормативно-правовая основа для широкого использования информационных технологий в контрольной (надзорной) деятельности. О. А. Борздая определила несколько важных принципов цифровизации контрольной деятельности: «Целесообразность,

законность, безопасность, подверженность контролю, открытость, моделирование и применение экспертных оценок. Данные принципы должны быть закреплены в нормативных правовых актах, которые регулируют контрольно-надзорную деятельность» [2. С. 389]. Также автор указывает, что для всех случаев применения информационных технологий необходимо четкое регулирование нормативно-правовыми актами, которые касаются осуществления государственного контроля и надзора [2. С. 391].

Однако необходимо учитывать риски, связанные с цифровизацией контрольной деятельности. Например, возможно нарушение прав и свобод граждан в связи с использованием систем массового наблюдения и сбора данных. Также возможны ошибки в работе систем и программ, которые могут привести к неправомерным действиям со стороны государственных органов, снижению доверия к органам власти в области контрольной деятельности.

Таким образом, цифровизация контрольной (надзорной) деятельности позволяет получать большой объем информации и быстрее ее обрабатывать (что способствует более быстрому выявлению нарушений и предотвращению возможных нарушений); позволяет проводить ряд процедур дистанционного контроля (без контакта с проверяемым объектом); позволяет заменять некоторые этапы контрольно-надзорных действий на автоматические процессы без участия должностных лиц органа власти. Также цифровизация контрольной деятельности в виде платформенных решений, различных сервисов позволяет улучшить доступность информации для граждан.

В целом тема цифровизации контрольной деятельности органов государственной власти в РФ требует дальнейшего обсуждения, разработки соответствующей нормативно-правовой базы и разработки соответствующих мер для обеспечения эффективности контроля и защиты прав и интересов граждан и предпринимателей, а также этических норм. Обеспечение прозрачности и справедливости процедур контроля, а также защита персональных данных и прав граждан должны стать приоритетами в обозначенной области.

Список литературы

1. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru>
2. Борздая О. А. Возможности цифровизации контрольно-надзорной деятельности // Академическая публицистика. 2022. № 12–2. С. 389–391.
3. Гриценко Е. В., Курындин П. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности: опыт России и Франции // Правоприменение. 2020. № 3. С. 25–45.
4. Исаев Э. А. Актуальные вопросы к цифровизации контроля в финансово-бюджетной сфере // Вестник университета. 2022. № 8. С. 139–144.
5. Любченко Н. Н. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности // Цифра и право: сборник научных статей. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2021. С. 98–104.

В. В. Нестеренко,

консультант,

Научно-исследовательская лаборатория правовых исследований,

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Цифровизация в экологических правоотношениях является одним из перспективных направлений их модернизации в условиях информационного общества. В силу своей специфики сфера экологического управления требует особого подхода как с технической точки зрения, так и с содержательной. Цель настоящего исследования состоит в анализе современного состояния экологических правоотношений через призму цифровизации и выявлении перспектив их развития. Отдельное внимание уделяется возможности внедрения в них достижений искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, инновации, экология, экологические правоотношения, экологическое управление, окружающая среда

DIGITALIZATION IN ENVIRONMENTAL RELATIONSHIPS: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. Digitalization in environmental legal relations is one of the promising areas for their modernization in the information society. Due to its specific nature, the field of environmental management requires a special approach both from a technical and substantive point of view. The purpose of this study is to analyze the current state of environmental legal relations through the prism of digitalization and identify prospects for their development. The author pays special attention to the possibility of introducing the achievements of artificial intelligence into them.

Keywords: digitalization, information technology, innovation, ecology, environmental legal relations, environmental management, environment

Одной из наиболее острых и глобальных проблем современности, несомненно, предстает проблема сохранения природных ресурсов и поддержания комфортной экологической среды. Справедливости ради необходимо сказать, что в условиях информационного общества многие достижения науки и техники оказали пагубное воздействие на их состояние. Однако с течением времени инновации нашли свое применение и в положительном ключе, способствуя заботе об окружающей среде. Подверглись цифровизации и экологические правоотношения. Она помогла автоматизировать целый ряд процессов и, как следствие, повысить их эффективность, улучшить коммуникацию между государством и гражданами, хозяйствующими субъектами.

Среди множества инноваций в первую очередь упомянем о государственных информационных ресурсах. Так, прокомментировать данный аспект мы можем

на примере государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду (далее – НВОС), обязательность ведения которого закреплена законодательно. Ведется он в электронной форме на федеральном и региональном уровнях, что способствует оптимизации оборота регистрационных документов и, как справедливо отмечают В. Н. Власенко и А. С. Ширококов, упрощению процедуры и сроков совершения соответствующих регистрационных действий [1. С. 606]. Тем не менее отдельные действия продолжают фиксироваться в документарном виде (например, выдача свидетельства о постановке объекта на государственный учет), что, на наш взгляд, на настоящем этапе развития электронного документооборота в государстве представляется весьма допустимым.

Ряд возможностей для субъектов экологических правоотношений также открывают информационная система «Личный кабинет природопользователя» на официальном сайте Росприроднадзора и Единый портал государственных и муниципальных услуг. Первый сервис тесно связан с упомянутым ранее реестром. Он позволяет пользователю ставить на учет объект НВОС, актуализировать сведения о нем либо же снимать с учета, а также формировать заявки и отчеты, работать с журналом отчетов и заявок. Параллельно на официальном сайте Росприроднадзора наличествует Кабинет сотрудника ведомства, где он, соответственно, осуществляет работу с предоставленными природопользователем данными. На Едином портале государственных и муниципальных услуг пользователю доступен более широкий перечень услуг, выходящий за рамки работы с объектами НВОС. Так, в разделе «Охота и природопользование» представлены услуги по получению выписок, заключений, разрешений, приему деклараций, утверждению актов, согласованию проектов в сфере использования лесных участков, объектов животного мира и не только.

Примечательно, что, помимо государственного реестра объектов НВОС и Личного кабинета природопользователя на сайте Росприроднадзора, функционируют Единая государственная информационная система учета отходов от использования товаров, Экокарта Росприроднадзора и ряд иных сервисов. Анализ их содержательной части позволяет сделать вывод о том, что они должным образом не связаны между собой. Кроме того, использование систем не сопровождается какими-либо инструкциями или методическими рекомендациями, что затрудняет процесс работы с ними.

Именно поэтому в ракурсе упомянутой проблемы нельзя не оставить без внимания такую новеллу, как домен «Экология», представляющий собой целую экосистему, объединяющую порядка 20 сервисов. Его разработка запущена в 2022 г. Предполагается, что он поможет обеспечить комплексное взаимодействие между государством и гражданами, хозяйствующими субъектами [2]. Тем не менее уже на стадии разработки Счетной палатой Российской Федерации была отмечена проблема «лоскутной цифровизации», которая заключается в том, что, во-первых, для решения отдельных задач создаются обособленные автоматизированные системы, и, во-вторых, принятие решения об использовании платформы оставлено на усмотрение субъектов Российской Федерации [4]. Конечно, результативность использования возможностей домена покажет время, однако сама идея нам видится весьма перспективной. Полагаем, что при надлежащей реализации она получит поддержку в регионах.

Помимо этого, можно говорить о проблеме несвоевременного обновления данных на некоторых перечисленных ранее сервисах. Так, достаточно полезным инструментом выступает Экокарта Росприроднадзора, позволяющая отслеживать объекты размещения отходов на территории Российской Федерации, их статус, объем размещенных ими отходов. Однако последние сведения, например, об объемах размещенных отходов были актуальны еще несколько лет назад. Справедливости ради надо сказать, что в условиях информационного общества актуальность информации предстает как его движущая сила. А учитывая важность своевременного реагирования на нарушения в области экологии и устранения их последствий, работе с данными должно уделяться особое внимание.

Двигаясь дальше, отметим, что в рамках настоящего исследования нами была упомянута такая инновация, как электронный документооборот, которая имеет место быть, например, в ходе совершения операций на рассмотренных сервисах. Тем не менее полагаем, что в силу своей специфики она заслуживает отдельного внимания. Конечно, в ней наличествует ряд несомненных плюсов: ускорение информационных потоков, экономия материалов и ресурсов, снижение риска потери документов и не только. Однако, по справедливому замечанию Е. Н. Соколовой, на современном этапе в должной мере еще ни одна организация, ни одно учреждение, ни один государственный орган не перешли на электронный документооборот [5. С. 230]. И это действительно так, поскольку отдельные действия продолжают фиксироваться в документарном виде, хотя чаще всего необходимости в этом нет. Причин такому явлению несколько, среди них основными предстают техническое несовершенство систем электронного документооборота и недостаточная квалификация специалистов по работе с ними. Тем не менее при должном внимании их реально преодолеть.

Также следует упомянуть, что все большее применение в различных сферах управления находит искусственный интеллект. Так, достаточно востребованными являются разработанные на основе его алгоритмов чат-боты, помогающие пользователю как можно оперативнее находить необходимую ему информацию. Они активно используются на информационных ресурсах различных ведомств, например, Федеральной налоговой службы Российской Федерации (чат-бот «Таксик»). Однако в сфере экологических правоотношений они не пользуются особой популярностью. Полагаем, что внедрение чат-бота было бы полезно на ранее упомянутом нами домене «Экология», который объединит порядка 20 сервисов, поскольку в столь обширном информационном массиве пользователю будет важно сориентироваться, оперативно найти ответ на интересующий его вопрос.

Завершая наше исследование, согласимся с мнением Н. М. Заславской о том, что «в настоящее время внедрение цифровых технологий в сферу государственного экологического управления происходит очень сдержанными темпами» [3. С. 105]. Она еще не достигла своей «цифровой зрелости», однако небольшими, но уверенными шагами цель будет достигнута.

Таким образом, цифровизация в экологических правоотношениях – процесс неизбежный и во многом необходимый. Тем не менее инновации не лишены недостатков, среди которых следует выделить разрозненность информационных сервисов, наличие на них неактуальных данных, а также техническое несовершенство систем

электронного документооборота и недостаточная квалификация специалистов по работе с ними. Кроме того, использование некоторых ресурсов не сопровождается инструкциями или методическими рекомендациями, что затрудняет процесс работы с ними. Учитывая такие факторы, как обширность сферы экологического управления и важность улучшения коммуникации между государством, гражданами и хозяйствующими субъектами в экологических правоотношениях, справедливо вести речь о том, что все перечисленные недостатки должны быть устранены как можно скорее. Некоторые шаги на этом пути уже сделаны. Полагаем, что новый толчок на федеральном и региональном уровнях даст запуск домена «Экология». Среди иных перспектив – внедрение искусственного интеллекта, в частности, разработанных на его основе алгоритмов чат-ботов, способных помочь пользователю сориентироваться в информационном массиве, оперативно найти ответ на интересующий его вопрос.

Список литературы

1. Власенко В. Н., Ширококов А. С. Цифровизация государственного экологического управления: правовые аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 2. С. 601–619.
2. В России разрабатывается единая система сервисов в сфере экологии // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/41638/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f
3. Заславская Н. М. Правовые основы государственного экологического управления в цифровом обществе: методы правового регулирования // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 5. С. 89–108.
4. Сазонова М. Как в России планируют использовать потенциал цифровых технологий для решения проблем в сфере экологии? // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/news/1566171>
5. Соколова Е. Н. Проблемы совершенствования электронного документооборота в России // Научные известия. 2022. № 26. С. 229–231.

Е. В. Перепелица,

кандидат юридических наук, доцент,

Белорусский государственный университет;

ассоциированный член,

Международный научно-образовательный центр

«Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным

и информационным правам НИУ «Высшая школа экономики»

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕТЕВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу роли инновационных технологий в сетевой интеграции государства и общества применительно к условиям Республики Беларусь. Показаны конкретные достижения в области общественно-государствен-

ного взаимодействия и вовлечения граждан в управленческий и нормотворческий процессы при посредстве коммуникационных сервисов. Рассматриваются организационные и теоретические проблемы, связанные с правовым обеспечением сетевой интеграции публичной власти и граждан, характерные для стран постсоветского ареала. Показано, что повышение функциональной эффективности государственных органов и поднятие на новую ступень внутригосударственных информационных процессов не искупает потребности в использовании современных высокотехнологичных инструментов для достижения взаимного доверия между властью и обществом. Приведены примеры зарубежных интегративных сетевых механизмов, которые могут оказаться полезными в плане организации более тесного общественно-государственного диалога в национальной правовой системе Беларуси.

Ключевые слова: информационная эра, коммуникационный сервис, Республика Беларусь, цифровое доверие, цифровая платформа, публичная власть, гражданское общество, диалог, электронное взаимодействие, легитимация, этатизм, сетевое участие, законодательные новации, электронная демократия

LEGAL AND ORGANIZATIONAL PROBLEMS OF NETWORK INTEGRATION OF THE STATE AND SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of innovative technologies in the network integration of state and society in relation to the conditions of the Republic of Belarus. Specific achievements in the field of public-state interaction and the involvement of citizens in management and rule-making processes through communication services are shown. The organizational and theoretical problems associated with the legal support of network integration of public authorities and citizens, characteristic of the countries of the post-Soviet area are considered. The author shows that increasing the functional efficiency of government bodies and raising intrastate information processes to a new level does not compensate for the need to use modern high-tech tools to achieve mutual trust between the authorities and society. Examples of foreign integrative network mechanisms are given that may be useful in terms of organizing closer public-state dialogue in the national legal system of Belarus.

Keywords: information era, communication service, the Republic of Belarus, digital trust, digital platform, public authority, civil society, dialogue, electronic interaction, legitimation, statism, network participation, legislative innovations, electronic democracy

Введение. Информационные технологии открыли новую эру интеракции, коммуникации и сетевого взаимодействия. То, что еще совсем недавно казалось невозможным, ныне становится повседневной реальностью. Потребовалось меньше трех десятилетий для того, чтобы цифровым формам виртуальной коммуникации начало принадлежать определяющее значение перед непосредственным общением. Распространение и всеохватывающее присутствие современных инноваций – «не столько следствие технологических решений, сколько результат высокой потребности общества в обеспечении коммуникации» [1. С. 34]. То, что возникло как преодоление расстояний глобального пространства, оказалось, привносит в человеческую

цивилизацию ранее не существовавшие феномены, явления и функции. Технологии, на заре компьютерной эры позволявшие обмениваться контентом, стремительно приняли вид «разрастающейся массы алгоритмов» [2. С. 46–48].

Интеллектуальные поисковые системы продвигают общество на качественно новый уровень. Коммуникационные сервисы помогают ставить и решать социально-экономические, управленческие, рекреационные и многие другие задачи. Из информационно-коммуникационных технологий извлекается колоссальная польза, состоящая в повышении функциональной эффективности государственных органов, поднятии на новую ступень внутригосударственных информационных процессов за счет автоматизации тех операций, которые прежде проходили вручную. Однако же остается пространство для поиска оптимальных информационно-правовых механизмов, способствующих согласованию публичных, общественных и частных интересов.

Основная часть. Республика Беларусь принадлежит к числу юрисдикций с наибольшими изменениями в сфере доступа населения к информационно-коммуникационным технологиям. Построение цифровой экономики концептуально определено в Беларуси на уровне целого ряда доктринальных документов. Беларусь демонстрирует успехи в реализации задач, связанных с созданием общегосударственной информационной системы, государственной системы управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи, электронным документооборотом, электронным обеспечением налогового администрирования. Отечественные успехи получили мировое признание, что находит отражение в международных рейтингах. Беларуси принадлежит первенство среди постсоветских стран в криптовалютной индустрии, в легализации технологии смарт-контрактов. Высокие технологии коснулись практически всех видов юридической практики. Предполагается использование «умных» технологий в нормотворческом процессе.

Инновационные технологии позволили с успехом осваивать паттерны передачи гражданам информации, предоставлять населению государственные электронные услуги. Неоспоримую пользу приносит совершение административных процедур в электронном виде. Данные паттерны положительно сказываются на уровне жизни и социального комфорта, степени удовлетворения запросов и текущих нужд граждан. Расширяются традиции объективизации интересов социума в нормотворческих решениях посредством публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов.

Наряду с крупными и впечатляющими результатами остаются проблемы, до настоящего времени не получившие должного теоретического и организационного решения. Речь идет о диалоге государства и общества, основанном на коммуникационных сервисах. Высокие технологии выполняют в общественно-государственном тандеме функцию средства массовой ретрансляции правовой и связанной с ней информации, но не коммуникативную функцию. Использование продуктов высокотехнологической культуры для доведения правовых предписаний до адресата в лице юридических и физических лиц не укрепляет нас в уверенности, что этим исчерпываются запросы общества сетевого типа. Помимо классических, востребованы консенсуальные процедуры, предполагающие учет противополож-

ных аргументов, диалектический обмен точками зрения через каналы цифровой коммуникации. Имеются в виду как предусмотренные действующим законодательством Республики Беларусь возможности участия граждан в обсуждении и решении вопросов местного значения в форме территориального общественного самоуправления, местных собраний, референдумов локального масштаба, так и нормативно не урегулированные механизмы, скажем, общественный контроль и слушания, инициативы, дебаты, экспертизы, публичные консультации, опросы, онлайн-петиции, гражданская журналистика, коллективный интеллект, различные формы делиберативной демократии [5]. Их функционал может быть вполне задействован для более тесной сетевой интеграции публичной власти и граждан. Такая интеграция призвана решать проблему укрепления доверия граждан к государственным институтам.

Благодаря инновационным технологиям в Республике Беларусь технологически упрощены процессы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц. В то же время стабильное увеличение потока заявлений и жалоб, как правило, основанных на позитивно закрепленных притязаниях граждан, свидетельствует о монологичности большинства известных форм апелляции народа к власти. Практикуемый с помощью цифровых платформ способ участия граждан в решении государственных дел – публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов – допускает присутствие индивидуальных и коллективных субъектов, профессиональных сообществ и организаций в процессе оценки будущих нормотворческих решений. Однако при этом ограниченными остаются возможности низовой инициативы. Остаются недостаточно использованные резервы для вовлечения граждан в управленческие процессы при помощи коммуникационных сервисов.

Сказанное дает основание констатировать, что внешняя стилизация традиционных форм демократии в цифровую оболочку и приобретение данными формами качества высокой технологичности не являются самоцелью. Соответствующая модернизация – существенный, но не определяющий момент для инновационных форм диалога государства и общества. Смысл не в одном только машинизировании процессов передачи нужной информации от государства – обществу, но прежде всего в опосредовании их прямых и обратных связей.

Передовой опыт всенародного обсуждения изменений и дополнений к Конституции Республики Беларусь, полученный в 2022 г., показал, что позитивная энергия электронного взаимодействия государства и общества может использоваться в ходе общественной верификации масштабных и значимых проектов. Возникает потребность в перенесении полученного опыта на систематическую основу, с тем чтобы институциональные формы коммуникации государства и общества, практики их интегративного взаимодействия стали предметом заурядного правового обихода и массового употребления. Отдача ожидается от электронных каналов, публичных дебатов, снабженных интерфейсами. Веб-сервисы, порталы, блоги, сайты, социальные сети позволяют обсуждать животрепещущие вопросы. Современные формы сетевой интеграции существенно дополняют наличные возможности общественно-государственной связи.

Упрощение коммуникации общественных и государственных структур нельзя признать периферийной целью построения «электронного правительства»

в Республике Беларусь. Напротив, установка на оперативные и безопасные коммуникации между государством и гражданами позиционируется как важная цель в документах стратегического планирования. В то же время примеры участия граждан в разработке юридически значимых решений остаются дискретными. Государство прибегает к подобному дискурсу в знаковых ситуациях.

Технологии дня – инструмент, поддерживающий слаженную работу по оперативному доведению нужной информации до граждан, расширению контрольных и надзорных прерогатив публичной власти. Они также могут употребляться для таких целей, как донесение социальных ожиданий до государства, преодоление барьеров между публичными субъектами права и обществом. Создание рамок для разноуровневой общественно-государственной интеграции важно для защиты государства от утраты доверия со стороны граждан.

Электронный формат общественно-государственного взаимодействия способен восполнить дефицит возможностей влияния граждан на содержание и смысл принимаемых законодательных, нормотворческих и управленческих решений. Эффективность таких решений, как и успех осуществляемых государством действий, во многом обусловлена их содержательной сопряженностью с ожиданиями общества. Последовательная согласованность с интересами и ожиданиями социума представляют собой ресурс укрепления легитимных оснований государственных органов (организаций).

Спорадический характер участия граждан в процессах обсуждения и мониторинга реализации юридически значимых решений объясняется, во-первых, зависимым положением Республики Беларусь в части обеспечения цифровыми технологиями от зарубежных инноваций и дефицитом собственных средств защиты информации; во-вторых, недостаточно полной интеграцией информационных систем, существующих в различных государственных органах (организациях). Ряд существующих в данной области проблем объясняется неискушенностью отдельных социальных слоев в информационных технологиях, низкой степенью мотивации общественных структур в диалоге с публичной властью. Но это не единственные и не главные препятствия на пути к более активной сетевой интеграции государства и общества. Безотказное действие высоких технологий, совершенство средств программного обеспечения сами по себе не решают задачу общественно-государственной интеграции.

Ряд проблем сосредоточен на уровне юридического мышления, правовой ментальности и культуры. Это, например, инерционное восприятие общества либо как неспособного к осязаемому влиянию на повестку дня, либо негативно влияющему на сложившийся правопорядок. Как можно убедиться, многое зависит от трактовок и интерпретаций общественных акторов. Таковые могут восприниматься в качестве потенциальных партнеров интерактивного взаимодействия с государством или же в роли реципиента правовой информации, принимающего в ее «производстве» ситуативное участие.

Если общество привыкло к тому, что за него решают все и большинство вопросов, то государство вынуждено брать на себя основное бремя ответственности. Следует учитывать, что новейшие информационные технологии пробуждают обще-

ственную активность. Вместе с ее всплеском наблюдается обратное – социальный инфантилизм. На повестке дня вопрос о том, как превратить коммуникативные средства из инструмента передачи (правовой) информации от власти – обществу в катализатор «производства» позитивной энергии сетевых акторов во имя укрепления цифрового доверия, преодоления обособленности государства и общества. Это проблемы, не имеющие простого и очевидного выхода.

Решение задач, связанных с правовым и организационным обеспечением сетевой интеграции публичной власти и граждан, осложнено тем важным обстоятельством, что сама постановка вопроса о коммуникации в информационном пространстве ориентирована на исторически прежнюю парадигму общественно-государственного взаимодействия, когда ответственные решения разрабатывались и принимались без особой оглядки на социальные потребности. Надо сказать, что в основе редукции граждан до уровня адресата нормотворческих и управленческих решений лежит этатизм. Соответствующая традиция воспроизводится в юридической теории и практике вопреки изменениям модели общественного устройства и, главное, тому, что сегодня граждане не готовы довольствоваться положением пассивного исполнителя нормативных установлений.

Сорешающее участие граждан в управлении делами государства и общества реально при сопровождении законодательных и технологических новаций глубокими институциональными трансформациями в государственном управлении. С одной стороны, мы наблюдаем растущую степень технологической оснащенности государственных институтов, с другой – недостаточную скорость качественных видоизменений по линии «общество – государство».

Право предпочитает идти по накатанному пути, опираться по большей части на традиционные стандарты, не рассчитанные на цифровую действительность. Перемещение общественно-государственного взаимодействия в новую реальность, которая оказалась онтологически новой и в которой порой смешаны офлайн и онлайн, заставляет признать необходимость ревизии прежних образцов, в том числе касающихся «структуры, процессов и методов организации работы государственных органов» [3. С. 30]. На порядок увеличивается уровень сложности нормативной регламентации общественных отношений, растет спрос на «алгоритмы, программные коды, операционные системы [4. С. 10], средства конвергентного характера.

При условии четкой организации сетевого взаимодействия государства и общества откроет возможность публичной верификации разного рода юридически значимых решений.

Указанная проблематика актуальна не единственно для Республики Беларусь, но и для иных стран постсоветского ареала и тех правопорядков, которые идентифицируют себя с титулами «электронного» государства. Каждая национальная юрисдикция в своем темпе осваивает блага технологического прогресса, определяет оптимальный алгоритм их использования. На сегодня в опыте регулирования диалога государства и общества, добытом государствами – участниками СНГ, что-то доказало свою жизнеспособность, что-то провалилось.

Проблемы общественно-государственной интеграции во многом сходны в государствах, имеющих общее историческое прошлое. Отношение к обществен-

но-государственному взаимодействию имеет определенную долю скептицизма. Существует определенное сходство в символическом характере участия общественности в публичном обсуждении будущих нормотворческих решений. Массовая дигитализация управленческих структур не искупает потребности повышения степени их открытости для обычных граждан. Сходство проблем в постсоветских юрисдикциях не отменяет уникальности подходов к их решению. Необходимо учитывать уникальность стратегий легитимации публичной власти в каждом отдельно взятом правовом порядке.

IT-государства так или иначе сталкиваются с проблемами нерепрезентативности гражданского сетевого участия, с неуправляемостью «социальных атомов», манипулированием общественным мнением при посредстве коммуникационных сервисов. Приобретение собственного опыта использования механизмов сетевой интеграции не исключает потребности в обращении к лучшим мировым практикам, которые должны применяться в адаптированном виде. В отношении правового регулирования технологий есть место универсалиям. В качестве таковых видится, скажем, принцип предосторожности. Однако же нет однозначных рецептов восполнения недостающих звеньев взаимосвязи негосударственных акторов и субъектов, представляющих публичную власть.

Из сходных технологий извлекается нетождественная рента. Одинаковые инструменты по-разному проявляют себя в заданном социально-правовом контексте, здесь присутствует элемент творчества. Вряд ли стоит идти путем догоняющего развития, отказываясь от собственных культурно-правовых традиций в угоду чужого, пускай и самого прогрессивного, опыта.

Число представленных в сети общественных корпораций, медийных групп увеличивается повсюду. Однако зона напряженности между публичной властью и гражданами сокращается, как правило, там, где по-настоящему востребован креативный потенциал общества.

Заключение. Таким образом, для решения правовых и организационных проблем сетевой интеграции государства и общества одновременно с разработкой новых и совершенствованием существующих нормативных регуляторов необходимы усилия, направленные на опредмечивание прямых и обратных общественно-государственных связей, наполнение их конкретикой. Необходимо осознать конструктивные свойства электронной коммуникации. Пуская их в ход и всячески развивая, можно расширить горизонты приемлемых решений проблемы общественно-государственной разобщенности. Параллельно наращиванию технологической мощи и сплошной модернизации управленческих структур по всему фронту исполняемых ими функций критически важно продвигаться в сторону обеспечения прозрачности и транспарентности таких структур к рядовым гражданам.

Список литературы

1. Доброродний Д. Г. Интернет как технологическая основа культуры постмодерна: философия Интернете Л. Ропольи // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 2. С. 32–38.

2. Маркофф Д. Наши господа, рабы или партнеры? // Что мы думаем о машинах, которые думают о нас: Ведущие ученые об искусственном интеллекте / Джон Брокман; пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 549 с. С. 34–36.

3. Киреева Е. Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 29–32.

4. Умнова-Конюхова И. А. Право будущего в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 7–26.

5. Habermas J. Theorie der Kommunikativen Handlung. 3 Aufl. Frankfurt a M.: Suhrkamp, 1985. Bd.1. Handlungsrationalität und Gesellschaftlicher Rationalisierung. S. 459.

С. В. Петрова,

доктор политических наук, профессор,
Сочинский государственный университет

А. В. Ившина,

преподаватель,
Сочинский государственный университет

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье проводится анализ такого элемента цифровой демократии, как дистанционное электронное голосование в Российской Федерации. Выделены преимущества и недостатки дистанционной системы голосования. Изучены наиболее проблемные вопросы, возникающие в процессе применения дистанционного электронного голосования на выборах или референдумах.

Ключевые слова: цифровизация, электронная демократия, информационно-коммуникационные технологии, избирательный процесс, выборы, дистанционное электронное голосование, электорат, Интернет

REMOTE ELECTRONIC VOTING AS AN ELEMENT OF DIGITAL DEMOCRACY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. At present, the importance of digitalization of all spheres of activity of society and the state is increasing, which is dictated by technology development trends. This article analyzes such an element of digital democracy as remote electronic voting in the Russian Federation. The authors also highlight the advantages and disadvantages of the remote voting system. The most problematic issues that arise in the process of application in elections or referendums are studied.

Keywords: digitalization, e-democracy, information and communication technologies, electoral process, elections, remote electronic voting, electorate, Internet

Элементы цифровизации все больше становятся обязательными во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Это является одним из приоритетных трендов развития Российской Федерации. На современном этапе одной из крупнейших и значимых программ является «Цифровая экономика Российской Федерации», которая предусматривает создание инфраструктуры цифровых технологий, развитие цифровых компетенций населения, модернизацию государственного управления и мн. др.

Действующая в Российской Федерации Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 гг., в качестве тренда развития и совершенствования института электронной демократии определяет необходимость использования информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) в сфере государственного управления, а также для взаимодействия граждан и государства.

В своем исследовании Е. Н. Малик пришел к выводу, что возможность электронного участия в политическом процессе позволяет увеличить участие граждан в политической жизни путем использования новых каналов взаимодействия, с помощью которых граждане могут выразить свою точку зрения. Также ученый в качестве одного из преимуществ электронного участия обозначает повышение уровня прозрачности системы и подотчетности, что может в свою очередь стать фактором роста вовлеченности граждан [3. С. 169–170].

Цифровые технологии открывают новые возможности для граждан страны, улучшают условия их жизни путем повышения эффективности государственного управления, сокращения временных и финансовых затрат на оказание государственных услуг. В этой связи в Российской Федерации запущены в работу некоторые проекты, такие как «Электронная Россия», «Цифровой прорыв», «Умный город» и другие, в том числе ПТК ДЭГ (Программно-технический комплекс дистанционного электронного голосования).

Под дистанционным электронным голосованием (далее – ДЭГ) понимается голосование без использования бюллетеня на бумажном носителе, а с применением современных цифровых разработок в сфере телекоммуникации.

Стоит отметить важный этап развития электронного голосования в Российской Федерации в 2020 г., когда было принято решение провести экспериментальное голосование с применением системы ПТК ДЭГ в нескольких пилотных регионах страны, таких как г. Москва, Нижегородская, Ярославская и Курская области. В целом можно сделать вывод, что результаты проведения ДЭГ в Российской Федерации позволили выявить ряд положительных и негативных аспектов для электората и государства (таб.).

Как было отмечено выше, в современных условиях наибольшее значение ДЭГ имеет для повышения явки на выборах. Грамотная реализация в соответствии с требованиями законодательства обеспечит активное избирательное право граждан, в части для людей с ограниченными возможностями здоровья, людей, проживающих в труднодоступных регионах и молодежи. Что касается последней категории граждан, то можно сказать, что исключение обязательной необходимости посещения избирательного участка позволит повысить интерес молодежи к политической жизни и ее электоральную активность.

Основные преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования в Российской Федерации

Критерий	ПТК ДЭГ	
	Преимущества	Недостатки
Мобильность	Позволяет принять участие в голосовании, находясь в любой точке страны или за рубежом	Обязательно наличие подключения к сети Интернет (не везде имеется доступ в Интернет, например, в деревнях, горных местностях)
Удобство	Позволяет оперативно принять участие в голосовании с использованием личного мобильного телефона или персонального компьютера	Не все обладают достаточным уровнем развития навыков пользования устройствами
Финансирование	Позволяет в разы сократить затраты государства на организацию и проведение выборов и референдумов [4. С. 86–87]	
Соблюдение требований законодательства	Усовершенствование нормативно-правовой базы путем разработки и принятия закона о единых правилах проведения дистанционного голосования	По мнению некоторых авторов, нарушает принцип тайны голосования и свободы выборов. Скрытость процессов процедуры голосования в силу их автоматизированного характера [2. С. 112–113; 1. С. 206]
Наличие специалистов	Ведется значительная работа по созданию пула специалистов в сфере IT-технологий, разрабатываются программы и выделяется финансирование	На данный момент существует нехватка грамотных специалистов, которые смогли обеспечить максимальную защищенность системы

Многочисленные исследования в области организации и проведения ДЭГ позволяют выделить определенные варианты современных цифровых технологий, при помощи которых возможно проведение ДЭГ. Например, специальное приложение для мобильного телефона или ПК, сайт избирательной комиссии, другое программное обеспечение с присвоением уникального идентификационного кода каждому избирателю.

Также важным преимуществом является сокращение финансовых затрат на организацию и проведение выборов. Автоматизация и механизация процедуры подсчета голосов, их обработки и определения результатов снижает временные затраты и риск ошибки вследствие человеческого фактора.

С другой стороны, эта процедура характеризуется труднореализуемостью, что создает определенные сложности для организаторов выборов с использованием современных цифровых технологий. В частности, обеспечение соблюдения требований законодательства в области обработки персональных данных, проверки правильности учета голоса каждого избирателя с учетом сохранения основных принципов избирательного процесса.

Таким образом, прогрессивное развитие информационного общества в современном мировом пространстве диктует необходимость своевременной реакции на новые вызовы путем внедрения цифровых технологий во все сферы деятельности государства и общества в целом. Активное использование глобальной сети Интернет позволяет расширить возможности населения в различных областях. Электронная демократия в настоящее время является важным инструментом в работе государственных органов и институтов гражданского общества, обеспечивающим более широкий доступ граждан к политическому процессу в стране.

Онлайн-голосование предоставляет возможность гражданам принимать участие в принятии политических решений через различные электронные платформы и инструменты. Это изменяет привычный формат волеизъявления народа, но не исключает его. Дальнейшее развитие и внедрение цифровых технологий в избирательную систему Российской Федерации отражает ориентированность государства на повышение политической заинтересованности граждан, обеспечение их избирательных прав и сохранение трендов развития информационного общества.

Список литературы

1. Выборы в мире: электронное голосование / И. Б. Борисов, А. Г. Головин, А. В. Игнатов; под общ. ред. И. Б. Борисова. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2020.
2. Колюшин Е. И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2019. № 9(61). С. 103–113.
3. Малик Е. Н. Электронная демократия как механизм политической интеграции граждан // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3(87). С. 168–172.
4. Трыканова С. А. Направления развития организационно-правовых условий цифрового дистанционного голосования в России // Образование. Наука. Научные доклады. 2021. № 1. С. 85–87.

О. Г. Савицкая,

кандидат юридических наук,
Рязанский государственный радиотехнический
университет имени В. Ф. Уткина

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СООБЩЕНИЙ И ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конституционно-правового регулирования порядка направления и рассмотрения сообщений и обращений различных институтов гражданского общества в условиях внедрения современных цифровых технологий. Анализируется новая цифровая модель рассмотрения сообщений и обращений с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»

и основные этапы ее работы: модерация, координация, исполнение, согласование и утверждение. Особое внимание уделено исследованию возможностей искусственного интеллекта при рассмотрении сообщений и обращений. На основе мониторинга накопленного опыта ряда стран СНГ сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования данной формы непосредственной демократии.

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, формы непосредственной демократии, Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций), Центр управления регионом, государственное и муниципальное управление

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF COMMUNICATIONS AND APPEALS OF CITIZENS AND LEGAL ENTITIES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract. The article considers the peculiarities of constitutional and legal regulation of the procedure for sending and considering messages and appeals of various institutions of civil society in the context of the introduction of modern digital technologies. The author analyzes the new digital model for considering messages and appeals using the federal state information system “Unified Portal of State and Municipal Services (Functions)” and the main stages of its work: moderation, coordination, execution, coordination and approval. Particular attention is paid to the study of the capabilities of artificial intelligence when considering messages and appeals. Based on the monitoring of the accumulated experience of a number of CIS countries, proposals were formulated to improve the legal regulation of this form of direct democracy.

Keywords: digital technologies, artificial intelligence, forms of direct democracy, the Unified portal of state and municipal services (functions), the Regional Management Center, state and municipal administration

В настоящее время одной из наиболее востребованных форм участия гражданского общества в управлении делами государства является их взаимодействие с органами публичной власти посредством направления обращений. Уникальность данной формы заключается, прежде всего, в том, что при рассмотрении обращений синергетически реализуются ключевые функции непосредственной демократии: коммуникационная, регулятивная, консультативная, координационная и контрольная. Вместе с тем с учетом цифровизации государственного и муниципального управления современные реалии требуют нового подхода к правовому регулированию данного института.

В Российской Федерации началом «цифрового» этапа развития института обращений граждан следует считать 2020 г., когда по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления Правительству Российской Федерации было поручено:

– обеспечить функционирование в субъектах Российской Федерации центров управления регионами (далее – ЦУР), предусмотрев в том числе использование единой цифровой платформы, располагающей механизмом обратной связи;

– разработать правовую регламентацию новой «цифровой» модели взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества посредством направления электронных обращений [28].

Первым шагом на пути исполнения данных поручений стало создание платформы обратной связи (далее также – ПОС), представляющей собой подсистему ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – также ЕП), обеспечивающую интерактивное взаимодействие государства и институтов гражданского общества при решении управленческих вопросов.

Основными задачами ПОС являются:

- организация приема и обработки сообщений заявителей;
- обеспечение возможности обработки сообщений в короткие сроки путем определения фаст-треков («быстрых задач»);
- размещение форм («виджетов») на сайтах органов публичной власти и подведомственных им организаций.

Компоненты ПОС представлены на рис. 1.

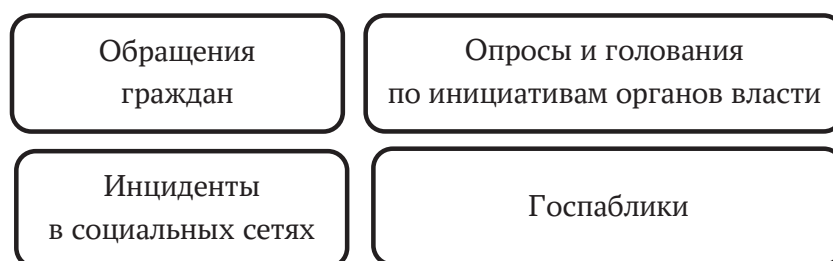

Рис. 1. Компоненты ПОС

Также в целях организации приема и обработки сообщений разработан Единый классификатор ПОС, который включает в себя 31 категорию и 314 подкатегорий сообщений. На сегодняшний день граждане и юридические лица могут направить сообщения посредством форм на сайтах органов публичной власти и подведомственных им организаций, формы на ЕП либо с помощью мобильного приложения. Основные этапы рассмотрения сообщений посредством ПОС представлены на рис. 2.

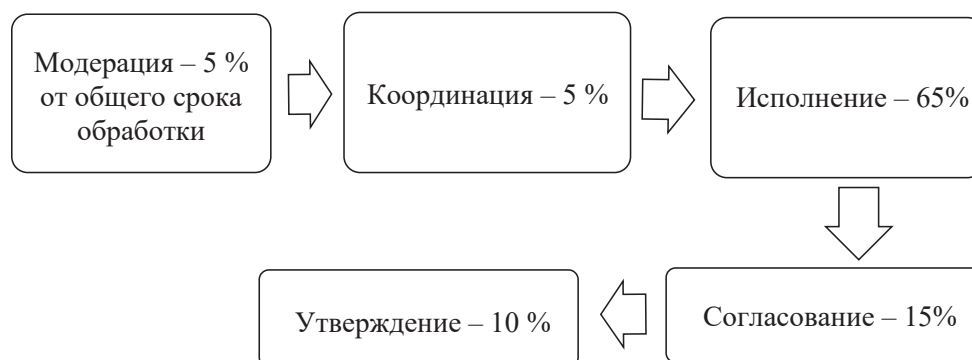

Рис. 2. Этапы обработки сообщений посредством ПОС

Согласно информации, размещенной на официальном сайте Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, за период с 2019 г. по первое полугодие 2023 г. в рамках функционирования ПОС поступило более 4 млн сообщений [25]. Наиболее востребованные темы сообщений, направленные посредством ПОС за первое полугодие 2023 г., представлены на рис. 3.

Рис. 3. Наиболее востребованные темы сообщений в Российской Федерации, направленные посредством ПОС

По данным АНО «Диалог Регионы», средняя скорость первичного ответа на сообщения, направленные посредством ПОС, составляет 3 часа 15 минут, так, например, в Республике Башкортостан данное время составило 1 час 56 минут, в Калужской области – 2 часа 19 минут, в Воронежской области – 2 часа 54 минуты [27].

Вместе с тем, рассматривая особенности работы ПОС, важно отметить, что в настоящее время на данную модель организации обратной связи не распространяется правовое регулирование, предусмотренное Федеральным законом 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ) [17].

Помимо создания ПОС, согласно изменениям, внесенным 14 июля 2022 г. в законодательство об обеспечении доступа к информации, на органы публичной власти и подведомственные организации также возложена обязанность по созданию и ведению официальных аккаунтов в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте») [6]. В результате реализации данных новелл, с одной стороны, увеличилось число коммуникационных каналов для подачи сообщений, с другой – в связи с необходимостью ведения данных аккаунтов и обработки поступающей информации от населения значительно выросла нагрузка на органы власти. Необходимость проведения обработки и анализа (классификации) СИО, поступающих как посредством ПОС, так и посредством социальных сетей, обусловила создание по всей стране ЦУР.

С организационно-правовой точки зрения ЦУР является аналитическим центром или проектным офисом, осуществляющим взаимодействие:

- с заявителями через новые каналы связи по направлениям и тематике деятельности ЦУР;

- органами и организациями в целях представления информации по вопросам стратегического планирования развития региона [13].

С начала 2023 г. на основании аналитики ЦУР по всей стране было принято более 760 управленческих решений, что на 67 % больше, чем за аналогичный период 2022 г. [27]. При этом следует отметить, что управленческие решения, в отличие от решения локальных задач, влияют на конкретную сферу публичного управления в целом.

Так, например, в Новгородской области в связи с высоким числом сообщений граждан по вопросу отлова безнадзорных животных был изменен порядок подачи заявлений на отлов. Ранее для этого необходимо было скачать с сайта исполнительного органа форму заявления, заполнить ее, отсканировать и в электронном виде направить в уполномоченный орган. В соответствии с новым порядком обратиться с данным вопросом можно посредством ЕП [27].

Согласно проведенной аналитики ЦУР, для жителей регионов одной из наиболее острых тем является вывоз твердых коммунальных отходов.

Весной 2023 г. жители Самарской области направили ряд сообщений об образовании стихийных свалок на улицах. ЦУР зафиксировал данные сообщения и сформировал аналитику для региональных властей. В результате свалки были устранены и в бюджете области предусмотрены денежные средства на установку контейнеров. При этом сообщения граждан по обозначенной тематике сократились на 83 %.

В Белгородской области за первую неделю 2023 г. жители оставили более 550 жалоб по данной проблематике. При этом ЦУР было установлено, что в преобладающем большинстве случаев ненадлежащий вывоз мусора был связан с невозможностью проезда техники из-за припаркованных во дворах автомобилей и установленных шлагбаумов. Уполномоченными органами местного самоуправления совместно с представителями ЦУР была проведена работа по информированию жителей о последствиях парковки в неположенном месте и с управляющими организациями об обеспечении доступа к контейнерным площадкам. В результате проведенной работы число обращений, фиксируемых в ЦУР в социальных сетях, снизилось в 7,5 раза [27].

В свою очередь в Нижегородской области с начала 2023 г. ЦУР было зафиксировано более 9 тысяч жалоб на действия регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами. На основании представленной информации органами публичной власти региона договор с данным оператором был расторгнут [27].

И такие положительные примеры принятия управленческих решений по итогам аналитики поступивших электронных сообщений можно встретить практически в каждом регионе.

Отметим, что, согласно поручению Президента Российской Федерации, работу по созданию аналогичных центров необходимо провести и на муниципальном уровне [29].

Вторым шагом на пути цифровизации института обращений граждан стало издание постановления Правительства Российской Федерации о проведении эксперимента по использованию ЕП для направления заявителями в органы публичной власти и иные организации, осуществляющие публично значимые функции, сообщений и обращений (далее – эксперимент, СиО соответственно). Данным нормативным правовым актом установлены сроки проведения эксперимента (с 12 ноября 2020 г. по 31 декабря 2023 г.), определены участники эксперимента, а также утверждено Положение, регламентирующее данные правоотношения (далее – Положение) [20].

В настоящее время участниками эксперимента являются 21 федеральный орган исполнительной власти, органы и организации из 84 субъектов Российской Федерации (более 2,4 тыс. региональных органов, более 18,1 тыс. муниципальных органов, более 68,1 тыс. организаций в сфере образования и здравоохранения), через ЕП направлено около 10 млн обращений (рис. 4) [25].

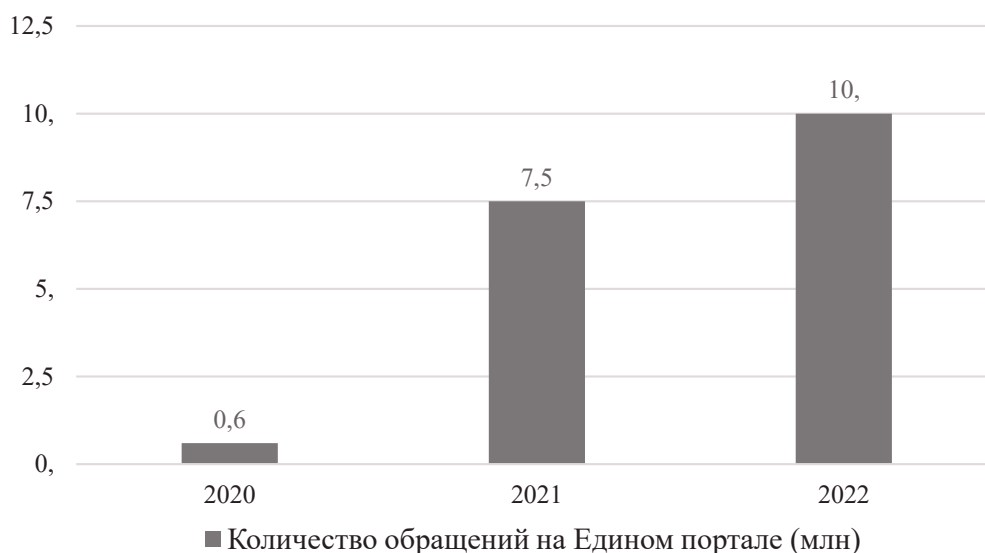

Рис. 4. Статистика рассмотрения обращений граждан, поданных посредством ЕП

В целом, основываясь на правовом регулировании, предусмотренном Положением, цифровую модель рассмотрения СиО с использованием ЕП можно представить следующим образом (рис. 5).

Данная модель обеспечивает механизм обратной связи посредством единой цифровой платформы, позволяющей лицу, подавшему СиО, получить уведомление о статусах обработки, а также по результатам рассмотрения ответ органа, организации или должностного лица что, безусловно, очень удобно с точки зрения сохранения истории рассмотрения каждого СиО.

Вместе с тем стоит обратить внимание, что в рамках представленной цифровой организации рассмотрения СиО не предусматривается возможность осуществления внешнего контроля за качеством подготовленных ответов. Полагаем, что

обеспечение «цифрового» доступа контрольно-надзорных органов и субъектов общественного контроля к этапам координации и подготовки ответа значительно повысит эффективность взаимодействия граждан и органов публичной власти.

Также открытым остается вопрос обеспечения правовой и «цифровой» возможности направления коллективных обращений посредством ЕП.

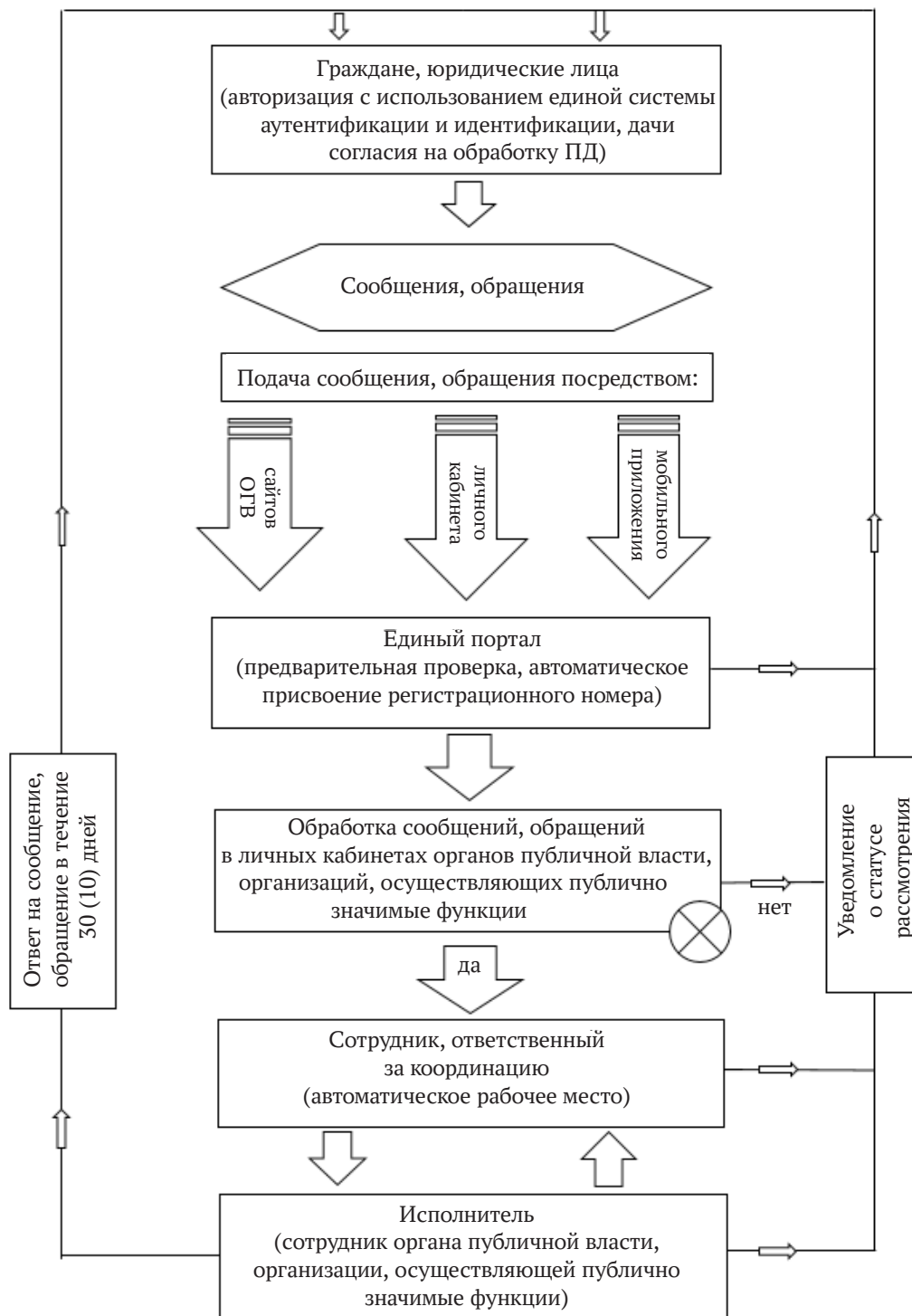

Рис. 5. Цифровая модель рассмотрения сообщений и обращений граждан и юридических лиц с использованием ЕП

Говоря о внедрении цифровых технологий, нельзя не отметить роль искусственного интеллекта при рассмотрении СиО. В частности, с помощью искусственного интеллекта на всех этапах рассмотрения обращений возможно обеспечить: распознавание текста и поиск информации в отсканированных документах; интеллектуальную классификацию обращений по тематике; автоматическую маршрутизацию обращений; переадресацию по принадлежности; формирование шаблонов ответов на СиО; составление интерактивной отчетности, осуществление контроля за исполнением и пр. [2. С. 122; 3. С. 66].

На сегодняшний день технологии искусственного интеллекта уже активно применяются в ряде субъектов Российской Федерации. Например, в Республике Саха с 2020 г. запущено несколько пилотных проектов по внедрению данных технологий при рассмотрении обращений граждан. Первый кейс направлен на использование нейросетей на стадиях модерации и координации поступивших СиО. Результаты обработки СиО с использованием искусственного интеллекта представлены на рис. 6.

Рис. 6. Результаты обработки СиО с использованием искусственного интеллекта

Второй кейс связан с работой цифрового помощника главы Республики Якутия АИТА (рис. 7). Основные задачи данного сервиса – обработать голосовое сообщение гражданина и сформулировать ответ или перенаправить по принад-

лежности в уполномоченный орган власти. Для работы с помощником необходимо позвонить по номеру телефона и следовать инструкциям: представиться, дать согласие на использование номера в качестве контактного и озвучить свое обращение. С момента создания и по настоящее время с помощью голосового помощника рассмотрено более 3 000 обращений жителей [32].

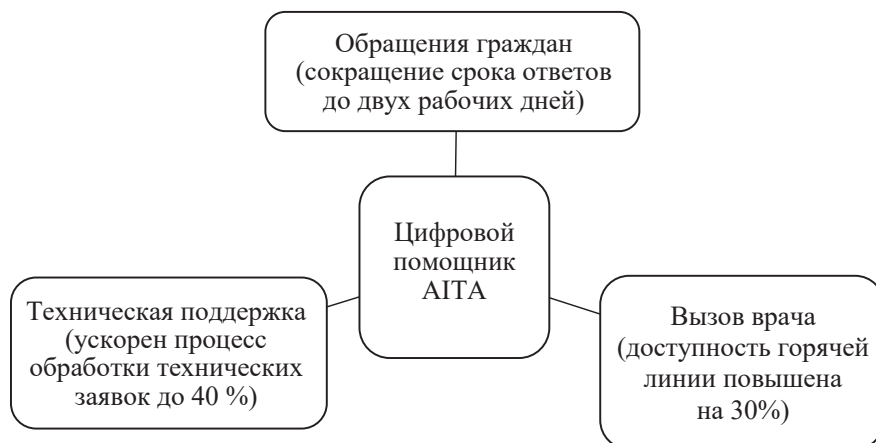

Рис. 7. Используемые технологии АИТ

На сегодняшний день одним из актуальных вопросов правоприменительной практики является обеспечение сроков рассмотрения СИО. В частности, в соответствии с п. 17 Положения предусмотрено, что субъекты Российской Федерации вправе определять категории СИО, для которых устанавливается ускоренный порядок рассмотрения (далее – категории СИО) [20].

Проведенный анализ региональной практики показал, что в настоящее время отсутствует единый подход к определению данных категорий (табл.). Так, например, если в Ленинградской области определено 125 категорий СИО, в отношении которых устанавливается ускоренный порядок рассмотрения, то в Ненецком автономном округе данных категорий всего 7. В преобладающем числе субъектов перечени категорий СИО утверждены правовыми актами высших исполнительных органов власти или высших должностных лиц, в отдельных регионах, например, в Ленинградской области, Краснодарском и Красноярском крае, принятие данных решений делегировано отраслевыми органами.

Полагаем, что унификация подходов к определению сроков рассмотрения СИО требует дальнейшей правовой регламентации.

Еще одним важным компонентом по «цифровизации» института обращений граждан является создание профильных информационных правовых порталов. Так, например, в тестовом режиме с 20 декабря 2022 г. в Республике Татарстан, Краснодарском крае, Кемеровской, Иркутской, Курской, Московской, Ростовской, Смоленской, Тамбовской и Ульяновской областях запущена информационная система «Правовая помощь», созданная Министерством юстиции Российской Федерации, с помощью которой возможно вовремя «предотвратить» возникновение самой проблемы и, следовательно, сократить число обращений в органы власти [26].

**Перечень субъектов Российской Федерации, определивших категории СиО,
для которых устанавливается ускоренный порядок рассмотрения**

№	Наименование субъекта Российской Федерации	Количество категорий (подкатегорий) СиО, для которых устанавливается ускоренный порядок рассмотрения	Правовое основание
1	Хабаровский край	102	Распоряжение Правительства Хабаровского края [24]
2	Камчатский край	91	Постановление Правительства Камчатского края [8]
3	Красноярский край	16	Приказ Министерства цифрового развития Красноярского края [23]
4	Краснодарский край	14	Приказ Министерства транспорта Краснодарского края [9]
5	Республика Крым	64	Постановление Совета министров Республики Крым [14]
6	Ленинградская область	125	Приказ Управления информационной политики Ленинградской области [11]
7	Ненецкий автономный округ	7	Постановление Губернатора Ненецкого автономного округа [10]
8	Пензенская область	58	Постановление Правительства Пензенской области [21]
9	Республика Мордовия	106	Постановление Правительства Республики Мордовия [22]
10	Республика Саха	11	Распоряжение Правительства Республики Саха [15]

В рамках настоящего исследования предлагаем также обратиться к опыту отдельных стран СНГ. На постсоветском пространстве флагманом внедрения цифровых технологий в процесс подготовки и рассмотрения СиО граждан и юридических лиц по праву можно назвать Казахстан. Интересно отметить, что фундамент для развития данного института был заложен еще в 2006 г. при создании портала электронного Правительства, обеспечивающего единый механизм взаимодействия государства и граждан. В настоящее время в Казахстане получила свое развитие так называемая концепция «слышащего государства», основной целью которой является создание условий и правовых гарантий для эффективного взаимодействия гражданского общества и органов публичной власти [5. С. 142].

Более 10 лет в Республике Казахстан действовал Закон от 12 января 2007 г. «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» [19], регламентирующий особенности подачи и рассмотрения обращений заявителей. С 1 июля 2021 года данные правоотношения получили правовую регламентацию

в Административно-процессуальном кодексе Республики Казахстан [1]. Согласно данному документу обращение может быть направлено в виде:

– заявления или жалобы в письменной (бумажной и (или) электронной) или устной форме;

– видеообращения (индивидуального или коллективного заявления, жалобы в видеоформате). При этом видео-конференц-связь обеспечивается Государственной корпорацией «Правительство для граждан».

Обратим внимание, что при помощи законодательного закрепления порядка рассмотрения видеобращений в Казахстане решен вопрос, связанный с обеспечением возможности направления коллективных обращений в органы публичной власти посредством внедрения цифровых технологий.

В качестве одного из наиболее значимых достижений Республики Казахстан, безусловно, следует отметить создание в рамках платформы «Электронное Правительство» подплатформы «Открытый Диалог», представляющей собой открытую площадку для ведения диалога между институтами гражданского общества и органами публичной власти. Использование данного сервиса исключает такие барьеры, как расстояние, живая очередь, неосведомленность о форме подачи обращения и пр. [30].

Авторизированные пользователи портала могут напрямую подать обращения и отправить предложения в адрес центральных государственных органов власти, местных исполнительных органов власти или организаций квазигосударственного сектора, участвовать в социально значимых опросах, видеоконференциях, в том числе оценивать работу местного акимата. Подплатформа «Открытый Диалог» состоит из трех основных сервисов: блог-платформа первых руководителей государственных органов, интернет-конференции и опросы. Порядок функционирования данной цифровой подплатформы регламентирован законодательством Республики Казахстан о доступе к информации.

Особо следует сакцентировать внимание на удобном и понятном интерфейсе подплатформа «Открытый Диалог», позволяющем адресату направить свое обращение непосредственно в блог руководителей органов публичной власти согласно их компетенции, для этого на портале размещаются фотографии должностных лиц и краткая информация об их деятельности.

Согласно статистическим данным, содержащимся на портале, по состоянию на 1 августа 2023 г. посредством сервиса было направлено 483 722 обращения, из них всего 16 006 было переадресовано, остальные рассмотрены по принадлежности адресантами.

Наиболее популярные категории обращений – деятельность правоохранительных органов (73 979 обращений), образование (44 363 обращения), здравоохранение (43 469 обращений), малый и средний бизнес (29 803 обращения) [30].

В свою очередь в Республике Беларусь особенности рассмотрения обращений, направленных в электронной форме посредством цифровой платформы, регламентированы в Законе 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» [7]. В 2022 г. в указанный Закон Республики Беларусь были внесены значимые изменения, направленные в том числе на совершенствование порядка подачи и рассмотрения электронных обращений.

Если ранее было предусмотрено несколько способов подачи электронных обращений (посредством электронной почты органа власти либо специальной формы, размещенной на официальном сайте органа власти), то в настоящее время все электронные обращения граждан и юридических лиц должны быть направлены посредством государственной единой (интегрированной) республиканской информационной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц «Обращения.бел» (далее – СУиО обращений).

С помощью СУиО обращений осуществляется:

- идентификация, аутентификация и авторизация пользователей системы;
- формирование личных электронных кабинетов пользователей;
- обработка электронных обращений;
- подготовка ответов (уведомлений) на них, иной информации о рассмотрении обращений;
- контроль и обеспечение обратной связи [4].

Для подачи обращений пользователи могут пройти регистрацию на портале либо воспользоваться ЭЦП и id-картами.

Кроме того, в целях обеспечения функционирования СУиО обращений в Беларуси принято решение о внедрении единого классификатора обращений граждан и юридических лиц, включающего 29 категорий обращений [16].

По состоянию на 10.07.2023 в СУиО обращений зарегистрировано 16 838 пользователей – внешних администраторов от соответствующих государственных органов и организаций [4].

Отмечая значимость достижений Республики Беларусь в сфере цифровизации института обращений граждан и юридических лиц, обратим внимание на ряд моментов, которые, на наш взгляд, нуждаются в дополнительной регламентации, в частности, на портале «Обращения.бел»:

- не размещена информация о системе органов власти Республики Беларусь и их компетенции, что может создать трудности при выборе адресанта;
- не содержится правовая и методологическая информация, связанная с порядком рассмотрения обращений заявителей;
- не предусмотрена возможность направления видеообращений;
- не регламентировано рассмотрение коллективных электронных обращений;
- отсутствует обратная связь в виде статистической информации, касающейся рассмотрения отдельных категорий обращений, результатов опроса и пр.

В рамках настоящего исследования рассмотрим также и опыт Республики Кыргызстан. С 2007 г. и по настоящее время в Республике Кыргызстан действует Закон «О порядке рассмотрения обращений граждан» [18]. В отличие от Казахстана и Беларуси данный закон регулирует только порядок рассмотрения обращений граждан в отношении юридических лиц аналогичное правовое регулирование отсутствует. Под электронным обращением понимается обращение заявителя, поступившее на официальный адрес электронной почты государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц.

Помимо возможности направить обращение непосредственно на электронную почту органа власти либо должностного лица в Кыргызстане создан

интернет-портал электронных обращений (далее – Портал ЭО). Правовая регламентация рассмотрения электронных обращений, поступивших посредством данного портала, содержится в постановлении Правительства Кыргызской Республики [12]. В частности, предусматривается, что электронное обращение заполняется по форме, размещенной на Портале ЭО, в случае незаполнения обязательных реквизитов установленной формы электронного обращения выдается сообщение о невозможности принять данное обращение.

Портал ЭО отличается достаточно удобным интерфейсом:

- если в Казахстане заявителю предложено сначала определиться с адресантом – органом публичной власти или должностным лицом, то в Кыргызстане – с формой обращения (предложение, заявление, жалоба);
- портал предусматривает возможность направить как индивидуальное, так и коллективное обращение;
- содержатся различные дополнительные ресурсы: нормативная правовая база, статистическая информация, раздел «вопрос – ответ».

Согласно статистическим данным, представленным по состоянию на 1 августа 2023 г., из общего числа обращений, поступивших посредством данного портала, 35,7 % обращений зарегистрировано, 39,3 % находятся на исполнении и 25 % исполнено [31].

Итак, проведенный нами анализ зарубежной практики показал, что:

- в ряде стран СНГ цифровые технологии рассмотрения обращений граждан уже на протяжении нескольких лет успешно внедрены в государственное и муниципальное управление;
- правовое регулирование порядка подачи и рассмотрения электронных обращений содержится либо в специальных законах, либо в административном законодательстве;
- предусмотрены различные подходы к субъектному составу, в частности в Республике Кыргызстан посредством интернет-портала могут обратиться только физические лица;
- интерфейс порталов значительно отличается по наполняемости и инфографике.

Согласно опыту постсоветских стран процесс внедрения цифровых технологий в систему публичного управления коррелируется с внесением изменений в национальное законодательство, регламентирующее в том числе и порядок рассмотрения электронных обращений. Именно структурированная нормативная правовая база выступает основой для обеспечения конституционного права граждан на обращения в органы публичной власти в любой из возможных форм.

Учитывая положительную динамику подачи и рассмотрения СиО посредством ПОС и ЕП, 20 июля 2023 г. Государственной Думой Российской Федерации был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [17], предусматривающий, что:

- письменное обращение может быть в письменной форме или в форме электронного документа;

– электронное обращение может быть направлено, в том числе, с использованием ЕП;

– ответ на данное обращение направляется по адресу (уникальному идентификатору) личного кабинета гражданина на ЕП.

Отмечая значимость вышеуказанных новелл федерального законодательства, не стоит забывать, что конституционное право граждан на обращение в органы публичной власти является важнейшим инструментом взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества. В связи с чем на сегодняшний день одной из ключевых задач является создание правовых гарантий реализации данного конституционного права граждан в условиях цифровизации государственного и муниципального управления. Основываясь на результатах проведенного исследования и учитывая, что институт сообщений и обращений граждан носит многоаспектный характер, предлагаем:

– в целях единообразного подхода к толкованию законодательно закрепить определения терминов «электронное обращение», «электронный ответ на обращение»;

– принимая во внимание опыт ряда стран СНГ (Казахстан, Беларусь), предусмотреть аналогичное правовое регулирование и для механизма рассмотрения обращений юридических лиц (всех организационно-правовых форм);

– поскольку в рамках проведения эксперимента введен новый термин – «сообщения граждан и юридических лиц», законодательно установить порядок и особенности рассмотрения данных сообщений;

– на федеральном уровне регламентировать право субъектов Российской Федерации на установление перечня категорий обращений, в отношении которых предусматривается ускоренный порядок их рассмотрения, установить единые требования к определению данных категорий СиО;

– разработать и утвердить административные регламенты по работе с СиО, поступающими посредством ЕП, а также соответствующие методические рекомендации для регионов по рассмотрению отдельных категорий Си О.

Полагаем, что предложенный механизм позволит обеспечить необходимые правовые гарантии для реализации участия институтов гражданского общества в государственном и муниципальном управлении посредством направления сообщений и обращений.

Список литературы

1. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 29.06.2020 № 350-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35132264&pos=3;-110#pos=3;-110&sel_link=1007981380

2. Бахтаирова Е. А., Вихорева М. В. Нейронные сети и искусственный интеллект в работе с обращениями граждан в органы власти // Развитие российского общества: вызовы современности: Материалы национальной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию Байкальского государственного университета, Иркутск, 15–16 октября 2020 г. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 120–125.

3. Белов И. И. Применение искусственного интеллекта в работе с обращениями граждан в федеральных органах исполнительной власти // Вестник ВНИИДАД. 2022. № 3. С. 63–68.

4. Государственная единая (интегрированная) республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц для подачи обращений в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц». URL: <http://xn-80abnmucp7evc.xn-90ais>

5. Лякишева В. Г. Совершенствование работы с медицинскими работниками в сфере социально-экономического развития территории: опыт Республики Казахстан // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2021. № 8. С. 141–147.

6. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602

7. Об обращении граждан и юридических лиц: Закон Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100300>

8. Об определении категорий сообщений и обращений, направляемых гражданами и юридическими лицами с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», для которых устанавливается ускоренный порядок рассмотрения, в Камчатском крае: Постановление Правительства Камчатского края от 11.02.2022 № 61-П. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4100202202110001?rangeSize=10>

9. Об организации работы с сообщениями и обращениями граждан, поданных с использованием подсистемы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» платформы обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе» в Краснодарском крае: Приказ Министерства транспорта Краснодарского края от 07.04.2023 № 186. URL: <http://www.cons.ru/files/Otrasli/04-02-23/it.doc>

10. Об утверждении категорий обращений, обрабатываемых исполнительными органами Ненецкого автономного округа с использованием механизмов ускоренного решения, и сроков их рассмотрения: Постановление Губернатора Ненецкого автономного округа от 16.08.2021 № 58-пг. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8300202108190003>

11. Об утверждении Положения об организации работы государственных органов Ленинградской области, органов местного самоуправления Ленинградской области, государственных и муниципальных учреждений Ленинградской области, иных организаций, осуществляющих публично значимые функции с обращениями с использованием единого окна цифровой обратной связи на базе федеральной государственной информационной системы «Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)» – «Госуслуги. Решаем вместе»: Приказ Управления информационной политики Ленинградской области от 27.09.2022 № 1. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4701202210030006>

12. Об утверждении Положения о порядке рассмотрения электронных обращений, поступивших посредством интернет-портала электронных обращений: Постановление Правительства Кыргызской Республики от 11.08.2014 № 463. URL: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/1817>

13. Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы» на создание и обеспечение функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов: Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1844. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368239

14. О внедрении в Республике Крым технологических решений, реализованных на базе федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»: Постановление Совета министров Республики Крым от 14.09.2021 № 526. URL: <http://base.garant.ru/402792988>

15. О внедрении технических решений, реализованных на базе федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», для создания единого окна цифровой обратной связи: Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2021 № 541-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574784776?marker>

16. О внедрении единого классификатора обращений граждан и юридических лиц: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 09.04.2018 № 269. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C 21800269>

17. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999

18. О порядке рассмотрения обращений граждан: Закон Кыргызской Республики от 04.05.2007 № 67. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202100>

19. О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц: Закон Республики Казахстан от 12.01.2007 № 221. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000221_/compare

20. О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения»: Постановление Правительства РФ от 10.11.2020 № 1802. URL: <http://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=RoF0ZIThRheanUE9&cacheid=46D05B87AB9885A432C41E 537A351553&mode=splus&rnd=856ZA&base=LAW&n=436598#m7L0ZIT13xNZpOR 8>

21. О проведении в Пензенской области апробации технологических решений, реализованных на базе федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»: Постановление Правительства Пензенской области от 12.10.2021 № 693-пП. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5800202110130005?rangeSize=20>

22. О проведении в Республике Мордовия апробации технологических решений, реализованных на базе федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»: Постановление Правительства Республики Мордовия от 01.12.2020 № 643. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1300202012040005>

23. О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для работы с сообщениями и обращениями граждан в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях Красноярского края: Приказ министерства цифрового развития Красноярского края от 17.10.2022 № 73–50–2022. URL: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/89248>

24. О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения: Распоряжение Правительства Хабаровского края от 14.04.2023 № 232-рп. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700202304190005>

25. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <http://https://digital.gov.ru/ru>

26. Официальный сайт Министерства юстиции России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49231>

27. Официальный телеграмм-канал ЦУР. URL: <https://t.me/tsurofficial>

28. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления: утвержден Президентом Российской Федерации 01.03.2020 № Пп-354. URL: <http://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=mR5zYITUFQ SjtV62&cacheid=E4E3D0345BB2296874869D1992F08AE5&mode=splus&rnd=856ZA&base=LAW&n=346891#K1n0ZITDQ6AT3rQ5>

29. Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию местного самоуправления: утвержден Президентом Российской Федерации 04.06.2023 № Пп-1111. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Q0M5NnTFNAhZDP69&cacheid=27837EEDBF97BB064D01A1F1AAEB374A&mode=splus&rnd=GsrIrtQ&base=LAW&n=448995#tEryZnTUriY6ZwwD>

30. Портал Республики Казахстан «Открытый диалог». URL: <https://dialog.egov.kz/application/about>

31. Портал рассмотрения электронных обращений в Кыргызстане. URL: <http://www.kattar.kg/ru>

32. Тренды цифрового государства: доклад первого заместителя министра инноваций, цифрового развития и инфокоммуникационных технологий Республики Саха (Якутия). URL: [https://dt.petersburg.ru/pres/8.%20IT-dialog/Trendy%20Tsifrovogo%20Gosudarstva/ITDialog2021_JAkutija%20\(1\).pdf](https://dt.petersburg.ru/pres/8.%20IT-dialog/Trendy%20Tsifrovogo%20Gosudarstva/ITDialog2021_JAkutija%20(1).pdf)

Б. Э. Селецкий,
директор,
Региональный институт
территориального и отраслевого развития;
ассистент,
кафедра финансового и трудового права,
Университет управления «ТИСБИ»

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНЫЕ ПРОЕКТЫ

Аннотация. В статье проводится анализ текущей нормативно-правовой базы по вопросам привлечения частных инвестиций в государственно-частные проекты. Целью исследования является формирование представлений о правовом механизме привлечения частных инвестиций в государственно-частные проекты, в связи с чем в статье рассматриваются различные точки зрения экспертов и ученых по вопросам привлечения частных инвестиций для реализации государственного финансирования проектной деятельности и достижения национальных целей развития Российской Федерации. Подготовлены предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы по указанным вопросам.

Ключевые слова: инвестиционное право, государственно-частное партнерство, соглашение о защите и поощрении капиталовложений, национальные цели развития, институты развития, государственное финансирование проектной деятельности

LEGAL MECHANISMS FOR ATTRACTING PRIVATE INVESTMENT IN PUBLIC-PRIVATE PROJECTS

Abstract. The purpose of the study is to form an idea of the legal mechanism for attracting private investment in public-private projects, in connection with which, the article examines various points of view of experts and scientists on attracting private investment for the implementation of public financing of project activities and the achievement of national development goals of the Russian Federation; the analysis of the current regulatory framework, as well as suggestions are being made to improve it.

Keywords: investment law, public-private partnership, agreement on protection and promotion of investments, national development goals, development institutions, public financing of project activities

Вопросы, связанные с привлечением частных инвестиций для реализации государственных проектов, актуальны во всех странах, независимо от их экономического уклада и времени. Анализ и выработка предложений по стимулированию инвестиционных процессов отражается не только в выступлениях государственных служащих и экономических экспертов, но и в юридической науке. Так, А. М. Хайруллина в своих исследованиях, справедливо обращая внимание на важность обозначенной проблематики, отмечает, что «меры льготного налогообложения целесообразно применять не только к организациям, привлекающим инвестиции, но и для самих инвесторов (например, банков в части налога на прибыль), организаций инфраструктуры (страховых, консалтинговых, инвестиционных компаний), активно участвующих в инвестиционном процессе» [20. С. 43]. Также и автором настоящей статьи, обосновывая необходимость привлечения частных инвестиций в проектную деятельность, в одной из работ предлагается внедрение схемы трастов венчурного капитала (Venture Capital Trust), например, на базе го-скорпорации ВЭБ РФ [18. С. 126].

В России Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» существенно обновил формат скоординированной работы федеральных органов исполнительной власти по социально-экономическому развитию (ранее нормативно-правовой основой для такой работы являлся Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [11, 12].

Так, аналитики деловой прессы «Ведомости» обосновывают, что перед Россией больше не стоит задача по вхождению в число пяти самых крупных экономик мира, но новой «цели роста инвестиций в основной капитал не менее 70 % по сравнению с показателями 2020 г. в “майских указах” 2018 г. не было» [6]. При этом А. Кричевский отмечал, что «сейчас – на фоне санкций, международных конфликтов и политических подвижек – достаточно сложно говорить, что Россия – это интересная страна для инвестирования» [6]. Несмотря на подобные экспертные оценки, в последние три года представители правительства предполагали иное развитие событий. Например, министр промышленности и торговли РФ Денис Мантуров в 2019 г. заявлял, что «нацпроект по экспорту позволит привлечь 7–12 трлн рублей частных инвестиций [до 2024 г.]» [4].

Менее оптимистичен в своих прогнозах был А. Кудрин, который еще в 2018 г. отметил: «Частный бизнес, входя в нацпроекты, рассчитывает к собственной выгоде на ответное государственное финансирование, которое обещает быть гораздо больше его собственных вложений. Я в этой связи выказываю беспокойство, что сегодня в подготовке такого рода проектов, их обсуждении изначально не проговорены правила и принципы такого участия государства». Далее, с целью уменьшения коррупционной составляющей он выдвинул предложение, создать «некоторые

общие правила, на которых участвует государство» [3]. Вообще, А. Л. Кудрин, как главный теоретик бюджетной политики в стране, довольно часто высказывался, что бюджетные инвестиции (будь то инвестиции в национальные цели, национальные проекты или просто государственное финансирование проектной деятельности в рамках институтов развития, т. е. государственных учреждений-грантодателей) неэффективны без соинвестирования со стороны частного бизнеса. Например, в 2020 г. при анализе эффективности исполнения нацпроектов отмечалась неэффективность государственно-частного партнерства как метода осуществления финансирования по инфраструктурным проектам в рамках нацпроектов: частный бизнес не выделил средства, соответственно, Минфин в ответ не выделил средства из бюджета [2]. Также он предлагает искать новые механизмы вовлечения частного капитала в государственно-частное партнерство по финансированию проектов. Правительство с этим согласно – в 2021 г. Минфин предложил в текущем календарном году запустить обновленный механизм привлечения частного бизнеса к инвестициям – промышленные предприятия, которые получают субсидии от государства, должны будут направлять свою чистую прибыль в полном объеме на развитие собственных производств, в случае если объем субсидий ее превышает [1].

Необходимость софинансирования со стороны бизнеса зафиксирована в положениях и иных нормативно-правовых актах, касающихся большинства программ государственного финансирования проектной деятельности от институтов развития (Сколково, Российский фонд развития информационных технологий, Фонд президентских грантов и др.).

Объективно отметим, что с учетом пандемии и инфляции социально-экономическая ситуация не предполагает роста инвестиций в государственно-частные проекты со стороны бизнеса в ближайшее время. Однако в рамках данной работы хотелось бы осветить другой аспект вопроса – правовые механизмы, которые в принципе позволяют субъектам предпринимательской деятельности выйти в публично-правовую плоскость эффективного взаимодействия с государством.

Проанализировав, в достаточной ли мере действующее законодательство позволяет бизнесу инвестировать собственные средства в совместную с государством проектную деятельность, можно далее разработать механизмы обеспечения роста частных инвестиций после стабилизации экономической обстановки.

Итак, среди нормативно-правовых актов, регулирующих отношения между государством и субъектами малого и среднего бизнеса по совместной реализации проектов и инвестированию следует выделить такие, как:

1) Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ [14], определяющий правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, на территории Российской Федерации, а также устанавливающий гарантии равной защиты прав, интересов и имущества субъектов инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, независимо от форм собственности. Третья глава «Государственное регулирование инвестиционной деятель-

ности, осуществляемой в форме капитальных вложений» настоящего закона регулирует такие вопросы, как формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений; государственное регулирование инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций; порядок принятия решений об осуществлении государственных капитальных вложений; проверка эффективности инвестиционных проектов, финансируемых полностью или частично за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, и достоверности их сметной стоимости;

2) Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ, регулирующий привлечение частных инвестиций в экономику России и обеспечивающий повышение качества и доступности товаров, работ и услуг [9]. Так, в данном нормативно-правовом акте предусмотрена возможность инвестору иметь на праве частной собственности объекты инфраструктуры. Также этим правовым актом предусмотрено внедрение механизма оценки проекта и установление ограничительных требований к частному партнеру, а также совершенствование перечня объектов соглашений;

3) Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» является новеллой в правовом регулировании инвестиционной деятельности и государственно-частного партнерства [10]. Примечательно, что основным правовым инструментом привлечения частных инвестиций, в соответствии с данным законом, является соглашение о защите и поощрении капиталовложений (далее – СЗПК), под которым следует понимать договор, заключаемый между инвестором и государством об условиях реализации совместного инвестиционного проекта (действующего или стартапа). Как отмечают эксперты, сегодня еще рано делать выводы об эффективности данного закона. Вместе с тем уже очевидно, что настоящий правовой акт предоставляет достаточные гарантии для защиты прав и интересов инвесторов при реализации ими инвестиционных проектов, что непременно должно позитивно отразиться на развитии российского инвестиционного рынка. Что касается соглашения о защите и поощрении капиталовложений, то, по словам специалистов, оно может стать результативным элементом правового механизма привлечения частных инвестиций в российскую экономику [6]. На самом деле результат не заставил себя ждать – «уже в декабре 2020 г. Министерство экономического развития РФ отчиталось о подписании первых девяти соглашений в рамках Закона о защите и поощрении капиталовложений на общую сумму 135,7 миллиарда рублей» [7];

4) Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», который, что важно, в ст. 16 раскрывает дефиницию специального инвестиционного контракта (далее – СПИК) [13]. Представляется, что есть все основания признать данный контракт эффективным инструментом промышленной политики, благодаря которому возможно совершенствование ме-

ханизма привлечения частных инвестиций в российское промышленное производство, поскольку он направлен на стимулирование инвестиций. В соответствии со ст. 16 названного закона инвестор обязуется реализовать инвестиционный проект с целью создания или модернизации промышленного конкурентноспособного производства в России. В свою очередь, Российская Федерация, ее субъект и орган местного самоуправления возлагают на себя обязательство по осуществлению мер стимулирования деятельности в сфере промышленности, предусмотренных федеральным и региональным законодательством. Следует отметить, что деятельность в данном направлении регламентируется целым рядом подзаконных нормативно-правовых актов: Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 24 «Об утверждении требований к структуре, содержанию и порядку подготовки сводного отчета о результатах инвестиционных проектов, реализуемых в соответствии со специальными инвестиционными контрактами» [16]; Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2020 г. № 1048 «Об утверждении правил заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов» [15] и другими;

5) локальные нормативно-правовые акты институтов развития, регулирующие порядок проведения программ государственной финансовой (грантовой) поддержки проектной деятельности, также содержат в себе требования по софинансированию. По ряду программ такая необходимость не нова – например, Фонд «Сколково» требует софинансирование от инициаторов проектов и/или частных инвесторов на проекты с суммой гранта выше пяти миллионов рублей с момента своего основания. Однако в связи с реформой институтов развития многие из них оказались под управлением госкорпорации «ВЭБ.РФ», а глава госкорпорации И. И. Шувалов еще в 2020 г. заявлял, что «на каждый рубль, вложенный ВЭБ.РФ, приходится примерно 2,5 руб. частных инвестиций <...> Мы за последние два года стали координироваться по линии казначейств, юридических вопросов, управления рисками. Сейчас вместе с Корпорацией МСП реализуем антикризисные меры по поддержке предпринимателей, утвердили «дорожную карту» по стимулированию деловой активности МСП» [5]. Таким образом, политика по частному софинансированию проектов с государственной грантовой поддержкой стала централизованной и общепринятой для всех институтов развития, и сегодня нормы о необходимости софинансирования присутствуют в нескольких десятках программ, например, в положении о программе «Коммерциализация» Фонда содействия инновациям [19], в требованиях Российского фонда развития информационных технологий к конкурсной документации по проведению конкурсного отбора проектов по внедрению российских решений в сфере информационных технологий в рамках реализации Федерального проекта «Цифровые технологии Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [17], также и в других программах государственного финансирования проектной деятельности.

Вместе с тем анализ вышеназванных нормативно-правовых актов, регламентирующих основные правила привлечения частных инвестиций для реализации государственного финансирования проектной деятельности и национальных це-

лей развития Российской Федерации до 2030 г., позволяет выделить некоторые аспекты действующего законодательства, требующие трансформации в соответствии с текущими реалиями:

1) отсутствует единый инвестиционный кодекс. В большинстве развитых стран существует единый нормативно-правовой акт, регулирующий инвестиционную деятельность (например, KAGB Kapitalanlagegesetzbuch в Германии, Кодекс управления активами Великобритании и др.). В России также были предприняты попытки создать свой Инвестиционный кодекс, причем последний эксперимент прошел не так давно, в рамках работы над созданием Закона о защите и поощрении капиталовложений, упомянутого выше. Первоначально данный законопроект содержал не только нормы о СЗПК, но и введение общего и специального инвестиционного режима; концессии и государственно-частное партнерство – в итоге законопроект мог обобщить регулирование всех инвестиционных процессов и закрепить значительные преференции для частных инвесторов, однако в итоге Правительство РФ решило остановиться только на механизме СЗПК, отложив разработку полноценного Инвестиционного кодекса на будущее. С учетом неблагоприятной экономической обстановки, снижения деловой активности по сравнению с допандемийным периодом и нарастающим темпом инфляции видится необходимым в ближайшее время вернуться к разработке такого единого закона, который бы в полной мере гарантировал права инвесторов и в рамках государственно-частного партнерства, и в целом в рамках инвестиционных вложений в различные отрасли экономики, чтобы восстановить деловую активность и хотя бы в какой-то мере приблизиться к реализации национальных целей развития;

2) действующее законодательство предусматривает большое количество подвидов особых территорий с льготным режимом налогообложения для инвестиционных проектов, являющихся резидентами таких территорий: это особые экономические зоны (ОЭЗ), свободные экономические зоны (СЭЗ), территория опережающего развития (ТОР), территории опережающего социально-экономического развития; которые, в свою очередь, подразделяются на подвиды по территориальному или отраслевому признаку – например, ТОР на Дальнем Востоке или ОЭЗ Иннополис для сегмента информационных технологий. Политика создания таких экономических субъектов с льготным налогообложением понятна, когда в стране есть приоритеты для развития определенных отраслей и территорий. Однако: а) не всегда могут стать резидентами таких зон и территорий и, соответственно, получить льготный режим налогообложения, поскольку отбор резидентов производится на основании конкурса; б) в противовес особым зонам и территориям нет льгот для инвесторов неприоритетных территорий и отраслей, наоборот – «Россия в 2020 г. заняла 11-е место в списке 20 наиболее привлекательных для инвестиций стран Европы, зарубежные инвесторы вложили средства в 141 проект» [21]. Закон о защите и поощрении капиталовложений ввел механизм СЗПК, но эта правовая конструкция также подходит не под все варианты для инвесторов (например, никак не защищены частные инвесторы приоритетных для государства технологических стартапов без государственного финансирования);

3) как показывает анализ материалов юридической практики, федеральные институты развития, когда закладывают в свои локальные нормативно-правовые акты, регулирующие программы поддержки, необходимость софинансирования финансовой (грантовой) поддержки проектной деятельности со стороны заявителя и/или инвестора, не учитывают ситуации, когда в связи с недостатком бюджетных средств государственного учреждения-грантодателя происходят задержки с финансированием проектов за счет федерального бюджета, при этом проект нельзя заморозить на этот период, поскольку если возникнет задержка с финансированием за счет инвестора, то будут нарушены условия договора предоставления гранта.

Таким образом, на основании проведенного анализа современной ситуации по привлечению инвестиций для реализации государственного финансирования проектной деятельности и достижения национальных целей развития в Российской Федерации можно сформулировать для повышения роста инвестиций бизнеса в государственно-частные проекты следующие предложения по изменению действующего законодательства:

- необходимо ускорить разработку и принятия единого Инвестиционного кодекса Российской Федерации, который, помимо закрепленных в действующих нормативно-правовых актах механизмов СЗПК, ввел бы также нормы об инвестиционных режимах, концессиях и государственно-частном партнерстве и в принципе объединил бы всю существующую законодательную базу в части инвестиционной деятельности в целом и в промышленной политики в частности, государственно-частном партнерстве, софинансировании проектов с государственной финансовой поддержкой, защите и поощрении капиталовложений;

- целесообразно предоставить всем инвесторам частичные льготы по налогообложению на примере с инвесторами-резидентами ОЭЗ/СЭЗ и ТОР/ТОСЭР (поскольку механизм конкурсного отбора для инвесторов-резидентов предполагает возможность коррупционного фактора). Для регулирования процесса необходимо продумать механизм создания реестра инвесторов Российской Федерации, попасть в который можно автоматически при соблюдении ряда критериев (например, объем инвестиций, количество создаваемых рабочих мест и т. д.);

- предусмотреть в локальных нормативно-правовых актах федеральных институтов развития, регулирующих программы поддержки, возможность заморозки проектов в части софинансирования со стороны заявителей и/или инвесторов в случае временного приостановления финансирования проекта со стороны государственного учреждения-грантодателя в случае временного недостатка бюджетных средств на соответствующие цели.

Именно такими видятся правовые механизмы для активизации процесса привлечения частных инвестиций для реализации государственного финансирования проектной деятельности и достижения национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г.

Список литературы

1. Галиева Д. Господдержку оформляют в капвложения // Коммерсантъ, 20 января 2021 г.: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4653691>

2. Гальчева А. Кудрин упрекнул чиновников за непотраченные $\text{R}1,1$ трлн. – РБК: [сайт]. Экономика, 20 февраля 2020 года. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/02/2020/5e4bf90a9a7947c2b3d1074f>

3. Единый ресурс застройщиков: [сайт]. Новости от 29 ноября 2018 г.: Кудрин А.: Вхождение частного бизнеса в нацпроекты может ударить по бюджету. URL: <https://erzrf.ru/news/aleksey-kudrin-vkhozhdeniye-chastnogo-biznesa-v-natsproyekty-mozhet-udarit-po-byudzhetu>

4. ИТАР-ТАСС: [сайт]. Новости от 21 февраля 2019 г. Мантуров: нацпроект по экспорту позволит привлечь 7–12 трлн рублей частных инвестиций. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6145155>

5. Канаев П., Фейнберг А., Старостина Ю. Игорь Шувалов – РБК: «Не люблю заявлений, что мир не будет прежним» // РБК: [сайт]. Антикризисные меры, 25 мая 2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/business/25/05/2020/5ecabd9a9a7947b885fe7938>

6. Кошкина А., Бочарова С. Национальные цели стали доступнее: задачи государственного развития приблизились к реальности // Ведомости от 22 июля 2020 г.

7. Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. Новости от 14 декабря 2020 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/podpisany_pervye_9_szpk_na_1357_mlr_d_rublej_investiciy.html

8. Муллина Ю., Бутырина В. Инвестиции на основании соглашений о защите и поощрении капиталовложений: новое регулирование // Право.RU от 20 апреля 2020 г.: [сайт]. URL: <https://pravo.ru/story/220816>

9. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=436371&cacheid=51A2C11F0B7C78A2A4866F42143C7A09&mode=splus&rnd=H8kweQ#QZqWTpTWWxm6J3Uz>

10. О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=431969&cacheid=D5EFE878223FE3E7E0EAF78BD67D51&mode=splus&rnd=H8kweQ#dkQZTpT62Agfojkl>

11. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=358026&cacheid=738A53CC4658DAA31F86EDDEA366ADB7&mode=splus&rnd=bFEcXg#nMSSTpTdiuw8eME>

12. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ № 474 от 21 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=357927&cacheid=7982E56D5026D4885EF75A5A946E4BDD&mode=splus&rnd=H8kweQ#GHCUTpTkNcJuu4Nj1>

13. О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=452887&cacheid=66F79209D0CE13FA6D6D6480F3A1FCD3&mode=splus&rnd=H8kweQ#VpMbTpTosisl0D7D1>

14. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=435885&cacheid=3135B18CF3EBF26DF2249372B7E14BE9&mode=splus&rnd=H8kweQ#xNbVTpTH75ZIG3II>

15. Об утверждении Правил заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов: Постановление Правительства РФ от 16 июля 2020 г. № 1048 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=427068&cacheid=1792EB61D39DC718642739AD2595B881&mode=splus&rnd=H8kweQ#87KeTpTOQJIfaH801>

16. Об утверждении требований к структуре, содержанию и порядку подготовки сводного отчета о результатах инвестиционных проектов, реализуемых в соответствии со специальными инвестиционными контрактами: Постановление Правительства РФ от 21 января 2020 г. № 24 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=444386&cacheid=2BE99910BB43126DE04A358BB42C3DE9&mode=splus&rnd=H8kweQ#EaKdTpTGMya4zmM5>

17. Российский фонд развития информационных технологий: [сайт]. URL: https://rfrit.ru/priniat_uchastie_v_otbore_msp

18. Селецкий Б. Э. Правовой опыт Великобритании в государственной финансовой поддержке проектной деятельности в свете российской реформы институтов развития // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 20 августа 2021 г.) / под ред. Э. В. Фомина. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 123–126.

19. Фонд содействия инновациям: [сайт]. URL: <https://fasie.ru/programs/programma-kommertsializatsiya>

20. Хайруллина А. М. Региональное инвестиционное законодательство: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3(21). С. 39–45.

21. News.ru от 3 июня 2021 г. News.Rambler.RU: [сайт]. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/46549402-v-investitsionnom-reytinge-ey-rossiya-okazalas-11-y-sredi-stran-evropy>

Н. В. Сидорова,

кандидат юридических наук, доцент,

Карагандинский университет имени академика Е. А. Букетова

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОКУРАТУРЫ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье на основе обобщения отечественного опыта внедрения цифровых ресурсов в деятельность прокуратуры и правоохранительных органов приводится обзор цифровых инструментов прокуратуры Казахстана. Проведенное исследование позволило проследить основные этапы цифровизации правоохранительной деятельности, приоритеты внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов прокуратуры, обозначить их влияние на формирование транспарентного механизма функционирования системы правоохранительных органов и их взаимодействия.

Ключевые слова: цифровизация, прокуратура, электронное уголовное дело, цифровая карта правонарушений, цифровой Казахстан, единый реестр досудебных расследований, единый реестр административных производств, единый реестр субъектов и объектов проверок, информационно-коммуникационные технологии

DIGITAL INSTRUMENT PROSECUTOR'S OFFICE OF KAZAKHSTAN

Abstract. The main goal of this article is to conduct an overview of digital tools of the prosecutor's office of Kazakhstan, based on the generalization of the domestic experience of implementing digital resources in the activities of the prosecutor's office and law enforcement agencies. The conducted study allowed to trace the main stages of digitization of law enforcement activities, the priority of introduction of information and communication technologies in the activities of prosecutor's offices, to indicate their influence on the formation of a transparent mechanism of the functioning of the system of law enforcement agencies and their interaction.

Keywords: digitalization, prosecutor's office, electronic criminal case, digital map of offenses, digital Kazakhstan, unified register of pre-trial investigations, unified registry of administrative proceedings, unified registry of subjects and objects of inspections, information and communication technologies

Введение. Цифровизация органов прокуратуры Республики Казахстан является частью государственной программы «Цифровой Казахстан» [1]. Разработанные цифровые инструменты автоматизации уголовного судопроизводства и административного процесса, а также инструменты организации работы с обращениями граждан и юридических лиц, назначения прокурорской проверки и другие обеспечивают комплексное взаимодействие прокуратуры с органами государства и иными правоохранительными органами в процессе осуществления функций прокуратуры. Направленность разработанных и апробированных цифровых проектов прокуратуры позволяет минимизировать коррупционные риски, а также усилить правозащитную деятельность прокуратуры посредством достижения открытости для общественного мониторинга.

Основная часть. Модернизация деятельности органов прокуратуры Республики Казахстан тесно взаимосвязана с разработкой и внедрением цифровых проектов оптимизации деятельности правоохранительных и судебных органов. К их числу относятся: Единый реестр досудебных расследований (далее – ЕРДР); Единый реестр административных производств (далее – ЕРАП); Электронное уголовное дело (далее – е-УД); Единый реестр субъектов и объектов проверок (далее – ЕРСОП); информационный сервис Qamqor; «Электронные обращения» (далее – е-Обращение); Аналитический центр (далее – АЦ), Система информационного обмена для правоохранительных, специальных государственных и иных органов (далее – СИО ПСО) и др.

Важное направление разработки цифровых проектов прокуратуры – автоматизация уголовного судопроизводства, которая проходила в тесной взаимосвязи с цифровизацией судебной системы Республики Казахстан [2. С. 411–417].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) содержит положение о регистрации поступающих в правоохранительные органы заявлений и сообщений об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований. Основная мотивация данного положения – пресечение случаев укрывательства уголовных правонарушений. Правила приема и регистрации заявлений, сообщений или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований утверждены Приказом Генерального прокурора Республики Казахстан 19 сентября 2014 г. № 89 [3]. В соответствии с УПК РК регистрации в ЕРДР подлежат заявления и сообщения, указанные в статье 180 УПК РК [4].

Информационная система «Единый реестр досудебных расследований» была внедрена в 2015 г., что позволило полностью автоматизировать регистрацию уголовных дел и унифицировать всю информацию о ходе расследования уголовного дела. Интегрирование ЕРДР с информационной системой Верховного суда Төрелік стало толчком для масштабной автоматизации всех стадий уголовного процесса. Дальнейшее внедрение цифровых инструментов в уголовное судопроизводство связано с апробацией в 2017 г. нового пилотного проекта – электронного уголовного дела. Правовая основа автоматизации расследования уголовного дела – это внесение поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате, которые вступили в силу с 1 января 2018 г. [4], а также принятие совместного приказа от 27 марта 2018 г. «О поэтапной цифровизации уголовного процесса, включая процесс обращения граждан» [5].

Внедрение е-УД проходило постепенно, от пилотных проектов в отдельных регионах Казахстана до охвата всех регионов страны с учетом технического сопровождения процессов автоматизации уголовного судопроизводства. Другим фактором поэтапной апробации данного модуля является тяжесть совершенного уголовного правонарушения. С 2018 г. расследование в электронном формате проводилось по проступкам и преступлениям небольшой тяжести, с 2019 г. – по преступлениям средней тяжести, с 2021 г. – по преступлениям тяжкой и особо тяжкой категории.

Ведение электронного уголовного дела позволяет минимизировать проблемы отдаленности локации участников уголовного судопроизводства, так как все участники уголовного процесса имеют возможность дистанционного ознакомления с материалами уголовного дела, подавать ходатайства, реализовывать иные процессуальные права. Минимизация временных издержек связана с возможностью удаленного получения санкции, дистанционного получения справок и иной информации из госорганов. Дальнейшее совершенствование модуля е-УД связано с внедрением новых проектов:

– «Е-сараптама» – назначение судебных экспертиз и дальнейшая обработка результатов экспертизы в электронном уголовном деле;

– «ЕРДР-offline» – проведение и процессуальная фиксация проводимых следственных действий на выезде;

– «Е-заң көмегі» – назначение адвоката через уведомление дежурного адвоката (сообщение на мобильный телефон).

Система защиты от несанкционированного доступа в модуль е-УД включает несколько кейсов. Во-первых, процесс трехфакторной авторизации, т. е. доступ в систему посредством использования электронной цифровой подписи, логина (пароля) и отпечатка пальца. Во-вторых, «журналирование событий», посредством которого фиксируются все показатели доступа в систему (кто и когда, что редактировалось и т. д.) [6. С. 26–28].

Через функционал «Публичный сектор» е-УД участники уголовного судопроизводства могут знакомиться с материалами дела, подавать заявления, жалобы, ходатайства.

В современный период подавляющее большинство расследований уголовных дел происходит в электронном формате – это более 93 % от всего массива зарегистрированных уголовных дел. В динамике изменение количества е-УД характеризуют следующие показатели: в 2018 г. – 5,3 %; в 2019 г. – 18,7 %; в 2020 г. – 50 % [6. С. 26–28]. В 2022 г. из 116 101 преступлений расследовалось в электронном формате 105 069 (90,49 %). За 9 месяцев 2023 г. из 98 454 преступлений электронное расследование – 92 289 преступлений, 93,7 % [7].

Другой цифровой проект прокуратуры, внедренный в повседневную реальность с 1 января 2021 г., – это Единый реестр административных производств. Данная информационная система содержит сведения об административных правонарушениях и совершивших их лицах, о принятых решениях. С момента получения процессуального статуса – участник производства по делам об административных правонарушениях получает доступ к материалам производства через «Публичный сектор» информационной системы ЕРАП, через данный сектор возможна подача заявлений, жалоб и ответов на них. Порядок ведения Единого реестра административных производств регламентирован Правилами, утвержденными приказом Генерального прокурора Республики Казахстан [8].

Система ЕРАП интегрирована с государственными органами, которые в соответствии с административным законодательством уполномочены возбуждать административное производство, а также с базами судебных исполнителей. Для удобства осуществления платежей (административных штрафов) к ЕРАП подключены банки второго уровня и Казпочта.

В цифровой повестке дня органов прокуратуры большое значение имеет обеспечение прав и свобод граждан, интересов юридических лиц и предпринимателей. Для реализации данного направления деятельности прокуратуры созданы следующие цифровые инструменты:

1. Единый реестр субъектов и объектов проверок. Разработка и внедрение данной системы направлены на мониторинг соблюдения законодательства о предпринимательстве в части соблюдения правовых норм, направленных на ограничение проверок предпринимателей в зависимости от имеющихся рисков. В ЕРСОП автоматизирована система оценки степени рисков, на основе которой назначается проверка. Модуль «Карта проверок» в режиме реального времени отображает «благонадежность» предпринимателя на основе результатов проведенных проверок. Результаты проверки и начисленные по ее итогам баллы доступны для предпринимателя, в случае несогласия последний может подать жалобу в прокуратуру.

2. Qamqoғ – это созданный при поддержке Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан информационный сервис, на котором размещена правовая информация, с которой можно ознакомиться в режиме общего доступа. Основные кластеры информации:

– обращения (подача заявления в полицию, обжалование административных правонарушений, информация о регистрации проверки). Функционал данного кластера интегрирован с рассмотренными ранее «публичными секторами» реестров;

– проверки (проверка автомобиля на ДТП с пострадавшим, проверка своего обращения, проверка регистрации заявления о правонарушении, проверка штрафа, публичный сектор ЕРДР, реестр лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными);

– розыск (розыск детей, розыск должников по алиментам, розыск преступников, розыск должников, розыск без вести пропавших);

– информация (правовая статистика, географические карты, часто задаваемые вопросы).

Более детально хотелось бы остановиться на функционале «Правовая статистика». Данный раздел представлен следующими видами статистической информации: уголовные правонарушения, административные правонарушения, дорожно-транспортные происшествия, гражданско-правовая статистика, зарегистрировано проверок. Все виды статистической информации представлены как общими показателями по республике, так и в более детальном отображении, в том числе и аналитика.

Еще один функционал – «Географические карты» – содержит информацию в реальном времени по следующим критериям:

– «карта преступности» – отображает место и вид преступления на карте с информационными диаграммами характеристик преступлений;

– «карта лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних» – отображает на карте адреса и информацию о лицах, отбывших наказание за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних;

– «карта аварийности» – отображает места аварий с информацией и диаграммами о видах ДТП;

– «карта преступлений несовершеннолетних» – отображает места совершения преступлений несовершеннолетними с информацией о несовершеннолетнем и типе преступлений в виде диаграмм;

– «карта проверок предпринимателей» – отображает адреса субъектов проверок с информацией об итогах выполненных проверок и видах выполненных проверок в виде диаграмм.

Еще один цифровой проект прокуратуры – это Система информационного обмена правоохранительных и специальных органов, созданная в целях оперативного информационного взаимодействия государственных органов в процессе профилактики правонарушений и борьбе с преступлениями. То есть СИО ПСО – это универсальный портал доступа к 49 базам различных государственных органов, перечень которых утвержден постановлением правительства. К их числу относятся: «Информационная система судебных органов»; «Специальные учеты»; «Единый учет обращений лиц», «Беркут», «Контроль»; «Миграционная полиция»; «Государственная база данных “Е-Лицензирование”»; «Е-нотариат» и др.

Приоритетные направления цифровизации органов прокуратуры связаны с разработкой новых функционалов, а также с дальнейшей модернизацией имеющихся цифровых инструментов:

– дальнейшее развитие информационных систем ЕРДР, ЕРАП и др.;

– разработка и внедрение смарт-помощника следователя с элементами искусственного интеллекта в досудебном расследовании.

В дополнение следует признать, что развитие юридического образования в современный период должно учитывать процессы цифровизации деятельности судебных органов, органов прокуратуры и других правоохранительных органов. В этой связи важнейшей компетенцией, которой должен обладать выпускник вуза образовательной программы по направлению «право», – это цифровые компетенции. Представляемый автором статьи юридический факультет Карагандинского университета имени академика Е. А. Букетова имеет методические и технологические возможности формирования заявленных компетенций, так как в соответствии с договором с Министерством внутренних дел Республики Казахстан университет имеет доступ к электронному уголовному делу, что позволяет формировать цифровые компетенции расследования уголовного дела в электронном формате.

Заключение. Проведенный анализ цифровых инструментов прокуратуры Республики Казахстан позволяет сделать вывод, что внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство, в административный процесс и в иные направления деятельности прокуратуры развивается в соответствии с программными документами, имеет системный и структурированный характер, затрагивает не только вопросы организации и деятельности органов прокуратуры, но и вопросы эффективного взаимодействия в рамках правоохранительной деятельности уполномоченных органов. Апробированные цифровые продукты прокуратуры показали свою эффективность и направленность на транспарентность уголовного судопроизводства административного процесса, повышение уровня доверия граждан и бизнес-сообщества к прокуратуре и правоохранительным органам.

Список литературы

1. Об утверждении государственной программы «Цифровой Казахстан»: Постановление Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>
2. Казахстанская модель цифровизации судебной власти. // Материалы I Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право» (в рамках Международного форума Kazan Digital Week – 2022, организуемого Кабинетом Министров Республики Татарстан под эгидой Правительства Российской Федерации). Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова. Казань, 2022. С. 411–417.
3. Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 сентября 2014 г. № 9744 «Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744>
4. Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК «Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>
5. Совместный приказ министра информации и коммуникаций Республики Казахстан от 20 марта 2018 г. № 98, Генерального прокурора Республики Казахстан от 13 марта 2018 г. № 37, министра обороны Республики Казахстан, начальника Службы государственной охраны Республики Казахстан, председателя Агентства по делам государственной службы и противодействию коррупции Республики Казахстан от 16 марта 2018 г. № 66, председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан и министра внутренних дел Республики Казахстан «О поэтапной цифровизации уголовного процесса, включая процесс рассмотрения обращений граждан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32124522
6. Адилов С. А. Приветственное слово участникам конференции. // Цифровизация уголовного процесса: реалии и перспективы: мат-лы междуна-род. науч.-практ. конф. / под общ. ред. канд. юрид. наук доцента А. Дарменова. – Караганда: Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2021. – С. 26–28.
7. Правовая статистика. Уголовные правонарушения // Портал органов правовой статистики и специальных учетов. URL: <https://qamqor.gov.kz>
8. Приказ и. о. Генерального Прокурора Республики Казахстан от 10 июля 2020 г. № 85. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 14 июля 2020 года № 20962 «Об утверждении Правил ведения Единого реестра административных производств» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20000020962>

П. В. Соловьев,

кандидат юридических наук, декан юридического факультета,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой

ЭЛЕКТРОННЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

Аннотация. В статье рассматриваются возможные направления цифровой трансформации положений нормативного правового акта о субъектах правовых отношений и их правах и обязанностях. Рассмотрен вопрос о введении института электронных юридических лиц и электронных государственных органов, закрепление в законодательстве цифровых прав и обязанностей человека. Обращено внимание, что внедрение цифровых элементов в ткань нормативного правового акта требует одновременной выработки гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц в условиях цифрового обновления законодательства.

Ключевые слова: нормотворчество, цифровизация права, цифровой нормативный правовой акт, субъекты правовых отношений, цифровые права и обязанности

ELECTRONIC SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS AND DIGITAL RIGHTS AND OBLIGATIONS AS A NECESSARY ELEMENT OF A MODERN LEGAL ACT

Abstract. The article discusses possible directions for the “digital” transformation of the provisions of a legal act on the subjects of legal relations and their rights and obligations. The issue of introducing the institution of electronic legal entities and electronic government bodies, fixing digital rights and obligations of a person in the legislation was considered. Attention is drawn to the fact that the introduction of digital elements into legal act requires the simultaneous development of guarantees for ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of citizens and legal entities in the context of “digital updating” of legislation.

Keywords: rulemaking, digitalization of law, digital legal act, subjects of legal relations, digital rights and obligations

В настоящее время цифровизация нормотворческого процесса является важным инструментом создания и функционирования эффективной системы нормативных правовых актов. Можно констатировать, что сегодня, например, в Республике Беларусь все стадии нормотворческого процесса прошли определенную оцифровку: функционирование автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (АИС НРПА); ведение электронного банка данных проектов законов; публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов в сети Интернет; электронное официальное опубликование нормативных правовых

актов и др. Более кардинальное изменение – формируется концепция цифрового нормативного правового акта [3; 5. С. 137].

Однако, как нам представляется, под цифровизацией нормотворчества также следует понимать не только трансформацию нормотворческого процесса или формы нормативных правовых актов, но и изменение их содержания, формирование новых подходов к их наполнению в условиях цифровизации общественных отношений.

В первую очередь это появление нормативных правовых актов с новым, цифровым предметом правового регулирования. Например, законодательство об обороте криптовалют, использовании систем искусственного интеллекта, блокчейн-технологий, смарт-контрактов, технологий виртуальной и дополненной реальности, технологий беспроводной связи и др. В данной области правового регулирования особое значение получает опережающее нормотворчество, т. е. подготовка и принятие нормативных правовых актов, которые должны регулировать складывающиеся или прогнозируемые к появлению общественные отношения. Цель опережающего правотворчества – не допустить правового вакуума в условиях динамично развивающихся общественных отношений, а также задать нужный вектор развития новых общественных отношений в соответствии с конституционными целями. Нормативный правовой акт, опережающий существующий уровень политического и социально-экономического развития, задает рамки и направление будущего развития новых общественных отношений. В конечном счете опережающее нормотворчество призвано служить элементом поддержания конституционного правопорядка в сфере цифровых отношений.

Однако цифровизация содержания нормативных правовых актов – это также пересмотр существующих нормативных правовых актов с позиций цифровизации, например, трансформация положений о субъектах правовых отношений, их правах и обязанностях, порядке реализации прав и обязанностей, процедурах применения права, юридической ответственности и др. В условиях цифрового общества требуется переход к принципиально новому стилю нормотворческого мышления, при котором содержание почти каждого нормативного правового акта должно быть дополнено цифровыми инструментами в целях повышения эффективности нормативно-правового регулирования.

В этой связи, как нам представляется, есть необходимость держать в фокусе юридических исследований не только вопросы цифровой трансформации нормотворческого процесса, но и общие вопросы оцифровки содержания нормативных правовых актов. В рамках данной работы рассмотрим два вопроса цифровой трансформации содержания нормативного правового акта: изменения в субъектном составе и содержание их прав и обязанностей.

В первую очередь цифровизация права предполагает пересмотр положений о субъектах правовых отношений. Как представляется, преждевременно ожидать глобальных изменений в блоке физических лиц, например, нет оснований говорить о формировании концепта цифровой личности или скором наделении правоспособностью человекоподобных роботов с необходимостью вводить в нормативных правовых актах градацию «антропоморфный и неантропоморфный робот» и т. д.

Однако уже следует активизировать научную дискуссию о возможности и необходимости формирования такой правовой категории, как электронное юридическое лицо. Категория электронного юридического лица на современном этапе развития общества может предполагать собой переход юридического лица из физической оболочки в электронную. Например, место нахождения юридического лица из физического адреса (населенный пункт, улица, дом, помещение и т. п.) может быть заменено на электронные реквизиты – доменное имя, e-mail, никнейм в социальных сетях и др. Такие реквизиты могли бы считаться надлежащим каналом взаимодействия с этим юридическим лицом при обеспечении интересов работников, контрагентов, государства при осуществлении контрольно-надзорных функций.

Например, ряд видов экономической деятельности не предполагают наличие производственных помещений или офисов. Электронное юридическое лицо как наниматель в трудовых отношениях гармонично встраивается в систему правового регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу, т. е. когда работник выполняет работу вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий.

Частично подобный подход возможен и по отношению к государственным органам и учреждениям. Речь может идти о расширении электронного представительства государственных органов и учреждений в цифровой среде. Государственный орган может быть частично из физической оболочки (почтовый адрес, номера стационарных телефонов, график личного приема) перенесен в цифровую среду (доменное имя, e-mail, аккаунты в социальных сетях, в том числе для индивидуальных обращений). Это предполагает экономию средств на содержание государственного органа (учреждения) и должно способствовать минимизации коррупционных проявлений.

В свою очередь, в рамках цифровой трансформации государственных органов и учреждений речь может идти о создании цифровых должностных лиц для осуществления определенных функций государства посредством систем искусственного интеллекта. Например, рассмотрение обращений граждан, осуществление административных процедур, привлечение к административной ответственности. В определенной степени это не потребует пересмотра парадигмы о субъектах права, так как можно вести речь не о признании искусственного интеллекта субъектом права, а только лишь о признании его инструментом осуществления государственных функций. Правоотношения также будут возникать между государством и гражданами (или юридическими лицами).

Трансформация общественных отношений в условиях цифровизации также предполагает отражение этих изменений в законодательных перечнях прав и обязанностей участников правовых отношений. В силу разнообразного влияния цифровых технологий на общественные отношения возникает необходимость как изменения существующих прав и обязанностей, так и закрепления новых.

В настоящее время в юридической науке активно ведется дискуссия о формировании цифровых прав человека. В. Д. Зорькин говорит о том, что цифровые

права человека – это конкретизация универсальных прав человека в условиях цифровой трансформации (гражданских, политических, экономических и др.) [2], в свою очередь, М. С. Абламейко допускает признание цифровых прав в качестве самостоятельной группы прав [1. С. 22], в которую могут быть включены: право на доступ к информации и доступ к информационно-коммуникационным средствам и технологиям; право на доступ в Интернет; право на защиту частной жизни и персональных данных; имущественные права в цифровом имущественном обороте; приоритет сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта и др. На данный момент единый и системный подход в юридической науке по этому вопросу еще не выработан.

Однако уже сейчас можно говорить о необходимости включения в отдельные нормативные правовые акты прав и обязанностей, обусловленных цифровизацией общественных отношений. В частности, применительно к такому элементу цифровизации, как искусственный интеллект, можно говорить о формировании следующего общего списка новых прав и обязанностей субъектов правовых отношений, подлежащих отражению, например, в трудовом и банковском законодательстве:

– право физического лица знать о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта при реализации своих прав и обязанностей (например, при прохождении собеседования при приеме на работу [4. С. 54] или прохождении аттестации у нанимателя, при обращении в банки и небанковские кредитно-финансовые организации, рассмотрении обращения и др.);

– право физического лица на рассмотрение обращения или дела человеком, а не системой искусственного интеллекта при реализации своих прав и обязанностей (например, при принятии решения об отказе в приеме на работу, определении работника, подлежащего сокращению; при принятии банком или небанковской кредитно-финансовой организацией решения об отказе в предоставлении услуги и др.);

– обязанность физического лица владеть навыками безопасного использования цифровых технологий в целях защиты интересов других лиц др.;

Изменение подходов к формированию перечня прав и обязанностей субъектов правоотношений в условиях цифровизации обусловлен тем, что здесь возникает новая группа отношений, подлежащих правовому регулированию. Так, право физического лица знать о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта и право физического лица на рассмотрение его вопроса человеком, а не системой искусственного интеллекта направлено на преодоление риска небезопасности искусственного интеллекта и возможной дегуманизации права.

Таким образом, цифровизация нормотворчества – это не только трансформация нормотворческого процесса, но и переход к принципиально новому стилю нормотворческого мышления, призванного сохранить ценность права в условиях цифровой революции. В первую очередь это устранение правового вакуума в вопросах цифровизации общественных отношений, оперативное создание нормативных правовых актов с новым, цифровым предметом правового регулирования, например, закона об искусственном интеллекте. Однако не менее важно обеспечить модернизацию содержания существующих нормативных правовых актов

через их обогащение цифровыми инструментами в целях повышения эффективности нормативно-правового регулирования. Это предполагает трансформацию положений о субъектах правовых отношений, их правах и обязанностях, порядке реализации прав и обязанностей, процедурах применения права, юридической ответственности и др. Однако внедрение цифровых элементов в ткань нормативного правового акта требует одновременной выработки гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц в условиях цифрового обновления законодательства.

Список литературы

1. Абламейко, М. С. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство / М. С. Абламейко, Н. В. Шакель // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 2. С. 19–26.

2. Зорькин, В. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан // Российская газета. 2018. № 115. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.

3. Соловьев, П. В. Цифровой нормативный правовой акт как направление развития правотворческой и правоприменительной деятельности // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.) / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск: НЦПИ, 2021. С. 356–360.

4. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие, 2-е изд., обновл. и доп. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. 275 с.

5. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 234 с.

А. А. Трипузова,

кандидат юридических наук,

Институт экономики

Национальной академии наук Беларуси

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ И РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕАЭС

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы и особенности конституционно-правовой защиты и развития конкуренции в условиях цифровой экономики на территории Евразийского экономического союза. Анализируются проблемы, связанные с развитием цифровых технологий, в том числе на примере Республики Беларусь, которые требуют правового регулирования на уровне

Евразийского экономического союза и государств-членов. Вносится ряд предложений о совершенствовании национального и наднационального антимонопольного законодательства.

Ключевые слова: конституционно-правовая защита, развитие конкуренции, цифровая экономика, ЕАЭС, цифровизация, цифровой рынок, доминирующее положение, антимонопольное законодательство

TOPICAL ISSUES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION AND DEVELOPMENT OF COMPETITION IN CONDITIONS DIGITAL ECONOMY IN THE EAEU

Abstract. The article discusses topical issues and features of constitutional and legal protection and the development of competition in the conditions of the digital economy on the territory of the EAEU, analyzes the problems associated with the development of digital technologies, including the example of the Republic of Belarus, which require legal regulation at the level of the EAEU and member states. The author makes a number of proposals on improving national and supranational antimonopoly legislation.

Keywords: constitutional and legal protection, competition development, digital economy, EAEU, digitalization, digital market, dominant position, antimonopoly legislation

Введение. Современные структурные изменения в экономике, обусловленные продвижением цифровых технологий и появлением цифровых рынков, – с одной стороны, закономерный курс на углубление экономической евразийской интеграции и гармонизацию национальных законодательств, с другой – актуализируют проблематику конституционно-правовой защиты и развития конкуренции в условиях цифровой экономики на территории Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Ключевые конституционные принципы и нормы в сфере государственного регулирования конкурентных отношений государств – членов ЕАЭС закреплены в национальных конституциях.

При этом как невозможно развитие конкуренции без соблюдения конституционных экономических прав при использовании достижений и преимуществ цифровой экономики, так невозможно и реализовать задачу построения общего рынка в рамках ЕАЭС без соблюдения его субъектами основных правил конкуренции с учетом новых цифровых вызовов и угроз.

Защита конкуренции и антимонопольное регулирование определены в качестве способа «повышения эффективности функционирования рынков товаров» (п. 2.4) в «Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», утвержденных решением Высшего Евразийского экономического совета ЕАЭС от 11 декабря 2020 г. № 12 (далее – Стратегия ЕАЭС) [4].

Важнейшей задачей, поставленной Договором о ЕАЭС, является проведение государствами-членами согласованной антимонопольной политики.

Основная часть. Защита и развитие конкуренции выступают базовыми конституционными нормами, на которых основано национальное антимонопольное законодательство участниц ЕАЭС.

Отметим, что «ряд государств – членов ЕАЭС прямо закрепили в своих основных законах нормы о гарантиях развития конкуренции и ее защите», которая включает противодействие монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции: ст. 8, 34 Конституции Российской Федерации, ст. 11, 59 Конституции Республики Армения, ст. 26 Конституции Республики Казахстан [9].

В основных законах Беларуси и Кыргызстана гарантии развития конкуренции, принцип ее защиты, хотя прямо и не указаны, но закономерно следуют из анализа конституционных положений об экономическом строе и экономических правах (ст. 13, 23, 44, 59 Конституции Республики Беларусь; ст. 15, 17, 41 Конституции Кыргызской Республики).

Во всех странах ЕАЭС конституционный принцип защиты конкуренции получает детализацию в законодательстве, прежде всего в специальных антимонопольных законах, в том числе Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» и его новой редакции от 8 января 2018 г. (далее – Закон Республики Беларусь № 94-З) [9].

Соотносимость названных конституционных принципов и норм государств – участниц ЕАЭС указывают на необходимость конституционно-правовой защиты и развития конкуренции в условиях цифровой экономики, гармонизации национального антимонопольного законодательства.

Закономерно, что Конституционный Суд Республики Беларусь указал на «необходимость своевременного законодательного регулирования цифровых правоотношений»; определив «приоритетным направлением организационно-правовое обеспечение цифровой экономики для использования преимуществ новых информационно-технологических решений в экономической деятельности» [10] (Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2020 г.»).

Перспективность перехода к цифровизации ЕАЭС отражена в Основных направлениях реализации Цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г., где «цифровая трансформация рассматривается как ключевой фактор развития Союза» (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12). В числе приоритетных направлений определены: «цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов; цифровая промышленная кооперация и цифровая торговля ЕАЭС».

При этом, как справедливо указывает М. А. Егорова, «с одной стороны, цифровая трансформация бизнес-процессов неэффективна вне правового поля, а с другой, механизм правового регулирования цифровой экономики и цифровых отношений – это условие создания благоприятной институциональной среды устойчивого развития инновационных компаний, продвижения высокотехнологичных стартапов, гибкость и адаптивность под изменяющиеся потребности общества» [7. С. 13].

Увеличение темпов использования новых информационных технологий и преимуществ цифровой экономики стимулирует развитие конкуренции в условиях евразийской интеграции, а также «рост цифровой торговли – на 30 % в год» [2. С. 269].

Однако необходимо учитывать, что неограниченная свобода движения цифровых товаров может значительно воздействовать на географию таких сервисов и создавать новые антиконкурентные риски; приобретение товара выходит за пределы определенной территории (географических границ) на новый цифровой уровень, цифровые географические границы размываются.

Развитие информационных технологий, создание «цифровых рынков» меняет условия доступа к ним и наряду с безусловными преимуществами влечет серьезные угрозы в сфере конкуренции, в том числе «монополизации рынков с использованием “цифровых картелей”, “сетевых эффектов”, злоупотребления доминирующим положением цифровыми компаниями, риски сговоров на торгах с помощью аукционных роботов» [10. С. 109].

В условиях цифровой экономики предложение и спрос все чаще реализуются на цифровых платформах, ставших посредниками между производителем и потребителем. В результате «усложняются общественные отношения, конституционные ценности также приобретают свои «цифровые особенности», меняются механизмы и способы реализации конституционных прав и свобод граждан. Персональные данные пользователей, информация об их предпочтениях, виртуальная личность становятся самостоятельным активом, который позволяет получить преимущества, предлагать потребителю товары (услуги) исходя из его индивидуальных предпочтений» [11. С. 196]. При этом навязывание продавцом товаров покупателям способно ограничить конкуренцию, создать «цифровую клетку» для потребителей [1. С. 8].

Российский ученый-конституционалист А. С. Сухоруков, подчеркивая новое значение конституционно-правового регулирования в условиях цифровой экономики, справедливо считает, что развитость социальных сетей, мессенджеров, доступность для потребителей приобретения товаров (работ, услуг) через Интернет, создание цифровых платформ для торговли (Ozon, Booking и др.), в том числе товарами, бывшими в употреблении, предполагает создание новых форм и методов регулирования торговли в условиях цифровизации, а также разрешение в связи с этим ряда проблем [8. С. 200]. В их числе – определение направлений правового регулирования торговли на современных цифровых торговых площадках, степень государственного контроля за ними в целях защиты прав потребителей.

Как отмечается в литературе, «все большее влияние на возникновение или усиление рыночной власти оказывают такие факторы, как доступ к большим базам данных о потребителях, адресный маркетинг, применение цифровых алгоритмов, прав интеллектуальной собственности, искусственного интеллекта и др.» [3. С. 217].

Так, пять американских интернет-гигантов (Google, Amazon, Facebook (признана экстремистской организацией, запрещена в РФ), Apple, Microsoft) получили в литературе единое название GAFAM и нередко становятся объектами проверок

антимонопольных органов различных государств. Так, еще в 2019 г. Еврокомиссия оштрафовала Google на 1,5 млрд евро за блокирование в Интернете рекламы конкурирующих с ней поисковых сетей, навязывание в своем поисковике определенной рекламы для укрепления господствующего положения на рынке [13].

В 2020 г. Конгресс США опубликовал «доклад по итогам антимонопольного расследования против Apple, Google, Amazon и Facebook (признана экстремистской организацией, запрещена в РФ)», в котором содержится вывод о необходимости их разделения, так как «все компании злоупотребляют своим положением на рынке, обладают значительной властью над большинством сегментов американской экономики», а использование каждой из компаний своего влияния на рынке в результате «подорвало конкуренцию» [14].

В целях защиты конкуренции на современных европейских высокотехнологичных рынках, воспрепятствования усилению доминирующей роли пяти названных американских цифровых гигантов «Европейской комиссией был разработан и 15 декабря 2020 г. представлен для общего обсуждения проект Закона о цифровых рынках (Digital Markets Act)» [15].

Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь в 2021 г. также был установлен факт злоупотребления доминирующим положением компанией Google LLC, которая предлагала производителям устройств для предустановки свой товар (магазин приложений Google Play) только при выполнении ряда условий, что ограничивало возможности доступа на устройства иных разработчиков мобильных приложений [5]. Однако случаи установления подобных нарушений единичны, в том числе и по причине несоответствия применения существующих в Законе Республики Беларусь № 94-З условий признания доминирующим положением хозяйствующего субъекта объективного состояния его «доминирования» на цифровом рынке.

Следовательно, конституционно-правовая защита и развитие конкуренции в условиях цифровой экономики требуют законодательного закрепления на национальном уровне и в праве ЕАЭС новых критериев доминирования на цифровых рынках, нормативного определения охвата цифровых платформ и пролегания соответствующих сетей, основных понятий цифровой экономики, оказывающих влияние на состояние рынков и конкуренции на них.

В этой связи отметим прогрессивные положения Федерального закона Российской Федерации от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»», получившего название «пятого (цифрового) антимонопольного пакета». Новеллы данного закона, вступившего в силу 1 сентября 2023 г., направлены на пресечение злоупотреблений доминирующим положением со стороны владельцев цифровых платформ, в связи с чем законодатель ввел такие ключевые понятия, как «цифровая платформа», «сетевой эффект».

Кроме того, солидарны с мнением ученых о том, что одной из цифровых угроз национальному экономическому суверенитету становится «формирование зависимости национального сегмента цифрового рынка товаров от деятельности зарубежных платформ-агрегаторов больших данных», что требует усиления антимонопольного контроля на цифровых рынках [3. С. 225].

В свою очередь, расширение и размытость географических границ для «цифровых рынков» одновременно снижает эффективность антимонопольного контроля [3. С. 226]. Как указывает Д. А. Петров, даже обычное взаимодействие с хозяйствующими субъектами, действующими в цифровом поле и не имеющими представительств на территории государства, выводит их из-под юрисдикции национального антимонопольного законодательства [6. С. 9].

Ученые подчеркивают, что подобные обстоятельства определяют «снижение конкурентоспособности национальных производителей» на общемировом цифровом рынке и создание внешних искусственных барьеров [1. С. 25–31], что обуславливает необходимость четкой правовой регламентации «доступа производителей на платформы-агрегаторы товаров» и осуществления антимонопольного контроля с использованием современных цифровых технологий [3. С. 226].

Кроме того, в российской литературе справедливо отмечается, что слияния и поглощения между организациями, использующими инновационные цифровые технологии и имеющими значительную долю на товарных рынках, требуют новых подходов к определению условий их деятельности «с точки зрения прогнозирования последствий для экономики в целом» [3. С. 219].

Приведенные проблемы конституционно-правовой защиты и развития конкуренции характерны для всех государств – членов ЕАЭС.

Отметим принятые на уровне ЕАЭС некоторые меры по защите конкуренции в условиях цифровой экономики, в их числе:

– в мае 2021 г. Коллегия Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) рекомендовала к применению антимонопольным органам стран ЕАЭС обзор «Конкурентное (антимонопольное) регулирование на цифровых рынках». Цель обзора – оказать содействие антимонопольным органам государств-членов и ЕЭК в разрешении вопросов о применении положений антимонопольного (конкурентного) законодательства к отношениям, складывающимся на цифровых рынках. В обзоре разъясняются термины, касающиеся регулирования цифрового рынка, в том числе «цифровые рынки», «алгоритмы», «цифровые платформы», «биг-дата»; содержится зарубежный опыт регулирования цифрового рынка и подходы к определению географических границ такого рынка, показатели для расчета объемов цифровых рынков и установления доминирования на них;

– решением Совета ЕЭК от 15 июля 2022 г. № 115 внесены изменения в Методику оценки состояния конкуренции (утв. Решением Совета ЕЭК от 30 января 2013 г. № 7), закрепившие в ней положения, учитывающие особенности функционирования цифровых рынков, в том числе касающихся специфики определения продуктовых и географических границ товарного рынка, установление права при определении продуктовых границ рынка и в качестве барьера входа на него учитывать «сетевые эффекты».

В свою очередь, правоприменительная практика антимонопольного блока ЕЭК на трансграничных цифровых рынках выявила ряд проблемных вопросов, в том числе «отсутствие компетенции у ЕЭК по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках со стороны хозяйствующих субъектов юрисдикции третьих стран» [12].

Представляется, что решению другой существующей проблемы обеспечения равного доступа к государственным закупкам на территории ЕАЭС будет способствовать предусмотренная Стратегией ЕАЭС «выработка комплекса мер по полноценной цифровизации государственных закупок в государствах-членах» (пп. 1.6.4) [4].

Заключение. Динамика развития цифровой экономики, а также ограничительные цифровые практики («цифровые картели», антиконкурентные соглашения и др.), представляющие серьезную угрозу монополизации цифровых рынков на территории ЕАЭС, требуют комплексного совершенствования антимонопольного (конкурентного) права ЕАЭС и принятия современных конституционно-правовых мер защиты и развития конкуренции со стороны государств – членов ЕАЭС.

В числе первоочередных задач видим дальнейшее совершенствование и гармонизацию антимонопольного законодательства государств – членов ЕАЭС с учетом цифровых инноваций, выработку единых подходов, обеспечивающих эффективное управление цифровыми преимуществами, антиконкурентными цифровыми рисками и угрозами на территории ЕАЭС, включая оценку и регулирование цифровых рынков, определение специальных критериев доминирования на них, а также разработку действенных правовых механизмов реагирования на цифровые антиконкурентные посягательства и ценовые сговоры.

При этом считаем необходимым для всех государств – членов ЕАЭС руководствоваться подходом, сформулированным Конституционным Судом Республики Беларусь, согласно которому законодателью «следует вырабатывать действенные правовые механизмы обеспечения в цифровом пространстве баланса национальных и наднациональных интересов исходя из верховенства Конституции, конституционных основ государственного устройства и суверенитета» (решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 11 марта 2021 г. № Р-1256/2021 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2020 году»).

Список литературы

1. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа экономики, 2019. 392 с.

2. Борисенок А. М. Особенности развития международной цифровой торговли на современном этапе в ЕАЭС // Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски: II Евразийский аналитический форум: сб. докл. / ред. кол.: Н. Н. Бордюжа [и др.]. Минск: Международн-ун-т «МИТСО», 2022. С. 268–273.

3. Государственная политика по защите и развитию конкуренции и ее реализация в нормах права: монография, коллектив авторов / Науч.-метод. совет ФАС России, кафедра конкурентного права МГЮА им. О. Е. Кутафина, кафедра предпринимательского права юр. фак. МГУ им. Ломоносова: отв. ред. Е. П. Губин, С. А. Пузыревский. М.: Юстицинформ, Учеб.-метод. центр ФАС России, 2020. 300 с.

4. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета ЕАЭС от 11.12.2020 № 12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

5. Об итогах работы МАРТ в сфере антимонопольного регулирования за 2021 год. URL: <http://www.mart.gov.by/news/novost/ob-itogakh-raboty-mart-v-sfere-antimonopolnogo-regulirovaniya-za-2021-god>

6. Петров Д. А. Конкуренция и конкурентная политика в условиях цифровизации экономики // Право и цифровая экономика. 2022. № 1(15). С. 5–13.

7. Современные проблемы развития российского и зарубежного конкурентного права: монография / Д. А. Ашфа, А. В. Белицкая, О. А. Городов и др.; под общ. ред. д. ю. н., проф. М. А. Егоровой; Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Моск. отделение Ассоциации юристов России. М.: Юстицинформ, 2022. 196 с.

8. Сухоруков А. С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в современных цифровых условиях // Уральский форум конституционалистов: сборник; М. С. Саликов (отв. ред.); Уральский госуд. юрид. ун-т. Екатеринбург, 2020. С. 195–203.

9. Трипузова А. А. Конституционные принципы поддержки и защиты конкуренции в государствах – членах ЕАЭС // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Минск: Колорград, 2022. Вып. 4. С. 432–444 (0,86 п. л.).

10. Трипузова А. А. Преимущества, вызовы и перспективы цифровизации в контексте конституционно-правовой защиты и развития конкуренции // Конституционное право в условиях цифровизации: проблемы науки и образования (к 30-летию образования кафедры конституционного и международного права): тез. докл. респ. науч.-практ. конф. / УО «Акад. внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. Минск: Академия МВД, 2022. – С. 108–111.

11. Трипузова А. А. Особенности конституционно-правовой защиты конкуренции и развития конкуренции в условиях цифровой экономики // Актуальные вопросы развития государственной системы правовой информации Республики Беларусь и цифровизации правовой сферы государства: сб. науч. ст. / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск: НЦПИ, 2022. С. 193–199.

12. Шаккалиев А. Отсутствие у ЕЭК полномочий в отношении иностранных лиц – острая проблема // Конкуренция и право. 2021. № 6. URL: <https://cljournal.ru/interview/239>

13. Google получил третий антимонопольный штраф от Еврокомиссии за два года // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2019/03/20>

14. Investigation of Competition in Digital Markets: Majority Staff Report and Recommendation. Subcommittee on antitrust, commercial and administrative law. United States, 2020. URL: https://fm.cnb.com/applications/cnb.com/resources/editorialfiles/2020/10/06/investigation_of_competition_in_digital_markets_majority_staff_report_and_recommendations.pdf

15. Proposal for a regulation of the European parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/proposalregulationsinglemarketdigitalservicesdigitalservicesact_en.pdf

Д. А. Петров,

доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права,
Санкт-Петербургский государственный университет

А. В. Тюрина,

магистрант,
Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОМ МАРКЕТПЛЕЙСЕ И ЕГО ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. В связи с приходом цифровых технологий в финансовый сектор возникла необходимость создания новой единой формы интеграции финансовых институтов – финансового маркетплейса, предоставляющего потенциальным клиентам свои услуги и продукты, что позволило обеспечить более эффективный доступ к финансовым услугам и расширить выбор потребителей. Однако в связи с новизной данной модели взаимодействия с потребителями и внедрением цифровых технологий возникли правовые проблемы, которые рассматриваются в настоящей статье. В результате исследования сформулированы выводы о преимуществах развития финансовых маркетплейсов, таких как повышение прозрачности, снижение затрат и расширение выбора финансовых продуктов.

Ключевые слова: право, цифровая экономика, цифровизация, финансовые рынки, финансовые платформы, маркетплейс, потребитель финансовых услуг, права потребителя

ON A FINANCIAL MARKETPLACE AND ITS LEGAL REGULATION

Abstract. Due to the arrival of digital technologies in the financial sector, the increase in the efficiency of the financial market has indicated the need to create a new unified form of integration of financial institutions – a financial marketplace where financial institutions can provide their services and products to potential customers. This makes it possible to provide more efficient access to financial services and expand consumer choice. However, due to the novelty of this model of interaction with consumers and the introduction of digital technologies, there are some legal problems that require consideration. The article is devoted to the issue of the relevance of the financial marketplace, legal problems in connection with the use on the territory of the Russian Federation. The paper analyzes the existing legal regulation of the digital component of the financial market with financial platforms already operating, pointing to current gaps. At the end of the work, the author's opinion is formulated based on the research conducted in the work, which can be formulated as follows: the development

of financial marketplaces has many advantages, such as increased transparency, reduced costs and expanded choice of financial products.

Keywords: digital economy, digitalization, financial markets, financial platforms, marketplace, consumer of financial services, consumer rights

В условиях жесткой конкуренции банкам все сложнее выделиться из общей массы участников финансового рынка в процессе борьбы за лучшие условия для коммерциализации деятельности и потребителей одновременно, а также извлекать прибыль только на собственных продуктах и услугах, используя лишь традиционные каналы продаж. На помощь приходят альтернативный формат «финансовых рынков» с учетом развития цифровой финансовой инфраструктуры.

Банковская сфера претерпевает действительно радикальные изменения как в сфере предоставления своих услуг, так и в сфере расширения клиентской базы и объединения всех банков и их партнеров в единую финансовую систему. Как сообщает российская финансовая платформа Банки.ру [13], только с июля по декабрь 2022 г. российские банки закрыли 926 отделений, число которых сократилось до 24,2 тыс. единиц в связи с оптимизацией сети отделений и повышением рентабельности каждой отдельной точки. Цифровизация, в свою очередь, позволяет банкам предлагать новые инновационные продукты и услуги, такие как мобильное приложение и интернет-банкинг, электронные платежи, онлайн-кредитование и инвестиции, цифровая ипотека, цифровой рубль, партнерское финансирование, ввиду экспериментальности данного направления для всей территории Российской Федерации. Она также повышает удовлетворенность клиентов (что, в свою очередь, является одним из приоритетов для кредитной организации в настоящее время), предоставляя им удобство и доступность банковских услуг в любое время и в любом месте посредством онлайн-взаимодействия, что способствует росту репутации таких организаций на финансовом рынке.

Но такой «цифровой» способ коммуникации с потребителем ставит под сомнение целесообразность содержания большого количества отделений. Оптимизация рабочих процессов и автоматизация задач позволяют сотрудникам банка сосредоточиться на более стратегических и высокоуровневых задачах уже посредством дистанционного оказания услуг. Это повышает эффективность работы и сокращает возможные ошибки. Оптимизация финансовыми организациями количества офисов и рабочих мест также позволяет снизить затраты на аренду и обслуживание физических отделений. АО «Тинькофф Банк» находится на полном дистанционном обслуживании клиентов, сохраняя при этом лидирующие позиции в рэнкинге российских банков по ключевым показателям деятельности [11].

Подход к организации банковского дела действительно меняется: сегодня во главу угла ставится не продажа финансовых услуг, а удовлетворение потребностей клиента [9. С. 36–44]. Кредитные организации используют стратегию, ориентированную на клиента, из-за растущего влияния клиентов или из-за лучшей финансовой отдачи, которую это приносит, или, возможно, из-за сочетания обеих причин.

Введенные постковидные, а позже и антисанкционные мероприятия позволили финансовым организациям за достаточно короткий промежуток времени

создать систему онлайн-взаимодействия и полного дистанционного обслуживания клиентов. Они быстро адаптировались к новым условиям, что показало в полной мере актуальность проекта «Финансовый маркетплейс» ЦБ, который получил зачатки развития еще в 2017 г. в рамках реализации «Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов» [4]. Цель проекта состояла в организации системы дистанционной розничной продажи финансовых продуктов (услуг) посредством их реализации на финансовых платформах в режиме «реального окна» или «не выходя из дома» в отсутствие географических ограничений и обязательного посещения офиса финансовых организаций, для полноценной работы которых на финансовом рынке должны быть включены Банком России в соответствующий реестр.

В России финансовые платформы прошли долгий путь становления от простых интеграторов и сайтов-лидогенераторов (ввиду лидогенерации как основного канала продвижения продуктов) до сложных финансовых маркетплейсов с возможностью для пользователей взять кредит или ипотеку без посещения банка. 1990-е гг. для банковского сектора не оказались безвыходными, что можно увидеть посредством анализа основ российского финтех-развития – развитие стартап-движений, занимающих свободные ниши на финансовом рынке или же формирующих альтернативные банковским инструменты и сервисы для управления финансовыми активами, что впоследствии стало толчком для формирования условий и стимулов для использования новых технологий, например искусственного интеллекта (далее – ИИ) и машинного обучения, интернета вещей (IoT), для разработки новых продуктов и услуг на рынке, разработки IT-сервисов для обслуживания финансовых транзакций и услуг, а также полной цифровизации процессов финансовой организации.

Стоит разделить мнение М. В. Плотниковой [8. С. 22–29], которая указывает на то, что прототипами финансового маркетплейса стали сайты «Банки.ру» (работает с 2005 г.), «Сравни.ру» (функционирует с 2009 г.), «Банки Саратова» (проект Саратовской области, реализуемый с 2002 г.) и другие подобные сайты. Хотя они и не допускают напрямую проведение финансовых сделок, но помогают клиенту сравнить условия, предлагаемые разными банками и другими финансовыми организациями, чтобы выбрать наилучший вариант финансовой услуги. Необходимо отметить, что эти сайты могут играть определенную роль в качестве агрегаторов финансовых услуг в рамках проекта «Маркетплейс», который на данный момент является ныне последним существующим этапом развития финансовых платформ в России. В связи с этим важно уточнить значения терминов, используемых в проекте ЦБ, поскольку это напрямую отразит становление «маркетплейса» как самостоятельного явления в рамках развития финтеха на финансовых рынках. Если термин «финансовая платформа» законодательно закреплен, то термины «маркетплейс», «финансовый агрегатор» в правовом поле отсутствуют [8. С. 22–29].

В России полноценное правовое регулирование финансовых платформ начало формироваться в начале 2000-х гг. Поэтому этапизация развития финансовых платформ в России может быть представлена следующим образом [14]:

1. Первый этап – сайты-лидогенераторы CPA (cost-per-action – плата за действие, лидогенерация). Это были одностраничные лендинги под один продукт

(самым распространенным продуктом являлась кредитная карта), цель которых заключалась в сборе целевой аудитории, а в идеале – контактов потенциальных клиентов посредством размещенных форм для заполнения контактных данных, что позволяло продавцам последующие обращения к клиентам с целью продажи продуктов или услуг.

Для рекламной кампании создавалась посадочная страница (landing page, или лендинг) – сюда направлялся пользователь с рекламного материала [6. С. 77–84]. Могли быть два варианта: посадочная страница создавалась самим рекламодателем (возможно, использовалась уже имеющаяся форма заявки на его сайте) или же лендинг создает сама партнерская программа в соответствии со всеми требованиями. При заполнении пользователем формы заявки его контактная информация заносилась в систему CRM. Владельцы сайта-лидогенератора после этого использовали ее для рассылок по базам клиентов. Некоторые сайты предлагали перенаправить аудиторию на сайт банка, но контакты по-прежнему оставались в исходной базе [6. С. 77–84].

Кроме того, на лендинге могли быть размещены различные скидки и акции, специальные предложения и условия кредитования, которые могли заинтересовать пользователей и мотивировать их заполнить заявку на получение кредита. Важным элементом лендинга была также информация о доступных услугах и программе кредитования, которая помогала пользователям выбрать наиболее подходящий для них вариант кредита. В целом лендинг был эффективным инструментом привлечения новых клиентов для банков и других финансовых компаний.

Что касается регулирования, то в 2000-х гг. в Российской Федерации сайты-лидогенераторы специально не были урегулированы, но на них распространяли свое действие такие законы, как Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», Федеральный закон от 21.06.2004 № 54-ФЗ «О банковских гарантиях по вкладам физических лиц». Кроме того, стоит упомянуть Федеральный закон «О кредитных историях», который также регулировал кредитные отношения, определял правила сбора, обработки и распространения информации о кредитной истории заемщика и устанавливал механизмы защиты прав потребителей в этой области. Он также устанавливал порядок обращения за информацией о своей кредитной истории и правила ее использования, гарантируя тем самым защиту личных данных граждан. Кроме того, Федеральный закон «О кредитных историях» до сих пор является инструментом регулирования кредитных отношений и гарантирует их стабильность и прозрачность.

2. Второй этап – появление мультипродуктовых сайтов с CPA-моделью оплаты. Происходит рост конкуренции на рынке электронных платежей, развитие мобильных приложений для управления финансами, возможность открытия и ведения счетов в онлайн-банках.

Банки-рекламодатели постепенно начали искать не только простой трафик, но также сегментированный трафик, состоящий из клиентов с определенными характеристиками, такими как возраст, регион и желаемая сумма кредита. Это стало

возможным благодаря цифровым витринам с калькуляторами продуктов, поскольку позволяет банкам настроить свою рекламную кампанию более точно и эффективно, достигая именно той аудитории, которую они хотят привлечь. Кроме того, это также помогает клиентам находить и сравнивать продукты банков, выбирать наиболее подходящий кредит и получать лучшие условия.

Цифровые витрины и калькуляторы могли быть впоследствии интегрированы в сайты и мобильные приложения банков, что облегчало бы доступ клиентам к информации о продуктах и услугах, а также упрощало процесс оформления кредита и подачи заявки онлайн.

В целом использование цифровых витрин и калькуляторов позволяло банкам снизить затраты на привлечение клиентов и улучшить качество обслуживания, что оказывало положительное влияние на уровень удовлетворенности клиентов и повышение лояльности. Но большие объемы обрабатываемой информации не приводили к необходимому уровню «потоковости» клиентов.

3. Третий этап – оформление заявки на платформе. С 2005 г. на рынок выходят первые мультипродуктовые платформы с возможностью оформить заявку прямо на сайте: агрегаторы, классифайды и маркетплейсы. К ним относятся, например, «Банки.ру», Experto.ru, Finvisor.ru или «Выберу.ру».

Агрегаторы и классифайды в сфере банковских услуг представляют собой интерактивные доски объявлений, на которых пользователи могут сравнить различные банковские продукты, такие как кредиты, дебетовые и кредитные карты, вклады, страхование и др., выбрав продукт по наиболее выгодным условиям, и подать заявку на оформление без перехода на сайт банка. Они предоставляют информацию о тарифах, условиях и отзывах клиентов, что позволяет выбрать наиболее выгодный и подходящий вариант.

Третий этап связан с принятием законодательных актов, которые впоследствии стали регулировать деятельность финансовых платформ.

В 2001 г. был принят Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и в 2006 г. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», которые заложили основы регулирования агрегаторов и классифайдов в сфере банковских услуг с целью обеспечения безопасности и защиты интересов клиентов.

В 2011 г. был принят Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», который определил понятия электронных денег и электронных платежей, а также установил правила и условия их обращения. Закон позволяет финтех компаниям производить операции с электронными деньгами и электронными платежными средствами. Также он устанавливает процедуры регистрации и лицензирования финтех компаний, а также требования к их капиталу, охране данных и обеспечению безопасности.

В 2020 г. Банк России на законодательном уровне урегулировал онлайн-выдачу финансовых продуктов, в результате чего появились финансовые платформы, установив требования к их работе.

4. Четвертый этап – рост интереса к использованию цифровых финансовых платформ в условиях пандемии COVID-19, активное внедрение финтеха в потребительские реалии, что способствует полному циклу сделки на финансовой платформе.

Зачатки развития проект «Маркетплейс ЦБ» получил еще в 2017 г. в рамках реализации «Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов» [7]. Цель проекта состояла в организации системы дистанционной розничной дистрибуции финансовых продуктов и услуг. В 2020 г. Банк России на законодательном уровне урегулировал онлайн-выдачу финансовых продуктов, в результате чего появились финансовые платформы.

Государственная Дума Российской Федерации в 2020 г. приняла Закон «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» [1] и закон-спутник «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершения финансовых сделок с использованием финансовой платформы» [2]. Закон № 211-ФЗ определяет правовые основы деятельности маркетплейсов и регулирует отношения по заключению с их помощью финансовых сделок между финансовыми организациями и физическими лицами. Согласно концепции, изложенной в данном нормативном акте, финансовый маркетплейс – это система, состоящая из следующих элементов: финансовых платформ (площадок, на которых взаимодействуют финансовые организации и клиенты для заключения сделок), поставщиков финансовых продуктов и услуг, регистратор финансовых транзакций и непосредственно сайтов-агрегаторов, позволяющих производить сравнение и выбор финансовых продуктов [10]. По мнению О. М. Макаровой, ключевым звеном маркетплейса выступили финансовые платформы, соединяющие поставщиков услуг с витринами – агрегаторами услуг [7. С. 36–43]. Но что такое финансовая платформа?

Финансовая платформа – это информационная система, которая обеспечивает взаимодействие финансовых организаций или эмитентов с потребителями финансовых услуг посредством сети Интернет для совершения финансовых сделок. Закон № 211-ФЗ допускает создание финансовых маркетплейсов на базе как уже существующих агрегаторов финансовых продуктов и услуг, так и новых платформ. Это создает возможности для дальнейшего развития проекта «Маркетплейс» на рыночных принципах.

Маркетплейс действительно необходим банкам по объективным причинам.

Во-первых, это полноценный дополнительный канал для продаж банковских продуктов, который в силу тотальной цифровизации финансового и банковского секторов набирает обороты.

Во-вторых, собранные в одном месте продукты и услуги – это удобство и повышение заинтересованности, лояльности клиента. В процессе сравнения пользователь может получить кредитное предложение от банка, которого нет в его регионе, чтобы воспользоваться более выгодной процентной ставкой, а это, в свою очередь, дает толчок развития регионального банковского сектора. Такая концепция подключения к маркетплейсу позволяет упростить выход в новые регионы, разделить ответственность и издержки, стандартизировать процессы и услуги.

В-третьих, маркетплейсы являются самостоятельными техническими инфраструктурами клиентопотока, а значит, помогают привлечь новых клиентов для извлечения прибыли дешевле, нежели иные привлеченные для поднятия продаж лица.

Кроме того, маркетплейсы обладают огромной базой активных пользователей, которые уже имеют определенный уровень доверия к платформе. Это позволяет новым продавцам быстро «зацепиться» за клиентскую базу и начать получать прибыль уже на первых этапах работы.

В-четвертых, при работе финансовых организаций с клиентами происходит идентификация клиента финансовой платформой с ответственностью за результат, что исключает субсидиарную ответственность в случае недостоверных сведений на самой платформе непосредственно.

Сейчас к проекту «Маркетплейс» ЦБ подключены девять финансовых сервисов, среди которых «Финуслуги», «ВТБ Регистратор», «Сравни.ру», «Ванта» и «Финансовая платформа», что отражает динамику возросшего интереса к финансовым платформам [12].

В целом развитие финансовых платформ в России проходит в условиях резкого роста конкуренции и активного проникновения цифровых технологий в финансовый сектор. Клиентское обслуживание и уровень цифровизации в России значительно превосходят многие западные страны, а созданные в нашей стране платформенные решения являются выдающейся преимущественной чертой российского рынка – и это во многом благодаря политике Центрального банка России.

В качестве преимуществ платформенной экономики исследователи указывают на возможность обеспечения прямого взаимодействия и обмена между субъектами, за счет чего снижаются их транзакционные, временные и иные издержки, а основной проблемой считают необходимость обеспечения конфиденциальности персональных данных, которые собираются и обрабатываются с помощью платформы [5. С. 22].

Итак, можно заключить, что маркетплейсы широко используются за рубежом и считаются одними из наиболее перспективных в финансовой и нефинансовой сферах. Однако в России модель финансовой платформы больше соответствует концепции «финансового супермаркета», используемой в зарубежных источниках. Развитие маркетплейсов возможно только в сочетании с усовершенствованием банковских механизмов, а также модернизацией платежной инфраструктуры.

На сегодняшний день правовое регулирование финансовых платформ в России находится на стадии законодательного утверждения и дальнейшего развития. Важно отметить, что правовое регулирование финансовых платформ направлено на защиту прав потребителей и обеспечение стабильности финансовых рынков.

Развитие цифровых технологий и усиление роли инноваций безоговорочно приводят к изменению экономической картины мира: стираются географические границы финансовых рынков и создаются совершенно новые финансовые продукты и услуги посредством цифровых каналов, характеризующихся глобальным, многосторонним, трансграничным характером. На рынках появляются новые, ранее не существовавшие продукты, применение которых потребителями до этого не представлялось возможным.

Банки являются главными участниками цифровой трансформации российского финансового рынка, причем «диджитализация» банковских продуктов уже несколько лет является одним из ключевых направлений модернизации банков-

ской деятельности. В связи с пандемией, участники рынка были вынуждены ускорить переход к онлайн-обслуживанию и удаленному обслуживанию клиентов. Однако это не является новым вопросом для банков, а скорее лишь подтверждает необходимость продолжать развивать процессы цифровизации в банковской сфере.

Поддержание необходимых условий для возможности повсеместного внедрения цифровизации банковского сектора увеличит поток заинтересованных потребителей, что будет благоприятно сказываться на финансовом рынке в условиях санкций. Расширение роли финансовых платформ в банковских экосистемах приводит к усилению конкуренции между банками и другими секторами экономики, в то же время повышает качество предоставляемых продуктов и услуг, наращивает ассортимент и позволяет клиентам выбирать наиболее привлекательные продукты, что существенно трансформирует финансовый ландшафт.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4737.

2. Федеральный закон от 20.07.2020 № 212-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершения финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4738.

3. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404693

4. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2018–2020 годов // СПС «КонсультантПлюс».

5. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 6. С. 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602.

6. Конотоп Д. А., Хилинская А. Ю. Банковский маркетинг онлайн: ловим новых заемщиков СРА-сетями // Банковское кредитование. 2013. Вып. 6. С. 77–84.

7. Маркова О. М. Формирование маркетплейса финансовых и банковских услуг в России // Банковское дело. 2020. Вып. 4. С. 36–43.

8. Плотникова М. В. Развитие проекта «Маркетплейс» в контексте цифровизации финансовых услуг в России // Банковские услуги. 2022. Вып. 2. С. 22–29.

9. Шашкина Е. О. Место банков в создании национальных цифровых экосистемных платформ: зарубежный и российский подходы // Страховое право. 2021. Вып. 4(93). С. 36–44.

10. Маркетплейс // Центральный банк: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/fintech/market_place

11. Рейтинги банков // Banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/banks/ratings>

12. РБК планирует запустить собственный маркетплейс «РБК.Банки» // Фрэнк Медиа. 29.12.2022. URL: <https://frankrg.com/107234>

13. Российские банки массово закрывают офисы // Banki.ru. 13.02.2023. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10980214>

14. Технологическая эволюция финансовых маркетплейсов // Retail&Loyalty. – 29.12.2022. URL: <https://clck.ru/342XCR>

Т. С. Черепанова,
аспирант,

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть основные черты цифрового государства как основы конституционного строя. Предлагается интерпретировать феномен «цифровое государство» как конституционный принцип и характеристику современного государства, вставшего на информационно-цифровой путь общественного развития. Выдвигается гипотеза о создании модели национальной правовой системы в 3D-формате. Перечислены черты, присущие новому конституционному принципу взаимодействия граждан, органов публичной власти, государственных информационных систем, цифровых платформ, информационно-коммуникационных устройств.

Ключевые слова: цифровое государство, технологизация, алгоритмизация, принцип цифрового государства, государственные информационные системы, цифровая платформа, сетевой суверенитет

DIGITAL STATE: FORMATION OF A NEW CONSTITUTIONAL PRINCIPLE

Abstract. The purpose of the study is to consider the main features of the “digital state” as the basis of the constitutional system. The author suggests interpreting the phenomenon of the “digital state” as a constitutional principle and characteristic of a modern state that has embarked on the information and digital path of social development. The hypothesis of creating a model of the national legal system in 3D format is put forward. The features inherent in the new constitutional principle of interaction of citizens, public authorities, state information systems, digital platforms, information and communication devices are listed.

Keywords: digital state, technologization, algorithmization, the principle of the digital state, state information systems, digital platform, network sovereignty

Введение. Зарубежная и российская правовая мысль активно осуществляет выработку подходов к решению проблем правового регулирования и охраны общественных отношений, связанных с цифровыми технологиями. Тем не менее феномен «цифровое государство» недостаточно подвергается научному исследованию в России. Данный фактор предопределил выбор темы нашего доклада.

Конституционализм состоит из принципов, представляющих собой фундаментальные ценности для сохранения правового бытия конкретного общества. Современный мировой порядок формируется в условиях жестокого глобализма. Существующие классические конституционные принципы утрачивают первоначальный смысл обеспечения охраны прав личности, общечеловеческих ценностей. Базовые постулаты сосуществования людей (гуманизм, справедливость, солидарность) растаптываются жизненной необходимостью выживания в условиях дикого глобализма. Тем не менее, если включить в имеющуюся систему конституционных принципов «цифровое государство», конституционализм заиграет новым смыслом.

С. Поцолло [7. С. 339–353] ввела в зарубежное конституционное право термин «неоконституционализм». Имеется конгломерат аксиологических теорий на этот счет, в которых неоконституционализм представляется тремя тезисами: взаимосвязь права и морали; различие конституционных принципов и правил; разработка методик конституционной аргументации и толкования, в том числе способов применения конституционных норм – на основе метода категоризации, а конституционных принципов на основе метода взвешивания и пропорциональности [2. С. 124–141].

Современные направления экономической мысли интерпретируют данный термин как течение, возникшее в 60–70-е г. XX в., которое ставило экономические процессы в зависимость от технократии (знания современной техники) и разъяснило значение экономических процессов в социальной жизни общества [3. С. 167].

Основная часть. Цифровая трансформация, обусловленная становлением цифровой экономики в России, оказывает колоссальное влияние на конституционно-правовые основы Российской Федерации. Считаем, что форма, содержание и система реализации конституционных основ государства трансформируются под влиянием технологизации политических, экономических и правовых процессов.

Основной закон государства устанавливает фундаментальные принципы взаимодействия органов публичной власти с народом. Новый виток исторического развития требует всестороннего осмысления и описания конституционно-правовых основ «цифрового государства», так как органы государственной власти с помощью актов стратегического планирования устанавливают новые цели развития российского общества, вне конституционно-правового поля.

Исторический опыт показывает, что система и содержание фундаментальных конституционных принципов трансформировались под влиянием интернационализации, пройдя три основных этапа: первый – конец XVIII – начало XX в., второй – первая половина XX в., третий – после Второй мировой войны и по настоящее время [4. С. 2114–2118].

Интернационализация, глобализация, цифровизация это процессы схожие по своему воздействию с конституционно-правовыми основами государства, но есть и различия. Более подробно остановимся именно на цифровизации.

Цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества требует признания цифровых технологий средством обеспечения достойного уровня жизни российских граждан. Право на доступ к сети Интернет, не подкрепленное государственной гарантией обеспечения прав и свобод человека и гражданина, обрекает

российское общество на стагнацию и хаос информационного, научного, политического развития.

В ходе исследования научных воззрений выявлено, что «цифровое государство» может являться одной из основ конституционного строя, обладающей следующими чертами:

- политический режим – цифровая демократия;
- малочисленный деbüroкратизированный государственный аппарат;
- государственная власть осуществляется с применением цифровых технологий;
- отсутствие бумажного документооборота;
- цифровая платформа – посредник между публичной властью, гражданином и его персональными данными;
- субъектами конституционно-правовых отношений, наряду с гражданами и органами публичной власти, становятся государственные информационные системы, цифровые платформы, информационно-коммуникационные устройства, обеспечивающие соблюдение прав и свобод человека и гражданина в онлайн- и офлайн-формате.

Происходит обогащение содержания и формы признаков государства, таких как суверенитет, территория, денежная единица, под влиянием трансформации способов, методов и средств передачи информации по каналам связи.

Термин «цифровое государство» существует как характеристика традиционного государства [5. С. 41–44], избравшего информационно-цифровой путь общественного развития. Необходимо закрепить эту норму-цель в основах конституционного строя.

Элементами сущности гибридной войны являются стремительные информационные, электронные и кибероперации [6. С. 33–46], вызывающие эрозию государственного суверенитета в его классическом понимании, отраженном в конституциях различных государств. Остро назрела необходимость конституционализировать понятие сетевого суверенитета или цифрового суверенитета [7]. Необходимо обеспечить верховенство и независимость законодательной, исполнительной и судебной власти в цифровом сегменте национальных юрисдикций.

Принцип цифрового государства позволит установить цели модернизации правовой и государственной системы России, наделит ее позитивными началами: унификацией, структурированием, алгоритмизацией.

Считаем, что при грамотном сочетании различных научных парадигм юриспруденции, логики, физики, математики, информатики реально создать модель национальной правовой системы в 3D-формате. Все действующее законодательство, включая основной закон государства, подвергнется оцифровке с применением языка программирования и объединится в единую цифровую экосистему права, действующую на основе теории государства и права, логики. Конечно, анализировать и выполнять, поставленные человеком задачи будет искусственный интеллект. Это позволит сократить объемы законотворчества, а также оголит пробелы и коллизии имеющегося багажа.

Заключение. Светлые головы, обладающие знаниями о программировании и управлении цифровой техникой в России, наделяются дополнительными правами [8]. Очевидно, что сегодняшний внутригосударственный уклад ориентирован на технократию как основу безопасности и экономической стабильности российского общества. Необходимо рассмотреть возможность включения в конституционный строй современной России положений о цифровом государстве.

Список литературы

1. Алебастрова И. А. Фундаментальные принципы конституционализма: понятие, система, эволюция, соотношение // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-printsipy-konstitutsionalizma-ponyatie-sistema-evolyutsiya-sootnoshenie>

2. Черноперов В. Л., Сулейманова У. И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски // Ноосферные исследования. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnaya-voyna-predposylki-poyavleniya-kontseptsii-suschnost-tseli-instrumentariy-pravovye-voprosy-riski>

3. Чирков С. Н. История экономических учений: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2003. 167 с.

4. Шахновская И. В. Цифровое государство – вектор развития или констатация факта? // Конституционное право как фактор динамичного развития Белорусского государства: история и современность: материалы Республиканской научно-практической конференции. Минск, 15 октября 2021 г. / ред.: Г. А. Василевич (гл. ред.), А. В. Шавцова, В. Е. Петухова. – Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 41–44. EDN: FHAGBC.

5. Шустров Д. Г. *Essentia constitutionis*: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI вв. Ч. 1 // СКО. 2017. № 4(119). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/essentia-constitutionis-konstitutsiya-rossiyskoy-federatsii-v-fokuse-teoriy-konstitutsii-xx-xxi-vekov-chast-1>

6. Правительство расширило параметры программы льготной ипотеки для IT-специалистов. URL: <http://government.ru/docs/47650>

7. Роблес-Каррильо, М. Суверенитет и цифровой суверенитет // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1, № 3. С. 673–690.

8. Pozzolo S. *Neoconstitucionalismo y especificidad de la interpretación constitucional* // *Doxa*. 1998. № 21. Pp. 339–353.

В. А. Чумаков,

кандидат политических наук,

помощник руководителя,

Аппарат Общественной палаты России

Ф. В. Ниточкин,

аспирант,

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ОБЩЕСТВЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ДИСТАНЦИОННЫМ ЭЛЕКТРОННЫМ ГОЛОСОВАНИЕМ: НА ПУТИ К ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. Популярность дистанционного электронного голосования среди избирателей стремительно растет, однако сохраняющееся психологическое недоверие к новым информационно-коммуникационным технологиям, помноженное на правовой нигилизм и избирательный абсентеизм, все еще имеющие место в нашей стране, является серьезной угрозой легитимности выборов. К задачам современной юридической науки в этом разрезе относится разработка подходов к нормативному регулированию новых правоотношений, возникших в связи с внедрением дистанционного электронного голосования. Важно обеспечение твердых правовых гарантий и технологических инструментов соблюдения при проведении дистанционного электронного голосования основных принципов избирательного процесса, гарантированных Конституцией Российской Федерации, а именно: всеобщности выборов, тайны голосования, гласности, достоверности волеизъявления.

Ключевые слова: прозрачность выборов, общественное наблюдение, дистанционное электронное голосование (ДЭГ), цифровой сейф-пакет, аудируемость и анонимность ДЭГ, нода блокчейн ДЭГ

PUBLIC OBSERVATION OF REMOTE ELECTRONIC VOTING: ON THE WAY TO DIGITAL DEMOCRACY

Abstract. The development of remote electronic voting (DEG) in Russia is proceeding at a rapid pace. First conducted as an experiment in 2019 at the municipal elections in Moscow, in 2023 it has already covered 25 regions of the Russian Federation. The popularity of DEG among people is also impressively increasing. However, the continued psychological distrust of new digital and communication technologies multiplied by legal nihilism and electoral absenteeism, still taking place and is a serious threat to the legitimacy of elections. Among the tasks of contemporary law in this regard is the development of approaches to the regulation of new legal relations that have arisen in connection with the DEG introduction. It is also important to ensure during DEG the firm legal guarantees and technological tools for compliance with basic electoral principles guaranteed by the Constitution of the Russian Federation: universality of elections, secrecy of voting, publicity, reliability of expression of will.

Keywords: transparency, public observation, remote electronic voting (DEG), digital safe package, auditability and anonymity of DEG, block chain DEG node

Сегодня процесс глобальной цифровизации охватил практически все виды человеческой деятельности в экономической, политической и общественной сферах. Развитие цифровых технологий существенно модернизирует взаимоотношения гражданина, общества и государства, меняет конкретные способы их взаимодействия, включая механизмы обратной связи и продвижения общественных инициатив, формы общественного контроля за властью, а также процедуры легитимации государственных институтов.

Современному активному пользователю новых цифровых решений удобнее не только покупать и продавать товары (B2P - business-to-people-взаимодействие и P2P – person-to-person-взаимодействие), но и получать государственные и коммерческие услуги в электронном виде. Подобно этому и его общественная активность постепенно перемещается в Интернет. Электронные опросы, заявки на гранты, общие собрания собственников жилья, перепись населения, наконец, дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ) – все эти процессы цифровизации общественных отношений и есть ответы на существующий общественный запрос и приметы нового времени, составляющие, по мнению ряда экспертов [1], фундамент формирующейся электронной демократии.

Вместе с тем цифровая трансформация традиционных и возникновение новых общественных отношений влекут за собой необходимость их дополнительного правового регулирования [17]. Это, безусловно, относится и к избирательному законодательству Российской Федерации, в которое с 2021 г. включены нормы о ДЭГ. Сложная эпидемиологическая ситуация в период пандемии COVID-19, став естественным катализатором больших технических изменений, предопределила ускоренное внедрение в России новых технологий ДЭГ в 2020–2021 гг.

В Единый день голосования ДЭГ впервые проводилось в качестве эксперимента на выборах в Мосгордуму в 2019 г., а затем в 2020 г. также в Москве на довыборах в муниципалитеты и в ходе общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации. В 2021 г. ДЭГ проходило уже в семи, а в 2022 г. – в восьми регионах России. На выборы в Единый день голосования 2023 г. было подано 30 заявок от субъектов Российской Федерации, из них ЦИК России одобрила 25. Такой стремительный рост распространенности ДЭГ позволяет говорить о возможности достижения полного охвата им российских избирателей в ближайшем будущем.

Пионером инноваций в сфере пользовательской цифровизации, как это часто бывает, выступила Москва, которая использует собственную платформу ДЭГ на базе портала mos.ru. Абсолютное большинство жителей столицы знают о возможности проголосовать электронно, каждый второй допускает для себя такой формат участия в выборах [6]. Доверие к ДЭГ растет и на федеральном уровне: около 76 % опрошенных заявляли, что знают, слышали или имеют опыт участия в нем. К процедуре ДЭГ среди россиян сложилось положительное отношение: данные соцопроса показывают, что она востребована в обществе. Интересен и тот факт,

что за распространение ДЭГ в регионах также выступает большинство (59 %) опрошенных [18].

Среди преимуществ ДЭГ респонденты отмечают: простоту и удобство использования, доступность для различных возрастных групп, а также популярность среди молодежи и впервые голосующих; отсутствие территориальной привязки к УИК, что позволяет голосовать из любого места; экономию времени в связи с отсутствием необходимости являться на избирательный участок; возможность проголосовать в любое время суток. Упрощение избирательных процедур и легкость организации выборов также являются преимуществами электронного голосования. Таким образом, данные социологических опросов свидетельствуют о формировании у россиян новой электоральной привычки, которая имеет все возможности стать со временем общепринятой нормой.

В то же время, как у любого технического новшества, у ДЭГ есть свои «луддиты» – люди, не просто не доверяющие инновациям, но и агрессивно навязывающие свою точку зрения остальным. Несмотря на то, что такой выраженный «неолуддизм» является психологической особенностью, характерной для небольшого числа людей, а эти аргументы неоднократно публично опровергались, их голос по-прежнему слышен довольно громко, а общественный резонанс, вызываемый «разоблачениями» ДЭГ, является серьезной угрозой для легитимности выборов.

Несмотря на рост популярности ДЭГ, оно по-прежнему незаслуженно критикуется скептиками за якобы непрозрачность процедур, недоступность для общественного контроля и представляется своеобразным черным ящиком. Высказываются мнения о возможности применять ДЭГ для накручивания голосов избирателей, подмены результатов волеизъявления граждан, недобросовестного использования в политической борьбе. Активно раздуваются страхи об утрате конституционного права граждан на тайну волеизъявления в условиях объективной уязвимости инфраструктуры ДЭГ перед кибератаками из-за рубежа или административными вмешательствами со стороны национальных властей. В случае с ДЭГ скептики системы и оппоненты власти умножают недоверие к избирательной системе на недоверие к современным технологиям. Произведением этой «математической» операции, по их расчетам, должен стать кризис легитимности власти.

Надо сказать, что в мире существует весьма разнообразная практика в сфере электронного голосования: от активного использования технических средств голосования и (или) подсчета голосов на участках до дистанционного голосования через сеть Интернет, от полного отрицания возможности ДЭГ (например, в Германии) [3] до его использования большинством избирателей (например, в Эстонии) [16]. В этом смысле российский опыт успешного внедрения ДЭГ весьма показателен, так как демонстрирует его возможности на выборах разного уровня (местного, регионального, федерального) в стране с многомиллионным населением, при голосовании в различных часовых поясах, в условиях неприкрытого внешнего давления и попыток вмешательства в суверенный избирательный процесс.

Суммируя возможные «страхи» вокруг ДЭГ, можно выделить следующие блоки аргументов разных исследователей против его внедрения:

1. Нарушение всеобщности избирательного права и углубление неравенства избирателей ввиду социальной и (или) технической недоступности такого голосования для определенных групп граждан [12]. Однако ДЭГ не подменяет и не заменяет традиционное голосование, а лишь расширяет возможности голосования для определенных групп населения (молодежи, жителей мегаполисов, маломобильных групп граждан и т. п.) [8, 9]. Напротив, вопреки доводам противников ДЭГ, расширение охвата участников голосования за счет использования электронных форматов соответствует конституционному принципу равенства голосования [2].

2. Нарушение тайны голосования ввиду технической возможности идентификации волеизъявления конкретных граждан [10]. Однако высказываемая критика не учитывает современные криптографические методы, которые используются, например, в федеральной системе ДЭГ как для обеспечения тайны голосования, так и для возможности проведения независимой верификации результата подсчета голосов. Тайна голосования достигается в этом случае фактической невозможностью идентифицировать по заполненному бюллетеню заполнившего его избирателя.

3. Нарушение принципа гласности (открытости) избирательного процесса. При ДЭГ якобы не обеспечивается принцип гласности [14]. Однако механизмы общественного контроля за ДЭГ, разработанные и апробированные Общественной палатой Российской Федерации в 2021–2023 гг., свидетельствуют об обратном.

4. Нарушение принципа достоверности волеизъявления граждан. Утверждается, что система ДЭГ критически уязвима перед DDoS-атаками, вирусными программами и другими формами целенаправленного вмешательства в избирательный процесс [4]. Не отрицая сам факт серьезности киберугроз, необходимо отметить высокий уровень готовности российской системы ДЭГ к таким угрозам. Так, по информации председателя ЦИК России, в период проведения выборов с 8 по 10 сентября 2023 г. зафиксировано около 30 тысяч атак, направленных на систему ДЭГ [13]. Однако к серьезным сбоям в ее работе эти атаки не привели.

Задача общественного наблюдения за голосованием вообще и ДЭГ в частности заключается в развенчании этих мифов. Общественное наблюдение стимулирует внимание и интерес, а также рождает доверие к новым информационным технологиям, применяемым в ходе ДЭГ. Общественные наблюдатели активно и непосредственно противостоят случаям фальсификаций, вбросов непроверенной информации и иным попыткам дискредитации выборов, а также обеспечивают надежную защиту избирательных прав граждан от манипуляций со стороны недружественных внешних сил, транспарентность избирательного процесса.

В практической плоскости общественное наблюдение за ДЭГ должно обеспечить гарантии:

– прозрачности процесса электронного голосования, т. е. в применяемой системе не должно быть этапов, на которых даже гипотетически могут происходить принципиально не фиксируемые наблюдателями манипуляции над бюллетенями;

– безусловного соблюдения тайны голосования, понимаемой применительно к ДЭГ как невозможность идентифицировать по заполненному электронному бюллетеню заполнившего его избирателя;

– независимой проверки корректности подведения итогов голосования [7].

Общественное наблюдение за ДЭГ состоит из «трех контуров», или уровней, а именно:

1) экспертный контур, представленный группой наблюдателей, находящихся непосредственно в помещении территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования (ТИК ДЭГ) и имеющих доступ к персональным данным избирателей;

2) технический контур, состоящий из группы наблюдателей в Ситуационном центре Общественной палаты Российской Федерации в Москве, у которых есть возможность получать данные непосредственно с ноды блокчейн в системе ДЭГ по защищенному каналу связи;

3) общий контур, включающий наблюдателей, работающих дистанционно в регионах.

Кроме того, у каждого избирателя, голосующего электронно, есть возможность самостоятельно проверить результаты своего голосования. Таким образом, он выступает одновременно в роли и избирателя, и наблюдателя.

Для первых двух контуров общественного наблюдения за ДЭГ требуются специалисты-юристы, обладающие специальными познаниями в области IT, блокчейн-технологий и криптографии. Это позволяет им работать с информацией о формировании цепочек блоков информации в распределенной базе данных программно-технического комплекса ДЭГ.

Применимость ДЭГ должна обеспечиваться, во-первых, принятием и соблюдением участниками электорального процесса набора определенных процедур, которые являются общепризнанными и составляют основу легитимации власти. Во-вторых, возможностью тщательного независимого анализа (аудита), реализующего функции ДЭГ программного обеспечения. И, наконец, в-третьих, использованием современных криптографических алгоритмов, делающих невозможной незаметное искажение защищаемых данных [11].

Как и в традиционной форме, при голосовании с помощью ДЭГ перед организаторами выборов в полной мере встает проблема согласования двух принципов организации выборов: обеспечение тайны голосования и подконтрольности процесса учета голосов (подлинность выборов). Для решения этой проблемы в преддверии выборов, проведенных в единый день голосования 2023 г., был разработан стандарт общественного наблюдения за ДЭГ [15]. Он представляет собой список (так называемый чек-лист) из более чем 60 пунктов, включающий все, что необходимо проверить наблюдателю в ходе голосования, чтобы убедиться, что оно соответствовало требованиям прозрачности, аудируемости и анонимности федеральной системы ДЭГ.

Среди ключевых инструментов общественного контроля необходимо отметить технологию цифрового сейф-пакета (п. 37 Стандарта) – уникальную разработку, используемую Общественной палатой Российской Федерации с 2021 г.

Это система, автоматически и в реальном времени сохраняющая все происходящие в блокчейне ДЭГ события и сверяющая этот архив с состоянием блокчейна после публикации результатов. Цифровой сейф-пакет позволяет убедиться, что ни один бюллетень не был изменен, добавлен или удален в ночь между фактическим окончанием голосования и подведением его итогов.

Еще одна техническая новация общественного наблюдения на выборах (п.п. 29–31 Стандарта) относится к возможности проверки избирателем своего собственного бюллетеня. Наблюдатель должен убедиться, что такая функция избирателям предоставлена, и в случае, если в его распоряжении имеется информация о транзакции приема заполненного бюллетеня (например, если наблюдатель сам участвует в ДЭГ в качестве избирателя либо если кто-то из избирателей предоставил ему такую информацию), – что эта проверка проходит успешно: бюллетень действительно присутствует в блокчейне ДЭГ и его цифровая подпись не нарушена. Эту проверку можно осуществить как в ходе голосования, так и после его завершения, поэтому она подтверждает, что заполненный избирателем бюллетень был не только сохранен в блокчейне ДЭГ, но и учтен при подведении итогов.

Для наблюдателей, работающих в регионах, а также наблюдателей из числа активных граждан, желающих проверить результаты своего волеизъявления, такой способ самопроверки транзакции является оптимальным, так как не требует специальных навыков. Для этого достаточно сразу после голосования в федеральной системе ДЭГ сохранить скриншот или идентификатор транзакции и проверить его через функцию «наблюдение» на сайте stat.vyboru.gov.ru.

В целом можно утверждать, что дистанционное электронное голосование в России состоялось. Как стартовый этап цифровой демократии успех ДЭГ может и должен повлиять на цифровизацию других сфер общественно-государственных отношений, включая создание цифровой системы автоматизированного управления национальными проектами, развития системы социального казначейства, бережливого здравоохранения и других высокотехнологичных социальных инноваций.

Список литературы

1. Борисов И. Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 3–10.
2. Брод А. С., Булгакова А. В. Развитие института общественного наблюдения в условиях цифровизации избирательного процесса: доклад Ассоциации «Независимый общественный мониторинг». 2023.
3. Выборы в мире: электронное голосование / И. Б. Борисов, А. Г. Головин, А. В. Игнатов; под общ. ред. И. Б. Борисова. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2020. 218 с.
4. Головин А. Г. О некоторых аспектах концепции делегирования власти народом в контексте развития технологий дистанционного электронного голосования // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 2. С. 3–13.

5. Гонтарь С. Г. Электронное голосование – новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4. С. 29–33.
6. Данные опроса жителей Москвы, посвященного системе дистанционного электронного голосования (ДЭГ): ВЦИОМ, 30 августа 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-v-moskve>
7. ЕДГ-2023: ОП РФ и политические партии объединят усилия в наблюдении за выборами. URL: <https://opr.f.ru/news/edg2023-op-rf-i-politicheskie-partii-obedinyat-usiliya-v-nablyudenii-za-vyborami>
8. Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30.
9. Котикова Д. В. Правовое регулирование дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы: проблемы, их решение и перспективы совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 22–28.
10. Матренина К. Ю. Принцип тайного голосования при использовании современных информационных технологий // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3. С. 206–211.
11. Ниточкин Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2(28). С. 29–37.
12. Овчинников В. А., Антонов Я. В. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 5–8.
13. Памфилова рассказала о хакерских атаках на ресурсы избирательной системы. URL: <https://ria.ru/20230910/vybory-1895409867.html>
14. Садекова Г. У., Токарева Е. А. Перспективы развития электронного голосования: совершенствование законодательства в условиях сближения международного и внутригосударственного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 4. С. 28–32.
15. Стандарт общественного наблюдения за ДЭГ. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/standart-deg-21072023.pdf>
16. Федоров В. И. Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 4. С. 37–42.
17. Чумаков В. А., Сейранян Г. А. «Жизнь в онлайн-эпоху: новые вызовы и поиск решений» как тема российского председательства в МАЭСССИ в 2021–2023 годах // Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2): проблемы, факторы и перспективы развития в современной геоэкономической реальности (СПЭК-2022) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. М.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2022. С. 576–583.
18. «Это генеральная репетиция перед 2024 годом» – мнение экспертов о предстоящем ЕДГ: Независимый общественный мониторинг. 27 июля 2023 г. URL: <https://nom24.ru/info/events/eto-generalnaya-repetitsiya-pered-2024-godom-mnenie-ekspertov-o-predstoyashchem-edg/?ysclid=lmitsqnsey338703138>

Р. К. Шаймуллин,

кандидат юридических наук, доцент,
Оренбургский государственный университет

УЧЕТ ОТДЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЛЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Аннотация. В статье дается краткий анализ актуальных изменений публично-правовых отношений для борьбы с коррупцией. Показаны современные проблемы, связанные с цифровизацией отдельных социально-правовых публичных институтов власти для основ борьбы с коррупцией. Особое внимание в статье уделяется Национальному плану противодействия коррупции на 2021–2024 гг., содержащему раздел о цифровизации борьбы с коррупцией, что особенно важно при включении в оборот цифрового рубля.

Ключевые слова: публично-правовые отношения, цифровизация права, цифровой рубль, коррупция, борьба с коррупцией, антикоррупционное законодательство, конституционные основы борьбы с коррупцией

ACCOUNT OF INDIVIDUAL CHANGES IN PUBLIC LEGAL RELATIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF DIGITALIZATION TO FIGHT ANTI-CORRUPTION

Abstract. The article provides a brief analysis of some recent changes in public law relations to combat corruption. The modern problems associated with the digitalization of individual social and legal public institutions of power for the foundations of the fight against corruption are shown. Particular attention is paid to the new National Anti-Corruption Plan for 2021–2024, which contains a separate section on the digitalization of the fight against corruption, inclusion in the circulation of the digital ruble.

Keywords: public relations, digitalization of law, corruption, fight against corruption, anti-corruption legislation, constitutional foundations for the fight against corruption

Цифровизация публичного права в современном мире затрагивает и заставляет пересмотреть ряд общественных отношений, регулируемых целым рядом отраслей права, входящим в его лоно. С одной стороны, публично-правовые отношения, вбирая в себя тысячелетнюю историю их развития и регулирования различными отраслями права – конституционным, административным, уголовным и другими, сохраняют статус-кво в своих основных институтах, как правило, управления обществом.

С другой стороны, подвергаясь влиянию технического прогресса, публично-правовая сфера, учитывает его и включает в свой аппарат формирования и развития общественных институтов. Например, процессы цифровизации во многих областях экономической, политической, культурной сфер жизни людей влекут за собой их внедрение и учет в последующем в правовом пространстве, как и любые новшества общественной жизни учитывались в прошлом.

Будучи одним из этапов развития информатизации общественных процессов управления, процессы цифровизации указывают на современную техническую парадигму, требующую правового регулирования. Процесс формулирования при этом новых дефиниций процесса цифровизации на законодательном уровне в порядке *de lege ferenda*, а затем процесс использования в рамках *de lege lata* иногда бывает непростым, требующим учета публично-правового интереса в национальном и международном аспектах.

Вспомним недавнюю ситуацию с попыткой внедрить в правовую материю дефиниции типа QR-code, которая для отечественных юристов породила множество проблем, начиная от уровня юридической техники формулирования полной и грамотной дефиниции, которая была необходима для введения ответственности для граждан при отсутствии данного цифрового знака, заканчивая вопросами государственного языка при написании текстов официальных нормативно-правовых актов.

Стремительное и бурное развитие процессов, связанных с цифровизацией общественных отношений, требует и столь же стремительной реакции на уровне законодательства и правоприменения. При этом универсальные институты человечества, которые были урегулированы в рамках классических инструментов национального и международного права, вновь сталкиваются, как и в свое время другие инструменты информатизации (интернетизации и т. п.), с проблемами соотношения таких, например, явлений, как суверенитет и цифровой суверенитет [1].

Для отечественной юриспруденции интеграл возможности учета формулирования законодательных новелл в области публично-правовых наук, несомненно, важен, поскольку этого требует сама природа существования государств в их современном выражении. Вот почему необходимо подчеркивать производный характер «цифровизации» исходных классических подходов и концепций в формулировании правовых норм и институтов в праве, а также их зависимость от технических возможностей «цифры» в условиях правоприменения.

В рамках правового регулирования общественных отношений в условиях цифровизации за последнее время достигнут немалый прогресс. Целые институты публично-правовых отношений были «оцифрованы» в рамках неминувшего охвата развитием новых информационных и компьютерных технологий – от формирования органов публичной власти в рамках демократических выборов и назначений до вопросов ответственности за нарушения исполнения обязанностей в рамках публичной службы. Напомним, что и сами названия публично-правовых институтов и явлений (процессов, предметов и др.), сопутствующих им, содержат в себе атрибуты современной парадигмы цифровизации.

Избирательный процесс проходит в альтернативном режиме, содержащем как классические подходы, учитывающие принципы тайности с использованием бумажных бюллетеней и кабин голосования со шторками, так и современные технические и программные технологии – от государственных автоматизированных систем «Выборы» до возможности обжалования результатов выборов в электронном режиме (в административном или судебном порядке). Сами публично-правовые институты управления также демонстрируют активный переход в область цифрового пространства.

Постоянные совещания Президента РФ как главы государства по различным вопросам с гражданами, различными федеральными и региональными органами управления, другими общественными институтами проходят в режиме реального времени по современным цифровым каналам связи с современными видео- и аудиовозможностями. Создание «электронного правительства» и его инструментов, как сказано на его портале, призвано снизить административные барьеры и значительно сократить число посещений госучреждений гражданами. В ближайшие годы любой житель России сможет оформить заявку на получение согласований и разрешений через Интернет, а также оценить качество предоставляемых государственных услуг [5]. Также возможности судебной власти существенно подверглись цифровизации – от подачи заявлений и жалоб до получения решений в электронном формате.

Показанный выше уровень развития и внедрения цифровых технологий в институты общественного управления является основой в рамках позитивного права для возможности описания их в дальнейшем в рамках, как правило, антикоррупционных бланкетных норм, содержащих правила поведения граждан и организаций и ответственность за нарушения в области публичного управления обществом. Общие принципы противодействия коррупции в России содержат универсальный базис идей, учитывающих возможность применения цифровых технологий (оболочки).

Если рассматривать Федеральный закон от 25.12.2003 «О противодействии коррупции» [4], то, анализируя ст. 3 с набором основных принципов борьбы с коррупцией: 1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; 2) законность; 3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; 4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений; 5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер; 6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции; 7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами, можно отметить, что, с одной стороны, одни пункты (1, 2, 4, 6, 7) выступают универсальной основой для борьбы с коррупцией как в традиционном, так и в цифровом формате противодействия этому негативному явлению; другие (3, 5) – содержат в себе обязательный учет принципов развития информатизации в общественных отношениях, поскольку опираются на саму концепцию применения информационных технологий, изначально призванных усилить прозрачность и информативность деятельности аппаратов управления обществом на различных уровнях.

Утилитарный подход в области противодействия коррупции с использованием цифровых технологий также учитывает прогресс в области оптимизации общественных отношений управления. В частности, Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг., утвержденный Президентом РФ 16.08.2021, содержит отдельный раздел XVI «Применение цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработка мер по противодействию новым фор-

мам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий», в котором поставлены задачи перед различными министерствами и ведомствами, отдельные направления борьбы с коррупцией в российском обществе с использованием цифровых технологий как в традиционных сферах, уже существующих в антикоррупционном законодательстве, так и определяются новые подходы и для правоприменителя, касающиеся проверки достоверности и полноты сведений о владении цифровыми финансовыми активами, иными цифровыми правами, цифровой валютой, анализ практики применения цифровых технологий при оказании государственных и муниципальных услуг, реализации контрольно-надзорных функций, осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в целях выявления, минимизации и устранения коррупционных рисков, связанных с применением таких технологий, и подготовить предложения по совершенствованию правового регулирования в этой сфере, а также обзор типовых способов совершения коррупционных правонарушений, связанных с использованием цифровых технологий при осуществлении указанных видов деятельности, представление сведений о владении цифровыми финансовыми активами, иными цифровыми правами, цифровой валютой, осуществления проверки достоверности и полноты таких сведений, а также осуществления контроля за расходами на приобретение цифровых финансовых активов, иных цифровых прав, цифровой валюты, в целях выявления проблем в этой сфере [3]. В частности, развитием цифровой платформы для применения ее в дальнейшем при противодействии коррупции, можно считать принятые летом 2023 г., законодательные пакетные изменения в валютном пространстве России о цифровом рубле [2].

Как можно заметить, развитие институтов антикоррупционной политики в цифровом формате будет происходить и в дальнейшем, свидетельство тому – последние изменения в законодательстве. Однако важно в процессе цифровизации на законодательном и правоприменительном уровнях не потерять основную концептуальную сущность принципов противодействия коррупции, о которых мы говорили выше, чтобы не терять эффективность противодействия ей в области формулирования правильных и грамотных, юридически обоснованных конструкций с рецептами таких важных социальных проблем, к коим относится не только коррупция.

Список литературы

1. Роблес-Каррильо, М. Суверенитет и цифровой суверенитет // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1, № 3. С. 673–690. EDN: NFWLYF. DOI: 10.21202/jdtl.2023.29
2. О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2023 № 339. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1637235/#review>
3. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/be374c4d18d96b8a38c10685d1056efa5924bd56

4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/9c25ae5432dd35c13bb140322c13ccc304cc10cf

5. Электронное правительство в РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/elektronnoe-pravitelstvo-v-rf>

О. И. Шарно,

кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградский государственный университет

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируются понятие и значение общественной экологической экспертизы, информатизация и вопрос применения информационных технологий в качестве инструментов, сопровождающих и эффективно обеспечивающих общественную экологическую экспертизу. Обосновывается необходимость и целесообразность применения информатизации, а также их направленность на реализацию принципа презумпции потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности, устойчивого развития.

Ключевые слова: общественная экологическая экспертиза, цифровизация, стратегическая экологическая оценка, принцип презумпции потенциальной экологической опасности деятельности, устойчивое развитие

RAISING THE ISSUE OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ENVIRONMENTAL EXPERTISE: ENVIRONMENTAL – LEGAL ASPECT

Abstract. The article analyses the concept and significance of public environmental expertise, updates informatization and the question of the use of information technologies as tools accompanying and effectively providing public environmental expertise, the necessity and expediency of the application of informatization, as well as their focus on the implementation of the principle of presumption of potential environmental danger of any proposed economic and other activities, sustainable development.

Keywords: public environmental impact assessment, digitalization, strategic environmental assessment, principle of presumption of potential environmental hazard of activities, sustainable development

Участие общественности в вопросах планирования и «стратегической экологической оценки» [5] (далее – СЭО) становится необходимым на фоне актуализации экологических проблем. Помощь граждан, проживающим на территории, подлежащей планированию и проектированию в прогнозировании возможных неблагоприятных последствий необходима, так как это затрагивает их естественные права на жизнь, жилище, благоприятную окружающую среду, обеспечивает получение информации о месте своего пребывания. С одной стороны, «включение»

общественности в обсуждение вопросов перспективного планирования позволяет остановить деятельность, реализация которой способна повлечь серьезный экологический вред, с другой – может уменьшить сопротивление жителей в случаях, когда экологический вред и негативное воздействие на окружающую среду предотвратимы за счет конкретных природоохранных решений проектируемых задач. В любом случае следует говорить о достаточном и необходимом влиянии граждан, интересы которых затрагиваются проектируемой деятельностью, в решении вопросов СЭО, что обеспечивается правовым институтом общественной экологической экспертизы (далее – ОЭЭ).

Экологическая экспертиза представляет собой «установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды, в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду» [4] (ст. 1).

Понятие ОЭЭ нормативно не закреплено, вместе с тем регламентация порядка ее проведения содержится в главе IV Федерального закона «Об экологической экспертизе» (ст. 20) [4], однако, руководствуясь легальным определением «экологической экспертизы» и спецификой ее проведения, мы можем утверждать, что ОЭЭ представляет собой СЭО, организуемую и проводимую общественными организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке, уставные документы которых содержат положения об охране окружающей среды, проведении экологических экспертиз по инициативе заинтересованных граждан, общественности, органов местного самоуправления.

ОЭЭ, исходя из данного нормативного понятия, есть процедура общественного участия по вопросу оценки воздействия проектируемой деятельности на окружающую среду, проверки правомерности проведения и реализации соответствующего проекта, подлежащего государственной экологической экспертизе.

Процедура ОЭЭ обеспечивает раскрытие экологической информации, получение которой гарантируется ст. 42 Конституции Российской Федерации (каждому принадлежит право на получение достоверной информации относительно состояния окружающей среды).

Отсюда заключим, что в ходе ОЭЭ обеспечивается получение заинтересованными лицами информации, относительно состоянии окружающей среды, что образует связь между государством и обществом, уменьшая асимметрию на участие в СЭО. Согласимся, что «раскрытие экологической информации – это революционная система управления окружающей средой, дополняющая традиционные командно-контрольные и рыночные подходы, что именуется третьей волной мер экологического регулирования» [6].

Вместе с тем стоит отметить, что получение экологически значимой информации при проведении ОЭЭ отличается от информации о состоянии окружающей среды общедоступной информацией, за исключением информации, отнесенной законодательством Российской Федерации к государственной тайне, доступ к которой не может быть ограничен (ст. 4.3) [3], так как в отношении первой достаточно часто

компании, организации, проектирующие объекты, подлежащие государственной экологической экспертизе, раскрывают далеко не всю информацию, ссылаясь на коммерческую тайну или большой объем информации, либо предоставляют такую информацию на бумажных носителях, ознакомление с которой для всех заинтересованных лиц при проведении ОЭЭ затруднительно (например, сообщается, что с проектной документацией возможно ознакомиться на территории органа местного самоуправления в определенный временной период без возможности копирования ввиду коммерческой тайны, что затрудняет реальные возможности ознакомления с ней, ее копирования, анализа и прогнозной оценки). В этой связи обеспечение доступа к экологической информации и ее раскрытие при проведении ОЭЭ обеспечивается различными технологиями цифровизации, применение которых позволяет обеспечить:

а) качество и результат СЭО планируемой деятельности в разрезе природоохранного назначения;

б) связь между раскрытием экологической информации и заботой об окружающей среде, которая представляет собой «перевернутую U-образную зависимость, согласно которой раскрытие экологической информации оказывает наибольшее влияние на общественную экологическую озабоченность и при увеличении степени раскрытия экологической информации на 1 % общественная экологическая обеспокоенность может увеличиться на 1,7 %» [6].

Говоря о применяемых при проведении ОЭЭ информационных технологий, следует отметить, что они в условиях цифровизации практически любого процесса и деятельности в современной России технически, методологически и информационно обеспечивают проведения ОЭЭ на всех ее этапах. Так, подготовка экспертного заключения ОЭЭ начинается с регистрации обращения или заявления заинтересованных лиц. Обычно это либо общественные организации, осуществляющие свою деятельность в области охраны окружающей среды, либо граждане, интересы и экологические права которых могут быть нарушены планируемой деятельностью, либо органы местного самоуправления.

В этой связи процедура инициации общественной экологической экспертизы базируется на информации в форме заявления, передаваемого лицу, которое проводит общественную экологическую экспертизу, и субъекту, который производит регистрацию инициатив ОЭЭ (орган местного самоуправления в месте реализации проектируемых изменений, деятельности). В целях оперативности подача и регистрация соответствующих документов, заключение договоров в цифровом обществе осуществляются путем дистанционного обмена документами, с применением электронно-цифровых подписей, сайта «Госуслуги» и т. п.

Оценка планируемой деятельности в ходе ОЭЭ производится на основе анализа большого объема проектной документации (в зависимости от объекта ОЭЭ может анализироваться более 10 томов), в то же время для подготовки экспертного заключения требуется получение дополнительной информации на подаваемые экспертной организацией, проводящей ОЭЭ, которая также объемна, поэтому анализируемая информация предоставляется и фиксируется в электронном виде.

Электронная форма документации и электронное взаимодействие участников общественной экологической экспертизы требуется и для сокращения сроков

проведения ОЭЭ, которые обычно сжаты и обусловлены необходимостью быстрой реакции на заявление о проведении ОЭЭ с целью обеспечения своевременного представления заключения ОЭЭ на государственную экологическую экспертизу.

К информационным технологиям, обеспечивающим информатизацию ОЭЭ, можно отнести, например, сведения публичной кадастровой карты, которые позволяют дать оценку воздействия проектируемой в будущем деятельности, например, на земельные ресурсы и определить режим землепользования, требуемое зонирование и т. д., данные, полученные из Google-карт, сведения с сайтов органов государственной власти и местного самоуправления, электронные красные книги животных и растений, данные экологического мониторинга, результаты мониторинга атмосферного воздуха, справочники наилучших доступных технологий.

Отсюда информатизация проведения ОЭЭ при «создании оптимальных условий максимально полного удовлетворения информационно-правовых потребностей государственных и общественных структур, предприятий, организаций, учреждений и граждан на основе эффективной организации и использования информационных ресурсов» [2] позволяет дать СЭО относительно соответствия проектируемой деятельности экологическому законодательству.

Информатизация ОЭЭ и получаемая в результате ее проведения СЭО должна обеспечивать реализацию и соблюдение одного из основополагающих принципов – презумпции потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности, т. е. такого предположения, принятие которого позволяет дать оценку наибольшему количеству проектов и решений, так или иначе затрагивающих воздействие на окружающую среду. В этом значении представляется, что информатизация процедуры экологической экспертизы позволяет решить следующие проблемные задачи.

Во-первых, за счет информационных технологий снижается забюрократизированность и «антиразвитие» процедуры проведения общественной экологической экспертизы и демонстрируется модернизация в сторону разбюрократизации.

Во-вторых, информатизация повышает экономическую эффективность и снижает затратность проведения общественной экологической экспертизы. Так, информационное взаимодействие и коммуникации позволяют элементарно экономить на почтовых услугах, применяемых для пересылки корреспонденции в ходе информационного обмена, снижать стоимость печатных затрат, так как электронная форма большинства документов, проектной документации в электронном виде позволяет производить ее изучение, оценку, обмен информацией, согласование позиций экспертов без лишних трат на использование бумажных носителей. Эксперты, участвующие в общественной экологической экспертизе, зачастую территориально проживающие не в месте реализации планируемого проекта, за счет электронных баз данных, карт, информационных сборников, видеосвязи могут давать заключения относительно объекта исследования дистанционно.

Повышение экономической эффективности ОЭЭ за счет информационных технологий выступает положительной тенденцией еще и потому, что в последние годы все чаще высказывается критика в части отсутствия целесообразности в проведении общественных экологических экспертиз именно вследствие их стоимости.

Затратный метод в большинстве случаев ложится в основу принятия решения (положительного или отрицательного) гражданами и общественными организациями по вопросу проведения общественных экологических экспертиз. Поэтому повышение экономической эффективности за счет информационных технологий может только приветствоваться.

В-третьих, информатизация позволяет обеспечить возможность моделирования, в том числе визуализированного, за счет VEB-технологий, последствий негативного воздействия на окружающую среду. При таких обстоятельствах информационные технологии, обеспечивающие моделирование проектируемой ситуации в ходе ОЭЭ, необходимы и целесообразны в применении.

В-четвертых, информатизация позволяет наиболее качественно фиксировать и учитывать мнение общественности в ходе ОЭЭ путем проведения опросов, обмена мнениями и информацией на информационных площадках в социальных сетях и т. п.

В-пятых, информатизация ОЭЭ позволяет унифицировать ОЭЭ, обеспечив ее верифицируемость и распространение участникам соответствующих правоотношений.

К сожалению, ОЭЭ в России рассматривается как некий «протестный инструмент в уже сложившейся конфликтной ситуации с намерением не допустить строительство экологически опасного объекта» [1. С. 94–96], поэтому полагаем, что информатизация ОЭЭ станет инструментом по приведению ОЭЭ к гарантированной действующим законодательством СЭО, направленной на предотвращение допуска строительства объектов или реализации проектов, угрожающих окружающей среде, и реализации экономически значимых предприятий, сооружений, планов, направленных на устойчивое развитие в его традиционном понимании (экономическое, социальное и экологическое развитие, обеспечивающее тенденции сохранения природы для будущих поколений). В любом случае, ОЭЭ важна и значима, так как с каждым днем загрязнения становятся все более опасными, негативно влияющими на состояние окружающей среды и здоровья человека.

Масштабы изменения окружающей среды от антропогенного воздействия демонстрируют необходимость широкого распространения информационных технологий в процедуре ОЭЭ. Поднимаемая нами в настоящем исследовании проблематика актуализирует проблему, и в формате, представленном на конференцию, позволяет лишь обозначить значимость и востребованность информатизации ОЭЭ, что с правовой точки зрения недостаточно изучено (в основном, как мы видим, исследуется информатизация антропогенной деятельности в разрезе модернизации производств и технологий). Поэтому аспекты, предлагаемые в настоящей работе, будут положены в основу дальнейшей теоретико-правовой проработке вопроса цифровизации ОЭЭ с позиции действующего природоохранного законодательства.

Список литературы

1. Залов А. Г. Общественная экологическая экспертиза: проблемные практики и пути совершенствования // Закон и право. 2021. № 5. С. 94–96. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-5-94-96

2. Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 1993 г. № 966 «О Концепции правовой информатизации России» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98561
3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823
4. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515
5. González A., Therivel R., Lara A., Lennon M. Empowering the public in environmental assessment: Advances or enduring challenges? // Environmental Impact Assessment Review. 2022. Vol. 101, 107142. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2023.107142>
6. Dan Pan, Wencheng Fan, Fanbin Kong. Dose environmental information disclosure raise public environmental concern? Generalized propensity score evidence from China // Journal of Cleaner Production. 2022. Vol. 379, P. 1, 134640. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134640>

В. А. Шаршун,

кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты применения искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности. Внедрение данных технологий целесообразно осуществлять в рамках цифровых платформ нормотворческой деятельности, которые разрабатываются и внедряются в Республике Беларусь и других странах. Первоочередными направлениями применения искусственного интеллекта в нормотворческом процессе представляется их использование при проведении правового мониторинга, прогнозировании последствий принятия актов законодательства, создании текстов проектов, проведении их публичного обсуждения, экспертиз и официального опубликования нормативных правовых актов. Важными задачами являются оптимизация существующих бизнес-процессов в сфере нормотворчества, адаптация правил нормотворческой техники к возможностям информационных технологий с целью обеспечения доступности законодательства, принятие программных документов, определяющих перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в различные области государственной и общественной жизни, в том числе и правовую.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, нормативный правовой акт, нормотворчество, нормотворческий процесс, искусственный интеллект, цифровизация, официальное опубликование

ON CERTAIN ISSUES OF APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PREPARATION OF DRAFT NORMATIVE LEGAL ACTS

Abstract. The article considers some aspects of the application of artificial intelligence in rule-making activity. It is advisable to implement these technologies within the framework of digital platforms of lawmaking, which are being developed and implemented in the Republic of Belarus and other countries. The primary directions of application of artificial intelligence in the rule-making process are their use in legal monitoring, forecasting the consequences of the adoption of legislative acts, creating texts of drafts, conducting their public discussion, expert examinations and official publication of normative legal acts. Important tasks are the optimization of existing business processes in the sphere of lawmaking, adaptation of rules of lawmaking techniques to the capabilities of information technologies in order to ensure the accessibility of legislation, adoption of policy documents defining the prospects for the introduction of artificial intelligence technologies in various areas of state and public life, including legal.

Keywords: law, digital technologies, normative legal act, rule-making, rule-making process, artificial intelligence, digitalization, official publication

Искусственный интеллект (далее – ИИ) как новый вид информационных технологий находит все более широкое использование в различных сферах деятельности человека. Не является исключением и юридическая сфера для применения ИИ. Эти вопросы весьма широко обсуждаются в последнее время в научной литературе. Так, исследованию применения ИИ в правовой сфере большое внимание уделяли российские ученые Д. В. Пашенцев, М. В. Залоило [1, 15], Н. Н. Черногор [2], И. В. Понкин, А. И. Лаптева [3], В. В. Архипов, В. Б. Наумов [4], П. М. Морхат [5] и др. Некоторые вопросы применения ИИ и иных информационных технологий в нормотворческой деятельности в своих работах рассматривали белорусские исследователи А. М. Браусов [6], А. А. Парфенчик [7]. Вместе с тем данная тема нуждается в своем дальнейшем исследовании и выработке предложений по перспективным и прикладным аспектам правовой цифровизации, в том числе применительно к внедрению технологии ИИ в нормотворческий процесс в рамках национальной правовой системы. Это является весьма актуальным в связи с проведением работ по созданию в Беларуси автоматизированной информационной системы «Нормотворчество» (далее – АИС «Нормотворчество»), которая должна воплотить в себе все наиболее передовые разработки и, по существу, реализовать цифровой нормотворческий процесс.

Применение ИИ в нормотворчестве в определенной степени осуществляется в некоторых странах. Так, в Италии создан проект Datafication, в рамках которого в законотворческом процессе используются цифровые технологии, в том числе ИИ, например, для анализа частотности использования нормативных правовых актов [8. С. 57]. Как справедливо отмечает К. Ф. Исабекова, широкое использование в нормотворчестве нашли нейронные сети, data mining, экспертные системы [9. С. 171]. Использование ИИ в нормотворчестве может ускорить процесс созда-

ния новых правовых актов, способствовать повышению их качества, в том числе за счет уменьшения количества ошибок, а также рисков неправильного толкования правовых актов. С помощью ИИ возможно в течение короткого промежутка времени анализировать значительные объемы данных, что может существенно сократить время на исследование и анализ информации. Однако есть и риски, связанные с неверной интерпретацией ИИ информации, ложными выводами и обобщениями, сделанными с его помощью, что может привести к нарушению прав различных субъектов.

Применение ИИ возможно на разных стадиях нормотворческого процесса. Так, например, в рамках планирования подготовки проектов правовых актов ИИ может использоваться в целях анализа правоприменительной практики, законодательства, научных публикаций и иной информации для выявления проблем, требующих своего нормативного урегулирования.

На стадии подготовки проекта правового акта применение ИИ возможно при составлении текста проекта. Например, человек указывает основные параметры, которые должны быть отражены в будущем правовом акте, а с помощью ИИ происходит формулирование правовых норм на основе действующих правил нормотворческой техники. ИИ могут предлагаться и различные варианты урегулирования. Также с его помощью возможно формулирование текста проекта о внесении корректировок в иные акты законодательства на основе указанных человеком необходимых изменений в тексте акта, оценка правильности используемых юридических терминов. Здесь можно привести пример написания текста законопроекта с применением ChatGPT [10]. Качество такого законопроекта очень низкое, но определенное движение в этом направлении уже сделано. На этой стадии нормотворческого процесса могут быть использованы такие технологии, как Document Automation and Assembly (DIY Legal Forms and Contracts) – проектирование систем и рабочих процессов, которые помогают в создании электронных документов. Для примера можно привести созданный в Российской Федерации Конструктор цифровых регламентов, который дает возможность разработать, согласовать и осуществить государственную регистрацию машиночитаемых административных регламентов предоставления услуг [11]. С помощью Конструктора был разработан и принят первый цифровой нормативный правовой акт, весь цикл разработки, согласования и утверждения которого осуществлялся в цифровом виде [12].

В рамках осуществления экспертиз проектов правовых актов применение ИИ возможно в целях анализа текстов проектов (правовых актов) по вопросам их соответствия критериям конкретной экспертизы (юридической, криминологической, лингвистической и т. д.). Полагаем, что перспективным направлением является создание экспертных систем для анализа данных при проведении юридической, криминологической и лингвистической экспертиз проектов правовых актов. В качестве некоторого примера следует привести автоматизированную систему «Логика ЕСМ. Правовая экспертиза», созданную компанией «Логика бизнеса 2.0». Как отмечается в литературе, данная система упрощает процесс проведения юридической экспертизы и сокращает его сроки, обеспечивает исполнение рутинных операций и сокращение временных затрат [13. С. 263].

На стадии официального опубликования нормативных правовых актов, по нашему мнению, с помощью ИИ возможно формирование актуальной редакции (контрольного состояния) текстов нормативных правовых актов. Сегодня в Беларуси эта работа ведется вручную силами специалистов Национального центра правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ). Следует отметить, что сейчас законодательно не установлена обязательность опубликования контрольного состояния текста нормативного правового акта. Получить доступ к основной массе текстов нормативных правовых актов в актуальной редакции в Беларуси возможно, как правило, за плату с помощью справочно-правовых систем. Полагаем, что необходимо реализовать на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь свободный доступ к текстам актов законодательства в контрольном состоянии с учетом внесенных изменений, а не только к текстам актов, официально опубликованным на конкретную дату. В этой связи требуется корректировка ст. 60 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». Указанный подход реализован в некоторых государствах. Например, в России на Официальном интернет-портале правовой информации с 1 июля 2022 г. осуществляется опубликование текстов правовых актов в актуальном состоянии [14].

Использование ИИ при формировании актуальной редакции текста правового акта позволит повысить оперативность доведения его актуального содержания до всех заинтересованных лиц, доступность правовой информации, а также существенно сократить человеческие трудозатраты и высвободить довольно большое количество работников НЦПИ от выполнения указанной рутинной работы. В то же время решение данной задачи связано с пересмотром существующих правил нормотворческой техники для обеспечения возможности использовать информационные технологии. Например, весьма интересным является опыт Австралии в этой части, где широко используется нумерация как структурных элементов нормативных правовых актов, так и строк их текстов. Это существенно облегчает внесение изменений в тексты нормативных правовых актов, не требует пересчета структурных элементов (абзацев, частей) и, соответственно, способствует уменьшению количества ошибок, связанных с неверно указанными структурными элементами правового акта. Кроме того, в Австралии используются структурированные шаблоны [16], на основе которых формируется законодательство, что оказывает положительное влияние не только на применение правовых норм, но и способствует минимизации ошибок при подготовке проектов правовых актов.

Для внедрения технологий ИИ в нормотворчество в Республике Беларусь, по нашему мнению, должно быть обеспечено создание единой цифровой платформы нормотворческой деятельности – АИС «Нормотворчество», посредством которой может быть реализован цифровой нормотворческий процесс. Подобные автоматизированные системы созданы в ряде стран, например, в Литве, Эстонии. Много сделано в этом направлении и в России. Так, с 2019 г. Правительством г. Москвы используется АИС «Согласование документов», обеспечивающая определенную автоматизацию подготовки проектов правовых актов. В Российской Федерации также создается ГИС «Нормотворчество», основным назначением которой будет являться реализация в цифровом формате процессов разработки, согласования и принятия нормативных актов [17].

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» был определен срок создания АИС «Нормотворчество» до 1 июля 2022 г. Координация вопросов цифровизации нормотворческой деятельности была поручена НЦПИ. Но в силу ряда причин указанная задача в установленные сроки не была решена. Создание АИС «Нормотворчество» продолжается и в настоящее время на основе Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. и должно быть завершено в следующем году. По нашему мнению, первоочередной задачей является реализация цифрового нормотворческого процесса в рамках АИС «Нормотворчество» как специфической системы электронного документооборота, а в последующем – внедрение в АИС новых сервисных возможностей, включая применение технологий ИИ. Разработка и внедрение АИС «Нормотворчество» позволят в рамках одной цифровой среды объединить всех субъектов нормотворческой деятельности и все стадии нормотворческого процесса. В системе необходимо обеспечить автоматическое формирование и поддержку актуальных редакций текстов правовых актов. АИС должна способствовать соблюдению правил нормотворческой техники в автоматическом режиме, обеспечивать классификацию проекта, а в будущем – возможность принятия актов машиночитаемого законодательства. Кроме того, в рамках создания новой цифровой платформы требуется пересмотр сложившихся процедур в рамках нормотворческой деятельности, например, отказ от сопроводительных писем при направлении проектов на согласование, использование методов Process mining [18] и др.

Исходя из положений вышеназванного Указа, НЦПИ как организация, обладающая высоким научным потенциалом и большим практическим опытом в сфере правовой информатизации, должна являться координатором деятельности по внедрению ИИ в нормотворческий процесс. В целом, по нашему мнению, необходимы подготовка и принятие на республиканском уровне программного документа по вопросам ИИ, например, Концепции развития ИИ в Республике Беларусь, которая бы определила основные направления внедрения ИИ в наиболее важные области общественных отношений, включая и правовую сферу. Следует отметить, что подобные национальные стратегии развития ИИ в настоящее время приняты в ряде государств (Российская Федерация, ОАЭ и др.).

Таким образом, ИИ имеет большие перспективы для использования в нормотворческой деятельности. ИИ не может исключить человека из нормотворчества как творческой деятельности, но может быть использован на отдельных стадиях нормотворческого процесса для выработки оптимального правового регулирования, высвобождения творческого потенциала человека от рутинных действий. Важными направлениями применения ИИ в нормотворческом процессе представляется его использование при проведении правового мониторинга, прогнозировании последствий принятия правовых актов, создании текстов проектов, проведении их публичного обсуждения, экспертиз и официального опубликования нормативных правовых актов. Реализацию технологий ИИ в нормотворчестве, по нашему мнению, целесообразно осуществлять в рамках единой цифровой платформы нормотворческой деятельности. В Беларуси такой платформой

должна стать АИС «Нормотворчество». Для этих целей следует оптимизировать существующие бизнес-процессы в сфере нормотворчества, адаптировать правила нормотворческой техники к возможности применения в нормотворческом процессе ИИ, создать необходимые условия для комфортного участия всех субъектов, в том числе граждан, в нормотворческом процессе. Важными являются создание и введение в действие Концепции развития ИИ в Республике Беларусь, в которой целесообразно определить в том числе и основные направления внедрения данных технологий в правовую сферу.

Список литературы

1. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др.; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
2. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др.; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с.
3. Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: учебник / И. В. Понкин, А. И. Лаптева; Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2021. 174 с.
4. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / В. В. Архипов, В. Б. Наумов // Труды СПИИРАН. 2017. Вып. 6(55). С. 46–62.
5. Морхат П. М. Право и искусственный интеллект: монография; предисл. д. ю. н., проф. И. А. Близнеца и д. ю. н., проф. И. В. Понкина; под ред. д. ю. н., проф. И. В. Понкина; Российская государственная академия интеллектуальной собственности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 544 с.
6. Браусов А. М. Искусственный интеллект в нормотворчестве: предпосылки внедрения и пределы применения // Информационное право. 2020. № 4. С. 16–20.
7. Парфенчик А. А. Цифровизация законотворческой деятельности / А. А. Парфенчик // Право.by. 2020. № 5. С. 66–71.
8. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие / И. А. Филипова. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. 90 с.
9. Исабекова К. Ф. Цифровизация в нормотворчестве: задачи и ожидаемые результаты // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2018. № 3(52). С. 170–174.
10. Минюст протестировал бот ChatGPT // UNN. URL: <https://www.unn.com.ua/ru/news/2016064-minyust-protestivav-bot-chatgpt>
11. Конструктор цифровых регламентов // Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций). URL: <https://kcr.gosuslugi.ru/kcr/login>
12. В России зарегистрирован первый цифровой НПА // ЭКОНОМИКА. URL: <https://data-economy.ru/news/tpost/uusf307nb1-v-rossii-zaregistrirovan-pervii-tsifrovo>

13. Корнилов А. Р. Цифровизация правовых экспертиз / А. Р. Корнилов // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: труды XVII Международной научно-практической конференции. Гурзуф, 18–20 октября 2018 г. / ГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»; под ред. Н. В. Апатовой. Симферополь, 2018. С. 262–263.

14. Тексты НПА с внесенными в них поправками, размещаемые на портале pravo.gov.ru, будут считаться официальными // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/news/1531144>

15. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.

16. Drafting templates // Official website of the Office of Parliamentary Counsel. URL: <https://www.opc.gov.au/drafting-resources/drafting-templates>

17. Работы по созданию национальной единой среды взаимодействия всех участников нормотворческого процесса (ГИС «Нормотворчество») / Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=0173100008622000017&utm>.

18. Васильева Е. В., Долганова О. И. Возможности совершенствования процессов подготовки правовых актов государственными органами на основе подхода Process mining / Е. В. Васильева, О. И. Долганова // Управление. 2022. Т. 10. № 4. С. 96–110.

А. А. Шмидт,

кандидат юридических наук, доцент,

Южно-Уральский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОСГВАРДИИ ПО ВЫРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, содержащего теоретическое обоснование создания интеллектуальной системы поддержки принятия решений в сфере оборота гражданского оружия, основанной на учете множества законодательно определенных переменных на базе отечественной регуляторной информационной технологии федерального органа исполнительной власти в сфере оборота оружия (Росгвардии). Основным методом исследования стал анализ текущих возможностей специализированной программы для ЭВМ, предназначенной для информационного обеспечения служебной деятельности подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии по осуществлению контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия, и моделирование алгоритма юридической квалификации жизненных обстоятельств в ходе принятия решений о возможности выдачи (аннулирования) разрешительных документов в сфере оборота гражданского оружия.

Результатом исследования является логический алгоритм системы поддержки принятия решений, включающий: поиск юридической информации; юридическую квалификацию на основе многомерной матрицы, которая функционирует как справочная таблица для лиц, принимающих решения, и подготовку шаблонов юридической документации.

Ключевые слова: государственное управление, система поддержки принятия решений, государственное регулирование, государственный контроль, надзор, анализ данных, безопасность, оружие

USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF ROSGVARDIYA ON THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE FIELD OF CIVILIAN ARMS TURNOVER

Abstract. The results of a study containing a theoretical justification for the creation of an intelligent decision support system in the field of civilian arms trafficking, based on taking into account a variety of legally defined variables based on the domestic regulatory information technology of the federal executive body in the field of arms trafficking (Rosgvardia), are presented. The main research method was the analysis of the current capabilities of a specialized computer program designed to provide information support for the official activities of the divisions of the licensing and permitting work of the Russian Guard to monitor compliance with the legislation of the Russian Federation in the field of arms trafficking and to model the algorithm for the legal qualification of life circumstances in the course of making decisions on the possibility of issuing (cancellation) of permits in the sphere of circulation of civilian weapons. The result of the study is a logical algorithm of the decision support system, including: search for legal information; legal qualifications based on a multidimensional matrix that functions as a lookup table for decision makers and the preparation of legal documentation templates.

Keywords: public administration, decision support system, state regulation, state control, gun policy, data analysis, security, guns

Введение. Среди мегатрендов современности, которые определяют будущее, оказывая долгосрочное влияние на государство, экономику, общество и отдельных людей, следует выделить кратное увеличение объемов информации; цифровые платформы как элемент взаимодействия; нарастающий спрос на общественную безопасность. Указанные тренды обусловлены цифровой трансформацией общества и диктуют необходимость внедрения информационных технологий во все сферы общественной жизни, в том числе правоохранительную деятельность государства. При этом отдельные сферы правоохранительной деятельности активно используют цифровые технологии (работа центров автоматической фиксации административных правонарушений), появляются новые формы цифровой правоохранительной деятельности (автоматическая идентификация личности системами видеонаблюдения и системы управления доступа на их основе), а некоторые сферы остаются достаточно архаичными. Одной из таких сфер до недавнего времени оставался оборот гражданского оружия.

Трагические события последних лет, произошедшие в казанской гимназии № 175, Пермском государственном университете, другие случаи противоправного использования гражданского оружия, повлекшие фатальные последствия, продиктовали необходимость переоценки эффективности законодательства и правоприменительной деятельности в сфере оборота оружия [6. С. 136]. Потребовалась разработка новой системы социальных, правовых и медицинских критериев доступности гражданского оружия, повлекших ужесточение законодательства об оружии [9]. Государственная политика в сфере оборота гражданского оружия в последние годы формируется на концепции, основанной на праве граждан, ограниченном публичными интересами общественной безопасности, и идее надежности владельца гражданского оружия [8. С. 117]. В этих целях законодателем определена система административно-предупредительных мер, обусловленных критериями, соответствие которым должно минимизировать риски противоправного использования оружия.

В настоящее время законодатель устанавливает 17 многоуровневых групп обстоятельств в качестве соответствующих оснований, при наличии которых лицензия на приобретение оружия гражданам не выдается, а ранее выданные разрешительные документы аннулируются. К числу таких оснований относятся, например: неснятая или непогашенная судимость за умышленное преступление; снятая или погашенная судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, а также за ряд других умышленных преступлений средней тяжести; привлечение к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусматривающего административный арест в качестве одного из видов административного наказания; повторное привлечение в течение года к административной ответственности за совершение административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность или установленный порядок управления; медицинские противопоказания и другие основания.

Реализация новой концепции государственной политики в сфере оборота гражданского оружия, основанной на учете множества переменных, требует формирования и развития цифровой экосистемы оценки соответствия претендентов на приобретение оружия и его владельцев, учета и контроля за оборотом гражданского оружия.

Цель настоящего исследования заключается в теоретическом обосновании интеллектуальной системы поддержки принятия решений в сфере оборота гражданского оружия, основанной на учете множества законодательно определенных переменных на базе отечественной регуляторной информационной технологии федерального органа исполнительной власти в сфере оборота оружия (Росгвардии).

Основным методом исследования стал анализ текущих возможностей специализированной программы для ЭВМ, предназначенной для информационного обеспечения служебной деятельности подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии по осуществлению контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия, и моделирование алгоритма юридической квалификации жизненных обстоятельств в ходе принятия решений о возможности выдачи (аннулирования) разрешительных документов в сфере оборота гражданского оружия.

Результатом исследования является логический алгоритм системы поддержки принятия решений, включающий: поиск юридической информации (1); юридическую квалификацию на основе многомерной матрицы, которая функционирует как справочная таблица для лиц, принимающих решения, (2) и подготовку шаблонов юридической документации (3).

Научная новизна заключается в обосновании необходимости развития отечественных программных RegTech-решений; алгоритмизации управленческих решений в деятельности лицензионно-разрешительных подразделений; предложенных решениях оптимизации служебной деятельности с помощью системы поддержки принятия решений.

Практическая значимость заключается в создании методологической основы развития ведомственной правовой и нормативно-технической документации для разработки отечественных RegTech-решений и организации правоохранительной деятельности в сфере оборота гражданского оружия.

Основная часть. Учет гражданского оружия как функция правоохранительной системы прошел в своем развитии путь от бумажных картотек до формирования электронных реестров. В 2016 г. создан федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере оборота оружия, – Росгвардия, который выступает регулятором в рассматриваемой сфере и оператором банка данных об оружии. Реалии сегодняшнего дня требуют учета все большего количества юридически значимой информации для обеспечения надлежащего контроля сферы оборота гражданского оружия, что повлекло формирование и развитие Системы централизованного учета оружия (СЦУО) – программы для ЭВМ, предназначенной для информационного обеспечения служебной деятельности подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии по осуществлению контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия, а также для консолидации сведений об оружии Росгвардии и обеспечения оперативно-служебной деятельности [3]. СЦУО можно отнести к технологии регулирования (RegTech) – группе программных технологий мониторинга, используемых в целях решения вопросов соответствия ключевых показателей заданным параметрам [15] в правоохранительной сфере.

Основное отличие СЦУО от зарубежных систем учета оружия, например, Германии, которая обеспечивает только регистрационный учет оружия государственными и местными органами власти [14], заключается в ее глубокой интеграции с другими государственными информационными системами и банками данных в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Отечественная система обеспечивает постоянное информационное взаимодействие Росгвардии с МВД России, Минздравом России и другими федеральными органами исполнительной власти, что способствует автоматизации механизма проверок граждан для установления обстоятельств, препятствующих владению гражданским оружием. Обмен сведениями в электронном виде обеспечивается между 83 государственными информационными системами и ресурсами, в том

числе посредством Единой системы межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ).

По существу, на базе Системы централизованного учета оружия сегодня сформировалась и продолжает развиваться цифровая экосистема для поддержки принятия решений типа RegTech, предназначенная для юридической квалификации законодательно установленных правовых критериев – соответствующих оснований, при наличии которых лицензия на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия не выдается гражданам Российской Федерации, а ранее выданные разрешительные документы аннулируются.

Юридическая квалификация указанных обстоятельств, т. е. оценка с точки зрения системы правовых норм законодательства об оружии, уголовного, административно-деликтного и уголовно-процессуального законодательства, происходит в ходе правоприменительной лицензионно-разрешительной деятельности. Оценка юридических фактов и правовых оснований в настоящее время – повседневная рутинная правоприменительная деятельность сотрудников подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии. Юридическая квалификация представляет собой интеллектуальную деятельность, качество которой зависит от сотрудников, выполняющих взаимосвязанные задачи по принятию решений. Лицо, принимающее решения, может оказаться запутавшимся в паутине возможных действий и решений, чувствовать необходимость поддержки принятия эффективных и качественных решений. В сферах, где объем информации, без преувеличения, огромен, это вызывает проблемы с контролем ситуации [11]. Тем не менее интеллект людей, принимающих решения, незаменим во многих ситуациях. Следовательно, существует необходимость улучшить поддержку принятия человеком решений на основе поступающих данных. Интеллектуальные функции сотрудников называются процессами, требующими принятия решений [16], которые могут быть алгоритмизированы, а сам процесс оптимизирован с помощью системы поддержки принятия решений [5].

В настоящее время уже имеются соответствующие разработки по созданию систем поддержки принятия решений в области обеспечения правопорядка [12], расследования преступлений [4. С. 151] и вынесения судебных решений [10], а также цифровизации некоторых контрольных функций в сфере оборота оружия [13]. Внедрение рекомендательных и интеллектуальных систем поддержки принятия решений должно стать важным элементом дальнейшего развития экосистемы централизованного учета оружия в связи с возрастающим объемом данных, требующих учета при принятии решения о наличии (отсутствии) обстоятельств, препятствующих владению оружием. Основу системы поддержки принятия решений составляет алгоритмизация интеллектуального процесса правоприменительной деятельности [7. С. 21], последняя может быть представлена следующим образом: поиск информации – установление наличия/отсутствия юридически значимой информации – квалификация с точки зрения законодательных требований – юридическое решение (рекомендация) – формализация решения в правовом акте.

Алгоритм работы интеллектуальной системы поддержки принятия решений в сфере оборота гражданского оружия не представляется чрезмерно сложным, тем более что часть функционала уже реализована в СЦУО.

Система поддержки принятия решений должна включать три основных блока операций: (1) поиск информации через СМЭВ о текущем юридическом статусе путем направления онлайн-запросов в соответствующие базы; (2) юридическую квалификацию на основании законодательно заданных параметров; (3) подготовку шаблонов документации об отказе в выдаче лицензии на приобретение оружия (аннулировании разрешительных документов), уведомление об изменении правового статуса и предписание о совершении юридически значимых действий.

Поиск информации о текущем юридическом статусе во многом реализован в функционале СЦУО: направление через СМЭВ онлайн-запросов о действительности документа, удостоверяющего личность; регистрации акта гражданского состояния (смерть); наличие медицинского заключения об отсутствии/наличии заболеваний, препятствующих владению оружием, и некоторые другие. Получение сведений о наличии/отсутствии судимости или факта уголовного преследования обеспечивается путем обращения к соответствующим распределенным банкам данных.

Однако получение информации об определенном правовом состоянии требует ее интерпретации и юридической квалификации. Этому должен способствовать второй компонент – электронный модуль, содержащий «словарь» обстоятельств – проиндексированных составов преступлений, административных правонарушений, процессуальных состояний, других юридических фактов, являющихся в соответствии с законодательством об оружии значимыми для принятия решений. Результат решения такой интеллектуальной задачи можно рассматривать как многомерную матрицу, которая функционирует как справочная таблица для лиц, принимающих решения.

Дополнительную сложность представляет необходимость исчисления сроков соответствующего правового состояния – проиндексированных переменных: погашение судимости (ст. 86 УК РФ), истечение срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административной ответственности (ст. 4.6 КоАП РФ), и т. д. Здесь решение видится также в создании соответствующей матрицы возможностей, основанной на расчете временных рядов, последовательно применяемой после установления соответствующего обстоятельства, имеющего срочный характер. Современные системы поддержки принятия решений часто основываются на расчете «временных рядов, где требуется обработка огромных объемов данных, автоматическая идентификация моделей временных рядов является важной функцией систем поддержки принятия решений».

Завершающим этапом работы системы поддержки принятия решения является оформление правового акта управления, отражающего решение уполномоченного должностного лица. Подготовка заключения о выдаче (отказе в выдаче) лицензии на приобретение оружия (аннулирование разрешительных документов), уведомления об изменении правового статуса или предписания о совершении юридически значимых действий осуществляются «по технологиям Legal Tech, которые включают разнообразные платформы, программы и инструменты, специально разработанные для упрощения и оптимизации процессов, составляющих профессиональную деятельность юристов, и могут применяться практически во всех видах деятельности» [2].

Заключение. Системы поддержки принятия решений вызывают значительный интерес во многих сферах, включая правоохранительную. Изменения государственной политики в сфере оборота гражданского оружия сопровождаются значительным усложнением процессов принятия решения о выдаче лицензии на приобретение оружия или изъятии оружия в потенциально опасных ситуациях. Интеллектуальная деятельность по юридической квалификации конкретных жизненных обстоятельств в соответствии с законодательством об оружии требует учета множества юридически значимых состояний, имеющих срочный характер. Организация управленческих процессов, требующих принятия правовых решений, может быть алгоритмизирована, а сам процесс принятия решения – оптимизирован с помощью системы поддержки принятия решений на базе существующих регулятивных технологий.

Преимущества создания и внедрения подобного рода системы поддержки принятия решений очевидны: программы поддержки принятия решений на основе интеллектуальных систем не устают, они лишены субъективизма, нивелируют влияние коррупционных факторов и снижают возможность обычных человеческих ошибок. Однако не следует забывать, что искусственный интеллект, по крайней мере в таком состоянии, в каком он находится сейчас, не может быть самостоятельным субъектом правоприменения, его задача – значительно разгрузить правоприменителя в рутинной работе.

Список литературы

1. Голубев С. С., Афанасьев А. Л., Курицын А. В. Применение технологий искусственного интеллекта в научно-технологическом прогнозировании // Прикладная информатика. 2022. Т. 17. № 4 (100). С. 57–74. DOI: 10.37791/2687-0649-2022-17-4-57-74.

2. Пальянова Н. В. Развитие отрасли LEGAL TECH в России // Правовая информатика. 2022. № 4. С. 27–38. DOI: 10.21681/1994-1404-2022-4-27-38.

3. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2019664654 Российская Федерация. Система информационного обеспечения централизованного учета оружия, контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия, частной детективной (сыскальной) и охранной деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: № 2019662653: заявл. 14.10.2019: опубл. 12.11.2019 / Н. В. Филенко, О. Ю. Федоренко; заявитель Российская Федерация, от имени которой выступает Главный центр информационных технологий войск национальной гвардии Российской Федерации.

4. Смушкин А. Б. Экосистема предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 7. С. 143–158. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.152.7.143-158.

5. Трофимов Е. В., Мецкер О. Г. Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности: систематический обзор // Труды Института системного программирования РАН. 2020. Т. 32, № 3. С. 147–170. DOI: 10.15514/ISPRAS-2020-32(3)-13.

6. Фаисханов Р. Р., Шмидт А. А. Противоправное хранение гражданского оружия: вопросы квалификации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 136–147. DOI: 10.52452/19931778_2023_3_136.
7. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.
8. Шмидт А. А. Административно-правовые основы оборота гражданского оружия в ФРГ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 116–124.
9. Шмидт А. А. Ограничение права на приобретение и владение гражданским оружием по медицинским показаниям: приглашение к дискуссии // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 9 (130). С. 30–42. DOI: 10.17803/10.17803/1994–1471.2021.130.9.030–042.
10. Almuzaini, Huda A., and Aqil M. Azmi. TaSbeeb: A Judicial Decision Support System Based on Deep Learning Framework // Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences. 2023. Vol. 35 (8): 101695. DOI: 10.1016/j.jksuci.2023.101695.
11. Bossaerts, Peter, and Carsten Murawski. Computational Complexity and Human Decision-Making // Trends in Cognitive Sciences. 2017. 21 (12). P. 917–29. DOI: 10.1016/j.tics.2017.09.005.
12. Moews, Ben, Jaime R. Argueta, Antonia Gieschen. Filaments of crime: Informing policing via thresholded ridge estimation // Decision Support Systems. 2021. Vol. 144: 113518. DOI: 10.1016/j.dss.2021.113518.
13. Shmidt, Artem A., and Ekaterina A. Merkel. Digital Technologies for Gun Control. In Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research: Volume 3, edited by Svetlana G. Maximova, Roman I. Raikin, Alexander A. Chibilev, and Marina M. Silantyeva. 2023. P. 513–18. Lecture Notes in Networks and Systems. Cham: Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978–3–030–78105–7_50.
14. Sturm, J., Theißing, F. (). Das Nationale Waffenregister – ein Beispiel für erfolgreiche föderale IT-Kooperation. In: Schmid, A. (eds) Verwaltung, eGovernment und Digitalisierung. 2019. Springer Vieweg, Wiesbaden. DOI: 10.1007/978–3–658–27029–2_14.
15. Teichmann, Fabian, Sonia Boticiu, and Bruno S. Sergi. RegTech – Potential Benefits and Challenges for Businesses // Technology in Society. 2023. Vol. 72: 102150. DOI: 10.1016/j.techsoc.2022.102150.
16. Voorberg, S., R. Eshuis, W. Van Jaarsveld, and G. J. Van Houtum. Decisions for Information or Information for Decisions? Optimizing Information Gathering in Decision-Intensive Processes // Decision Support Systems. 2021. Vol. 151: 113632. DOI: 10.1016/j.dss.2021.113632.

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ НАУК | DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Балалаева Ю. С.* ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА:
ОПЫТ НИДЕРЛАНДОВ |
Balalayeva Yu. DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW-MAKING:
THE EXPERIENCE OF THE NETHERLANDS 6
- Гусакова Ю. С., Шепель Е. Н.* ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ
ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОГО
ПРОСТРАНСТВА РОССИИ |
Gusakova Yu., Shepel E. PROBLEMS AND TRENDS IN THE FORMATION
OF A UNIFIED INFORMATION AND LEGAL SPACE OF RUSSIA..... 12
- Дашко А. В.* ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН |
Dashko A. DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF TEACHING
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL DISCIPLINES 15
- Ельчанинова О. Ю.* ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ |
Elchaninova O. DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL
MODEL OF HISTORICAL AND LEGAL DISCIPLINES:
OPPORTUNITIES AND BARRIERS..... 19
- Израелян В. Б.* УГРОЗА ЦИФРОВИЗАЦИИ КОГНИТИВНЫМ
СПОСОБНОСТЯМ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ |
Israelyan V. THE THREAT OF DIGITALIZATION TO THE COGNITIVE
ABILITIES OF MODERN STUDENTS..... 23
- Калинина Е. В.* ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК АМБИВАЛЕНТНЫЙ
ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ |
Kalinina E. DIGITAL TECHNOLOGIES AS AN AMBIVALENT MEANS
TO FURTHERANCE AND TRANSFORMATION OF MORAL
AND SPIRITUAL VALUES 29
- Киселев А. С.* СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД
СИЛЬНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НИМ |
Kiselev A. SOCIAL AND LEGAL PROBLEMS OF CONTROL OVER STRONG
ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTERACTION WITH IT..... 33

<i>Ладенков Н. Е.</i> ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ <i>Ladenkov N.</i> IMPACT OF DIGITALIZATION ON LEGAL CULTURE	36
<i>Мун В. А.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСЛЯЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ <i>Mun V.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR BROADCASTING TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES	43
<i>Муратаев С. А.</i> О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ НОРМ ПРАВА <i>Muratayev S.</i> ABOUT THE POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROVIDING BALANCED ELEMENTS OF THE NORM OF LAW	48
<i>Павлов В. И.</i> МОГУТ ЛИ АНТРОПОЛОГО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ (АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ) БЫТЬ ПРИЗНАНЫ СУБЪЕКТАМИ ПРАВА? <i>Ravlov V.</i> CAN ANTHROPOLOGICALLY ORIENTED DIGITAL TOOLS BE RECOGNIZED AS SUBJECTS OF LAW? (ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL ANALYSIS)	57
<i>Павлушкин А. В.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ <i>Pavlushkin A.</i> DIGITALIZATION OF LAW ENFORCEMENT: LEGAL MONITORING.....	67
<i>Путинцев А. В.</i> НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ И ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ КАК СУБЪЕКТЫ ИНТЕРНЕТ-ПРАВООТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ <i>Putintsev A.</i> MINORS AND ELDERLY PEOPLE AS SUBJECTS OF INTERNET LEGAL RELATIONS: PROBLEMS OF DESIGN	72
<i>Романова Г. В., Шубина Е. В.</i> ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПОТРЕБИТЕЛЯМ В СФЕРЕ УСЛУГ <i>Romanova G., Shubina E.</i> IMPACT OF DIGITIZATION ON COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE TO CONSUMERS IN THE SERVICE SECTOR	80
<i>Скоробогатов А. В., Краснов А. В.</i> ЦИФРОВОЙ ЧЕЛОВЕК: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ <i>Skorobogatov A., Krasnov A.</i> DIGITAL MAN: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS.....	84
<i>Тарасова Ю. Н.</i> ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ <i>Tarasova Yu.</i> ISSUES OF DIGITALIZATION OF JUDICIAL ACTIVITY	91
<i>Хужаназаров А. А.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМОТВОРЧЕСТВА <i>Khuzhanazarova A.</i> DIGITAL TRANSFORMATION OF NORM-MAKING	95

<i>Чиквин А. Б.</i> ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ <i>Chikvin A.</i> LEGAL FACT IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION	98
--	----

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ) ОТНОШЕНИЙ |
DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF PUBLIC LEGAL
(STATE-LEGAL) RELATIONS

<i>Акимов Е. С., Лежнина Е. В.</i> ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВВЕДЕНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ <i>Akimov E., Lezhnina E.</i> LEGAL ASPECT INTRODUCTION OF IMPORT SUBSTITUTION OF SOFTWARE IN THE EDUCATION SYSTEM	104
---	-----

<i>Антонова А. М.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НАЛОГОВЫХ ОРГАНАХ <i>Antonova A.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN TAX AUTHORITIES	107
---	-----

<i>Афонин Д. Н.</i> ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ <i>Afonin D.</i> LEGAL SUPPORT FOR THE INFORMATIZATION OF CUSTOMS CONTROL AT THE PRESENT TIME.....	114
--	-----

<i>Бакурова Н. Н.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ <i>Bakurova N.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ENFORCEMENT SYSTEM	118
--	-----

<i>Безвиконная Е. В.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ <i>Bezvikonnaya E.</i> DIGITAL TRANSFORMATION AND PROBLEMS OF COMBATING CORRUPTION IN GOVERNMENT	123
---	-----

<i>Белюсова М. Н., Здоровец С. О., Алехина А. В.</i> О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ <i>Belousova M., Zdorovets S., Alekhina A.</i> ON THE LEGAL ASPECTS OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN THE LEARNING PROCESS.....	127
---	-----

<i>Беляев К. А.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ГОРОДА КАЗАНИ <i>Belyaev K.</i> INNOVATIVE PROJECTS FOR COUNTERACTING CORRUPTION IN THE LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES OF KAZAN	131
--	-----

<i>Биккинин И. А.</i> ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ <i>Bikkinin I.</i> TELEPHONE FRAUD AND DIGITAL TECHNOLOGIES.....	134
--	-----

<i>Власенко М. Н.</i> ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ <i>Vlasenko M.</i> MAIN PROBLEMS OF IMPLEMENTING DIGITAL TECHNOLOGIES INTO MANAGEMENT SYSTEMS OF ECONOMIC ACTIVITIES: REGIONAL ASPECT.....	137
<i>Грищенко Л. Л.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА <i>Grishchenko L.</i> MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF ENSURING PUBLIC ORDER	142
<i>Дискин Е. И.</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ – НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ СТРАН БРИКС <i>Diskin E.</i> REGULATION OF THE INTERNET PLATFORMS – NEW CHALLENGES FOR THE BRICS COUNTRIES	147
<i>Довгань К. Е.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РАМОЧНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ <i>Dovgan K.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION FRAMEWORK	152
<i>Егоров Г. Г.</i> НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОБОРОТ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИИ <i>Egorov G.</i> THE REGULATORY TURNOVER OF DIGITAL RIGHTS IN RUSSIA.....	154
<i>Иксанов И. С.</i> ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Iksanov I.</i> DIGITAL CITIZENSHIP IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS.....	168
<i>Калинин Г. И.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ <i>Kalinin G.</i> SOME PROBLEMS OF DIGITAL REGULATION OF THE PROVISION OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES.....	172
<i>Камалова Г. Г.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ <i>Katalova G.</i> SOME PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF INFORMATION CONFIDENTIALITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND GEOPOLITICAL RISKS.....	178
<i>Кирпичникова А. В.</i> К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАНИИ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ <i>Kirpichnikova A.</i> ON THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATION AND PUBLIC ADMINISTRATION.....	185

<i>Коврякова Е. В.</i> ВЫБОРЫ И НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЗА РУБЕЖОМ <i>Kovryakova E.</i> ELECTIONS AND NEW INFORMATION TECHNOLOGIES ABROAD.....	190
<i>Кононов В. С.</i> СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ» В КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА <i>Kononov V.</i> THE CONTENT OF THE NOTION OF “LEGAL PERSONALITY OF A PUBLIC AUTHORITY” IN THE CONCEPT OF DIGITAL STATE	194
<i>Кузнецова П. Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДОСТУПНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ <i>Kuznetsova P.</i> PROBLEMS OF INFORMATION AVAILABILITY OF OBTAINING AND EVALUATION OF THE QUALITY OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES.....	212
<i>Кутовая И. Э.</i> ЦИФРОВАЯ ГОТОВНОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ СЛУЖАЩИХ КАК УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ РЕГИОНА В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ <i>Kutovaya I.</i> DIGITAL READINESS OF PUBLIC OFFICIALS AS A CONDITION FOR ADAPTATION OF THE REGION IN THE RUSSIAN SOCIO-ECONOMIC SPACE	219
<i>Кылчыкбаев Т. Э.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ <i>Kylchykbayev T.</i> DIGITALIZATION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE KYRGYZ REPUBLIC.....	223
<i>Лексашов С. Э.</i> ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СРЕДСТВ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ <i>Leksashov S.</i> LEGAL ANALYSIS OF THE USE OF AUTOMATED MEANS OF DETECTING OFFENSES IN THE CUSTOMS SPHERE IN THE UNITED STATES OF AMERICA.....	227
<i>Логинова А. С., Сазанова Я. А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОРЯДКЕ ДОСУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ <i>Loginova A., Sazanova Ya.</i> USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ORDER OF PRE-JUDICIAL APPEAL OF DECISIONS, ACTIONS (IN ACTION) OF THE CUSTOMS AUTHORITIES.....	232
<i>Максименко А. А., Зябликов А. В., Вахрушева А. В.</i> УДАЛИТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ: ЦИФРОВАЯ СИМУЛЯЦИЯ В ОНЛАЙН-ДИАЛОГЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА <i>Maksimenko A., Zyablikov A., Vakhrusheva A.</i> DELETE OR LEAVE: DIGITAL SIMULATION IN THE ONLINE DIALOGUE BETWEEN THE AUTHORITIES AND SOCIETY	239

<i>Мальцев И. В.</i> ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В «ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ» <i>Maltsev I.</i> THE COAT OF ARMS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE “DIGITAL DIMENSION”	242
<i>Недзелюк Т. Г., Франц О. Ю.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ <i>Nedzelyuk T., Frants O.</i> DIGITALIZATION OF THE CONTROL (SUPERVISORY) ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES	246
<i>Нестеренко В. В.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ <i>Nesterenko V.</i> DIGITALIZATION IN ENVIRONMENTAL RELATIONSHIPS: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS.....	250
<i>Перепелица Е. В.</i> ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕТЕВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА <i>Perpelitsa E.</i> LEGAL AND ORGANIZATIONAL PROBLEMS OF NETWORK INTEGRATION OF THE STATE AND SOCIETY	253
<i>Петрова С. В., Ившина А. В.</i> ДИСТАНЦИОННО ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Petrova S., Ivshina A.</i> REMOTE ELECTRONIC VOTING AS AN ELEMENT OF DIGITAL DEMOCRACY IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	260
<i>Савицкая О. Г.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СООБЩЕНИЙ И ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ <i>Savitskaya O.</i> CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF COMMUNICATIONS AND APPEALS OF CITIZENS AND LEGAL ENTITIES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION	263
<i>Селецкий Б. Э.</i> ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНЫЕ ПРОЕКТЫ <i>Seletskiy B.</i> LEGAL MECHANISMS FOR ATTRACTING PRIVATE INVESTMENT IN PUBLIC-PRIVATE PROJECTS.....	280
<i>Сидорова Н. В.</i> ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОКУРАТУРЫ КАЗАХСТАНА <i>Sidorova N.</i> DIGITAL INSTRUMENT PROSECUTOR’S OFFICE OF KAZAKHSTAN	289
<i>Соловьев П. В.</i> ЭЛЕКТРОННЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА <i>Solovyev P.</i> ELECTRONIC SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS AND DIGITAL RIGHTS AND OBLIGATIONS AS A NECESSARY ELEMENT OF A MODERN LEGAL ACT	295

<i>Трипузова А. А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ И РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕАЭС <i>Triputzova A.</i> TOPICAL ISSUES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION AND DEVELOPMENT OF COMPETITION IN CONDITIONS DIGITAL ECONOMY IN THE EAEU.....	299
<i>Петров Д. А., Тюрина А. В.</i> К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОМ МАРКЕТПЛЕЙСЕ И ЕГО ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ <i>Petrov D., Tyurina A.</i> ON A FINANCIAL MARKETPLACE AND ITS LEGAL REGULATION.....	307
<i>Черепанова Т. С.</i> ЦИФРОВОЕГОСУДАРСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА <i>Cherepanova T.</i> DIGITALSTATE: FORMATION OF A NEW CONSTITUTIONAL PRINCIPLE	315
<i>Чумаков В. А., Ниточкин Ф. В.</i> ОБЩЕСТВЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ДИСТАНЦИОННЫМ ЭЛЕКТРОННЫМ ГОЛОСОВАНИЕМ: НА ПУТИ К ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ <i>Chumakov V., Nitochkin F.</i> PUBLIC OBSERVATION OF REMOTE ELECTRONIC VOTING: ON THE WAY TO DIGITAL DEMOCRACY	319
<i>Шаймуллин Р. К.</i> УЧЕТ ОТДЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЛЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ <i>Shaymullin R.</i> ACCOUNT OF INDIVIDUAL CHANGES IN PUBLIC LEGAL RELATIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF DIGITALIZATION TO FIGHT ANTI-CORRUPTION	326
<i>Шарно О. И.</i> ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ <i>Sharno O.</i> RAISING THE ISSUE OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ENVIRONMENTAL EXPERTISE: ENVIRONMENTAL-LEGAL ASPECT.....	330
<i>Шаршун В. А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ <i>Sharshun V.</i> ON CERTAIN ISSUES OF APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PREPARATION OF DRAFT NORMATIVE LEGAL ACTS	335
<i>Шмидт А. А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОСГВАРДИИ ПО ВЫРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ <i>Shmidt A.</i> USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF ROSGVARDIYA ON THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE FIELD OF CIVILIAN ARMS TURNOVER.....	341

Научное издание

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
II Международной научно-практической конференции

22 сентября 2023 г.
г. Казань

В шести томах
Том 1

*Под редакцией И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило,
И. А. Филиповой, А. А. Шутовой*

Главный редактор *Г. Я. Дарчинова*
Редакторы: *Г. А. Тарасова*
Технические редакторы: *О. А. Аймурзаева, С. Р. Каримова*
Дизайн обложки: *Г. И. Загретдинова*

ISBN 978-5-8399-0814-7

Подписано в печать 21.11.2023. Формат 60×84/16.
Гарнитура PT Astra Serif, 9. Усл. печ. л. 20,69. Уч.-изд. л. 25,21.
Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.) Заказ № 96.

Издательство «Познание» Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, 42; тел. (843) 231-92-90; e-mail: zaharova@ieml.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «ТЦО «Таглимат»
420108, г. Казань, ул. Зайцева, 17

